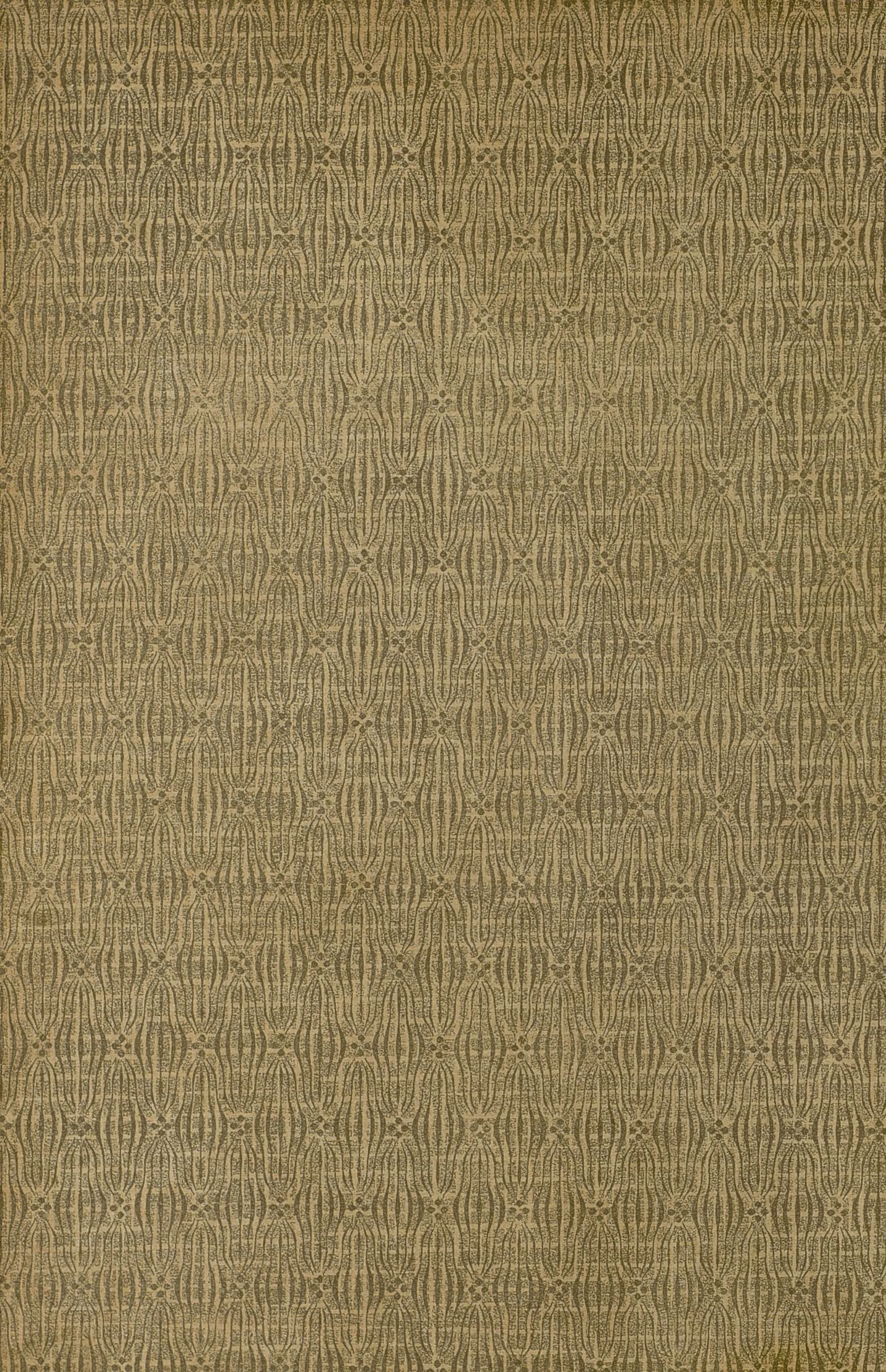
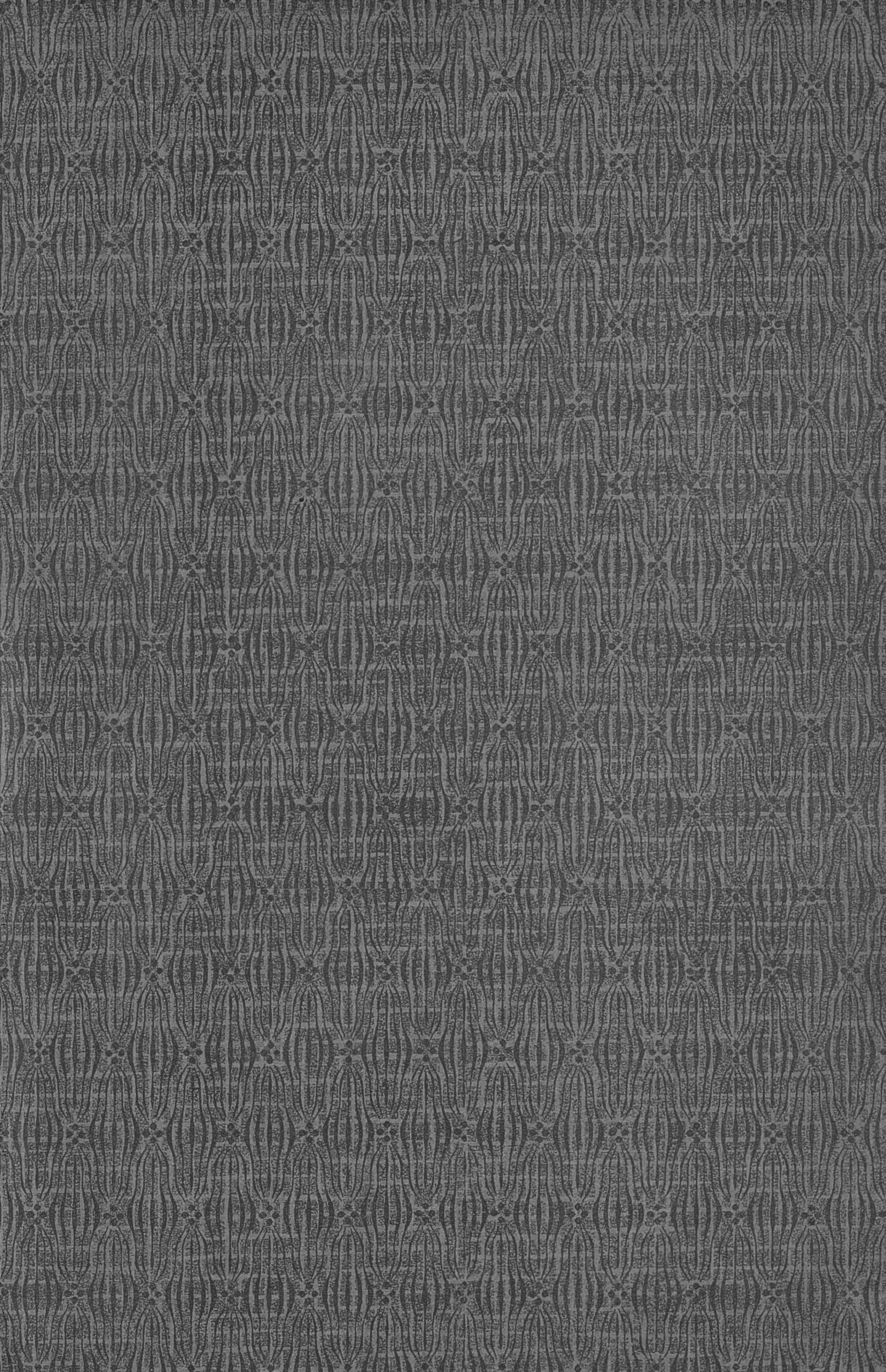

Kb 2/8

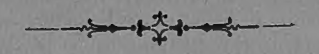

К В 2/8

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXVI, № 1,
изданный подъ редакцiей чл.-сотр. А. П. Семенова.

ЭКСКУРСІЯ
ПО
ВОСТОЧНОЙ ПЕРСІИ.

Н. ЗАРУДНАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1901.

Содержаніе предшествовавшихъ томовъ
„ЗАПИСОКЪ ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ".

Звѣздочкою обозначены изданія, которыхъ больше нѣтъ въ продажѣ.

Т. I, 1867 г., ц. 2 р. — Ладожское озеро и гидрографическія работы, производящіяся на немъ въ настоящее время (съ картами); А. Андреева. — Географическія замѣтки о восточной части Закубанскаго края (1864 г.) (съ картою); І. Стебницкаго. —Объ изслѣдованіи Девдоракскаго ледника въ 1864 г. (съ планомъ); Гр. Хатисіана. — Общій обзоръ страны, лежащей къ западу отъ Заилійскаго края между р. Чу и р. Сыръ-Дарьею (съ картами); Полторацкаго. — Объяснительная записка къ картѣ Киргизской степи; Полторацкаго и Ильина.—Поѣздка въ западную часть Тянь-Шаня (съ геологическою картою и разрѣзами); Н. А. Сѣверцова. — Поѣздка изъ Вѣрнаго на озеро Иссыкъ-куль въ 1856 г.; П. П. Семенова.—Алматы или укрѣпленіе Вѣрное, съ его окрестностями; Н. А. Абрамова.—Рѣка Караталъ, съ ея окрестностями; Н. А. Абрамова.—Городъ Копалъ съ его округомъ въ 1862 г.; Н. А. Абрамова. — Станица Верхлепсинская съ окрестностями, въ 1864 г.; Н. А. Абрамова.—О ходѣ топографическихъ изслѣдованій оз. Балхаша и его прибрежій (съ картою); Бабкова.—Ала-куль (съ картою), А. Голубева. — Путешествіе на оз. Зайсанъ и въ рѣчную область Чернаго Иртыша до оз. Марка-куль и горы Саръ-тау, въ 1863 г.; К. Струве и Г. Потанина.—Зимняя поѣздка на оз. Зайсанъ (1863—64 г.), Г. Потанина.— Поѣздка по восточному Тарбагатою, лѣтомъ 1864 г.; К. Струве и Г. Потанина. — Записка о поѣздкѣ въ китайскій г. Хобдо въ 1863 г. (съ картою); А. Принтца. — Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости, Томской губ., и поѣздка въ ихъ селенія въ 1863 г.; А. Принтца.

Т. II, 1869 г., ц. 2 р. — Изслѣдованія о Кубанской дельтѣ (съ картою) Н. Я. Данилевскаго. — Нѣсколько мыслей о русской географической терминологіи по поводу словъ: лиманъ и ильмень; Н. Я. Данилевскаго.—Извлеченіе изъ письма Н. Я. Данилевскаго, о результатахъ поѣздки его на Манычъ. — По вопросу о предполагаемомъ обмеленіи Азовскаго м.; Гельмерсена. — Туруханскій край; П. Третьякова. — Очеркъ промысловъ Енисейскаго окр., сѣверной и южной системъ (съ картою); Н. В. Латкина.

Т. III, 1873 г., ц. 3 р.—Отчетъ объ Олекминско-Витимской экспедиціи; П. Кропоткина и И. Полякова.

Т. IV, 1871 г., ц. 2 р. 50 к. — Гора Богдо; И. Б. Ауэрбаха и Г. Траутшольда — Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи; Р. Э. Ленца.—Свѣдѣнія о Ходжендскомъ уѣздѣ; А. А. Кушакевича. — Геологическія наблюденія во время Заравшанской экспедиціи; Д. К. Мышенкова.—Объ избороздненныхъ и шлифованныхъ льдомъ валунахъ и утёсахъ, по берегамъ Енисея, къ С. отъ 60° с. ш.; И. А. Лопатина.—Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Маньчжурію въ 1870 г.; архимандрита Палладія. — Отчетъ о работахъ въ экспедиціи къ Мурманскому берегу въ лѣто 1870 г.; барона Майделя.

Т. V, 1875 г., ц. 3 р. — Общій очеркъ орографіи Восточной Сибири; П. Кропоткина. — Матеріалы для орографіи Восточной Сибири; орографическій очеркъ Минусинскаго и Красноярскаго округа Енисейской губ.; П. Кропоткина. — Дневникъ Фань-Шао-Куй'я изъ путешествія на западъ; переводъ П. Попова. — Гипсометрическія и географическія опредѣленія точекъ, основанныя на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ 1868 — 72 г. въ 12 путешествіяхъ по С. Китаю, Монголіи, Манчжуріи, При-амурскому и Уссурійскому краю архим. Палладіемъ, гг. Пржевальскимъ, Ломоносовымъ, Мосинымъ и Фритше: д-ра Фритше. — Матеріалы по географіи Тянь-Шаня, собранные во время путешествія въ 1869 г. барономъ А. В. Каульбарсомъ.—Отчетъ Булунъ-тохойской экспедиціи. Сосновскаго.

Т. VI, вып. 1, 1875 г., ц. 1 р. 50 к. — Распредѣленіе осадковъ въ Россіи; А. И. Воейкова. — Осадки и грозы съ дек. 1870 г. по ноябрь 1871 г. (съ картами и чертежами); А И. Воейкова. — Объ облачности Россіи (съ чертежами); Г. И. Вильда.—Суточный ходъ температуры въ С.-Петербургѣ въ ясные и въ пасмурные дни (съ чертажами); М. А. Рыкачева.—Астрономическія, магнитныя и гипсометрическія наблюденія въ 59 пунктахъ отъ Пекина, черезъ Монголію, Нерчинскій заводъ, Иркутскъ, Барнаулъ, Екатеринбургъ и Пермь до С.-Петербурга (съ картою); д-ра Фритше. — Замѣтка о количествѣ осадковъ въ южной части Крыма; В. Кеппена. — О наблюденіи періодическихъ явленій природы; В. Кеппена. — **Вып. 2, 1882 г., ц. 50 к.** — Поднятіе на воздушномъ шарѣ въ С.-Петербургѣ, 20-го мая 1873 г.; М. А. Рыкачева.

Т. VII, 1876 г., ц. 3 р. съ атласомъ. — Изслѣдованія о ледниковомъ періодѣ; 1) о ледниковыхъ наносахъ въ Финляндіи, 2) объ основаніяхъ гипотезы ледниковаго періода; П. Кропоткина.

MÉMOIRES
DE LA SOCIÉTÉ IMPÉRIALE RUSSE DE GÉOGRAPHIE
GÉOGRAPHIE GENÉRALE.
TOME XXXVI, № 1,
ÉDITÉ SOUS LA RÉDACTION DU MEMBRE COLLOBORATEUR A. de Semenoff.

VOYAGE
EN
PERSE ORIENTALE.

PAR

N. ZARUDNOÏ.

St.-PÉTERSBOURG.
IMPRIMERIE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.
(Vass. Ostr., 9 ligne, № 12).
1901.

К6 2/8

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXVI, № 1,
изданный подъ редакціей чл.-сотр. А. П. Семенова.

ЭКСКУРСІЯ
ПО
ВОСТОЧНОЙ ПЕРСІИ.

Н. ЗАРУДНАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Государственный исторический музей
№ 16894
27-XII-1928
Библио

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

МОДЕСТА НИКОЛАЕВИЧА

БОГДАНОВА

посвящаетъ эту работу

Н. Зарудный.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зоологическая экскурсія, совершонная мною въ 1896 г. по сѣверо-восточной Персіи по порученію Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ [1]) и продолжавшаяся болѣе четырехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я прошелъ 2.000 верстъ пути съ лишнимъ, дала успѣшные результаты. О томъ, какъ мало была извѣстна фауна тогда посѣщенной мною страны, можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что по разработкѣ привезенныхъ коллекцій, только между одними позвоночными оказалось: изъ 140 экземпляровъ рептилій, принадлежавшихъ 30 видамъ, новыхъ 7 видовъ; изъ 8 экземпляровъ и 4 видовъ голыхъ гадовъ — одинъ новый видъ; изъ 50 экземпляровъ и 7 видовъ рыбъ — новыхъ 4 вида и одинъ родъ; между птицами мною была найдена новая саксаульная сойка (Podoces pleskei), ни однимъ изъ орнитологовъ до того не подозрѣвавшаяся, и кромѣ того — нѣсколько новыхъ видоизмѣненій отъ извѣстныхъ видовъ. Эта экскурсія выяснила нѣкоторыя соотношенія между фаунами Иранскаго плоскогорья и южной части Туранской низменности и вмѣстѣ съ тѣмъ указала на неотложную необходимость произвести изслѣдованіе странъ, лежащихъ далѣе къ югу и представляющихъ полную неизвѣстность не только въ зоологическомъ, но во многихъ случаяхъ

1) Маршрутъ ея напечатанъ въ Ежегодникѣ Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, т. I, стр. XVIII—XXI.

также въ чисто-географическомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

Въ виду этого я въ началѣ 1898 г. обратился въ Императорское Русское Географическое Общество съ предложеніемъ поручить мнѣ совершить поѣздку по восточнымъ окраинамъ Персіи до Сеистана и далѣе къ югу, по крайней мѣрѣ до путей, сдѣланныхъ въ 1872 г. въ Персидскомъ Белуджистанѣ извѣстнымъ натуралистомъ Blanford'омъ и майоромъ Oliver B. St. John'омъ [1]). Цѣлью поѣздки я выставлялъ: сборъ зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій, разработка которыхъ могла бы выяснить фаунистическое сходство и различіе между пустынями Ирана и Турана, затѣмъ описаніе странъ, которыя я могъ бы посѣтить, производство метеорологическихъ наблюденій и т. д. Мое предложеніе было принято благосклонно. Общество нашло возможнымъ выдать мнѣ 1.800 руб. и открытый листъ, снабдить инструментами, необходимыми для метеорологическихъ наблюденій и опредѣленія высотъ, а также исходатайствовать командировку на 8 мѣсяцевъ и 10 дней съ сохраненіемъ содержанія, получаемаго мною по мѣсту служенія въ Псковскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.— Такимъ образомъ главный вопросъ для рѣшенія задуманной задачи, именно вопросъ времени и денегъ, рѣшился благопріятнымъ образомъ, и я уже 20 февраля могъ прибыть въ С.-Петербургъ для предварительнаго снаряженія.

Въ качествѣ помощника по препарированію и сбору коллекцій я взялъ изъ Пскова безсрочно отпускного рядового, дворянина Т. Литвинова. Онъ получалъ 20 р. жалованія въ мѣсяцъ и оказался усерднымъ, смѣлымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ. Закончивъ необходимыя дѣла, мы выѣхали изъ С.-Петербурга 28 февраля и, проѣхавъ безъ остановки черезъ Москву, Петровскъ, Баку и Красноводскъ, прибыли 8 марта въ Асхабадъ. Здѣсь, въ хлопотахъ по найму переводчика, пріисканію фургона до Мешеда, разрѣшенію провести оружіе черезъ границу, раз-

1) Eastern Persia, vol. I.

мѣну части денегъ на персидскую монету, пріобрѣтенію пороха и покупкѣ необходимыхъ вещей, было потрачено 5 дней.

Изъ Асхабада мы отправились въ путь 13 марта, а на слѣдующій день перешли границу у Гоуданскаго пограничнаго поста и вступили въ предѣлы персидской территоріи. — Путешествіе по этой послѣдней продолжалось 8 мѣсяцевъ; 15 ноября, пройдя тѣмъ-же Гоуданскимъ постомъ, мы возвратились въ Россію.

Въ своемъ движеніи на югъ мнѣ пришлось ограничиться вышеупомянутымъ minimum'омъ, т. е. пробраться нѣсколько дальше Бампура, гдѣ я связалъ англійскія зоологическія изслѣдованія южной Персіи съ русскими, почти исключительно своими собственными, въ сѣверныхъ и серединныхъ частяхъ восточной полосы этой страны. — Между тѣмъ, согласно своему первоначальному плану, я долженъ былъ пройти до Макранскаго берега и успѣть произвести изслѣдованія въ мѣстностяхъ, еще весьма мало извѣстныхъ, въ которыхъ, судя по нѣкоторымъ неожиданнымъ находкамъ, сдѣланнымъ мною въ Бампурскомъ округѣ, т. е. въ районѣ извѣстныхъ англійскихъ изысканій, можно было ожидать чрезвычайно много любопытнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ принужденъ сократить и обратный маршрутъ, проектировавшійся черезъ центрально-персидскую пустыню. Причина отступленія отъ этого плана зависѣла отъ слѣдующаго обстоятельства. Уѣзжая изъ Петербурга, я имѣлъ въ рукахъ только 1.800 рублей, выданные мнѣ на поѣздку Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Изъ этихъ денегъ весьма значительная сумма была потрачена въ Петербургѣ, Асхабадѣ и Мешедѣ на необходимое снаряженіе, на дорогу, на покупку нѣкоторыхъ вещей для подарковъ и т. д. Что касается до подарковъ, то путешествіе безъ нихъ по Персіи сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Къ тому-же я собирался посѣтить такія мѣста этой страны, гдѣ очень мало знаютъ Россію и никогда не видали русскихъ, гдѣ сравнительно часто бываютъ англичане и гдѣ, слѣдовательно, мнѣ надлежало, насколько это было возможно, поддерживать достоинство своей родины. Что касается

до сохраненнаго, съ Высочайшаго соизволенія, содержанія, причитавшагося мнѣ по мѣсту служенія, то при отъѣздѣ своемъ изъ Пскова я сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ его на мое имя въ Сеистанъ до востребованія. Прибывъ въ Бампурскій округъ, когда эти деньги по моему разсчету уже должны были быть получены, я послалъ за ними дорого стоившаго гонца. Онъ вернулся съ крайне неутѣшительнымъ извѣстіемъ, гласившимъ о томъ, что никакихъ денегъ на мое имя въ Сеистанѣ пока не имѣется.... Какъ оказалось впослѣдствіи, ихъ можно было высылать только помѣсячно, причемъ первая посылка пришла къ мѣсту назначенія лишь въ началѣ сентября. Такимъ образомъ мнѣ оставалось возвращаться изъ Бампура въ Сеистанъ и для движенія на Мешедъ брать въ кредитъ, такъ какъ по пріѣздѣ въ Сеистанъ въ моемъ денежномъ мѣшкѣ уже не было ни одного крана. — По возможности я избѣгалъ идти по старымъ дорогамъ, причемъ путь черезъ среднія части страны Саргадъ оказался крайне продуктивнымъ. Во всякомъ случаѣ сокращеніе маршрута и движеніе невдалекѣ отъ перваго пути, конечно невыгодно отозвавшееся для чисто-географическихъ данныхъ, принесло пользу въ смыслѣ бо̀льшей полноты познанія фауны изслѣдованной мною страны.

Результаты, достигнутые моею поѣздкою, выражаются въ слѣдующемъ.

1. Пройдено по восточной Персіи болѣе 4.000 верстъ, на протяженіи которыхъ дѣлался сборъ зоологическаго матеріала.

Маршрутъ ниже прилагается.

2. Произведены многочисленныя термометрическія, барометрическія и гипсометрическія наблюденія, а также наблюденія надъ степенью влажности воздуха, надъ направленіемъ и силою вѣтровъ.

3. Сдѣлана маршрутно-глазомѣрная съемка страны, лежащей между Сеистаномъ и Бампуромъ, именно той, относительно которой на всѣхъ русскихъ и англійскихъ картахъ царятъ полнѣйшіе хаосъ и путаница.

4. Произведены весьма многочисленныя поправки къ тѣмъже картамъ и еще болѣе многочисленныя къ нимъ дополненія.

Карта, которая мною составлена и которая приложена къ настоящей статьѣ, не имѣетъ претензіи на особенно большую точность. Во всякомъ-же случаѣ она должна быть признана несравненно болѣе точною, чѣмъ всѣ до сихъ поръ существующія для изображаемой ею страны. Разстоянія измѣрялись часами, по скорости хода верблюдовъ или ишаковъ. Въ горахъ, гдѣ правильность шага этихъ животныхъ сильно измѣняется, нерѣдко приходилось прибѣгать къ глазомѣру или просто къ приблизительному исчисленію. Для съемки имѣлись: бусоль Шмакальдера и компасы. Работа производилась слѣдующимъ образомъ: узнавъ первоначальное направленіе нашего пути въ данномъ переходѣ, я дѣлалъ визированіе до пункта его измѣненія, проводилъ въ записной книжкѣ соотвѣтствующую линію, въ концѣ которой записывалъ число показанныхъ бусолью или компасомъ градусовъ и замѣчалъ показаніе часовъ. Достигнувъ до засѣченнаго пункта и высчитавъ число пройденныхъ верстъ, я визировалъ въ новомъ направленіи и поступалъ прежнимъ порядкомъ. По пути засѣкались, бо̀льшею частью компасомъ, различные особенно важные предметы и глазомѣрно рисовались подробности мѣстности. За отсутствіемъ хронометровъ и вообще соотвѣтствующихъ инструментовъ, опредѣленіе долготъ и широтъ не производилось; вслѣдствіе этого мнѣ пришлось подгонять черченіе своей карты къ такимъ значительнымъ мѣстамъ, какъ Насиръ-абадъ въ Сеистанѣ, Бампуръ и т. д., что сдѣлало ее отчасти схематическою и не совсѣмъ согласною съ текстомъ описанія. При пользованіи этимъ послѣднимъ, неточности карты обнаруживаются сами собою и легко исправляются. И при черченіи, и при описаніи немалое вниманіе обращалось мною на сухія русла или водостоки. Опредѣляясь рельефомъ страны, они въ то-же время помогаютъ уясненію такихъ подробностей ея гидро- и орографіи, которыя легко ускользаютъ отъ изслѣдованія и легко получаютъ совершенно ложную оцѣнку. Изученіе этихъ сухихъ руселъ, которыя

несутъ воду только въ дождливое время года или въ періодъ таянія снѣговъ (часто въ теченіе лишь нѣсколькихъ дней и даже часовъ) и изъ которыхъ многія, въ давно прошедшія времена, когда горы вслѣдствіе меньшей степени разрушенія имѣли бо̀льшую абсолютную высоту и осаждали изъ атмосферы бо̀льшее количество осадковъ, были настоящими рѣками, интересно еще въ томъ отношеніи, что они, подобно, именно, рѣкамъ играли и играютъ немаловажную роль въ распространеніи растеній и животныхъ, особенно рыбъ, моллюсковъ и многихъ насѣкомыхъ. — Я счелъ за лучшее обозначать водостоки иною краскою, чѣмъ дѣйствительныя рѣки, т. е. поступилъ обратно тому, что практикуется обыкновенно. Если на картахъ Персіи не наносить ихъ въ видѣ рѣкъ и если обозначать только такія воды, которыя дѣйствуютъ болѣе или менѣе круглый годъ, то зритель получаетъ болѣе правильное представленіе объ ея гидрографіи. Между тѣмъ всѣ существующія донынѣ карты Персіи, благодаря однообразному обозначенію водостоковъ и постоянныхъ водъ, представляютъ эту пустынную и крайне бѣдную водою страну весьма обильно орошенною.

5. Подробно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно разносторонне, описаны почти весь путь и страны, черезъ которыя онъ пролегаетъ. Описаніе это сдѣлано мною часто до мелочности подробно, вслѣдствіе чего оно вышло очень скучнымъ. За то, мнѣ кажется, оно въ лучшей мѣрѣ можетъ помочь дополненіямъ и исправленіямъ существующихъ картъ, опредѣлить степень пригодности дорогъ для колеснаго движенія и представить состояніе мѣстности въ описываемые моменты.

6. Собраны зоологическія коллекціи, по нѣкоторымъ отдѣламъ довольно полно представляющія мѣстную фауну и позволяющія сравнивать ее съ сосѣднею Закаспійскою. Однихъ позвоночныхъ собрано болѣе 2.100 экземпляровъ, именно:

млекопитающихъ	около	60 экз.
птицъ	болѣе 1.200	»

черепахъ	6	экз.
ящерицъ	420	»
змѣй	45	»
амфибій	36	»
рыбъ	355	»

Количество безпозвоночныхъ еще не подсчитано, но на долю насѣкомыхъ должно приходиться не меньше 12.000 экземпляровъ, на долю моллюсковъ—не меньше 1.000 экз. Очень хорошо между прочимъ представлены: скорпіоны, фаланги и многоножки.

Гербарій, который за недостаткомъ времени я собиралъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой тѣ или другія растенія составляли ландшафты проходимыхъ странъ, вмѣстѣ съ небольшимъ минералогическимъ сборомъ и небольшою-же, но весьма цѣнною частью зоологической коллекціи[1]), къ сожалѣнію, погибъ 8 сентября, когда мы заблудились въ пустынѣ и, пробывъ болѣе двухъ сутокъ безъ воды, были весьма близки къ смерти. Два изъ верблюдовъ моего каравана пали, а наличный составъ остальнаго вьючнаго скота, сильно изнуреннаго и ослабѣвшаго до чрезвычайности, былъ недостаточенъ дня поднятія освободившейся клади. Поэтому намъ пришлось спрятать перечисленные предметы съ кое-какими другими вещами съ тѣмъ, чтобы забрать ихъ со временемъ, въ случаѣ нашего спасенія. Когда мы дошли, наконецъ, до воды и населеннаго пункта и я послалъ людей къ мѣсту нашего злополучнаго скитанія, оставленная кладь оказалась частью испорченною, частью расхищенною. Вѣроятно это было сдѣлано белуджскими ворами, которымъ было извѣстно наше критическое положеніе и которые не только слѣдили за нами, но однажды ночью даже попытались угнать нашъ вьючный скотъ.

Собранныя коллекціи въ настоящее время разрабатываются и описываются различными спеціалистами. Книга о птицахъ приготовляется лично мною.

---

1) Въ ней между прочимъ имѣлись шкура и черепъ чернаго белуджскаго медвѣдя и нѣсколько шкуръ (съ черепами) южно-персидскаго кабана.

Въ настоящей работѣ я дѣлаю описаніе своей поѣздки, даю карту страны, лежащей между Сеистаномъ и Бампуромъ и привожу списокъ метеорологическихъ и гипсометрическихъ наблюденій. Въ ея изложеніи этнографическая сторона почти совсѣмъ отсутствуетъ, такъ какъ, преслѣдуя главнымъ образомъ цѣли физико-географическія и зоографическія, я не имѣлъ времени знакомиться съ бытомъ, нравомъ и характеромъ мѣстнаго населенія. Впрочемъ и тотъ, и другой, и третій достаточно извѣстны изъ описаній различныхъ путешественниковъ. За то многое въ моемъ описаніи является новымъ и до сихъ поръ еще бывшимъ неизвѣстнымъ.

Считаю пріятнѣйшею своею обязанностью принести глубочайшую благодарность Императорскому Русскому Географическому Обществу и его Вице-Предсѣдателю члену Государственнаго Совѣта Петру Петровичу Семенову, довѣрившимъ мнѣ эту поѣздку, ближайшему начальнику моему генералъ-лейтенанту Ивану Андреевичу Боголюбову, способствовавшему ей, Императорскому Россійскому генеральному консулу въ Мешедѣ П. Е. Панафидину и его супругѣ Эммѣ Іосифовнѣ за гостепріимство и многочисленныя указанія, бывшія весьма для меня полезными во время пребыванія въ Персіи.

Н. Зарудный.

Псковъ.
2 мая 1899 г.

МАРШРУТЪ.

ХОРАСАНЪ.

14. III. Гоуданскій пограничный постъ, с. Шамхалъ (Самхолъ).

15. III. с. Дуръ-Бадомъ, с. Имамъ-Гуляръ.

16. III. с. Доулетъ-Хана, с. Су-Варанъ, г. Кучанъ.

17. III. с. Миръ-абадъ.

18. III. с. Максудъ-абадъ, с. Масы-Калы.

19. III. с. Новъ-Багаръ, с. Казымъ-абадъ.

20. III. г. Мешедъ.

От Гоуданскаго пограничнаго поста до Мешеда считается 238 верстъ.

21—25. III. г. Мешедъ.

26. III. с. Торокъ (Турухъ) (14 верстъ).

27. III. с. Базъ-Хоузъ-Паинъ (База-Хоузъ-Кала), с. Сенгъ-и-Бэстъ (24 в.).

28. III. с. Гуссейнъ-абадъ (22 в.).

29. III. г. Феримунъ (21 в.).

30. III. с. Календэръ-абадъ (14 в.).

31. III. с. Бярзу (27 в.).

1. IV. с. с. Кяризонъ, Себэкъ-Паинъ, Себэкъ-Бала, Бярзу.

2. IV. с. Гейдеръ-абадъ, с. Хурамъ-абадъ (36 в.).

3. IV. с. Ленгэръ, с. Ангунъ, Джафаръ-абадъ, г. Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ (28 в.).

Страна Бэхарсъ.

(къ ней долженъ принадлежать Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ).

4. IV. с. Курутъ (22 в.).

5. IV. с. с. Гуссейнъ-Бай, Сердаръ-абадъ, Хушкекъ (Хушкякъ) (20 в.).

6. IV. с. Кяризъ (18 в.).

7—10. IV. р. Герри-Рудъ, крѣпость Кяфиръ-Кала и обратно въ Кяризъ (на рѣку вышли около караванъ-сарая Пэшъ-Робатъ (100 в.).

11. IV. с. Тейбадъ, с. Ферманъ-абадъ (11 в.).

Страна Хаштаданъ.

12. IV. с. Кератъ (35 в.).

13—14. IV. »

Страна Хафъ.

15. IV. Ущелье Герри-Шотуръ, разв. Тизъ-бадъ, с. Сенгунъ (35 в.).

16. IV. с. Ніазъ-абадъ (18 в.).

17. IV. с. Биддадинъ, с. Каріунъ, с. Муджнабадъ (19 в.).

Страна Зиркухъ.

18. IV. Хоузъ по дорогѣ къ с. Фендуктъ (15 в.).

19. IV. Разъѣздъ по руслу Бааза и обратно къ Хоузу (44 в.).

20. IV. Хоузъ-Мусафыръ (28 в.).

21. IV. Разъѣздъ по руслу Бааза и обратно къ Хоузу (40 в.).

22. IV. с. с. Фендуктъ, Иранъ, Миръ-абадъ, Пирдъ-абадъ, Исфатъ, Авизъ, Ноу-дехъ (25 в.).

23. IV. с. Аткуль (21 в.), с. Магомедъ-абадъ (8 в.).

24. IV. с. Ахангерунъ (7 в.), дорога къ с. Чарахсъ (12 в.).

25. IV. с. Чарахсъ (16 в.), с. Ахангерунъ (28 в.).

26. IV. с. Гульмирунъ (29 в.).
27. IV. с. Келяте-Маргъ, г. Гезикъ (28 в.).
28. IV. Экскурсія до с. Авазъ и обратно въ Гезикъ (? 30 в.).
29. IV. с. Теббесъ (21 в.).
30. IV. с. Риза (21 в.).
1. V. с. Махуникъ (30 в.).
2. V. с. Багъ-и-Сенгъ, г. Дорохъ (Дурухъ) (24 в.).
3. V. с. Кябадъ ($6\frac{1}{2}$ в.).
4. V. колод. Чахъ-и-Зиру (28 в.).
5. V. колод. Хаджи-ду-Чаги (14 в.).

Страна Нэ-и-Бэнданъ.

6. V. колодцы Чахъ-и-Гюишэ (21 в.).
7. V. 18 верстъ по дорогѣ въ с. Бэнданъ (Бэндунъ).
8. V. с. Бэнданъ (22 в.).
9. V. 32 версты по дорогѣ къ западному Лябъ-и-абъ въ Сеистанѣ.

Сеистанъ.

10. V. Западный Лябъ-и-абъ (заливъ Баренгъ) (32 версты), урочище Кянге-Эйдаръ (6—7 в.).

11. V. с. Авселлабадъ (20—25 в.).

12. V. г. Насиръ-абадъ (Нусретъ-абадъ) (12 в.).

13—29. V. Экскурсіи по нэйзару, къ большимъ озерамъ страны Хокатъ и по прибрежной полосѣ Сеистана отъ устьевъ р. Гильмендъ до с. Авселлабада; равнины Сеистана.

15—20. V. Изъ Насиръ-абада въ с. Адими (13—14 в.). По нэйзару и къ озеру Хамунъ-и-Фарахъ, а затѣмъ въ Адими (80 в.). Изъ Адими въ Насиръ-абадъ (13—14 в.).

22—25. V. Изъ Насиръ-абада въ с. Гязь-и-Баръ (22 в.), отсюда въ с. Доулетъ-абадъ (16 в.) и обратно (16 в.). Къ устью Гильменда и къ Хамунъ-и-Северанъ (18—20 в.); обратно въ Гязь-и-Баръ (18—20 в.); обратно въ Насиръ-абадъ (22 в.).

30. V. Изъ г. Насиръ-абадъ въ с. Авселлабадъ (12 в.).

31. V — 1. VI. Экскурсія по нэйзару и обратно въ Авсел-лабадъ.

2. VI. с. Гюссейнъ-абадъ (южный) (30 в.).

3—4. VI. с. Дехъ-и-Рустемъ (25 в.), западный берегъ заливного ложа Хамуна (15 в.); обратно въ Гюссейнъ-абадъ (40 в.).

5. VI. с. Вермаль (7 в.).

6. VI. Урочище Кендукъ (18 в.).

Сеистанская пустыня.

7. VI. Развалины: Хоуздаръ, Дашукъ, Ааасакъ и Мачи, колодцы Чахъ-и-Ляшкеранъ (24 в.).

8. VI. Колодцы Чахъ-и-Джану (черезъ Тепе-Дервишъ) (15 в.), колодцы Чахъ-и-Кечули (11 в.) и обратно (11 в.).

9. VI. 16 верстъ черезъ Шилэ (протокъ, соединяющій ложе Хамуна съ низиною Гудъ-и-Зирэ) по дорогѣ на ключи Гурмукъ.

КЕРМАНЪ.

Страна Саргадъ.

10. VI. Ключи и мѣсто Гурмукъ (16 в.).

11. VI. » » »

12. VI. Колодезь Чахъ-и-Диванъ, родники Аб(а)шъ-Куштà (21 в.).

13. VI. Урочище Міанъ-Базаръ (16—17 в.).

14. VI. Урочище Дузъ-абъ (17 в.).

15. VI. » »

16. VI. 17 верстъ къ подножіямъ горъ Кухъ-и-Бозъ (Кухъ-и-Бозъ-абъ).

17. VI. Колодцы Мазель-абъ (7 в.).

18. VI. Соленая рѣчка и мѣсто Гарнэ (8 в.).

19. VI. Колодцы Галь-и-Чахъ (17 в.).

20. VI. Колодцы Дакъ-и-До (10 в.), урочище Куринъ (20 в.).

21. VI. Экскурсія по куринскому Нэйзару (18 в.).

22. VI. Урочище Серъ-и-Дженгаль (5 в.), ур. Шаандакъ (12 в.).

23. VI. Урочище Кала-и-Бидъ (14½—15 в.), безводное мѣсто Заптокъ (къ западу отъ колодцевъ Чахъ-и-Ахмедъ) (10 в.).

24. VI. Урочище Подаги (15 в.).

25. VI. 11 верстъ черезъ горы Кухъ-и-Мургакъ на Кухъ-и-Мургакскую долину.

26. VI. Урочище Кухъ-и-Мургакъ (Мургакъ) (10 в.), 10-ти верстный переходъ къ подножіямъ горъ Кухъ-и-Рикешӧль.

27. VI. Урочище Шуръ-абъ (15 в.), 6 верстъ вверхъ по мѣстному ущелью и обратно.

28. VI. 12-ти верстный переходъ по дорогѣ къ г. Базманъ, 10-ти верстный переходъ по той-же дорогѣ.

Страна Худіанъ.

(къ ней долженъ быть отнесенъ переходъ 28. VI).

29. VI. г. Базманъ (13½ в.).

30. VI — 3. VII. Экскурсіи въ сосѣднихъ горахъ и равнинахъ (62 в.).

4. VII. Урочище Кягуръ (7 в. отъ Базмана).

5. VII. 10 верстъ дальше къ большому Тагабскому водостоку, колодцы Чахъ-и-Дорра (Чахъ-и-ду-Ра?, Чахъ-и-Дуръ-Ра?) (12 в.).

6. VI. Урочище Каскинъ (22 в.).

7. VI. Экскурсія вверхъ по мѣстному ущелью (10 в.) и обратно въ Каскинъ (10 в.), 11 верстъ по дорогѣ къ Бампуру (мимо ур. Лябъ-Гязанъ и ур. Будданъ).

Страна Бампуръ.

8. VI. г. Бампуръ (30—28 в.).

9—12. VII. Экскурсіи по Бампурской рѣкѣ (70 в.).

13. VII. г. Фарра (32 в. отъ Бампура; по прямой дорогѣ меньше).

14. VII. »

15—24. VII. Истоки Бампурской рѣки (7 в.). Экскурсіи по этой послѣдней (верхнее и среднее ея теченіе) (88 в.). Въ то-же время однимъ изъ моихъ людей произведенъ разъѣздъ черезъ Синкуранъ и Кухари въ Сербазъ, отсюда на Тангъ, Гихъ, Кучанъ, Сорхи, Пёбъ и Гордоръ въ Фарра.

25. VII. г. Фарра (7 в.).

26. VII. 48 верстъ рѣкою до Бампура.

27—29. VII. Бампуръ.

30. VII. 16 верстъ по дорогѣ въ урочище Каскинъ.

31. VII. Урочище Лябъ-Гязанъ (15 в.).

Страна Худіанъ.

31. VII. Урочище Каскинъ (10 в.).

1. VIII. Колодцы Чахъ-и-Дорра (22 в.).

2. VIII. Урочище Кягуръ (22 в.), г. Базманъ (7 в.).

3—8. VIII. г. Базманъ.

9. VIII. Перевалъ Гуальгиръ ($10\frac{1}{2}$ в.).

10. VIII. Урочище Заганъ (12 в.), мѣсто Пэнджъ-Сара (7 в.).

11. VIII. 12 верстъ черезъ равнину Тагабъ по дорогѣ въ урочище Шуръ-абъ.

Страна Саргадъ.

12. VIII. Урочище Шуръ-абъ (18 в.).

13. VIII. Подножія горъ Кухъ-и-Рикешöль (15 в.).

14. VIII. Урочище Кухъ-и-Мургакъ (10 в.), 7 верстъ по дорогѣ въ Подаги.

15. VIII. Урочище Подаги (14 в.), Хамунъ-и-Джаори (12—15 в.).

16. VIII. 15 верстъ по дорогѣ къ урочищу Хунъ-и-Кака̀.

17. VIII. Урочище Хунъ-и-Кака (15 в.).

18. VIII. Урочище Дехъ-и-Пабидъ (10 в.), мѣсто Биданъ-и-Сардзэ около горъ Кухъ-и-Шотуранъ (8 в.).

19. VIII. Мѣсто Энарикъ (7 в.), перевалъ Бэндыкъ-сія, мѣсто Поштъ-и-Кури, перевалъ Годаръ-зардъ, урочище Зардыки (6—7 верстъ).

20. VIII. Урочище Сія-Ришанъ, ур. Кутюнъ, ур. Кямэ-Зарчанъ, ур. Хазыкъ (18 в.).

21. VIII. 11 верстъ по дорогѣ въ Ляадисъ.

22. VIII. Мѣсто Дехъ-и-Магомедъ, русло Саркагану (18 в.), стоянка у первой воды Таминской рѣчки (2 в.).

23. VIII. 7 верстъ вверхъ по Таминской рѣчкѣ.

24. VIII. с. Таминъ (18 в.).

25. VIII. Подножія потухающаго вулкана Кухъ-и-Туфтанъ (16 в.).

26. VIII. Вершина Кухъ-и-Туфтанъ и обратно въ Таминъ (22 в.).

27. VIII. Внизъ по Таминской рѣчкѣ на 10 верстъ.

28. VIII. Урочище Ляадисъ (19—20 в.).

29. VIII. Перевалъ Годаръ-и-Шуръ (10 в.), урочище Шуръ (5 в.).

30. VIII. Перевалъ Годаръ-и-Сія-кучи, урочище Даре-и-біабунъ (14 в.), урочище Богъ (Бохъ) (7 в.).

31. VIII. Мѣсто Бидъ (4 в.), перевалъ Танкинидамъ (5 в.), Каргарскій водостокъ (9 в.).

1. IX. Урочище Дузъ-абъ (27—30 в.).

2. IX. » »

3. IX. Урочище Міанъ-Базаръ, урочище Аб(а)шъ-Кушта (33—34 в.).

4. IX. Могила Кухъ-Маликъ-и-Сія (9 в.).

5. IX. Колодцы Чахъ-и-Диванъ (4 в.), ключи Гурмукъ (8 в.).

ХОРАСАНЪ.

Сеистанская пустыня.

6. IX. Саксауловый лѣсъ по дорогѣ къ Шилэ (16 в.), развалины Гумбезъ-и-Новаръ (12 в.?).

7. IX. 46 верстъ пути къ сѣверо-востоку.

8. IX. 33 версты пути къ западу и сѣверо-западу, колодцы ($7\frac{1}{2}$ в.).

9. IX. Развалины Хоуздаръ (30 в.).

Сеистанъ.

Урочище Кендукъ (колодцы) (12 в.).

10. IX. с. Вермаль (8 в.).

11. IX. Белуджское стойбище (9 в.).

12. IX. с. Авселлабадъ (35 в.).

13—23. IX. Сѣверо-западныя окраины Сеистана и ихъ нэйзаръ (въ общемъ пройдено не меньше 75 верстъ)

24. IX. Заливъ Баренгъ (20 в.).

25. IX. Его нэйзаръ.

Страна Нэ-и-Бэнданъ.

26. IX. 32 версты по дорогѣ въ с. Бэнданъ.

27. IX. с. Бэнданъ (32 в.).

28. IX. 19 верстъ по дорогѣ къ колодцамъ Чахъ-и-Гюишэ.

29. IX. Колодцы Чахъ-и-Гюишэ (21 в.).

30. IX. Колодцы Хаджи-ду-Чаги (21 в.).

1. X. Колодезь Чахъ-и-Зиру (14 в.).

2. X. Стоянка около колодца Чахъ-и-Иси (по дорогѣ къ Чахъ-и-Бэна) ($32\frac{1}{2}$ в.).

3. X. Колодезь Чахъ-и-Бэна (21 в.), урочище Гоудъ-и-Дагаль-Гюссейнабадъ (7 в.), черезъ перевалъ Годаръ-и-Мишумъ.

4. X. Келяте-Гейноу, развалины Гюссейнъ-абадъ, перевалъ Годаръ-и-Ратюкъ, селеніе Ратюкъ (22 в.).

5. Х. с. Дастъ-Гиртъ (7—8 в.).
6. Х. » »
7. Х. с. Теббесъ (14 в.).
8. Х. г. Гезикъ (21 в.).
9. Х. с. Келяте-Маргъ (14 в.).
10. Х. с. Гульмирунъ (14 в.).
11. Х. Верховья Рудъ-и-Ахангерунъ (16 в.).

Страна Зиркухъ.

12. Х. с. Магомедъ-абадъ (21 в.).
13. Х. с. Бамрудъ (25 в.).
14. Х. 25 верстъ по дорогѣ на с. Муджнабадъ, сѣверною частью Зиркухской пустыни.

Страна Хафъ.

15. Х. с. Муджнабадъ (40 в.).
16. Х. Сухое русло къ сѣверу отъ с. Биддадинъ (? 12 в.).
17. Х. с. Сенгунъ (25 в.).
18. Х. Развалины Тизъ-бадъ (16½ в.).

Страна Хаштаданъ.

19. Х. с. Кератъ (18½ в.).

Страна Бэхарсъ.

20. Х. с. с. Ризà и Мешедъ-Ризà (24 в.).
21. Х. » » »
22. Х. с. Пульбэндъ (14 в.).
23. Х. с. с. Мерденъ-абадъ и Ахангеранъ (17½ в.).
24. Х. г. Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ (28 в.).
25. Х. с. Хаджи-абадъ (21 в.).
26. Х. с. Гейдеръ-абадъ (28 в.).
27. Х. с. Кяризъ-и-Ноу, с. Кята-Шамширъ (31½ в.).
28. Х. с. Календэръ-абадъ, г. Феримунъ (17½ в.).
29. Х. с. Гуссейнъ-абадъ, с. Садъ-абадъ (? 32 в. ?).

30. X. с. Базъ-Хоузъ-Паинъ (14 в.).

31. X. г. Мешедъ (28 в.).

1—9. XI. »

10. XI. 10 верстъ по Кучанской дорогѣ.

11. XI. с. Новъ-Багаръ, с. Сеидъ-абадъ.

12. XI. с. Мейръ-абадъ, г. Кучанъ.

13. XI. с. Су-Варанъ, с. Доулетъ-абадъ, с. Имамъ-Гуляръ.

14. XI. с. Дуръ-Бадомъ, с. Шамхалъ.

15. XI. Гоуданскій пограничный постъ; отъ котораго до Мешеда 238 верстъ.

Изъ Асхабада въ Мешедъ.

Путь изъ Асхабада до Мешеда былъ сдѣланъ нами на фургонѣ[1]) по существующей между этими городами хорошо разработанной дорогѣ. Во всей восточной Персіи эта дорога до сихъ поръ является единственной изъ тѣхъ, по которымъ совершается колесное движеніе. Не буду останавливаться ни на подробностяхъ нашего движенія, не представлявшихъ ничего интереснаго, ни на характерѣ пройденной страны, такъ какъ эта послѣдняя уже много разъ описывалась и извѣстна очень хорошо.

Мы прибыли въ Мешедъ 20 марта, когда зазеленѣли здѣшнія степи, нѣкоторыя деревья стали распускать свои почки и персики приготовлялись зацвѣсти. По сравненію съ Асхабадомъ весна здѣсь запоздала недѣли на полторы или около, что конечно понятно, принимая во вниманіе сравнительно высокое мѣстоположеніе столицы Хорасана.

Тотчасъ по прибытіи въ этотъ городъ я дѣятельно принялся за окончательные сборы. Надлежало сдѣлать необходимыя покупки, приготовить вьюки, размѣнять наши деньги на персидскую монету, пріискать подходящихъ червадаровъ[2]), которые согласились бы идти съ нами на югъ по крайней мѣрѣ до Сеистана и которые должны были имѣть потребное количество иша-

1) Наемъ фургона изъ Асхабада въ Мешедъ, или обратно изъ Мешеда въ Асхабадъ, обходится въ 35—40 руб. Фургонное сообщеніе находится въ рукахъ молоканъ и татаръ.

2) Червадаръ — собственникъ, а также погонщикъ ишаковъ.

ковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ надо было во что бы то ни стало найти другого переводчика, такъ какъ взятый изъ Асхабада оказался никуда негоднымъ, и его слѣдовало отправить обратно. Кромѣ того мнѣ надлежало обождать полученія отъ правителя Хорасана, принца Рукнъ-Удъ-Доулэ соотвѣтствующихъ хукмъ [1]) для рекомендаціи моей личности и для свободнаго проѣзда по этой провинціи. — Наконецъ, 25 марта всѣ дѣла оказались законченными, и на слѣдующій день мы могли начать свое странствованіе.

Караванъ составился изъ пяти человѣкъ: меня, препаратора Литвинова, новаго переводчика и двухъ червадаровъ. Подъемная сила представлялась 13 довольно хорошими ишаками. Переводчикъ [2]) былъ нанятъ за 125 крановъ [3]) помѣсячно; онъ оказался порядочнымъ негодяемъ, но, благодаря хорошему знанію русскаго и персидскаго языковъ, принесъ несомнѣнную пользу; кромѣ того, какъ будетъ видно дальше, за нимъ, вмѣстѣ съ Литвиновымъ, оказалась и очень большая заслуга, безъ которой мы вѣроятно не остались бы въ живыхъ и во всякомъ случаѣ потеряли бы всю собранную до того научную добычу. Червадары жалованья не получали. При моемъ довольствіи они должны были ограничиваться тѣмъ, что заработывали ихъ ишаки, т. е. по крану съ каждой головы въ каждыя сутки; до корма скота я не касался.

Повсюду въ Хорасанѣ ишаки содержатся въ громадномъ числѣ. Преобладаетъ мелкорослая порода. Крупные экземпляры встрѣчаются много рѣже, но въ Мешедѣ ихъ можно достать въ большомъ количествѣ. Особенно хороша порода, извѣстная подъ названіемъ «бэндери»: крупная, сильная, неистомчивая, съ великолѣпнымъ быстрымъ и спокойнымъ ходомъ. Ее приводятъ откуда-то съ юга, кажется изъ Кермана и Фарсистана. Господствующая масть у ишаковъ восточной Персіи — сѣрая (часто съ мышиною, иногда съ красноватою примѣсью) съ черной полосой

---

1) Хукма — нѣчто вродѣ открытаго листа.
2) Бѣглый кавказскій татаринъ, шіитъ.
3) Кранъ приблизительно равняется 20 нашимъ копейкамъ.

вдоль спины и чернымъ ремнемъ поперекъ лопатокъ, бѣлая, сивая и черная (то чисто черная, то съ болѣе или менѣе сильною буроватою примѣсью); морда, концы ногъ и брюхо всегда свѣтлѣе, часто чисто бѣлаго цвѣта; при темныхъ мастяхъ нерѣдко бываютъ бѣлые круги вокругъ глазъ. Среди нѣсколькихъ тысячъ наблюдавшихся мною животныхъ я ни одного раза не видѣлъ настоящихъ пѣгихъ экземпляровъ.

На ишакахъ совершается всякаго рода передвиженіе, перевозка товаровъ, съѣстныхъ припасовъ, углей, дровъ. На нихъ предпринимаются цѣлыя путешествія съ торговыми или паломническими цѣлями, ими поднимаютъ землю, молотятъ зерно и т. д. Словомъ, значеніе этого безотвѣтнаго животнаго по истинѣ громадно. Поднимаетъ ишакъ до 5—6 пудовъ и съ такою тяжестью можетъ проходить въ теченіе долгаго времени по 35—40 верстъ ежедневно, и не только по ровнымъ мѣстамъ, но даже въ такихъ мало доступныхъ горахъ, передъ которыми пасуютъ лошади и мулы, не говоря уже о верблюдахъ. Съ тяжестью въ 5 пудовъ ишакъ легко дѣлаетъ въ часъ около пяти верстъ. Главное продовольствіе составляется подножнымъ кормомъ, относительно котораго наше животное лишь немного разборчивѣе, чѣмъ верблюдъ. При продолжительныхъ путешествіяхъ необходимо однако давать, хотя-бы черезъ день, саманъ (рубленая и мятая солома, остающаяся послѣ вымолота зерна) съ ячменемъ или клеверъ; въ Белуджистанѣ съ успѣхомъ можно возстановлять силы уставшаго животнаго пальми финиками, которые очень дешевы[1]) и питательны.—Вьючныя сѣдла снимаются въ нѣсколько дней только одинъ разъ, когда ишакъ подлежитъ чисткѣ; для этой послѣдней употребляются спеціально устроенныя щетки, по внѣшнему виду напоминающія обыкновенные лавочные счеты. Операція чистки обыкновенно производится въ предвечернюю

1) Въ г. Базманъ я покупалъ ихъ по 5 крановъ за 10 мени-тебризи или батмановъ (въ батманѣ считается $7^1/_4$ русскихъ фунтовъ), т. е. около рубля болѣе чѣмъ за 2 пуда, причемъ надо замѣтить, что съ меня взяли конечно больше, чѣмъ это слѣдовало.

пору; ею сгоняется скопившаяся пыль — эта пятая стихія Персіи, массажируются мускулы и возстановляется неправильность кровеобращенія въ спинѣ. Ишакамъ она доставляетъ величайшее удовольствіе, и они всячески по этому случаю выражаютъ свой восторгъ: ревутъ какъ іерихонскія трубы, взвизгиваютъ, пищатъ, строятъ умильные и блаженные глаза, скалятъ зубы и т. п.

Кожа подъ вьючнымъ сѣдломъ обыкновенно отличается крайнею нѣжностью и легко подвергается разнымъ заболѣваніямъ. Раны и ссадины на спинѣ почти всегда лечатся подъ вьюкомъ, для чего надъ поврежденнымъ мѣстомъ вынимается часть сѣдла.—Цѣна порядочнаго ишака колеблется между 6 и 10 рублями; хорошій цѣнится до 15 рублей, а молодой, рослый, быстроходный «бэндери» отъ 20 и до 40[1]).

Кстати сообщу нѣсколько словъ о мулахъ[2]), услугами которыхъ я однако не пользовался, какъ по сравнительной ихъ дороговизнѣ, такъ и по бо̀льшей нѣжности. Это крѣпкое, неутомимое и выносливое животное, отличающееся силою и неприхотливостью. Шагъ ровный и спокойный: хода̀ и иноходь. Поднимаетъ отъ 6 и до 10 пудовъ, причемъ подъ такимъ вьюкомъ можетъ проходить ежедневно по 50—60 верстъ. Цѣнится высоко: отъ 20 и до 60 рублей. Цѣна животныхъ съ особенно быстрымъ и спокойнымъ аллюромъ и къ тому-же отличающихся красотою нерѣдко поднимается до полутораста рублей и больше. При движеніяхъ на большія разстоянія поденная плата не бываетъ ниже двухъ крановъ. Вслѣдствіе, сравнительно съ ишакомъ, болѣе безпокойнаго и строптиваго характера, мулы въ караванѣ часто составляются въ «китары», которыя представляютъ группы изъ 7 животныхъ, идущихъ гуськомъ и привязанныхъ другъ къ другу шерстяными веревками, иногда цѣпочками, причемъ недоуздокъ передняго прикрѣпляется къ вьюку задняго. Каждая «китара» сопровождается однимъ или двумя погонщиками (катыр-

---

1) Эти цѣны выведены по курсу изъ стоимости тумана (туманъ, томанъ), который въ мое время равнялся двумъ нашимъ рублямъ.

2) У персіянъ — катыръ, катѐръ.

даръ). Подобно лошадямъ, мулы украшаются бубенчиками, колокольчиками, лентами, бусами (преимущественно голубыми), всевозможными амулетами и т. п. Описываемыя животныя представляютъ именно помѣсь между жеребцомъ-ишакомъ и кобылою-лошадью. О лошакахъ, т. е. о помѣси между жеребцомъ и ослицею, я слышалъ какъ объ изрядной рѣдкости.—Господствующія масти: гнѣдая, караковая и бѣлая; пѣгіе экземпляры встрѣчаются очень рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ у мѣстныхъ лошадей; лишь въ довольно рѣдкихъ случаяхъ сохраняется у мула намекъ на ту крестообразную черную отмѣтину, которая такъ часто наблюдается у ишака на хребтѣ и поперекъ лопатокъ.

Путь изъ Мешеда въ г. Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ

(26 марта — 3 апрѣля).

Выйдя изъ *Мешеда*, мы въ первый день проходимъ только до с. *Торокъ* (*Турухъ*), восточнаго; другое с. *Торокъ* находится нѣсколько западнѣе по дорогѣ въ г. *Турбетъ-и-Хейдари*. Пройденная мѣстность представляетъ глинистую равнину, обильно воздѣланную подъ пшеницу, ячмень и макъ; хлѣбà поднялись уже вершка на два. Невоздѣланные участки почвы зеленѣютъ только-что пробившеюся низенькою травою, среди которой пестрѣютъ маленькіе, неприглядные цвѣточки. Деревья садовъ селенія бòльшею частью еще не распускали своихъ почекъ.

Изъ с. *Торокъ* направляемся почти прямо на югъ тою-же культурною равниною, которая уже принимаетъ волнистый характеръ и вскорѣ поднимается въ холмистую мѣстность. Эта послѣдняя съ юго-западной стороны вначалѣ ограничена гранитными холмами, по склонамъ которыхъ въ разныхъ мѣстахъ ярко-зелеными пятнами виднѣются лужайки мягкой кормовой травы. Здѣсь мы покидаемъ ту обширную равнину, по которой спускались отъ г. *Кучанъ* къ *Мешеду* и которая отъ этого послѣдняго,

пріобрѣтая все болѣе и болѣе пересѣченную поверхность, протягивается по теченію *Кешофъ-Рудъ* до *Герри-Рудъ*, и вступаемъ въ холмистую страну, отдѣляющую ее отъ верхнихъ частей равнины, спускающейся отъ г. *Феримунъ* черезъ г. *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ* къ тому-же *Герри-Рудъ*. Вскорѣ дѣлаемъ невысокій перевалъ черезъ гранитный холмистый кряжъ, гдѣ находится могила какого-то шіитскаго святого и откуда, по дорогѣ изъ *Герата*, можно въ первый разъ увидѣть золоченый куполъ мечети Имамъ-Риза. Перевалъ обозначенъ кучами камня и часовенькой, въ стѣну которой вдѣлана металлическая доска съ молитвенными надписями для богомольцевъ, идущихъ на поклоненіе Имаму. Съ высоты перевала на западѣ и юго-западѣ вдали виднѣются высокія горы, еще обильно засыпанныя снѣгомъ. Пройдя мимо довольно большого селенія *Базá-хоузъ-и-калá* (Базъ-хоузъ-пайнъ) и сдѣлавъ еще нѣсколько верстъ, спускаемся въ небольшую и неглубокую долину, по дну которой струится мелководный ручеекъ съ солоноватою, но для питья вполнѣ пригодною водою. Этотъ ручей бѣжитъ къ сѣверу и впадаетъ въ Кешофъ-Рудъ; лѣтомъ его воды, если не изсякаютъ окончательно, то солонѣютъ еще больше, хотя и остаются еще годными для употребленія. Впрочемъ въ здѣшней мѣстности есть нѣсколько кяризовъ[1]) съ хорошею водою, такъ что упоминаемая ручейная вода служитъ лишь полезнымъ водопоемъ для верблюдовъ и рогатаго скота. По сю сторону рѣчки имѣется старинный обширный караванъ-сарай, по ту — распологается мѣсто *Сенгъ-и-Бэстъ*.

Сенгъ-и-Бэстъ обладаетъ собственнымъ кяризомъ и представляетъ небольшое селеніе, довольно хорошій садъ и заброшенный городокъ, обнесенный кирпичной и частью каменной стѣной и окруженный глубокимъ рвомъ. Городокъ основанъ нѣкіимъ *Аязъ-Ханомъ*, въ Хорасанѣ прославленнымъ за великаго мудреца. Около селенія возвышается высокая башня *Милъ-Аязъ-Ханъ*.

---

1) Кяризъ — подземный каналъ, выводящій грунтовую воду на поверхность земли.

Въ настоящее время *Сенгъ-и-Бэстъ* принадлежитъ (собственно находится въ арендномъ содержаніи) одному изъ богатѣйшихъ мешедскихъ купцовъ и населенъ шіитами берберійцами, недавно выселившимися изъ Афганистана вслѣдствіе гоненій и всевозможныхъ притѣсненій со стороны его суннитскаго населенія[1]). Берберй имѣютъ рѣзко выраженный монгольскій типъ: узкіе глаза, широкія скулы, скудную волосную растительность; между ними весьма часто попадаются голубоглазые блондины. Говорятъ на фарситскомъ языкѣ и, какъ мнѣ сообщали, давнымъ давно утратили свой собственный. Любимое ихъ занятіе — скотоводство.

Мѣстность между *База-хоузъ-кала* и *Сенгъ-и-Бэстъ* представляетъ обильно воздѣланную подъ пашни глинистую и глинисто-щебнистую почву, мѣстами съ выступами сѣраго гранита; невоздѣланные ея участки покрыты полынью съ подсѣдомъ изъ нѣжныхъ злаковъ, не имѣющихъ вида сплошного газона, а разсѣянныхъ отдѣльными кустиками. Надо замѣтить, что полынь (по персидски — бутà), почти повсемѣстно въ Персіи растущая въ большомъ изобиліи, конечно въ подходящихъ для нея мѣстностяхъ, служитъ порядочнымъ топливомъ, такъ какъ, будучи вырвана изъ земли, она скоро сохнетъ, да притомъ еще въ каждомъ ея кустикѣ почти всегда имѣются высохшія прошлогоднія вѣтви. Ишачій вьюкъ бутъ̀ въ *Мешедѣ* стоитъ отъ одного и до двухъ крановъ.— Часто по дорогѣ я видѣлъ поля цвѣтущей сурѣпы. Масло, приготовляемое изъ сѣмянъ этого растенія, подъ названіемъ «мендоу», идетъ главнымъ образомъ на смазываніе верблюдовъ послѣ ихъ линьки.

Изъ *Сенгъ-и-Бэстъ* мы направляемся прямо на югъ и выходимъ на волнистую широкую долину, протянувшуюся въ томъже направленіи и постепенно поднимающуюся; съ востока она ограничена невысокими холмистыми цѣпями, мѣстами обнажаю-

---

1) Въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, по справкамъ, мною наведеннымъ, эмигрировало въ Хорасанъ около 12000 берберй.

щими свой гранитный остовъ, съ запада — холмами, разбросанными въ безпорядкѣ и составляющими авангардъ горнаго массива *Сэръ-и-Джамъ.* По выходѣ въ долину идемъ нѣкоторое время вдоль широкаго плоскоберегаго водостока, ширина котораго доходитъ до 400 шаговъ. Онъ склоняется съ запада съ отроговъ еще покрытаго снѣгомъ *Сэръ-и-Джамъ* и около *Сенгъ-и-Бэстъ* соединяется съ долиною его рѣчки. Подойдя къ водостоку, встрѣчаемъ небольшое селеніе *Багиръ-абадъ.* Подвигаясь вверхъ по названной равнинной долинѣ, пройдя мимо с. *Асадъ-абадъ* (? *Гасанъ-абадъ?*) и оставивъ къ востоку с. *Фейзабадъ*, достигаемъ маленькаго с. *Гуссейнъ-абадъ.* По мѣрѣ нашего движенія до сихъ поръ холмы восточной стороны постепенно повышаются и переходятъ въ горныя цѣпи. И горы, и долина имѣютъ унылый однообразный видъ и представляютъ полынную степь съ глинистой и глинисто-щебнистой почвой.

Гуссейнъ-абадъ — маленькое селеніе съ глинобитною крѣпостенкою, причемъ и эта послѣдняя, и домà имѣютъ красноватые цвѣтà вслѣдствіе такого-же цвѣта глины окрестностей. Населеніе составляютъ берберійцы. Имѣется небольшой кяризъ, орошающій скудныя поля. По близости протекаетъ, по направленію къ сѣверу, ручеекъ съ сильно солоноватою водою, высыхающею лѣтомъ; въ настоящее время года для питья она, однако, пригодна.

Около *Гуссейнъ-абада* пройденная нами долина отчасти замыкается поперечнымъ рядомъ холмовъ изъ красноватыхъ песчаниковъ и такихъ-же глинъ. За нимъ разстилается высокая равнина, мѣстами съ красноватымъ цвѣтомъ своей глинистой почвы, съ выступами песчаниковъ и конгломератовъ и съ растительностью, состоящею изъ полыни, среди которой зеленѣетъ подсѣдъ нѣжныхъ злаковъ и изрѣдка красуются цвѣтущія травки. По ней разсѣяны холмы, то одиноко стоящіе, то связывающіеся въ короткія цѣпи. Мѣстность между тѣмъ повышается, и почва становится каменистѣе; полынь начинаетъ разнообразиться кустиками Ephedra, Amygdalus, шарообразными колючими подуш-

ками какого-то растенія изъ гвоздичныхъ. Возвышаются и холмы, которые мѣстами принимаютъ скалистый характеръ. Проходя между ними, мы встрѣчаемъ водостокъ, по руслу котораго (9—12 шаговъ въ ширину) бѣжитъ нѣсколькими струйками совершенно прѣсная вода, въ общемъ направляющаяся къ сѣверозападу и образовавшаяся изъ талаго снѣга въ горахъ *Сэръ-и-Джамъ*. Невдалекѣ отсюда я наткнулся на цѣлое полчище сухопутныхъ черепахъ (Homopus horsfieldi), медленно подвигавшихся куда-то къ сѣверу. Версты черезъ три отъ ручья, пройдя мимо хоуза[1]), въ которомъ вода держится иногда цѣлый годъ, мы выходимъ изъ холмовъ къ углу сліянія двухъ водостоковъ, и передъ нами открывается видъ на обширную равнинообразную долину, о которой я уже упоминалъ, и которая тянется на юго-востокъ до рѣки *Герри-Рудъ*. Верстахъ въ пяти отъ насъ, въ направленіи нашей дороги, виднѣется г. *Феримунъ* съ его садами. Эта равнина начинается сейчасъ-же за холмами, постепенно расширяясь протягивается съ СЗ. на ЮВ. и по ю.-западному своему краю обставлена болѣе высокими горами, чѣмъ по с.-восточному. Небольшая верхняя ея часть, приблизительно отъ Феримуна, имѣетъ покатость къ сѣверу и здѣсь своими водостоками врывается въ пройденную нами холмистую мѣстность.

Феримунъ есть небольшой городъ, расположенный на равнинѣ, ближе къ горамъ с.-восточной стороны. Садовъ мало и они невелики, если не считать большого ханскаго, состоящаго главнымъ образомъ изъ тутовыхъ деревьевъ. Обширныя поля орошаются нѣсколькими кяризами и ручьемъ, бѣгущимъ изъ горъ на юго-западѣ.

Изъ г. *Феримунъ* держимъ свой путь къ с. *Календэръ-абадъ*. Идемъ степью съ чисто-глинистою или глинисто-щебнистою почвою, поросшею полынью, которая разнообразится цѣлыми коврами цвѣтущихъ тюльпановъ; эти послѣдніе растутъ букетами, цвѣ-

1) Хоузъ или Абъ-амбаръ, какъ извѣстно, есть крытыя водохранилища, наполняемыя арычною, дождевою или снѣговою водою.

товъ до 20 въ каждомъ. Переходимъ черезъ нѣсколько водостоковъ, направляющихся къ сѣверо-востоку и уже впадающихъ въ большое русло верховьевъ рѣки Джамъ; въ лѣвой сторонѣ отъ дороги они прорываютъ глубокія, но весьма узкія ложбины; одинъ изъ нихъ, напр., имѣлъ болѣе $2\frac{1}{2}$ саженей глубины при ширинѣ, равнявшейся приблизительно $1\frac{1}{2}$ саженямъ. Верстахъ въ 7—8 за *Феримуномъ* переходимъ черезъ круто-береговое русло, имѣющее до 300 и даже до 400 шаговъ ширины; по дну его несется потокъ снѣговой воды, занимающій въ ширину отъ 12 и до 17 шаговъ. Здѣсь степь становится холмистою, и дорога дѣлаетъ перевалъ черезъ невысокую каменистую цѣпь. Направляясь къ юго-востоку и оканчиваясь немного не доходя до *Календэръ-абада*, эта послѣдняя отрѣзаетъ отъ общей равнины обильно воздѣланный участокъ, по которому проходитъ наша дорога. Съ высоты перевала открывается видъ на высокій горный хребетъ *Кале-Минаръ*, фауна котораго изслѣдовалась мною еще въ 1896 году; верхняя и средняя его области были еще покрыты снѣгомъ. Сдѣлавъ спускъ, мы переходимъ черезъ два плоскоберегихъ водостока, соединяющихся другъ съ другомъ влѣво отъ дороги (второй, главный, имѣетъ въ ширину 150 шаговъ при ширинѣ собственно русла въ 48 шаговъ), и останавливаемся въ одномъ изъ садовъ *Календэръ-абада*.

Календэръ-абадъ большое селеніе, расположенное между двумя высокими каменистыми буграми и орошаемое полноводнымъ ручьемъ, сбѣгающимъ съ хребта *Кале-Минаръ*; этотъ ручей, а также его истоки уже описаны мною въ статьѣ «Экскурсія по сѣверо-восточной Персіи и птицы этой страны». Къ юго-западу отъ Календэръ-абада, подъ ближними горами находится с. *Лёшоу*, а къ юго-востоку: с. с. *Гасанъ-абадъ*, *Насиръ-абадъ* и *Кята-Шамширъ*. Хорошіе сады имѣются только въ *Келендэръ-абадъ*; персики и абрикосы находились уже въ полномъ цвѣту, тутовыя деревья стали распускать свои листовыя почки, листва ивъ развилась до половины своей настоящей величины.

Невдалекѣ отъ с. *Кята-Шамширъ* начинается невысокая горная цѣпь, извѣстная подъ названіемъ *Кутарги*; она направляется къ юго-востоку, оканчивается немного не доходя до с. *Бёрду* и, слѣдуя болѣе или менѣе параллельно главной массѣ горъ, ограничивающихъ на юго-западѣ Феримуно-Турбетскую равнину, отрѣзаетъ отъ нея небольшую, но высокую долину. Юго-западныя горы образуютъ здѣсь три очень высокихъ и на картахъ не обозначенныхъ хребта: *Кале-Минаръ*[1]), *Кухъ-и-Чагерту*, загораживающій его съ востока, и *Кухъ-Зинчъ-и-Бярзу*. Эти хребты въ верхней и средней своихъ областяхъ поросли высокоствольною туею (Thuia orientalis) и древовиднымъ можжевельникомъ, образующими цѣлые лѣса, и пока обильно покрыты снѣгомъ, лежащимъ, особенно на *Зинчъ-и-Бярзу*, сплошными и порою обширными полями. Указанною долиною мы прошли къ с. *Бёрду*, оставивъ большую дорогу къ востоку, за горами *Кутарги*. Перейдя черезъ два русла, мы постепенно поднимаемся по ея степеподобному дну, заросшему полынью и пестрѣющему довольно густымъ подсѣдомъ нѣжныхъ злаковъ, и, верстахъ въ 12—13 отъ *Календэръ-абада*, достигаемъ мало-замѣтнаго перевала. Съ его высоты замѣчаются у предгорій хребта *Кухъ-и-Чагарту* три маленькихъ селенія: *Келяте-Кербалаи-Рамазанъ-Али*, *Келяте-Гасанъ-буль-буль* и *Келяте-Гедамъ-Магомедъ*. За переваломъ переходимъ черезъ цѣлый рядъ водостоковъ, сопровождающихся широкою полосою крупныхъ и мелкихъ округлыхъ камней, которые производятъ впечатлѣніе морены. Вправо отъ дороги замѣчаемъ двѣ маленькихъ келяте, влѣво — подъ горами *Кутарги* — небольшое селеніе. Степь становится холмистою. Дорога пересѣкаетъ два сухихъ русла и между ними прѣсноводный арыкъ, вѣроятно отъ нихъ выведенный гдѣ-нибудь выше, дѣлаетъ довольно крутые перевалы черезъ мѣстами каменистые увалы и, въ 16 верстахъ отъ Календэръ-абада, поднимается на

---

1) Это названіе на картахъ пріурочено къ пункту, приблизительно нанесенному въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится с. *Чагартагау*, на картахъ до сихъ поръ отсутствующее и описанное мною въ вышеупомянутой работѣ.

высокій перевалъ. За нимъ виднѣется холмистая степь, зеленѣющая нивами и мелкою кормовою травою и спускающаяся къ Феримуно-Турбетской равнинѣ. Отсюда же замѣчаю, что мы находимся въ предгорьяхъ окончанія хребта *Кухъ-и-Чагарту* и начала *Кухъ-Зинчъ-и-Бярзу*. Сдѣлавъ еще нѣсколько небольшихъ переваловъ, мы переходимъ черезъ два русла: первое сухое и около него вправо виднѣется какое-то селеніе, второе имѣетъ въ ширину около 400 шаговъ и по своему ложу струитъ мелкую и быстро-текущую воду. Поднявшись на правый крутой берегъ послѣдняго русла, мы прибываемъ въ с. *Бёрду*.

Бёрду или *Бярзу*, въ которомъ я сдѣлалъ дневку съ цѣлью познакомиться съ фауною сосѣднихъ горъ, есть небольшое селеніе, окруженное высокою глиняною стѣною и имѣющее относительно большой садъ съ пышными и высокими дикими кормовыми травами. Орошается арыками, перенятыми изъ только-что упомянутаго ручья. На юго-юго-востокъ отъ него невдалекѣ маленькій поселокъ *Али-абадъ*, затѣмъ с. с. *Каризонъ*, *Келяте-Ага-Магомедъ*, *Кале-и-Ширъ* (120 домовъ и прекрасные сады), *Гассанакъ* (40 домовъ и большіе сады) и ниже этого послѣдняго — *Багъ-и-біабунъ;* вверхъ по ущелью, у котораго находится с. *Каризонъ*, лежатъ два поселка: *Сабэкъ-паинъ* и *Сабэкъ-бала*. Собравъ въ окрестностяхъ *Бярзу* богатую, преимущественно орнитологическую добычу, утромъ 2-го апрѣля я отпустилъ караванъ прямою дорогою къ с. *Хурамъ-абадъ* (черезъ *Абдуллъ-абадъ*), который находится невдалекѣ отъ городка *Ленгеръ* и въ которомъ назначилъ остановку, а самъ пошелъ на *Хейръ-абадъ*, лежащій къ ВЮВ. отъ Бярзу, верстахъ въ 15. На всемъ протяженіи этого пути пришлось идти мѣстностью, почти сплошь занятою полями, частью находившимися подъ паромъ, частью зеленѣвшими нивами (хлѣба поднялись вершка на три). Спускъ отъ *Бярзу* къ *Хейръ-абаду* почти совсѣмъ незамѣтенъ, такъ что вертикальная разница между ихъ мѣстоположеніями является самою незначительною.

Хейръ-абадъ на нѣкоторыхъ картахъ обозначенъ какъ разва-

лины. Въ дѣйствительности же, кромѣ развалинъ, здѣсь существуетъ большая деревня (120 домовъ), обширный садъ и пространныя поля, орошаемыя тремя сильными кяризами. Кромѣ искуственно орошаемыхъ полей (аби) ему принадлежатъ много «деїмъ», т. е. горныхъ полей, орошаемыхъ дождями. Распологается онъ на большой дорогѣ, ведущей изъ *Герата* въ *Мешедъ*, почти посрединѣ (нѣсколько ближе къ *Бярзу*) Феримуно-Турбетской равнины, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 35 верстъ въ ширину. Гератская дорога была оставлена нами подъ Феримуномъ съ тѣмъ, чтобы идти ближе къ горамъ, гдѣ можно было надѣяться на болѣе богатую зоологическую добычу. На возвратномъ нашемъ пути въ Россію мы прошли ею изъ *Хейръ-абада* (иначе Гейдеръ-абадъ) до с. *Кята-Шамширъ*. Отъ этого послѣдняго до Феримуна предпочитаютъ ѣздить уже описаннымъ мною путемъ, болѣе кружнымъ, но и болѣе удобнымъ, чѣмъ низовая дорога, которая будто-бы во многихъ мѣстахъ проходитъ песками. Кстати, чтобы уже не возвращаться къ сейчасъ упомянутому участку, я сообщу о немъ нѣсколько подробностей.

Изъ *Хейръ-абада* въ *Кята-Шамширъ* можно считать $31\frac{1}{2}$ версту. Дорога направляется къ южному окончанію горъ *Кутарги* и, оставивъ у подножія этого хребта одно селеніе и три маленькихъ поселка, проходитъ черезъ селеніе *Кяризъ-и-Ноу* (верстахъ въ 19 отъ *Хейръ-абада*), населенное чистокровными берберй. Отсюда, слѣдуя степеподобными предгорьями *Кутарги*, она переходитъ русло *Бярзу* и дѣлаетъ частые, но даже для верблюдовъ не тяжелые перевалы черезъ холмы; эти послѣдніе, какъ и степь, прилегающая къ нимъ съ востока, покрыты толстымъ слоемъ тяжелаго песка, но безъ присущей пескамъ растительности, которая остается такою-же, какъ въ глинисто-щебнистыхъ предгоріяхъ. На половинѣ разстоянія между *Кяризъ-и-Ноу* и *Кята-Шамширъ*, гдѣ мѣстность снова принимаетъ характеръ волнистой полынной степи, встрѣчается арыкъ, орошающій пашни внизу и вправо отъ дороги. Селеніе *Кята-Шамширъ* со-

стоитъ изъ сотни домовъ и находится въ настоящее время въ арендномъ содержанiи у какого-то бухарскаго купца.

Отъ *Хейръ-абада* до *Хурамъ-абада* около 20 или 21 версты. Дорога проходитъ однообразною, скучною полынною степью, по которой обычный подсѣдъ изъ нѣжныхъ злаковъ мѣстами уже успѣлъ выгорѣть на солнцѣ. Верстахъ въ $2^1/_2$ пути отъ *Хейръ-абада*, влѣво отъ дороги, возвышается бугоръ и развалины *Кале-и-Сурхакъ*. Верстахъ въ 7 дальше, справа, невдалекѣ с. *Насиръ-абадъ*, за которымъ мѣстность покрывается множествомъ бугорковъ, увѣнчанныхъ кустиками полыни, а почва становится солонцеватою, мѣстами представляя большiя и малыя совершенно оголенныя пространства, окруженныя густыми рамками полыни. Черезъ нѣсколько верстъ за *Насиръ-абадомъ* вправо отъ дороги виднѣются развалины большого селенiя. Вскорѣ начинаются нивы хлѣбовъ, поля сурѣпицы (въ одномъ изъ нихъ было не меньше 10 десятинъ) и крохотные огороды, на которыхъ воздѣлывается крупная редиска весьма дурного качества. Оставивъ большую дорогу влѣво, я нахожу тропу и среди полей подхожу къ *Хурамъ-абаду*, въ которомъ уже давно прибывшимъ караваномъ выставленъ для меня сигналъ.

Хурамъ-абадъ представляетъ селенiе въ 30 домовъ, изъ которыхъ 18 принадлежатъ берберамъ, недавно выселившимся изъ Афганистана, а 12 таджикамъ. Садовъ, если не считать нѣсколькихъ тутовыхъ деревъ и рядъ молоденькихъ ивъ, не имѣется. Первоначальное его названiе *Абу-Лянгиртъ* по волѣ одного изъ ленгерскихъ хановъ, которому оно принадлежало, было переименовано въ *Хурамъ-абадъ* по имени давно заброшеннаго селенiя, находящагося нынѣ въ развалинахъ и распологающагося невдалекѣ къ юго-западу. Орошается кяризомъ съ слегка солоноватою водою. Къ сѣверо-западу виднѣются развалины селенiя *Мiанъ-гиртъ*, повидимому тѣ самыя, о которыхъ я упомянулъ, говоря о дорогѣ между *Насиръ-абадомъ* и *Хурамъ-абадомъ*. Почти прямо къ югу отъ этого послѣдняго, у подножiя невысокой холмистой цѣпи, загораживающей подошвы хребта *Кухъ-и-*

Бярзу, въ Фарсангѣ разстоянія распологается с. *Бадъ-и-стунъ* (т. е. мѣсто вѣтровъ). За этою цѣпью находится с. *Самаргавэ* (иногда называемое *Самунъ-Кале*), а еще дальше — с. *Рубинчъ* (иногда *Ривенчъ*, но не Рубинъ, какъ обозначается на нѣкоторыхъ картахъ). — По гератской дорогѣ изъ *Хейръ-абада* къ *Хурамъ-абаду*, у подножія хребта *Кухъ-и-Бярзу* виднѣются: с. *Дузанакъ* (100 домовъ), с. *Абдуллъ-абадъ* (200 домовъ и прекрасные сады), с. *Самсарà* (10 домовъ), с. *Козъ-гавэ* и с. *Шурё*.— Ближайшая высокая горная цѣпь сѣвернаго поднятія мнѣ называлась какъ *Кухъ-и-Далъ* (на картахъ — гора Налъ).

Дорога изъ *Хурамъ-абада* въ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ* по прежнему остается унылою, однообразною и весьма мало оживленною птицами или какими-бы то ни было другими животными. Оставляя съ лѣвой руки бугоръ, красующійся развалинами на своей вершинѣ, и невысокую холмистую цѣпь, разстилающуюся отъ него къ юго-востоку и сквозь свои сѣдловины обнаруживающую постройки городка *Ленгеръ*, мы выходимъ опять на гератскую дорогу и слѣдуемъ невдалекѣ отъ подножій названныхъ возвышенностей. Вскорѣ подходимъ къ небольшому с. *Хаджи-абадъ* (4 версты отъ *Ленгера*, 7 верстъ отъ *Хурамъ-абада*).

Въ *Хаджи-абадѣ* считается 25 домовъ. Орошается собственными тремя кяризами съ хорошею водою. Населеніе составляютъ берберй, караи (таджики, выходцы изъ Турбетъ-Иса-Ханскаго округа) и хафи (таджики, выходцы изъ округа Бала-Хафъ). *Хаджи-абадъ* засѣваетъ около 20 хальваровъ[1]) пшеницы, изъ которыхъ 12 подъ кяризный поливъ (аби), а остальныя подъ естественное орошеніе (деїмъ).

Городокъ *Ленгеръ*, посѣщенный мною на возвратномъ пути въ Россію, 26 октября, когда мы прошли черезъ него прямою

1) Въ посѣщенной мною странѣ два рода хальваровъ, равныхъ другъ другу:

хальваръ-и-тебризи=100 мени-тебризи; мени-тебризи=$7^1/_4$ русск. фунтовъ; хальваръ-и-шаги=50 мени-шаги; мени-шаги=$14^1/_2$ русск. фунтовъ; менъ иначе называется батманомъ или батменомъ.

дорогою изъ *Хаджи-абада* на *Хейръ-абадъ*, имѣетъ около 300 домовъ, порядочные сады и весьма обширные поля. Онъ принадлежитъ къ стариннымъ селеніямъ и изобилуетъ многочисленными развалинами, за нѣкоторыми изъ которыхъ числится не малая степень древности. Орошеніе составляется нѣсколькими кяризами и кромѣ того избыткомъ водъ сосѣднихъ селеній. Населеніе весьма пестрое: таджики, берберѝ, теймурѝ, хезарѐ; есть нѣсколько семействъ изъ племени теймени̇̀. Около распологаются довольно большія селенія: *Махмудъ-абадъ*, *Ангунъ* и *Джафаръ-абадъ*.

За *Хаджи-абадомъ* ленгерская холмистая цѣпь все болѣе и болѣе понижается и наконецъ разбивается на отдѣльные холмы, за которыми желтѣютъ глины береговъ русла *Джамъ*. Вскорѣ эти холмы исчезаютъ совсѣмъ. Открывается просторный видъ къ востоку и сѣверо-востоку на обширную волнистую и холмистую степь, поросшую полынью и вдали загороженную сравнительно высокими горами. Въ разстояніи около 6 верстъ, не доходя до *Турбетъ-Шейхъ-и-Джама*, невдалекѣ отъ дороги и по обѣимъ ея сторонамъ по одному маленькому селенію. Еще черезъ 2—2½ версты вправо отъ дороги небольшія развалины. Уже за нѣсколько верстъ передъ городомъ по окрестной степи разсыпается множество кяризныхъ бугровъ, принадлежащихъ кяризамъ, частью дѣйствующимъ въ настоящее время, частью же такимъ, которые уже давно перестали давать воду.

Городъ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ* описывался уже много разъ, и мнѣ не остается ничего сказать о немъ новаго. Замѣчу только, что онъ изобилуетъ садами, которые однако менѣе пышны, чѣмъ во многихъ менѣе большихъ горныхъ селеніяхъ. Горныя цѣпи, находящіяся къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ города, извѣстны подъ общимъ названіемъ *Кухъ-и-Зурабадъ*; до нихъ считается 6 фарсанговъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть приходится на долю волнистой и холмистой равнины. Къ юго-западу, въ 3¼ фарсангахъ, виднѣется очень высокое мысообразное окончаніе послѣдняго изъ тѣхъ горныхъ хребтовъ, которые съ

юго-западной стороны ограничиваютъ Феримуно-Турбетскую равнину; оно извѣстно подъ названіемъ *Кухъ-и-Бэстъ* и въ верхней своей области еще покрыто снѣгомъ. Къ юго-востоку изъ-за него отходятъ вдаль горныя цѣпи, загораживающія весь южный и юго-западный горизонтъ.

Путь изъ *Мешеда* въ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ* вполнѣ пригоденъ для колеснаго движенія даже при современномъ состояніи дороги.

Отъ г. Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ въ с. Кератъ

(4—12 апрѣля).

Выйдя изъ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джама* по большой гератской дорогѣ, мы оставляемъ ее черезъ нѣсколько верстъ, около маленькой калы̀, служащей для загона скота, и направляемся почти прямо на югъ къ с. *Курутъ*. По мѣрѣ нашего отдаленія отъ города, степь крѣпнетъ и мѣняетъ свою сравнительно мягкую глинистую почву на болѣе твердую, съ большимъ содержаніемъ щебня. Здѣсь она заростаетъ полынью, среди которой въ изобиліи встрѣчаются кустарники (до 3 футовъ въ высоту) какого-то растенія съ круглыми, сочными, темно-зелеными листьями и желтыми цвѣтами, три вида Iris'a, Hultheimia berberifolia, какое-то приземистое желтоцвѣтное зонтичное, а на мѣстахъ особенно сильно щебнистыхъ — приземистые кустики Ephedra; подсѣдъ изъ нѣжныхъ злаковъ во многихъ мѣстахъ пожелтѣлъ и даже выгорѣлъ. По сторонамъ виднѣются черныя палатки иліатскихъ стойбищъ, принадлежащихъ племенамъ Чеаръ-Оймакъ [1]). — Мѣстность постепенно поднимается и вскорѣ образуетъ перевалъ,

1) Чеаръ-Оймакъ (Чагаръ-Оймакъ) населяютъ округа: *Джамъ* и *Бэхарсъ* по лѣвому берегу Герри-Руда и Бакдизъ (въ Афганистанѣ) по правому. Въ ихъ составъ входятъ: Теймурѝ, Таймени̇, Джемшиды и Фирузкуи. Съ Чеаръ-Оймакъ не слѣдуетъ смѣшивать племена берберѝ и хезарѐ. За исключеніемъ берберѝ всѣ остальные исповѣдуютъ суннитизмъ.

обозначенный около нашей дороги грудкою камня. Подъ перевaломъ лежитъ водостокъ, имѣющій около 80 шаговъ въ ширину. Здѣсь степь становится болѣе волнистою; съ одной изъ волнъ ея, верстахъ въ 4, мы видимъ с. *Курутъ*. Передовая изъ тѣхъ цѣпей, которыя, какъ я сказалъ выше, отходятъ изъ-за высокой горы Кухъ-и-Бэстъ, именно та, которая непосредственно съ южной стороны ограничиваетъ равнину *Турбетъ-Шейхъ-и-Джама*, встрѣчается намъ въ 16 верстахъ отъ города, именно тамъ, гдѣ она уже сливается съ поднявшеюся здѣсь степью. Эта цѣпь скрываетъ за собою высокую, сильно холмистую мѣстность и по мѣрѣ своего пониженія оставляетъ видною все лучше и лучше другую цѣпь, подходящую къ нѣсколькимъ новымъ, лежащимъ къ югу отъ с. *Курутъ* и исчезающимъ уже на равнинахъ *Герри-Руда*.

Курутъ представляетъ деревушку въ 10 домовъ. Населеніе — хезарѐ. Орошается небольшимъ кяризомъ съ солоноватою водою. Садовъ не имѣется, пашни скудны, но за то во множествѣ содержится мелкій рогатый скотъ. Къ ССВ. въ разстояніи около $4^1/_2$ — 5 верстъ, находится на большой гератской дорогѣ *Хоузъ-и-Сефидъ*, т. е. бѣлый хоузъ (хоузъ или абъ-амбаръ — крытое водохранилище); жилья около него не имѣется; вода, даже весною, бываетъ не всегда. Холмы, лежащіе въ окрестностяхъ *Курута*, выстроены изъ конгломератовъ и желтыхъ или красноватыхъ глинъ, сильно размытыхъ водою. Между холмами, склоняясь къ востоку, въ глинистомъ, мѣстами крутоберегомъ руслѣ, бѣжитъ ручей съ горько-соленою, для питья негодною, водою; по берегамъ кустики цвѣтущаго, общипаннаго скотомъ тамарикса. Сухіе, каменистые водоскаты между холмами поросли густыми кустами Atraphaxis'а, еще нисколько не позеленѣвшаго, а склоны собственно холмовъ — кустами уже отцвѣтающаго Zygophyllum. Тамъ, гдѣ эти склоны каменисты или щебнисты особенно сильно, на нихъ много кустовъ Amygdalus'а съ розовыми цвѣтами. На этихъ кустахъ во множествѣ живетъ какой-то видъ жука изъ семейства долгоносиковъ,

въ совершенствѣ подражающій ихъ осыпающимся цвѣтамъ, именно въ той стадіи ихъ осыпанія, когда лепестки спали, и на лицо остается легко слетающая, въ основаніи своемъ раздувшаяся отъ развивающейся завязи, трубчатая чашечка и торчащія изъ нея столбикъ плодника и тычинки. Сходство жука съ такимъ цвѣткомъ поистинѣ изумительно. Цвѣтъ ихъ — отъ пурпуроваго до черно-краснаго — одинаковъ; переднегрудь и голова по формѣ одинаковы съ трубочкой чашечки; тонкій, сильно удлиненный хоботокъ — съ столбикомъ плодника; булавовидные сяжки, которые въ спокойномъ состояніи вытягиваются жукомъ впередъ и скрещиваются — тычинкамъ съ ихъ пыльниками; остальныя части туловища — раздувшемуся основанію чашечки. Это сходство въ сильнѣйшей степени увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что подобно легко спадающимъ съ завязи названнымъ частямъ цвѣтка, жукъ такъ-же легко сваливается на землю, гдѣ со скрещенными сяжками и поджатыми ногами лежитъ нѣкоторое время совсѣмъ неподвижно и гдѣ его не сразу найдешь среди осыпавшихся цвѣтовъ. Сваливается онъ не только при непосредственномъ къ нему прикосновеніи, но часто и при простомъ движеніи куста. Съ полнымъ осыпаніемъ цвѣтовъ Amygdalus'а наше насѣкомое, какъ я убѣдился со временемъ, встрѣчается уже рѣдко и вскорѣ исчезаетъ окончательно; вѣроятно его массовое появленіе совпадаетъ съ отцвѣтаніемъ этого кустарника.

Изъ с. *Курутъ* мы дѣлаемъ переходъ въ 20 верстъ до с. *Хушкекъ*. Дорога пересѣкаетъ русло упомянутаго солоноводнаго ручейка и, слѣдуя вдоль подошвы холмовъ, вскорѣ развѣтвляется: лѣвая вѣтвь идетъ къ развалинамъ с. *Аббасъ-абадъ*[1]), лежащимъ отсюда въ юго-восточномъ направленіи на большой гератской дорогѣ и виднымъ на равнинѣ съ при-курутскихъ высотъ, правая — сворачиваетъ прямо на югъ, и по ней мы слѣдуемъ. Названные холмы состоятъ изъ желтыхъ и красноватыхъ древнихъ

1) *Аббасъ-абадъ* покинутъ уже очень давно, вслѣдствіе осолоненія водъ его кяриза.

глинъ, частью обнаженныхъ, частью покрытыхъ мощными пластами конгломератовъ, иногда образующихъ скалы и утесы. Мѣстами глина выдута вѣтромъ или вымыта водою, и глыбы камня, нависая въ воздухѣ, принимаютъ угрожающій видъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ я видѣлъ нѣчто въ родѣ громадныхъ конгломератовыхъ столовъ, имѣвшихъ по нѣскольку квадратныхъ саженей на своей поверхности и державшихся на нѣсколькихъ (въ одномъ случаѣ только на одномъ) непропорціонально малыхъ глиняныхъ столбахъ. Подъ этими древними глинами залегаютъ пласты твердаго сѣраго песчаника, порою выступающаго наружу. Растительность составляется кустиками Zygophyllum, Amygdalus и еще какого-то растенія съ узкими колюче-зазубренными листьями и съ сильною волокнистостью старыхъ вѣтвей (по мѣстному «ка́лгаръ»).

Черезъ нѣсколько верстъ пути мы выходимъ изъ этой холмистой мѣстности, и передъ нашими глазами открывается довольно просторная поперечная долина, протянувшаяся съ запада на юго-востокъ и открывающаяся верстахъ въ 8 отъ насъ на равнины *Герри-Руда*. Дно ея изобильно поросло низкорослымъ цвѣтущимъ тамариксомъ на мягкой глинистой, отчасти солонцеватой, почвѣ и прорѣзано русломъ, въ мѣстѣ черезъ него перехода имѣющимъ около сотни шаговъ въ ширину; по дну русла бѣжитъ неширокою и мелкою струею ручей съ слегка солоноватою водою; это рѣчка *Рудъ-и-Рявазъ*, т. е. рѣка ревеня (ревень называется: «рявазъ», «ривазъ», иногда «рауашъ»), получившая такое названіе вслѣдствіе обилія ревеня въ окрестныхъ мѣстностяхъ. По ту ея сторону находится селеніе *Гуссейнъ-Бай*, лежащее отъ *Хушкекъ* въ разстояніи немного бо̀льшемъ, чѣмъ отъ *Курутъ*. Оно состоитъ изъ 20 домовъ и населено хезаресами, занимающимися главнымъ образомъ разведеніемъ мелкаго рогатаго скота.

Изъ *Гуссейнъ-Бая* идемъ подъ крутымъ правымъ берегомъ долины вдоль кяризнаго ручья, затѣмъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ сворачиваемъ прямо на югъ и, сдѣлавъ подъемъ на высоты берега, выходимъ на волнистую равнину, обрамленную невысо-

кими холмистыми цѣпями, въ западной сторонѣ болѣе значительными, чѣмъ въ восточной, гдѣ въ сторону *Герри-Руда* открывается обширный горизонтъ. Равнина имѣетъ видъ полынной, мѣстами обильно воздѣланной степи. Сдѣлавъ перевалъ черезъ невысокую степеподобную холмистую волну, подходимъ къ селенію *Сардаръ-абадъ*, орошаемому вышеупомянутымъ кяризнымъ ручьемъ; въ немъ живутъ хезаресы, составляющіе десять домовъ. — Слѣдуя тою-же мѣстностью, мы черезъ нѣсколько верстъ пути прибываемъ въ большое селеніе *Хушкекъ* (*Хушкякъ*).

Это селеніе составляетъ центръ управленія всей окружной страны, извѣстной подъ названіемъ *Бэхарсъ* и населенной преимущественно хезаресами. Ея правитель Шуджа-Уль-Мулькъ наслѣдственный, подчиняющійся непосредственно хорасанскому вàли; живетъ въ Мешедѣ, довѣривъ всѣ дѣла по управленію страною своему младшему брату Магомедъ-Риза-Хану. — *Хушкекъ* орошается нѣсколькими собственными кяризами. Садовъ мало и они весьма невелики; деревья (тутъ, ива, гранатъ, джидда) уже въ полной мѣрѣ распустили свою листву, а юрунжа (люцерна), занимающая значительныя пространства, поднялась почти во весь ростъ. Отсюда до Герри-Руда считаютъ 5 фарсанговъ.

Изъ *Хушкека* въ *Кяризъ* (18 верстъ) дорога идетъ полынною степью среди невысокихъ степныхъ холмовъ, между которыми къ востоку виднѣются обширныя равнины Герри-Руда. Почва мягкая глинистая, мѣстами, особенно ближе къ Кяризу, солонцеватая, образующая порою настоящіе солончаки и такыры. Въ нѣсколькихъ верстахъ не доѣзжая этого селенія дорога проходитъ между двумя маленькими поселками: налѣво — *Харзаръ*, направо — *Сярдуу*.

Кяризъ большое, богатое селеніе, но съ незначительными садами. Описывать его я не буду, такъ какъ о немъ имѣются весьма подробныя свѣдѣнія.

Путь, пройденный нами сюда изъ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джама*, вполнѣ пригоденъ для колеснаго движенія въ настоящемъ своемъ состояніи. Онъ даже удобнѣе, чѣмъ большая гератская дорога,

которую мы снова встрѣтили въ *Кяризъ*, такъ какъ по этой послѣдней гораздо меньше подножнаго корма и кромѣ того на всемъ разстояніи отъ собственно города черезъ *Хоузъ-и-Сефидъ* и *Аббасъ-абадъ* до селенія *Мусынъ-абадъ* по ней нигдѣ нѣтъ жилого мѣста, и не всегда, какъ видно изъ предыдущаго, можно найти воду.

По устнымъ свѣдѣніямъ, къ востоку отъ развалинъ *Аббасъ-абада*, въ $2^1/_2$ фарсангахъ не доходя до *Герри-Руда*, есть соленое озеро *Немэксаръ-Коіне*, въ которомъ въ прежнія времена добывалась самосадочная соль; къ западу отъ этого озера, въ фарсангѣ разстоянія, распологается заброшенное селеніе *Чагаръ-Чаршамбэ-Робатъ*.

Въ *Кяризъ* я встрѣтилъ временную колонію русскихъ людей, составлявшихъ одно изъ отдѣленій по наблюденію за ходомъ чумы, и нашелъ радушный пріемъ у завѣдывавшихъ этимъ отдѣленіемъ врача А. М. Архипова и сотника Г. С. Карягина. Радости моей и препаратора Литвинова конечно не было границъ! На слѣдующій день вмѣстѣ съ ними и съ казаками я отправился къ Герри-Руду, чтобы поохотиться на свиней и понаблюдать пролетъ птицъ, который, какъ мнѣ говорилъ А. М. Архиповъ, былъ еще далекъ до окончанія.

Сдѣлавъ около 25 верстъ и пройдя черезъ караванъ-сарай Пешъ-Робатъ, мы остановились въ тамариксовой чащѣ на берегу рѣки. Пройденная мѣстность представляетъ равнину съ мягкою глинистою, мѣстами солонцеватою, почвою, покрытою скудною полынью съ давно уже высохшимъ подсѣдомъ изъ нѣжныхъ злаковъ и изобилующею большими и малыми совершенно оголенными пространствами. По пути я часто наблюдалъ оригинальныхъ бѣгунковъ (Cursorius gallicus) и дрофъ-красотокъ (Otis mac-queeni), слетавшихъ по обыкновенію далеко внѣ выстрѣла.— Долина рѣки, изрѣзанная многочисленными старицами и ериками, густо заросла высокимъ тамариксомъ и кустами разныхъ другихъ растеній. Кое-гдѣ, преимущественно по берегамъ собственно рѣки и наибольшихъ старицъ, попадаются отдѣльныя деревья

и разсѣянныя группы разнолистнаго тополя (Populus diversifolia). Вверхъ по теченію рѣки нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ такихъ густыхъ древесныхъ насажденій, какія до сихъ поръ еще сохраняются въ Закаспійской области на Теджентѣ (нижнее теченіе Герри-Руда) между Серахсомъ и Кара-Бэндомъ. Впрочемъ около Афганской крѣпости *Кефыръ-Кала* имѣется большой и густой лѣсъ. — Рѣка поднялась почти въ уровень съ берегами; теченіе было очень сильное, бурливое; вода мутная, бурая какъ кофе. Почва заливной долины бòльшею частью сильно-солонцеватая, мѣстами рыхлая, золисто-пыльная. Многіе изъ мѣстныхъ ериковъ, старичекъ и болотъ, которыхъ лишь недавно коснулись разливы рѣки, имѣли сильно солонцеватую воду. — Пролетъ птицъ находился въ большомъ оживленіи, но перечисленіе всѣхъ наблюдавшихся здѣсь видовъ завело бы меня слишкомъ далеко изъ рамокъ этой статьи, и потому я сообщу о нихъ въ спеціальной работѣ, которая будетъ трактовать объ орнитологіи Восточной Персіи. — Пройдя вверхъ по Герри-Руду до *Кефыръ-Кала*, мы старою дорогою вернулись въ *Кяризъ*, сдѣлавъ въ общемъ около сотни верстъ.

Отъ с. Кяризъ до с. Кератъ

(11 — 14 апрѣля).

Изъ *Кяриза* выходимъ на супесчаную волнистую степь, покрытую полынью и изобильно поросшую Ferula sp. (ангуссё) и, сдѣлавъ перевалъ черезъ плоскую холмистую цѣпь, спускаемся къ солонцу, около котораго находимъ сухое, сильно солонцеватое русло небольшой рѣчки *Мургъ-абъ*, выбѣгающей на равнины *Герри-Руда*, и арыкъ съ зеленѣющими вдоль него ивовыми деревцами. За рѣчкой почва представляетъ грубый песокъ, насланный на супесчаный и суглинистый грунтъ. Вскорѣ дѣлаемъ новый перевалъ черезъ еще болѣе низкую степную волну и, пройдя черезъ очень большое селеніе съ многочисленными садами —

Тейбадъ,— до котораго отъ Кяриза 9 верстъ, проходимъ еще двѣ версты и останавливаемся въ с. *Ферменъ-абадъ*; оно жалкое на видъ, небольшое, съ тщедушными садами; орошается, какъ и *Тейбадъ*, кяризами съ хорошею водою. Окрестности крайне пустынныя, и экскурсія, предпринятая мною по нимъ, дала ничтожные результаты.

Дорога въ с. *Кератъ*, до котораго можно считать около 35 верстъ, идетъ степною равниною, прямо на югъ, къ холмистой цѣпи, которая протянулась съ ВЮВ. на ЗСЗ. Эта цѣпь понижается въ западную сторону и сливается съ поднимающеюся здѣсь степью. Въ мѣстѣ перевала холмы имѣютъ степной видъ, но къ востоку быстро повышаются, становятся скалистыми и принимаютъ характеръ настоящихъ горъ; эти послѣднія составляютъ одинъ изъ отроговъ того горнаго массива, который съ сѣвера и востока ограничиваетъ котловину *Хаштаданъ*. Дорога отъ перевала и до с. *Кератъ*, немного далѣе чѣмъ на 20 верстъ, тянется поперечною равниною, спускающеюся къ востоку и юго-востоку. Вскорѣ за холмами мы переходимъ водостокъ, но черезъ нѣсколько верстъ пути снова встрѣчаемъ его и нѣкоторое время слѣдуемъ вдоль праваго его берега. Почва равнины супесчаная и суглинистая въ низкихъ частяхъ, хрящеватая и щебнистая въ высокихъ: подъ холмистою цѣпью и ближе къ *Керату*. Растительность составляется приземистою полынью, Hultheimia berberifolia, Ferula; часто встрѣчаются большія (шаговъ до 700 въ ширину) площади, поросшія исключительно нѣжными злаками, которые могутъ служить хорошимъ подножнымъ кормомъ для лошадей; раннею весною эти площади должны быть очень красивы своею зеленью, теперь-же онѣ представляютъ лишь ярко-желтыя пятна на общемъ сѣро-буромъ фонѣ скучной полынной степи.

Кератъ находится у подножія подгорныхъ возвышенностей хребта *Кухъ-и-Кератъ* и около хорошо выработаннаго водостока, сбѣгающаго съ перевала по дорогѣ въ с. *Сенгунъ* и направляющагося къ сѣверо-востоку въ глубокія части котловины *Хашта-*

данъ, гдѣ въ 4—5 фарсангахъ отъ селенія бѣлѣетъ большой солончакъ (кевиръ), невдалекѣ отъ поселка *Шуръ-абъ*. Кератскій хребетъ составляетъ часть той полосы горъ, которая, ограничивая съ сѣверо-восточной стороны равнины областей: *Хафъ*, *Махвелатъ* и *Дженгель*, тянется отъ *Герата* къ *Турбетъ-и-Хейдари* (*Турбетъ-Иса-Ханъ*) и далѣе на сѣверо-западъ къ системѣ горъ Эльбурсъ. *Кератъ* представляетъ селеніе въ 20 домовъ, обнесенное по обыкновенію глинобитною стѣною и окруженное рвомъ. Орошается сильнымъ кяризомъ, выведеннымъ изъ ближайшихъ горъ въ обсаженный развѣсистыми ивами прудъ, изъ котораго вода и расходуется по мѣрѣ надобности; она холодная, прозрачная, прекрасная на вкусъ. Въ селеніи имѣется два довольно большихъ сада, состоящихъ главнымъ образомъ изъ тутовыхъ деревьевъ. Его достопримѣчательность составляютъ старинныя развалины и древняя высокая башня, одиноко поднимающаяся на бугрѣ; она состоитъ изъ двухъ стоящихъ одна на другой колоннъ, изъ которыхъ верхняя значительно у̀же нижней; обѣ колонны скосились подъ весьма замѣтнымъ угломъ; сложена изъ камня и жженаго кирпича; внутри имѣется спиральная лѣстница, ведущая на вершину и состоящая изъ 97 высокихъ ступеней.

Невдалекѣ отъ *Керата*, почти прямо на югъ, виднѣется селеніе *Рахнэ̀*. Въ одномъ фарсангѣ отъ с. *Феризнэ* (къ юго-востоку отъ *Керата*) въ юго-восточномъ направленіи лежитъ с. *Чахъ-Кале*. Прямо на сѣверѣ, вдали, темнымъ, высокимъ мысомъ обращаетъ на себя вниманіе вышеупомянутая гора *Кухъ-и-Бэстъ*, значительно поднимающаяся надъ всѣми видными отсюда высотами. На востокѣ возвышается гора *Сенгъ-и-Дохтеръ*,—наивысшая точка хребта *Кухъ-и-Хаштаданъ*. Ближе чѣмъ эта послѣдняя, въ томъ-же хребтѣ и въ юго-восточномъ направленіи поднимается скалистая двухвершинная гора *Робатъ-Туркѝ*, до которой мнѣ высчитывали 6 фарсанговъ съ лишнимъ. Видимая изъ *Керата* на ЮЮВ. оконечность хребта *Кухъ-и-Кератъ* называется *Кухъ-и-Серханъ*.

Въ *Keратѣ*, вопреки намѣченному мною маршруту, намъ пришлось совершенно неожиданно пробыть цѣлыхъ три дня, и вотъ по какому случаю. По пути сюда изъ *Кяриза* я увидѣлъ орла (Aquila fulva), сидѣвшаго на вершинѣ бугра. Мнѣ удалось подползти къ нему и выстрѣломъ перебить крыло. Догнавъ побѣжавшую птицу, я схватилъ ее, причемъ когтемъ одного изъ своихъ заднихъ пальцевъ она распорола мнѣ ладонь правой руки отъ сустава и до основанія указательнаго пальца; рана не только обнажила на всемъ своемъ протяженіи подкожный жиръ, но и обнаружила сухожилья пальцевъ. Съ собою у меня не было подходящихъ перевязочныхъ средствъ, и вотъ пришлось посылать за ними въ Кяризъ. А. М. Архиповъ былъ настолько любезенъ, что самъ пріѣхалъ ко мнѣ на слѣдующій день, сдѣлалъ перевязку и снабдилъ тѣми лекарствами, которыя были нужны. Только черезъ мѣсяцъ рука моя поправилась настолько, что я могъ ею свободно работать. Время, проведенное мною въ *Keратѣ*, не было потеряно безполезно, и я дѣятельно собиралъ зоологическую добычу. Въ числѣ разныхъ другихъ любопытныхъ животныхъ мнѣ удалось добыть оригинальное насѣкомое, ни до того, ни послѣ уже не наблюдавшееся: оно напоминаетъ медвѣдку (Gryllotalpa) и, повидимому, подражаетъ сороконожкѣ, съ которою имѣетъ нѣкоторое сходство; тѣло его длинное, плоское, желтое; бѣгаетъ задомъ напередъ, причемъ придатки на концѣ брюшка совершенно походятъ на сяжки и ротовыя щупальца сороконожки.

Изъ с. Кератъ въ с. Ахангерунъ въ странѣ Зиркухъ
(15 — 25 апрѣля).

Изъ *Kерата* мы дѣлаемъ переходъ въ с. *Сенгунъ* (35 верстъ). Дорога идетъ вверхъ по мѣстному водостоку, идущему въ долинѣ среди возвышенностей, имѣющихъ видъ горной степи; кератскій кяризъ оставляемъ съ правой стороны (онъ выведенъ съ лѣвыхъ

береговъ долины). Версты черезъ четыре пути на днѣ водостока показывается вода: это маленькій ручеекъ съ слегка солоноватою водою, возникающій невдалекѣ отсюда и здѣсь теряющійся въ руслѣ. Еще до этого мѣста дно водостока поростаетъ довольно высокимъ тамариксомъ, среди котораго тамъ и сямъ поднимаются одинокія полузасохшія ивы. Истоки ручейка я нахожу верстахъ въ двухъ выше въ видѣ нѣсколькихъ родниковъ, бьющихъ изъ темно-зеленой лужайки, какъ-бы брошенной на склонъ крутого, но невысокаго, почти совсѣмъ обнаженнаго холма. Водостокъ приводитъ насъ къ высокому, но мало замѣтному подъему, по которому онъ вьется среди глинистыхъ холмовъ, усыпанныхъ щебнемъ и изобильно поросшихъ приземистыми кустиками нѣсколькихъ видовъ горныхъ растеній. Наконецъ онъ сильно стѣсняется относительно весьма невысокими холмами, образующими узкій проходъ, извѣстный подъ названіемъ *Герри-Шотуръ*, т. е. верблюжье горло, и въ немъ исчезаетъ. *Герри-Шотуръ* выводитъ насъ на перевалъ (13—14 верстъ отъ *Керата*) черезъ тотъ хребетъ, который отдѣляетъ котловину *Хаштаданъ* отъ болѣе глубокой впадины *Немексаръ*. Перевалъ представляетъ высокую холмистую степь среди безплодныхъ обнаженныхъ горъ, находящихся въ сильнѣйшей степени разрушенія. Съ высоты его прямо на западѣ виднѣется высокій хребетъ *Кухъ-и-Руй*, а на юго-западѣ, уже по ту сторону Зиркухской пустыни, сквозь дымку воздуха просвѣчиваетъ темной синевой высокій горный массивъ *Кухъ-и-Хаджи*. Съ перевала начинается водостокъ, по скату котораго мы и спускаемся. По обѣимъ сторонамъ дороги возвышаются горныя цѣпи — пустынныя и разрушенныя. За ближайшею цѣпью въ 2—2½ верстахъ вправо отъ дороги и верстахъ въ 3 отъ перевала есть родникъ съ холодною и вкусною водою. Сквозь прорывы между этими холмами виднѣются не только равнины страны *Хафъ*, но и тѣ площади, которыя разстилаются къ соленому озеру *Немекъ-саръ*. Вскорѣ мы подходимъ къ одинокому плоскому рыхло-глинистому бугру, на поверхности мѣстами золистому, съ южной стороны котораго находится роща

изъ 30 великолѣпныхъ, старыхъ и тѣнистыхъ сосенъ особливаго вида и распологаются развалины небольшаго селенія *Тизъ-бадъ* (частый вѣтеръ). Этотъ бугоръ съ боковъ, а мѣстами и по верхней плоской своей поверхности сочится многочисленными родниками среди низкорослой, жесткой куги и мягкой зеленой травки, которая составляетъ нѣчто необычайное среди здѣшней окрестной пустыни и на которой съ неизъяснимымъ удовольствіемъ останавливаются утомленные глаза. Подобный-же одинокій глинистый бугоръ, но только съ меньшею степенью водоносности, былъ найденъ мною въ 1896 г. около с. *Гермоу* близь средняго теченія рѣчки *Рудъ-и-Нимбулукъ* [1]). Такія образованія, въ видѣ одинокихъ плосковерхихъ бугровъ, глинистыхъ сопокъ, намывовъ гдѣ-нибудь на горномъ склонѣ или у подошвы горы, иногда на каменистомъ руслѣ водостока, сопровождаютъ родники или источники и въ громадномъ большинствѣ случаевъ свидѣтельствуютъ о близости грунтовой воды. Вѣроятно эти образованія обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію той-же воды, которая въ теченіе продолжительнаго времени выносила глину изъ нѣдръ земли и осаждала ее на поверхности.—Вода Тизъ-бадскаго бугра довольно холодная, прѣсная и вкусная. Его родники собираются въ арыкъ, который соединяется съ кяризнымъ ручьемъ, выведеннымъ изъ этого-же бугра и направляющимся къ селенію *Сенгунъ*.

Тизъ-бадъ лежитъ почти на половинѣ дороги между с. *Кератъ* и с. *Сенгунъ*. Около него дорога развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ въ городъ *Хафъ* (*Руй*), другая—въ *Сенгунъ*; по этой послѣдней пролегаетъ нашъ путь. Онъ проходитъ каменистою и глинисто-песчаною степью, усыпанною камнемъ, поросшею полынью, кустиками Ephedra и другихъ растеній и пересѣченною множествомъ широкихъ, но плоскоберегихъ водостоковъ, которые уже издали обозначаются пышными кустами Atraphaxis'a, начавшими распускать свою листву. На кяризныхъ обнаженіяхъ около

---

1) Н. Зарудный, Экскурсія по Сѣверо-Восточной Персіи и птицы этой страны.

Сенгуна видно, что хрящеватая и щебнистая почва описываемой равнины залегаетъ пластомъ до одного и даже до полутора аршинъ въ толщину на древней чистой глинѣ. Всѣ водостоки склоняются къ юго-востоку. — На половинѣ дороги изъ *Тизъ-бадъ* въ *Сенгунъ* съ правой ея стороны замѣчается развалившійся хоузъ, а съ лѣвой, въ нѣсколькихъ верстахъ, — маленькое селеніе *Келяте-и-Келю*.

Сенгунъ принадлежитъ къ большимъ селеніямъ страны *Хафъ*: въ немъ считается до 400 домовъ. Сады велики, густы и тѣнисты. Въ нихъ очень много сосновыхъ деревьевъ, которыя въ *Хафѣ* вообще пользуются большимъ распространеніемъ, хотя нигдѣ не встрѣчаются въ дикомъ состояніи. Ихъ много и въ городѣ *Руй*, и въ обширномъ селеніи *Нештефунъ* (въ одномъ фарсангѣ отъ Сенгуна), и въ селеніи *Биръ-абадъ*, и во многихъ другихъ селеніяхъ и келяте. Орошается нѣсколькими кяризами съ хорошею водою; одинъ изъ нихъ, какъ сказано выше, приведенъ изъ *Тизъ-бадъ*. Имѣется въ немъ также цѣлый рядъ абъ-амбаровъ, въ которыхъ такъ много рыбы (Capoeta sp.?), что ее можно вычерпывать цѣлыми пудами прямо ведромъ; на вкусъ она оставляетъ желать много лучшаго.

Съ солнечнымъ восходомъ 16 апрѣля надъ *Сенгуномъ* стоитъ сплошной плачущій хохотъ: то воркуютъ многочисленныя въ немъ горлички (Peristera cambayensis). Мы быстро вьючимъ свой караванъ и дѣлаемъ переходъ въ с. Ніазъ-абадъ, лежащее при устьѣ равнины *Хафа*, въ 18 верстахъ отъ *Сенгуна*, уже на Немексарской низинѣ. — Дорога идетъ высокою пустынною степью съ каменистою почвою, поросшею чахлыми кустиками различныхъ горныхъ растеній и постепенно понижающеюся. Верстахъ въ 3—3½ встрѣчаемъ хоузъ съ небольшимъ количествомъ прекрасной холодной воды. За нимъ степь становится болѣе мягкою, щебень мельчаетъ, горныя растенія исчезаютъ, и остается лишь полынь, да по водостокамъ — уже изрядно позеленѣвшія заросли Atraphaxis'а. Пустынно, тихо, непривѣтливо и тоскливо вокругъ. Вдали замѣчаю какія-то желтыя фигуры, и бинокль открываетъ

въ нихъ кулановъ (Equus hemionus); ихъ пятеро: трое стоятъ неподвижно и смотрятъ въ мою сторону, двое лягаются, и при ударахъ копытами пыль несется съ ихъ боковъ. — На 13-й верстѣ минуемъ хоузъ безъ воды и подходимъ къ короткой холмистой цѣпи, направляющейся съ сѣверо-востока на юго-западъ и брошенной на широкую степную волну; она безжизненна, выгорѣла на солнцѣ и мѣстами обнажила дикій камень своего остова. Пройдя мимо ея юго-западнаго окончанія, мы находимъ третій хоузъ большой величины и обильно наполненный отличною холодною водою. Невдалекѣ отсюда виднѣются глиняное укрѣпленіе с. *Ніазъ-абадъ* и его постройки. Не видно никакой зелени, — кругомъ почти совсѣмъ обнаженная щебнистая почва, и удивляешься возможности жить въ подобной мѣстности; но нѣсколько сотъ саженей впередъ — и передъ глазами, подъ небольшимъ спускомъ, неожиданно открывается оазисъ: обширныя зеленыя поля и небольшіе сады, свѣжіе и манящіе подъ свою тѣнь и прохладу.

Въ с. *Ніазъ-абадъ* считается 65 домовъ. Жители называютъ себя таджиками и бо̀льшею частью принадлежатъ къ суннитамъ. Орошается 6 кяризами, имѣющими солоноватый вкусъ своихъ водъ, но изъ мѣстныхъ хоузовъ въ теченіе цѣлаго лѣта можно получать совершенно прѣсную воду. Хлѣбъ почти весь уже выколосился, а на нѣкоторыхъ поляхъ онъ начинаетъ даже наливаться; тутовникъ (Morus alba) развилъ крупныя ягоды, а джидда (Eleagnus hortensis) находится въ полномъ цвѣту и далеко распространяетъ свой пріятный пряный ароматъ. — Снѣгъ выпадаетъ зимою нерѣдко, иногда слоемъ въ одну и даже въ двѣ четверти, но долго не держится и обыкновенно стаиваетъ черезъ нѣсколько дней. Благодаря супесчаной почвѣ окрестностей здѣсь не бываетъ много грязи во время дождей, какъ не бываетъ ее почти нигдѣ по дорогѣ сюда изъ *Керата* черезъ *Сенгунъ*.

Изъ с. *Ніазъ-абадъ* мы дѣлаемъ переходъ въ с. *Муджнабадъ*, до котораго около 19 верстъ. Дорога направляется къ юго-за-

паду, твердою супесчаною почвою, оставляя съ правой руки рѣзко очерченный край возвышенной каменистой равнины, идущей къ *Сенгуну*. Слѣва невдалекѣ виднѣется группа бугровъ; на одномъ изъ нихъ по склону, къ намъ обращенному, замѣчается глинобитное прямоугольное загражденіе, спускающееся до его основанія; оно служитъ для загона скота. Съ той-же стороны возвышается невысокая холмистая цѣпь, образующая обнаженія своего остова и плоской дугой подходящая къ нашей дорогѣ, которая дѣлаетъ перевалъ черезъ ея западное окончаніе (верстахъ въ 3 отъ с. *Ніазъ-абадъ*). Передъ переваломъ, между упомянутыми каменистою степью и холмистою цѣпью, тучныя, обширныя поля выколосившихся и красующихся пшеницы и ячменя. Они орошаются полноводнымъ кяризомъ, выведеннымъ со стороны края высокой степи; вода въ немъ замѣтно солоноватая. — Оглашая окрестности громкими криками, летятъ сюда на утренній водопой степные рябки, между которыми по своей численности первое мѣсто занимаетъ Pterocles coronatus, не встрѣчающійся нигдѣ въ Туранской низменности. — За переваломъ рядъ плоскоберегихъ, сливающихся и смѣшивающихся другъ съ другомъ водостоковъ, по которымъ, какъ видно, еще недавно бѣжала вода. За ними, переваливъ черезъ плосковершинный глинистый бугоръ, вытянувшійся перпендикулярно къ нашей дорогѣ, пересѣкаемъ новый водостокъ того-же типа и такъ-же, какъ и тѣ, склоняющійся къ юго-востоку. Пройдя еще мимо одного бугра, идемъ черезъ с. *Бидадинъ*. — Это послѣднее состоитъ изъ 20 домовъ, садовъ не имѣетъ. Около — слѣды развалинъ древняго города. По дорогѣ сюда, влѣво, виднѣются развалины заброшеннаго селенія *Мушкъ-и-абадъ*. Около с. *Бидадинъ* почва мягко-глинистая, супесчаная и во многихъ мѣстахъ сильно солонцеватая; она воздѣлана подъ обширныя поля, орошаемыя кяризными водами, имѣющими солоноватый вкусъ. Въ направленіи нашей дороги она вскорѣ смѣняется выгорѣвшимъ на солнцѣ крупнымъ пескомъ, лежащимъ на супескѣ и на твердомъ сильно цементировавшемся пескѣ; по желтоватому его

фону зеленѣютъ и сѣрѣютъ приземистые кустики растеній, между которыми появляется саксаулъ.

На 12-й верстѣ отъ с. *Ніазъ-абадъ* мы переходимъ черезъ рѣчку *Рудъ-и-Шуръ*. Долина ея узка, но выработана великолѣпно, особенно со стороны праваго берега. Вода мелкая (около четверти глубиною), быстро-текущая, прозрачная какъ хрусталь, горько-соленая и для питья абсолютно непригодная; однако въ ней замѣчена и мною наловлена въ большомъ количествѣ рыба (Capoeta sp.?); ширина струи въ мѣстѣ переправы отъ 6 и до 10 шаговъ. Дно долины обильно поросло темно-зеленымъ и цвѣтущимъ тамариксомъ. На правомъ берегу ея мы находимъ остатки водяной мельницы, отъ которой уцѣлѣли лишь части фундамента, сложеннаго изъ жженаго кирпича. По справкамъ, она существовала еще въ тѣ отдаленныя времена, когда уровень воды въ *Рудъ-и-Шуръ* былъ гораздо выше, когда она не была еще такою соленою и когда дно рѣчной долины не лежало такъ глубоко, какъ нынѣ. Муджнабадскіе старики разсказывали мнѣ, что лѣтъ 50 тому назадъ рѣчная вода хотя и имѣла солоноватый вкусъ, но ее можно было пить, даже въ жаркіе мѣсяцы года. Основаніе же мельницы они относили ко времени за 200 и 300 лѣтъ тому назадъ.

За *Рудъ-и-Шуръ* почва становится мягко-глинистою и поростаетъ высокими кустами саксаула. Судя по сохранившимся пнямъ, здѣсь не особенно давно существовалъ саксауловый лѣсъ, слѣдовавшій вдоль берега долины рѣки полосою отъ одной и до двухъ съ половиною верстъ въ ширину. Ближе къ рѣчному устью онъ сохранился великолѣпно, такъ-же какъ далѣе вверхъ по рѣкѣ и по направленію къ серединѣ разстоянія между с. с. *Бунъ-и-абадъ* и *Султанъ-абадъ*, гдѣ залегаетъ обширнѣйшая древесная поросль, уже описанная мною[1]). Эта мѣстность, несмотря на сравнительно обильную растительность, мало оживлена. Изъ птицъ

---

1) Н. Зарудный, Экскурсія по Сѣверо-Восточной Персіи и птицы этой страны.

въ достаточномъ числѣ наблюдались только рыжехвостые соловьи (Aëdon familiaris) и хохлатые жаворонки (Galerita magna); замѣчено нѣсколько штукъ пустынныхъ славокъ (Sylvia aralensis); пролетное и здѣсь отдыхавшее общество чеканчиковъ (Pratincola indica), нѣсколько одинокихъ ласточекъ (Hirundo rustica), стремительно летѣвшихъ на сѣверъ, да табунъ золотистыхъ щурокъ (Merops apiaster), молчаливо и быстро несшійся въ ту-же сторону.— Лѣсъ скоро рѣдѣетъ; появляются обширныя площади, лишенныя какой-бы то ни было растительности, затѣмъ паровыя поля. Оставляемъ невдалекѣ вправо с. *Каріунъ*, проходимъ черезъ с. *Гуссейнъ-абадъ* (въ обоихъ селеніяхъ садовъ не имѣется) и версты черезъ полторы прибываемъ наконецъ въ с. *Муджнабадъ*.

Это селеніе лежитъ въ чрезвычайно безотрадной пустынной мѣстности и орошается кяризомъ съ солоноватою водою. Чисто прѣсную, именно дождевую, воду, какъ и раньше, можно получать только изъ хоузовъ, которыхъ тутъ нѣсколько. Поля обширны, но сады поистинѣ крошечные. *Муджнабадъ* по обыкновенію обнесенъ глиняною высокою стѣною. Въ немъ 30 домовъ: 27 суннитскихъ и 3 шіитскихъ. Населеніе—таджики. Отсюда до покинутаго селенія *Султанъ-абадъ*, о которомъ я ужъ говорилъ [1]), считается 3 фарсанга, т. е. около 21 версты.

На ЮЮВ. видны горы, выступающія изъ за горизонта равнины тремя массивами: средній (самый высокій) — *Кухъ-и-Думи*, западный — *Кушъ-Кухъ*, восточный, выдѣляющійся отдѣльными вершинами,— *Ногуръ-Кухъ*. За этими горами есть еще связанный съ ними хребетъ *Кухъ-и-Бамрудъ*, но его не видно, такъ какъ онъ прикрытъ вершинами *Кухъ-и-Думи*. Эти горы составляютъ водораздѣлъ между бассейномъ соленаго озера *Немексаръ* и соленымъ болотомъ *Дакке-Петиргунъ*. За ними, уже по ту сторону пустыни *Дештъ-и-Зиркухъ*, виднѣется высокій и короткій хребетъ *Кухъ-и-Хаджи*.

---

1) L. c.

Судя по всѣмъ картамъ, имѣвшимся у меня въ рукахъ, какъ русскимъ, такъ и англійскимъ, мы должны были перейти между *Рудъ-и-Шуръ* и *Муджнабадомъ* черезъ рѣчку «*Калле-и-Зиркухъ*», будто-бы впадающую въ *Рудъ-и-Шуръ* ниже расположенія с. с. *Каріунъ* и *Гуссейнъ-абадъ*. Между тѣмъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, мы не видали на этомъ пути не только рѣчки, но даже и какого-бы то ни было водостока, который имѣлъ бы ясно очерченные берега. Въ качествѣ своего истока *Рудъ-и-Шуръ* имѣетъ Нимбулукскую рѣчку (*Рудъ-и-Нимбулукъ*), которая начинается выше с. *Хидри*, пробѣгаетъ вдоль всей страны *Нимъ-Булукъ*, прорывается сквозь хребетъ *Катаръ-Бэна* и получаетъ отъ этого мѣста названіе *Рудъ-и-Шуръ*. Отсюда эта послѣдняя проходитъ между хребтами *Хуникъ-Кухъ* и *Кухъ-и-Хейберъ*, выбѣгаетъ на Немексаро-Зиркухскую равнину и впадаетъ въ *Немексаръ*. Въ 1896 году, слѣдуя внизъ по этой рѣчкѣ отъ города *Каинъ* и до развалинъ, находящихся ниже селенія *Абу-Турабъ*, я оставилъ ее по дорогѣ въ с. *Гермоу* и потомъ пересѣкъ по дорогѣ между этимъ послѣднимъ и с. с. *Бунъ-и-абадъ* и *Султанъ-абадъ* 30 іюня; въ мѣстѣ перехода никакой текучей воды не было. Между тѣмъ, переходя въ 1898 году *Рудъ-и-Шуръ* 16 октября на возвратномъ нашемъ пути, по старой дорогѣ между *Муджнабадомъ* и *Биддадинъ*, я нашелъ въ ея руслѣ столько-же воды, какъ и весною 17 апрѣля, слѣдовательно ея воды не могли быть нимбулукскими. И вотъ по наведеннымъ справкамъ оказалось, что, кромѣ описанной мною и обозначенной на картахъ *Рудъ-и-Шуръ*, есть еще одна рѣчка, держащая воду круглый годъ, имѣющая то-же названіе и впадающая въ первую ниже селенія *Бунъ-и-абадъ*; она беретъ начало въ горахъ къ востоку отъ с. *Гермоу* (*Кухъ-и-Гермоу*) и на картахъ быть можетъ обозначается, какъ *Калле-и-Зиркухъ*; такого названія, однако, никто въ этой странѣ не знаетъ.

Весною, въ нѣкоторые годы, вся низменная страна, на которой располагаются с. с. *Биддадинъ*, *Муджнабадъ*, *Каріунъ* и *Гуссейнъ-абадъ*, наводняется водами, выступающими изъ бере-

говъ долины *Рудъ-и-Шуръ*, причемъ эти воды держатся на ея поверхности по нѣсколько дней.

Изъ *Муджнабада*, для перехода черезъ пустыню *Зиркухъ* къ с. *Фендуктъ*, лежащему въ 6—7 фарсангахъ по ту ея сторону у подножія высокаго хребта *Кухъ-и-Хаджи*, я взялъ проводника-охотника Динъ-Магомеда, который оказался милѣйшимъ и прекраснѣйшимъ человѣкомъ. — Непосредственно за селеніемъ начинается широко-волнистая мѣстность, покрытая пескомъ, который на возвышенностяхъ болѣе грубъ, тяжелъ и не представляетъ затрудненій не только для ходьбы, но даже и для колесной ѣзды; въ низинахъ онъ мельче, мягче и сыпучѣе, такъ какъ вѣтрами сюда сносятся главнымъ образомъ именно мелкія и легкія его частицы. Сравнительно изобильная растительность представлена низкими кустарниками, среди которыхъ возвышаются тѣнистые, развѣсистые кусты какого-то колючаго мотыльковаго растенія съ мелкими сѣро-зелеными листочками и мелкими-же темно-лиловыми цвѣтами; высота ихъ доходитъ до сажени и больше. — Постепенно поднимаясь, достигаемъ вершины увала, по спускѣ съ котораго, въ 15 верстахъ отъ *Муджнабада*, подходимъ къ небольшой глинистой такырной площади, среди песковъ, абсолютно ровной и совершенно обнаженной; на ея восточной окраинѣ находимъ хоузъ съ очень вкусною водою и здѣсь разбиваемъ свой станъ, такъ какъ я хочу этотъ и слѣдующій день посвятить изслѣдованію окрестной пустыни.

Во время дождей, зимою и самою раннею весною, указанная площадь наводняется водами водостока, спустившагося съ хребта *Кухъ-и-Хаджи* и прорѣзающаго западную часть Зиркухской пустыни. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ *Бааза*[1]), имѣетъ очень извилистое направленіе и, принимая по пути второстепенные водостоки, частью сбѣжавшіе съ горъ *Кушъ-Кухъ*, образуетъ

1) Если названіе *Калле-Зиркухъ* дѣйствительно существуетъ и если оно не относится къ *Рудъ-и-Шуръ*, отходящей отъ с. *Гермоу*, то возможно, что оно должно быть пріурочено именно къ руслу *Бааза*.

многочисленные рукава, врывающіеся въ низины между песками и, путемъ сноса на нихъ глины и мельчайшихъ песчаныхъ частицъ, образующіе на нихъ такырныя площади. Такихъ рукавовъ и вмѣстѣ съ ними площадей особенно много въ окрестностяхъ нашего хоуза, гдѣ *Бааза* образуетъ нѣчто въ родѣ дельты. Въ дождливые годы воды *Бааза* по нѣсколькимъ рукавамъ добѣгаютъ до равнины, на которой лежитъ группа оставленныхъ нами селеній, и разливаются по ней къ западу отъ этихъ послѣднихъ. Вблизи хоуза это русло имѣетъ въ настоящее время видъ полузасыпаннаго пескомъ канала, достигающаго въ ширину до 3—4 саженей и въ глубину до одной сажени.

Мѣстные пески бугристые, мягкіе и рыхлые. Растительность богатая, преимущественно кустарная. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе кустарники «*секумбулъ*» и «*шоукаръ*», густые и пышные, достигающіе въ высоту до 4—6 футовъ; собственно говоря это деревья, стволы которыхъ глубоко спущены въ почву, такъ что надъ поверхностью этой послѣдней возвышаются только кроны вѣтвей, представляющихъ чрезвычайно густыя сплетенія, частью лежащія на пескѣ и имъ засыпанныя. «*Шоукаръ*» отличается мелкими, короткими и сочными листочками цилиндрической формы; «*секумбулъ*» — длинными сочными вѣточками, усаженными очень маленькими листочками; его цвѣты такіе-же, какъ у саксаула, и такъ-же, какъ у него, развиваются только въ концѣ сентября и въ началѣ октября; въ среднихъ числахъ послѣдняго мѣсяца они начинаютъ осыпаться. Листва или лучше сказать зеленыя части этихъ кустарниковъ, какъ мнѣ говорили, будто-бы можетъ служить подножнымъ кормомъ для лошадей. Обыкновенны кустарники: «*тарихъ*» и «*талхакъ*», принадлежащіе къ полыневымъ растеніямъ. Довольно часто попадается дикая морковь, «*зердакъ-риги*»; она растетъ короткимъ стволикомъ (1—3 дюйма), отъ котораго, лежа на пескѣ, во всѣ стороны расходятся очень сильно разсѣченные листья съ немногочисленными и узкими дольками и который оканчивается мало замѣтнымъ цвѣточнымъ зонтикомъ; впрочемъ, попадаются

экземпляры и крупные, напр. достигающіе до полутора футовъ въ высоту, и съ хорошо развитыми цвѣтами. Ея сочными и положительно вкусными корнями можно утолять жажду и освѣжать ротъ, въ которомъ, благодаря соляной пыли, носящейся въ воздухѣ, постоянно ощущается соленый вкусъ. Часто замѣчаются никуда не годные грибы «*самарокъ*». Сравнительно рѣдко встрѣчается особливый видъ Ephedra,—«*гумъ*», растущій высокимъ и чрезвычайно пышнымъ кустомъ съ очень длинными вертикальными зелеными прутиками. Въ великомъ множествѣ здѣсь растетъ Ferula sp., въ Зиркухѣ извѣстная подъ названіемъ «*кямӧ*»; сухіе прошлогодніе штамбы ея (иногда до 4 и даже 5 вмѣстѣ) достигаютъ въ высоту до 5½ футовъ при обхватѣ до 30 сантиметровъ; шумятъ и всячески звучатъ ихъ развѣтвленія съ уцѣлѣвшими лохмотьями высохшихъ листьевъ при частыхъ здѣшнихъ вѣтрахъ, и вздрогнешь порою отъ неожиданности, когда зашуршатъ они при внезапномъ порывѣ вѣтра. Такыры по окраинамъ зарастаютъ саксауловыми деревьями «*тагъ*» (до полутора сажени въ высоту) и развѣсистыми кустами уже упомянутаго колючаго мотыльковаго растенія, которое называется «*доударъ*»; эти растенія образуютъ низкорослыя рощи и лѣсные колки. Саксаулъ встрѣчается и по самимъ такырамъ, особенно такимъ, которые наводняются не ежегодно; мѣстами густыми зарослями онъ сопровождаетъ русло Бааза и покрываетъ бугры, на которыхъ песокъ слежался. Около-же такыровъ во множествѣ растетъ безвкусный «*піазъ-хуки*», т. е. свиной лукъ, съ сочными листьями и массивными луковицами, а также оригинальный «*пиренгу*», представляющій массивный колосъ со множествомъ сочныхъ желтыхъ цвѣтовъ и свѣтло-зеленыхъ прицвѣтниковъ; «*пиренгу*» выростаетъ изъ глубины почвы и, появляясь на свѣтъ Божій, выламываетъ и поднимаетъ цѣлые куски глины, фунтовъ до двухъ и больше.

Изъ млекопитающихъ нерѣдко случается видѣть антилопъ «агу̑» (Gazella subgutturosa); попадаются волки, лисицы, дикобразы и въ громадномъ числѣ зайцы; очень обыкновенны песчанки (Meriones), тушканчики и звѣрьки, похожіе на слѣпы-

шей (Ellobius), но съ болѣе длиннымъ хвостикомъ, болѣе крупными глазами и болѣе развитыми ушами.

Пресмыкающихся очень много, и изъ всего животнаго населенія этой страны именно они вносятъ въ нее наибольшее оживленіе. Въ великомъ множествѣ встрѣчаются изящныя и миловидныя круглоголовки (Phrynocephalus ornatus), вертящія своими пестрыми хвостиками, но при преслѣдованіи, въ противоположность своему закаспійскому сородичу (Phrynocephalus interscapularis), не такъ охотно или совсѣмъ не зарывающіяся въ песокъ; проворныя Scapteira sp., хищныя Eremias persica, песчаные удавы (Eryx jaculus), полозы (Zamenis karelini), пустынники (Psammophys leythi), песчаныя гадюки (Echys arenicola) и т. п. Въ волчьей норѣ я нашелъ цѣлую колонію каспійскихъ гекконовъ (Gymnodactylus caspius), а ночью, бродя съ фонаремъ по пескамъ, поймалъ нѣсколько штукъ Crossobamon eversmanni, Teratoscincus zarudnyi, Teratoscincus nov. sp. и коротконогихъ змѣеподобныхъ ящерицъ Zygnopsis brevipes, которыя двигаются внутри рыхлаго песка съ такою-же ловкостью, какъ рыба въ водѣ. Нерѣдко случается видѣть и громадныхъ варановъ (Varanus caspius).

Птичье населеніе поражаетъ своею бѣдностью. Если не считать цѣлаго ряда видовъ, находившихся здѣсь случайно или на пролетѣ, то изъ тѣхъ, которые особенно сильно бросались въ глаза, останется упомянуть лишь о пустынной дрофѣ (Otis macqueeni), авдоткѣ (Oedicnemus crepitans), рябкѣ (Pterocles coronatus), саксаульной сойкѣ (Podoces pleskei), хохлатомъ жаворонкѣ (Galerita magna), скотоцерочкѣ (Scotocerca inquieta), пустынной славкѣ (Sylvia aralensis) и сѣромъ сорокопутѣ (Lanius fallax).

На разсвѣтѣ 20 апрѣля мы двинулись въ дальнѣйшій путь и сдѣлали переходъ въ 28 верстъ къ хоузу *Хоузъ-и-Мусафыръ*. Путь пролегаетъ на нѣкоторомъ разстояніи по старой муджнабадской дорогѣ, которая направляется къ с. *Эстинъ*, и оставляетъ къ западу русло *Бааза*. Затѣмъ онъ идетъ цѣликомъ черезъ пески наперерѣзъ къ дорогѣ, ведущей кратчайшимъ образомъ

отъ с. *Муджнабадъ* къ с. *Фендуктъ*; ближе къ *Муджнабаду* на ней есть хоузъ, но въ нынѣшнемъ году онъ остался безъ воды.

Почти вся дорога проходитъ широко-волнистою мѣстностью, занятою обширнымъ саксауловымъ лѣсомъ, довольно густымъ, хотя и не настолько, какъ между с. с. *Бунъ-и-абадъ* и *Султанъ-абадъ*. Почва представляетъ тяжелый песокъ на супескѣ и на подпочвѣ, переходной отъ этого послѣдняго къ суглинку; повсюду въ промежуткахъ между саксауловыми стволами она почти совсѣмъ обнажена, такъ какъ лѣсной подсѣдъ составляется лишь одинокими штамбами Ferula (нѣкоторые изъ нихъ имѣли 40 сантиметровъ въ обхватѣ при высотѣ въ 6 футовъ), да кое-какими нѣжными и на видъ чахлыми кустиками приземистыхъ травъ, частью цвѣтущими мало-замѣтными цвѣточками, частью уже отцвѣтшими. Тѣни, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, нѣтъ никакой, такъ какъ деревья еще не успѣли развить своихъ молодыхъ вѣточекъ въ полную ихъ мѣру. Птицъ, пресмыкающихся и даже насѣкомыхъ здѣсь очень мало. Верстахъ въ пяти отъ покинутаго нами хоуза мы переходимъ черезъ великолѣпно выработанное, но узкое русло *Бааза*; правый его берегъ крутой, лѣвый пологій; къ этому послѣднему примыкаетъ обширная заливная низменная площадь. Путь русла отлично обозначенъ сравнительно пышными и густыми саксауловыми зарослями. Версты за полторы не доходя до хоуза *Мусафыръ* мѣстность принимаетъ видъ бугристыхъ и барханныхъ песковъ, часто сыпучихъ и вообще покрытыхъ, не считая вездѣсущаго здѣсь саксаула, пышною кустарною растительностью, среди которой уже появляются представители горной и подгорной флоры.

Хоузъ-Мусафыръ расположенъ среди бугристыхъ и барханныхъ песковъ, залегающихъ подъ предгорною степью хребта *Кухъ-и-Хаджи* (иногда *Кухъ-и-Ходже*). Онъ выстроенъ на небольшой такырной площадкѣ и наполняется дождевою водою, стекающею по водостоку, на которомъ находится с. *Бохнабадъ*. Вода хорошая и держится, какъ говорятъ, до конца іюня. Часть

дня, оставшаяся послѣ перехода, и весь слѣдующій день 21 апрѣля былъ употребленъ мною на экскурсію по окрестностямъ и на разъѣздъ по руслу *Бааза*; въ нѣсколькихъ мѣстахъ по дну этого послѣдняго я нашелъ плесы горько-соленой воды, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли едва замѣтное теченіе. Котловины между песчаными возвышенностями то совершенно замкнуты, то въ различныхъ комбинаціяхъ сообщаются другъ съ другомъ, то стоятъ въ сторонѣ отъ водостоковъ, то находятся съ ними въ связи и въ такомъ случаѣ занимаются особенно плотными такырами. Въ зависимости отъ разнообразія растительности и почвы, а также отъ близости горъ, здѣсь наблюдается и бо̀льшее разнообразіе въ мірѣ животныхъ. Мѣстныхъ, гнѣздящихся птицъ однако мало; кромѣ вышеупомянутыхъ видовъ я видѣлъ: пустынныхъ вороновъ (Corax umbrinus), рыжехвостыхъ соловьевъ (Aëdon familiaris), степныхъ сарычей (Buteo ferox), пустынныхъ воробьевъ (Passer simplex zarudnyi), степныхъ щеврицъ (Anthus campestris), чекановъ (Saxicola isabellina), мелкихъ жаворонковъ (Alaudula brachydactyla), два вида пѣночекъ (Iduna languida и I. rama). За то часто приходилось видѣть птицъ пролетныхъ и кромѣ того такихъ, которыя прилетали сюда изъ горъ на промыселъ. Среди этихъ послѣднихъ часто наблюдались грифы (Gyps fulvus, рѣже Vultur monachus) и стервятники (Percnopterus stercorarius), коршуна̀ (Milvus migrans) и благородные орлы (Aquila fulva); нѣсколько разъ попадались ястребиные орлы (Aquila fasciata). Судя по слѣдамъ на пескѣ, здѣсь много волковъ, лисъ, зайцевъ, антилопъ и всевозможныхъ мелкихъ звѣрьковъ. Между пресмыкающимися, кромѣ вышеупомянутыхъ, весьма обыкновенны агамы (Agama sanguinolenta) и Eremias guttulata; часто попадаются Lithorrhynchus ridgewayi; застрѣлена крупная очковая змѣя (Naja tripudians var. coeca) и добыта повидимому рѣдкая здѣсь змѣя Dipsadomorphus trigonatus. Въ одной изъ котловинъ, гдѣ въ зимнее время иліаты[1]) разбиваютъ свои черныя

---

1) Здѣшніе иліаты составляются арабами-шіитами — *Иліатъ арэбъ-зебанъ*.

палатки, подъ брошеннымъ кускомъ грубаго палаточнаго сукна я нашелъ громаднаго чернаго скорпіона, встрѣчающагося, какъ говорятъ, нечасто и исключительно въ низкихъ мѣстахъ.

Вскорѣ послѣ солнечнаго заката, когда станетъ прохладно, пески начинаютъ благоухать: растутъ въ нихъ небольшіе, неприглядные кустики съ мелкими желтыми цвѣтами, и это они такъ хорошо пахнутъ. Частыми цмокающими звуками перекликаются песчанки (Meriones), быстро и порывисто пролетаютъ блѣдные пустынные тараканы (Anisogamia sp.?), стремительно и едва уловимо мелькаютъ въ воздухѣ сфинксы (Deilephila sp.), а съ разныхъ сторонъ доносятся то заунывные, то звучно-заносчивые крики авдотокъ (Oedicnemus crepitans).

Покинувъ 22 апрѣля *Хоузъ-Мусафыръ*, мы дѣлаемъ переходъ въ 25 верстъ до селенія *Ноу-дэхъ* (новая деревня); изъ нихъ 7 верстъ приходятся на дорогу до с. *Фендуктъ*.

Выходимъ песками, которые постепенно теряютъ свой бугристый характеръ и уплотняются глиной. Вскорѣ на песчаной и глинистой поверхности почвы начинаютъ попадаться гальки и камни и встрѣчаться небольшіе водостоки, которые во время дождей наводняютъ ближайшіе такыры песковъ. Мѣстность теряетъ свою богатую кустарную растительность: остаются кустики полыни и Ephedra, кусты Zygophyllum, а по водостокамъ — заросли Atraphaxis'а. Наконецъ пески исчезаютъ совсѣмъ, и мы попадаемъ на сильно поднимающуюся равнину, мѣстами сплошь засыпанную мелкимъ и крупнымъ камнемъ. Дорога становится трудною и для нашего вьючнаго скота, и для насъ самихъ, такъ какъ мы идемъ пѣшкомъ. Низины страны *Зиркухъ* остаются внизу и виднѣются какъ на ладони. Такимъ путемъ мы подходимъ къ с. *Фендуктъ*.

Хребетъ *Кухъ-и-Хаджи* (*Кухъ-и-Ходже*), у подножія котораго лежитъ это селеніе, въ сторону этого послѣдняго не имѣетъ настоящихъ предгорій, и сильно поднимающаяся степь (она поросла главнымъ образомъ эфедрой) непосредственно подходитъ къ кореннымъ его частямъ. Онъ обрушивается крутыми боками,

обрывами и страшными отвѣсными падями. Ущелья коротки и весьма круты. Воды снѣговъ и дождей должны стекать съ его почти отвѣсныхъ склоновъ со страшною скоростью, — отсюда масса камня, которымъ усыпано его подножіе. Тамъ и здѣсь по уступамъ и трещинамъ его боковъ виднѣются массивныя деревья фисташки (Pistacia kinguk),—«бэна», какъ называютъ ее въ восточной Персіи; мѣстами она группируется въ свѣтлыя рощи. Начиная отсюда, въ районѣ настоящаго моего путешествія, фисташка уже всецѣло смѣняетъ тую и древовидный можжевельникъ, свойственные скалистымъ горамъ болѣе сѣверныхъ частей Хорасана.

С. *Фендуктъ*, такъ-же какъ и сосѣднее с. *Бохнъ-абадъ* (оба уже издали зеленѣютъ своими густыми садами), населено таджиками суннитскаго толка. Сосѣднее же с. *Эстинъ* — и суннитами, и шіитами. Всѣ остальныя селенія *Зиркуха* на югъ включительно до с. *Авизъ* — шіитами. Во время нашего проѣзда черезъ *Фендуктъ* всѣ крыши домовъ были усыпаны жителями, которые собрались посмотрѣть на русскихъ людей и громкими криками почему-то посылали намъ привѣтствія и пожеланія добраго пути.

За с. *Фендуктъ* дорога спускается, на небольшое разстояніе становится сносною, но затѣмъ снова вступаетъ на каменистую розсыпь, прорѣзанную нѣсколькими водостоками, и снова становится затруднительною; по этимъ водостокамъ разсѣяны отдѣльныя деревья фисташки съ рослыми и массивными стволами. Прямо передъ нами выступаетъ короткій, высокій, холмистый кряжъ, сложенный изъ дикаго камня въ основаніи и глины со щебнемъ—по склонамъ. Не доходя до его окончанія, дорога раздѣляется: одна вѣтвь поднимается, дѣлаетъ перевалъ черезъ его вершину, подводитъ къ небольшому селенію *Иранъ* съ относительно значительными садами, затѣмъ дѣлаетъ перевалъ черезъ второй кряжъ, незамѣтный отъ мѣста развѣтвленія дороги, идетъ къ с. *Миръ-абадъ* и далѣе, оставляя слѣва *Келяте-Пирдъ-абадъ*, въ с. *Исфатъ*; мы слѣдуемъ другою вѣтвью, болѣе сѣверною и хотя немного кружною, но за то значительно болѣе удобной; она

оставляетъ вправо первые два изъ названныхъ селеній и прямо приводитъ въ *Исфатъ*. Это послѣднее окружено очень большими и густыми садами; ниже его и ближе къ зиркухскимъ пескамъ располагается селеніе *Фирузъ-абадъ*. Обогнувъ окончаніе второго кряжа, мы встрѣтили хоузъ съ чудеснѣйшею водою. Эти два кряжа играютъ роль предгорій хребта *Кухъ-и-Хаджи*; если не считать ихъ, то окажется, что названный хребетъ спускается къ своему высокому подгорію до сихъ поръ безъ всякихъ такъ сказать предисловій. Вездѣ по этому подгорію разсыпана масса мелкаго и крупнаго камня. За с. *Исфатъ* оно разстилается широкими волнами, которыя переходятъ въ короткія холмистыя гряды, какъ-бы сбѣгающія съ коренного хребта. Въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ за этимъ селеніемъ по дорогѣ имѣется хоузъ съ прекрасной водой. За нимъ нашъ путь слѣдуетъ подъ холмами, огибая ихъ подножія и постепенно поднимаясь на каменистую, волнистую возвышенность, которая полого спускается къ Зиркухской низинѣ. Перевалъ черезъ нее обозначенъ по обыкновенію посредствомъ такъ называемаго «*сенгъ-чилъ*», соотвѣтствующаго монгольскому и тибетскому «оба» и состоящаго изъ искусственно сложенныхъ каменныхъ кучъ. Съ его высоты открывается обширный горизонтъ на юго-востокъ по направленію къ соленому болоту *Дакке-Петиргунъ*. Еще немного, и подъ волною возвышенности, совершенно неожиданно, мы видимъ с. *Авизъ*, утопающее въ зелени окружающихъ его обширныхъ садовъ и просторныхъ полей. Лицо складывается въ улыбку, а глазамъ сразу становится легко: они привѣтствуютъ эту массу зелени послѣ тяжелаго и скучнаго перехода по пустыннымъ возвышенностямъ, усыпаннымъ пестрымъ, разноцвѣтнымъ камнемъ и представлявшимъ нѣчто въ родѣ исполинскаго калейдоскопа.

Непосредственно передъ входомъ въ *Авизъ* и по выходѣ изъ него имѣется по хоузу съ чудеснѣйшею водою. Это — очень большое и богатое селеніе. Садовъ множество, и они состоятъ изъ разнообразныхъ, преимущественно фруктовыхъ породъ; много пирамидальныхъ тополей, стройно и граціозно поднимающихся

надъ остальными деревьями. Хлѣбà тучные, сочные, темно-зеленые; теперь они красуются. Немало полей подъ простымъ (хашхашъ) и въ особенности подъ опійнымъ макомъ (тирьекъ). Вездѣ вдоль окраинъ полей тутовыя аллеи: деревья старыя и толстоствольныя; нѣкоторыя изъ нихъ настолько дуплисты, что готовы развалиться. Собственно селеніе помѣщается въ крѣпости, но много отдѣльныхъ домовъ разсѣяно по садамъ. Ниже его виднѣется небольшая келяте съ садами.

Несмотря на соблазнительную перспективу сдѣлать остановку въ *Авизѣ*, я, во избѣжаніе неминуемой въ большихъ селеніяхъ назойливой «тамаша»[1]) и несмотря на протесты червадаровъ, приказываю перебраться за нѣсколько верстъ дальше, въ с. *Ноу-дэхъ.* Дорога поднимается на возвышенность въ видѣ высокой волны и на ея вершинѣ, среди каменныхъ грудъ, нагроможденныхъ водостоками, приводитъ насъ къ названному мѣсту. *Ноу-дэхъ*—маленькое почти заброшенное селеніе, обнесенное высокою, полуразвалившеюся стѣною, которая, какъ и во всѣхъ до сихъ поръ упомянутыхъ селеніяхъ, начиная отъ *Эстинъ*, сложена не изъ чистой глины, а изъ глины, смѣшанной съ камнемъ. Орошается двумя маленькими кяризами съ очень хорошею водою.

Къ юго-западу отъ *Ноу-дэхъ*, въ горахъ, имѣется два селенія: *Ванъ* (въ одномъ фарсангѣ) и *Шахъ-Али* (въ $2^1/_2$ фарсангахъ). Хребетъ *Кухъ-и-Хаджи* здѣсь оканчивается и смѣняется нѣсколькими другими, направляющимися въ ту-же юго-восточную сторону. Экскурсируя по холмистымъ цѣпямъ у его окончанія, гдѣ водостоки уже принадлежатъ бассейну соленаго болота *Дакке-Петиргунъ*, я въ руслѣ одного изъ нихъ нашелъ соляные родники, изъ которыхъ вода бѣжала лишь на нѣсколько десятковъ шаговъ и затѣмъ исчезала, впитываясь въ почву; берегà этого водостока были сложены изъ гальки, цементированной гли-

---

1) «Тамаша» означаетъ зрѣлище. Во время нашихъ остановокъ мы, русскіе люди: я и Литвиновъ, были объектами тамаши, на которую иногда собирался весь наличный составъ селенія, что мѣшало нашимъ занятіямъ ужаснѣйшимъ образомъ.

ною; уже на глубинѣ двухъ саженей галька слежалась въ довольно плотный конгломератъ. Съ высоты расположенія *Ноу-дэхъ* отлично на юго-восточномъ горизонтѣ виденъ *Дакке-Петиргунъ* въ видѣ громадной бѣлой площади.

Путь изъ *Муджнабада* до *Хоузъ-и-Мусафыръ* для колеснаго движенія пригоденъ, хотя по песчаному грунту страны онъ не можетъ быть отнесенъ къ легкимъ. Отъ *Хоузъ-и-Мусафыръ* до *Ноу-дэхъ*, кромѣ описанной дороги, которая, какъ видно изъ вышеизложеннаго, для него непригодна, другой не существуетъ. Низовое движеніе подножіями возвышенностей, спускающихся съ хребта *Кухъ-и-Хаджи*, при настоящемъ положеніи дѣла въ высшей мѣрѣ затрудняется множествомъ водостоковъ, очень часто при небольшой ширинѣ весьма глубокихъ и длинныхъ; нѣкоторые изъ нихъ при ширинѣ, напр., въ одну сажень имѣютъ глубину еще бо́льшую.

Изъ *Ноу-дэхъ* мы дѣлаемъ переходъ въ с. *Мамедъ* (*Магомедъ*)-*абадъ* черезъ с. *Аткуль*. До второго я считаю 21 версту, до перваго 8 верстами больше. Дорога спускается къ обширной низинѣ, сбѣгающей съ высокаго промежутка между окончаніемъ *Кухъ-и-Хаджи* и сосѣднимъ хребтомъ. Сначала идемъ сильно покатою каменистою степью, которая вскорѣ становится супесчаною, покрывается густыми зарослями Zygophyllum съ подсѣдомъ изъ полыни и посохшихъ нѣжныхъ злаковъ и въ такомъ видѣ тянется на сѣверо-востокъ къ подножіямъ хребта *Кухъ-и-Бамрудъ*, который съ сѣверо-восточной стороны ограничиваетъ соотвѣтствующее мѣсто Зиркухской пустыни. На днѣ низины, верстахъ въ $4^1/_2$ отъ *Ноу-дэхъ*, находимъ сухое рѣчное русло, мѣстами имѣющее крутые берега до 4 саженей въ высоту. Ширина его въ мѣстѣ перехода достигаетъ 250 шаговъ. Непосредственно за нимъ переходимъ черезъ довольно полноводный арыкъ, несущій свою воду къ с. *Бамрудъ* (она солоноватая, но для питья вполнѣ пригодная), и дорогу, ведущую къ этому послѣднему изъ с. *Дустъ-абадъ*. Вправо около нашей дороги возвышается насыпной курганъ; за нимъ, у подножія горъ, виднѣется маленькая

келяте съ нѣсколькими деревьями, а еще дальше, въ прорывѣ между горами, зеленѣютъ сады с. *Бешірунъ* (25 домовъ). Влѣво отъ дороги — два кургана и развалины. Отсюда она поднимается на волнообразную плоскую возвышенность, необыкновенно густо поросшую пышными кустами Zygophyllum. Пересѣкая поперекъ эту возвышенность, я къ своему удивленію нахожу *вдоль ея вершины* цѣлый рядъ или лучше сказать сѣть плоскоберегихъ водостоковъ, занимающихъ въ ширину до 700—800 шаговъ (наибольшій былъ не уже сотни шаговъ) и кромѣ обычнаго Atraphaxis'а заросшихъ еще кустами различныхъ горныхъ растеній. Эта возвышенность соотвѣтствуетъ широкому ущелью направо въ горахъ и, весьма возможно, образовалась изъ нагроможденныхъ водою продуктовъ ихъ разрушенія. По ту ея сторону находимъ хоузъ, наполненный мутною, но вкусною водою; онъ располагается верстахъ въ 9 отъ *Ноу-дэхъ*. Около него пробѣгаетъ довольно глубокій водостокъ, рѣзко отдѣляющій пройденную мѣстность отъ той, которую намъ надлежитъ пройти. За нимъ сразу начинаются пески, и вмѣстѣ съ тѣмъ сразу-же мѣняется растительность, которая становится богаче и разнообразнѣе. Пески располагаются довольно высокими барханами, подходящими почти вплоть къ кореннымъ массамъ ближайшаго горнаго хребта. Переваливаемъ барханъ за барханомъ и пересѣкаемъ лежащіе между ними водостоки, на обнаженіяхъ которыхъ замѣтно, что пески образовались на почвѣ холмовъ предгорій. Саксаула вездѣ мало, но за то здѣсь въ большомъ количествѣ встрѣчается вышеупомянутый «*доударъ*», образующій во многихъ мѣстахъ цѣлыя рощицы. Черезъ нѣсколько верстъ пути среди песковъ открываются просторныя, ровныя глинистыя площади — такыры. Дорога спускается на одну изъ нихъ; она ограничена слѣва песчаными увалами, а справа — глинистыми и щебнисто-глинистыми холмами. Здѣсь дорога развѣтвляется: правая вѣтвь идетъ въ с. *Аткуль*, лѣвая—въ с. *Магомедъ-абадъ*. Первая поднимается въ холмы и, сдѣлавъ черезъ нихъ перевалъ, спускается въ долину, которая прорѣзывается каменистымъ водостокомъ,

украшеннымъ нѣсколькими массивными фисташковыми деревьями и направляющимся къ сѣверо-востоку. Въ верхней части этой долины, у подошвы хребта *Кухъ-и-Аткуль*, располагается большое селеніе *Аткуль* (70—80 домовъ) и другое, меньшее, *Эсперокъ* (15 домовъ). Вмѣстѣ со своими довольно хорошими садами эти селенія видны еще издали съ вершинъ высокихъ бархановъ. Вторая вѣтвь пересѣкаетъ названную долину въ 1—2 верстахъ отъ *Аткуля* и, оставляя влѣво иліатскія стойбища[1]) съ проведеннымъ къ нимъ каризомъ (вода прѣсная), поднимается на широко-волнистую возвышенность, которая усыпана пескомъ, вскорѣ смѣняющимся изобильно поросшею кустами Zygophyllum супесчаною почвою; эта возвышенность полого спускается въ восточную сторону и тамъ примыкаетъ къ высокой песчаной грядѣ, непрерывно идущей на юго-востокъ за с. *Ахангерунъ* и составляющей передовой барьеръ области песковъ; къ западу она поднимается и незамѣтно переходитъ въ холмы предгорій хребта *Кухъ-и-Магомедъ-абадъ*. Достигнувъ перевала черезъ эту возвышенность, мы въ нѣсколькихъ верстахъ отъ себя, въ открывшейся низинѣ, видимъ с. *Магомедъ-абадъ* и его обширные сады. Видятъ ихъ и наши ишаки, которые безъ всякаго понуканія прибавляютъ шагъ.

Въ *Магомедъ-абадѣ* считается около сотни домовъ. Онъ орошается нѣсколькими каризами, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ солоноватый вкусъ воды. Расположенъ онъ вблизи отъ одноименнаго хребта, на равнинѣ съ мягкою супесчаною и суглинистою почвою, къ которой подмѣшанъ щебень. Эта равнина имѣетъ видъ узкой котловины, протянувшейся съ ССЗ. на ЮЮВ. и ограниченной: на востокѣ—только-что упомянутою песчаною грядою, на западѣ—хребтомъ *Кухъ-и-Магомедъ-абадъ*, на сѣверѣ — высокою волнообразною равниною, отдѣляющею ее отъ аткульской долины, и на югѣ — плоскою возвышенностью, на которой располагается с. *Ахангерунъ*. Населеніе составляется таджиками и нѣсколькими

1) Эти иліаты также принадлежатъ къ арабамъ.

семействами осѣдлыхъ иліатовъ (иліатъ «Шаеръ-Нишинъ», въ отличіе отъ кочевыхъ иліатовъ «Саара-Нишинъ»), принадлежащихъ къ арабскому племени; эти послѣдніе исповѣдуютъ суннитизмъ, хотя и выдаютъ себя за шіитовъ.—Снѣгъ выпадаетъ рѣдко, а въ минувшую зиму его совсѣмъ не было даже въ горахъ.

Дорога изъ *Магомедъ-абада* въ *Ахангерунъ* (7 верстъ) пролегаетъ сначала уже упомянутою котловиною и вскорѣ пересѣкаетъ водостокъ, имѣющій около 50 шаговъ въ ширину и направляющійся къ сѣверо-востоку. Затѣмъ она вступаетъ на возвышенную равнину, образующую двѣ раздѣленныя водостокомъ волны, изъ которыхъ вторая замѣтно выше. Вершина первой волны обозначена развалившеюся башнею, передъ которою лежатъ крошечныя хлѣбныя нивы, орошаемыя миніатюрнымъ кяризнымъ ручейкомъ съ вкусною водою. Почва этой равнины сильно щебнистая, покрытая полынью, широко разбросаннымъ Zygophyllum, кустиками низкорослой Ephedra и ревеня, еще не выбросившимъ своихъ цвѣточныхъ стрѣлокъ и состоящимъ изъ букетовъ листьевъ. Съ вершины второй ея волны на ССЗ. виденъ *Магомедъ-абадъ*, а на ЮЮВ. — *Ахангерунъ*.

Ахангерунъ (Ахангеранъ, Ахенгерунъ) небольшое селеніе, орошаемое маленькимъ кяризнымъ ручьемъ и имѣющее небольшой садъ, самаго плачевнаго вида и едва-ли заслуживающій названія сада. Въ немъ считается 18 домовъ, но въ настоящее время жилыхъ осталось только три. Въ прошломъ 1897 году всѣ мѣстные хлѣба до тла были уничтожены кобылкою. Ахангерунцы проголодали цѣлую зиму и обращались въ г. *Бирджандъ* за помощью къ правителю *Каината*, но таковой не получили. Весною нынѣшняго года бо̀льшая часть жителей селенія, забравъ самое цѣнное имущество, разбѣжалась. Остались лишь наиболѣе зажиточные люди, у которыхъ были припасены деньги и которые боялись потерять свои земельные надѣлы. Во время нашего посѣщенія *Ахангеруна* они на мѣсто хлѣба принуждены были питаться лепешками, приготовленными изъ клубней какого-то растенія «*казкъ*», растущаго въ пескахъ. Эти клубни въ сыромъ

видѣ несъѣдобны: жгутъ и щиплятъ невыносимо. Ихъ долго варятъ, иногда въ молокѣ, разминаютъ въ тѣсто и пекутъ; но и печеные они безвкусны и надолго оставляютъ въ глоткѣ ѣдкое ощущеніе. Жители *Ахангеруна*, такъ-же какъ *Аткуля* и *Магомедъ-абада*, таджики и арабы.

Оставивъ караванъ въ *Ахангерунѣ* и взявъ съ собою Литвинова и проводника, я черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ въ это селеніе предпринялъ экскурсію поперекъ восточной части пустыни *Зиркухъ* до селенія *Чарахсъ*, къ которому считается около 28 верстъ.

Пески начинаются верстахъ въ двухъ отъ Ахангеруна высокою грядою, тою-же самою, которая ограничиваетъ съ востока котловину *Магомедъ-абада*; здѣсь только она менѣе высока. Дорога къ нимъ проходитъ полынною равниною, усѣянною камнемъ, а дальше слѣдуетъ вдоль одного изъ водостоковъ, который прорѣзалъ пески, оканчивающіеся верстахъ въ 12 не доходя до *Чарахса*, и здѣсь, разбившись на нѣсколько рукавовъ, добѣгаетъ до главнаго восточно-зиркухскаго водостока. Мѣстность между песками и тѣмъ горнымъ хребтомъ, у подножія котораго располагается *Чарахсъ*, представляетъ равнину, изобильно поросшую Zygophyllum и имѣющую супесчаную и суглинистую, мѣстами солонцеватую, почву, ближе къ горамъ становящуюся хрящеватою. Названный водостокъ сначала усыпанъ по своему ложу камнемъ, потомъ занесенъ пескомъ, но вездѣ виденъ превосходно. Какъ видно на обрывахъ и вообще на его обнаженіяхъ, достигающихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ до 12 саженей въ высоту, дно мѣстныхъ песковъ составляется щебнемъ съ глиною, нерѣдко сбившимися въ довольно плотный конгломератъ, на которомъ лежатъ перемежающіеся горизонтальные и слабо волнистые пласты глины и чистаго, мелкаго, сильно слежавшагося песка. Мощность отдѣльныхъ пластовъ колеблется отъ нѣсколькихъ вершковъ до аршина съ лишнимъ. И вотъ уже на этомъ фундаментѣ нагромождаются сыпучіе и вообще мало цементированные пески съ ихъ очень высокими барханами, буграми, долинами и

котловинами. Растительность богатая, преимущественно кустарная, и болѣе разнообразная, чѣмъ по дорогѣ изъ *Муджнабада* въ *Фендуктъ*, хотя саксаулъ здѣсь не образуетъ лѣсовъ и встрѣчается лишь отдѣльными деревьями. Обращаютъ на себя вниманіе свѣтлыя, рѣдкоствольныя рощи «доудара» и мѣстами густыя заросли пышной и высокой Ephedra, представляющей, собственно говоря, цѣлыя деревья, стволы и главныя вѣтви которыхъ либо лежатъ на пескѣ, либо засыпаны имъ такимъ образомъ, что вверхъ, на высоту превышающую человѣческій ростъ, поднимаются лишь легкія вѣтви съ ихъ обычными вертикальными, зелеными стволиками. Животное населеніе сравнительно обильное и разнообразное, не то́ что въ полынныхъ подгоріяхъ и степяхъ, которыми бо̀льшею частью приходилось мнѣ слѣдовать на пути изъ *Мешеда*. Ради него забывается усталость и чувствуется приливъ бодрости; ради него порою завеселится душа и сердце забьется скорѣе.

Міръ пресмыкающихся представленъ особенно богато. Среди ящерицъ во множествѣ встрѣчаются: Megalochilus auritus var. nov., Scapteira sp., Eremias sp. nov., Phrynocephalus ornatus (и много рѣже Phr. olivieri); часто Eremias persica и E. guttulata, Agama sanguinolenta, Varanus caspius; въ норахъ и трещинахъ береговъ водостока я видѣлъ Gymnodactylus caspius, а ночью, при свѣтѣ фонаря, ловилъ Crossobamon eversmanni и Teratoscincus zarudnyi, наблюдалъ какихъ-то другихъ прыткихъ гекконовъ, которыхъ не удалось поймать, и замѣчательную Zygnopsis brevipes — «маги-хаки», т. е. песчаную рыбу; эта змѣеподобная коротконогая ящерица въ полномъ смыслѣ слова плаваетъ въ пескѣ, то выныривая на его поверхность и двигаясь по ней, то моментально ныряя и исчезая въ глубинѣ. Изъ змѣй здѣсь много пустынныхъ гадюкъ — Echys arenicola, песчаныхъ удавовъ — Eryx sp., Psammophys leythi, Zamenis karelini, Taphrometopon lineolatum; рѣже попадаются очковыя змѣи — Naja tripudians var. coeca, рогатыя гадюки — Vipera persica, Trigonocephalus halys, Dipsadomorphus trigonatus, Contia walteri и Lithorrhynchus

ridgewayi. Поверхность песковъ усѣяна слѣдами всевозможныхъ мелкихъ звѣрушекъ: часто видишь ежей (*харъ-пуштъ*), лисицъ и зайцевъ; судя по слѣдамъ, здѣсь обыкновенны волки и дикобразы; нерѣдки джейраны, принадлежащіе, какъ я убѣдился на убитомъ мною звѣрѣ, къ виду Gazella subgutturosa.

Птичье населеніе въ общемъ не богато. Нерѣдко попадаются какелики (Caccabis chukar) и пустынныя куропатки (Ammoperdix bonhami), что для безводныхъ песковъ странно. Часто веселая и подвижная скотоцерочка (Scotocerca inquieta), крупная пустынная пѣночка (Iduna languida), пустынный чеканъ (Saxicola deserti); въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются воробьи двухъ видовъ (Passer indicus и Passer simplex zarudnyi), сойки (Podoces pleskei), пустынные горные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides), степныя щеврицы (Anthus campestris), аральскія славки (Sylvia aralensis), рыжехвостые соловьи (Aëdon familiaris), мелкія пустынныя пѣночки (Iduna rama), египетскіе козодои (Caprimulgus aegyptius), кукушки (Cuculus canorus), степные сарычи (Buteo ferox) и степные кречетà или балобаны (Gennaja sacer). По норамъ и трещинамъ береговыхъ обрывовъ водостока въ дружномъ сожительствѣ гнѣздились удоды (Upupa epops), сиворакушки (Coracias garrula), красные кобчики (Cerchneis cenchris), совки (Athene bactriana) и индійскіе воробьи (Passer indicus). Часто наблюдались залетные горные виды.

Съ высоты самыхъ большихъ бархановъ по дорогѣ на *Чарахсъ* видно, что пески не идутъ сплошною полосою до соленаго болота *Дакке-Петиргунъ*, а прорѣзаются съ ЗЮЗ. на ВСВ. узкою равниною, поросшею на своей супесчаной и мѣстами солонцеватой почвѣ изобильными кустами Zygophyllum и составляющею продолженіе равнины ахангерунской. Именно по этой равнинѣ бѣжитъ въ *Дакке-Петиргунъ* рѣчка *Рудъ-и-Ахангерунъ*, сухая въ теплые мѣсяцы года. Пески, залегающіе къ югу отъ нея, не только близко подходятъ къ невысокому хребту *Кухъ-и-Чарỳ*, отходящему отъ Ахангерунскихъ горъ къ ЮЮВ., но даже вползаютъ на нижнія части его склоновъ.

Хребетъ *Мамедъ-абадъ*, обозначенный на картахъ идущимъ отъ хребта *Кухъ-и-Ходже* до с. *Ахангерунъ*, въ дѣйствительности въ этихъ границахъ неизвѣстенъ, какъ неизвѣстенъ въ обозначенныхъ на тѣхъ-же картахъ границахъ (далѣе къ ЮЮВ.) хребетъ *Гезикъ*. Зиркухская пустыня съ юго-западной стороны и равнины *Дакке-Петиргунъ* на юго-западѣ и западѣ ограничены высокою горною страною, край которой разсыпается на слѣдующія хребтовыя поднятія: *Кухъ-и-Хаджи* (*Кухъ-и-Ходже*), *Кухъ-и-Аткуль*, *Кухъ-и-Ахангерунъ* — со стороны равнинъ *Зиркуха*; *Кухъ-и-Даригъ*, *Кухъ-и-Чару*, *Кухъ-и-Ходже*, *Кухъ-и-Туджнутъ*, *Кухъ-и-Гозохъ* — со стороны равнинъ *Дакке-Петиргунъ*. Кстати, никто въ *Ахангерунѣ* и далѣе по пути моего слѣдованія не зналъ названій двухъ пунктовъ, нанесенныхъ на картахъ, именно: *Даредже-паинъ* и *Даредже-бала* (между *Ахангеруномъ* и хорошо вездѣ здѣсь извѣстнымъ селеніемъ *Туджнутъ*).

Мнѣ не удалось побывать ни на соленомъ озерѣ *Немексаръ*, ни на соленомъ болотѣ *Петиргунъ*, такъ какъ я долженъ былъ торопиться далѣе на югъ.

Изъ *Ахангеруна* до *Дакке-Петиргунъ* считается 9 шестиверстныхъ фарсанговъ; по этому пути, въ 5—6 фарсангахъ, имѣется прѣсноводный колодезь *Дастъ-и-Керду*. Вода въ этомъ соленомъ самосадочномъ болотѣ, какъ мнѣ говорили, держится круглый годъ; сплошной водной поверхности оно будто-бы никогда не представляетъ и скорѣе имѣетъ видъ множества плёсовъ; глубина этихъ послѣднихъ, такъ-же какъ и въ *Немексарѣ*, незначительна и лишь изрѣдка достигаетъ высоты человѣческаго роста; не только лѣтомъ, но и зимою, въ очень многихъ мѣстахъ оно проходимо въ широтномъ направленіи; рѣзко очерченныхъ береговъ имѣетъ очень мало; въ старину, даже на памяти старожиловъ, было гораздо глубже и полноводнѣе. Въ окрестностяхъ болота, такъ-же какъ и въ степяхъ вокругъ *Немаксара*, въ великомъ множествѣ обитаютъ куланы (Equus hemionus) и антилопы (Gazella subgutturosa). Въ старые годы, по преданію, здѣсь

встрѣчались дикія лошади, для которыхъ даже имѣется особенное названіе — «гуръ-аспъ», въ отличіе отъ кулановъ — «гуръ-харъ».

Отъ с. Ахангерунъ черезъ г. Дурухъ на колодезь Чахъ-и-Зиру (26 апрѣля — 4 мая).

Идемъ на югъ въ горы, вверхъ по сухому руслу рѣчки *Рудъ-и-Ахангерунъ*. Предгорій мало, и мы почти сразу съ сильно поднятой подгорной равнины попадаемъ въ высокія, скалистыя горы. Вскорѣ встрѣчаемъ маленькій арыкъ, получающій свою замѣтно солоноватую воду изъ того-же русла, выше; берегà его довольно густо поросли тамариксовыми кустами. Верстахъ въ 4 отъ селенія, гдѣ русло бѣжитъ въ скалистомъ ущельѣ, на вершинѣ горы и съ лѣвой стороны этого послѣдняго, находятся весьма древнія развалины какого-то укрѣпленія — *Кале-и-Дохтеръ*. Окрестныя горы изобильно поросли фисташкою (Pistacia kinguk) и различными высокими кустарниками; ущелье спускается къ дну русла мѣстами отвѣсными стѣнами и кажется живописнымъ. Вскорѣ арыкъ переходитъ въ ручей, въ этомъ мѣстѣ запруженный; воды въ немъ становится все больше и больше, а его берега поростаютъ густою чащею высокаго цвѣтущаго тамарикса съ поднимающимися надъ нею одиночными деревьями ивы. Верстахъ въ $8^1/_2$—9 отъ *Ахангеруна* ущелье сильно стѣсняется скалами, за которыми оно снова расширяется и на этотъ разъ уже въ долину. Непосредственно за этою съуженною частью находятся источники упомянутаго ручья, имѣющіе видъ болотецъ и родничковъ на маленькихъ солонцахъ и крошечныхъ лужкахъ, поросшихъ жесткою низенькою кугою. Горы теряютъ скалистый и живописный характеръ, пріобрѣтаютъ болѣе мягкія очертанія и находятся въ болѣе сильной степени разрушенія; растительность становится болѣе скудною, а фисташка почти совсѣмъ исчезаетъ; лишь кое-гдѣ на немногихъ выступахъ дикаго камня, вы-

дающагося изъ прикрывающихъ горный скелетъ мягкихъ породъ, виднѣются одинокія деревья. Дно долины усыпано камнемъ. Она вскорѣ развѣтвляется, а вмѣстѣ съ нею развѣтвляется и дорога: лѣвая вѣтвь ведетъ къ маленькому селенію *Келяте-Надиръ* со скуднымъ садомъ и довольно плохими нивами (5 домовъ, орошается кяризнымъ ручейкомъ съ солоноватою водою, всецѣло расходуемою на мѣстныя нужды), видными отъ мѣста развѣтвленія; правая вѣтвь — по ней лежитъ нашъ путь — направляется по главному руслу *Рудъ-и-Ахангерунъ* и вскорѣ принимаетъ тропу, ведущую изъ *Келяте-Надиръ* и непосредственно около него дѣлающую невысокій перевалъ черезъ возвышенную гряду съ обнаженіями сѣраго гранита. На 16-й верстѣ встрѣчаемъ арыкъ съ сильно солоноватою, но для питья, однако, вполнѣ пригодною, водою; онъ выведенъ изъ новаго ручья, выше по тому-же руслу *Рудъ-и-Ахангерунъ*, и орошаетъ скудныя пашни, раздѣланныя террасами по горному склону. Здѣсь дорога снова развѣтвляется: мы идемъ лѣвою вѣтвью и невдалекѣ въ лощинѣ, куда направляется правая вѣтвь, видимъ сады небольшаго селенія. Все время поднимаясь по руслу *Рудъ-и-Ахангерунъ*, мы на 21-й верстѣ достигаемъ довольно пологаго, но очень высокаго, перевала среди относительно небольшихъ пустынныхъ возвышенностей, находящихся въ сильнѣйшей степени разрушенія. Къ востоку отъ него виднѣется короткій и высокій горный хребетъ *Кухъ-и-Севасти*, соединяющійся съ вышеупомянутымъ *Кухъ-и-Гозохъ*. Вскорѣ пересѣкаемъ весьма торную тропу, ведущую изъ большого селенія *Дорохшъ* (въ округѣ *Сунни-Хане*) къ селенію *Гозохтъ* и далѣе къ соленому болоту *Дакке-Петиргунъ*; по ней транспортируется соль. Съ перевала спускаемся въ новую долину, водостокъ которой уже склоняется въ верхнюю часть *Гезикской долины*. Дальнѣйшая дорога пролегаетъ среди холмовъ; нѣкоторые изъ нихъ скалисты и выстроены изъ серпентина, среди котловинъ и холмистыхъ цѣпей, имѣющихъ степеподобный характеръ, покрытыхъ щебнемъ и поросшихъ самою скудною растительностью; мѣстами, особенно въ низинахъ, почва покрыта соляными выпа-

ринами и накипями. Сдѣлавъ два довольно высокихъ перевала, спускаемся по водостоку къ выведенному около него кяризику; вода этого послѣдняго прѣсная; она наводняетъ прудикъ, изъ котораго и расходуется на орошеніе полей близьлежащаго селенія *Гульмирунъ*. Здѣсь мы разбиваемъ свой станъ, сдѣлавъ отъ *Ахангеруна* 29 верстъ.

Гульмирунъ (умершій цвѣтокъ) представляетъ жалкое селеніе въ 5 домовъ. Оно располагается въ сѣверной части широкой долины, протянувшейся съ сѣвера на югъ между хребтомъ *Кухъ-и-Гезикъ* и тѣми горами, которыя отдѣляютъ ее отъ сосѣдней долины *Сунни-Хане*. Къ востоку, т. е. въ сторону *Кухъ-и-Гезикъ*, первая долина поднята весьма сильно, вслѣдствіе чего ея главный водостокъ, уже издали прекрасно замѣтный сквозь дымку воздуха въ видѣ извилистой бѣлой ленты, лежитъ ближе къ западнымъ горамъ.

Къ западу отъ селенія, невдалекѣ, поднимаются холмы съ мягкими очертаніями; къ востоку — хребетъ, въ верхней области скалистый, составляющій одно изъ развѣтвленій сѣвернаго окончанія *Кухъ-и-Гезикъ*, главныя массы котораго за нимъ скрываются. На юго-западѣ, загораживая соотвѣтствующій горизонтъ, виднѣется своею верхнею областью хребетъ *Моминъабадъ*, передъ которымъ три горныхъ цѣпи, поднимающихся одна изъ-за другой и отдѣляющихъ *Гезикскую долину* отъ *Сунни-Хане*; абсолютная высота этихъ цѣпей постепенно уменьшается къ нашей долинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ видно изъ с. *Гульмирунъ*), направляясь къ югу, они оканчиваются передъ г. *Гезикъ* и сравниваются съ равнинами, начиная съ самой низкой, т. е. съ ближайшей къ намъ. На СЗ. виденъ хребетъ *Гейранэ* и вершины высокаго горнаго узла, соединяющаго хребты *Се-Ченгунъ* и *Гейранэ* съ тѣмъ, черезъ который нами былъ сдѣланъ перевалъ по дорогѣ изъ *Ахангеруна*.

Дорога изъ *Гульмирунъ* въ г. *Гезикъ* (28 верстъ) идетъ все время вдоль западнаго подножія хребта *Кухъ-и-Гезикъ*. Этотъ послѣдній, какъ сказалъ я выше, у сѣвернаго своего окончанія

разсыпался на короткія, скалистыя цѣпи; онѣ поросли отдѣльно стоящими фисташковыми деревьями и во многихъ мѣстахъ пестрѣютъ свѣтло-зелеными скатами, на которыхъ еще не посохли нѣжные злаки. На 9-й верстѣ переходимъ черезъ широкій, усыпанный крупнымъ камнемъ, водостокъ, по которому зеленѣютъ отдѣльно-стоящія массивныя фисташковыя деревья съ удивительно густою чащею вѣтвей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега этого водостока представляютъ отвѣсныя кручи въ нѣсколько саженей высоты. Въ недальнемъ разстояніи пересѣкаемъ еще два водостока того-же самаго типа. На крутомъ подъемѣ подъ скалами коренного хребта на общемъ буроватомъ фонѣ рѣзко выдѣляется въ сторонѣ отъ дороги яркое зеленое пятно: здѣсь мокрое мѣсто, заросшее низкорослою кугою и мелкою, мягкою и густою травкою; повсюду съ него сочится вкусная, холодная вода, въ нѣсколькихъ мѣстахъ спущенная въ ямки и канавки. На половинѣ пути мы пересѣкаемъ кяризикъ, выведенный въ прудъ, изъ котораго вода по арыку выливается для орошенія чахлыхъ полей жалкой деревушки *Келяте-Маргъ*, виднѣющейся невдалекѣ вправо отъ дороги и уже издали примѣтной по нѣсколькимъ ивовымъ деревьямъ. Влѣво отъ дороги, подъ кореннымъ хребтомъ въ щели замѣчается крошечная келяте. Отсюда мы пересѣкаемъ еще два водостока, изъ которыхъ второй имѣетъ видъ очень широкой, крупно- и мелко-каменистой розсыпи; первый же, обозначаясь на своемъ пути фисташковыми деревьями, вмѣстѣ съ предшествовавшими водостоками выбѣгаетъ на дно равнины, сливается здѣсь съ главнымъ ея русломъ и среди мягкихъ почвъ образуетъ обширную каменистую мѣстность, занятую весьма свѣтлымъ и рѣдкоствольнымъ лѣсомъ. До сихъ поръ въ районѣ дороги разстилается высокая полынная степь, усыпанная камнемъ и поросшая Atraphaxis'омъ (преимущественно по водостокамъ) и колючими кустарниками изъ рода Amygdalus. Отсюда же вплоть до г. *Гезикъ* идетъ волнистая степь съ еще болѣе каменистымъ грунтомъ и кромѣ полыни довольно изобильно покрытая низкою эфедрою и кустиками нѣсколькихъ другихъ горныхъ

растеній. Съ вершины одной изъ ея волнъ, уже болѣе чѣмъ въ семи верстахъ разстоянія, виденъ городъ *Гезикъ* съ его обширными садами и полями.

Гезикъ располагается въ узкой долинѣ между хребтомъ своего имени — на востокѣ и скалистою, сильно пересѣченною горною группою — на западѣ. Горныя цѣпи, сопровождающія Гезикскую долину съ западной ея стороны, не доходятъ до этой группы и оставляютъ здѣсь сѣдловину, по которой спускается въ долину *Сунни-хане* главный водостокъ; послѣдній же изъ вышеупомянутыхъ водостоковъ, пересѣченныхъ нами по дорогѣ изъ *Гульмирунъ*, направляется къ *Гезику* и въ ту котловину, которая лежитъ отъ него къ югу. По устнымъ свѣдѣніямъ, хотя главная масса водъ, сбѣгающихъ въ прохладное время года изъ верховыхъ частей долины, направляется вообще въ *Сунни-хане*, тѣмъ не менѣе, въ многоводные годы, часть ихъ проникаетъ къ *Гезику*, благодаря незначительной высотѣ водораздѣла. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, на существующихъ картахъ для описываемой мѣстности допущены большія неточности.

Гезикъ орошается водами четырехъ сильныхъ кяризовъ. Ни рѣчки, ни родниковъ въ непосредственной близости города не существуетъ. Населенъ онъ таджиками-суннитами и имѣетъ около 500 домовъ. Располагается на правомъ берегу мѣстнаго водостока подъ восточными возвышенностями. Сады обширны, но разнообразіемъ породъ не отличаются; они состоятъ главнымъ образомъ изъ тутовника, граната, джидды и анаба. Хлѣбъ исключительно поливной (абй). Изъ огородныхъ овощей можно упомянуть о безвкусной редискѣ и о поспѣвающей въ концѣ сентября и въ октябрѣ свекловицѣ; арбузы и дыни плохого качества; въ небольшомъ количествѣ разводятся: марена (ализарй), конопля и шафранъ (заферанъ); изъ зеренъ этого послѣдняго приготовляется масло, а изъ высушенныхъ на солнцѣ цвѣточныхъ лепестковъ — краска; макъ воздѣлывается въ значительномъ количествѣ, какъ обыкновенный (хашхашъ), такъ, въ особенности, и опійный (тирьекъ). Въ окрестностяхъ города имѣется нѣсколько келяте.

Въ послѣднее время онъ, вѣроятно, разросся, такъ какъ много домовъ выстроено внѣ крѣпостныхъ стѣнъ; эти послѣднія ничего внушительнаго не представляютъ.

Горы *Кухъ-и-Гезикъ* въ окрестностяхъ города находятся въ сильной степени разрушенія, покрыты лишь самою скудною растительностью, мѣстами исчезающею окончательно. Онѣ представляютъ настоящую пустыню, съ красноватыми и сѣроватыми цвѣтами общаго фона, а розсыпи и сплошной щебень, покрывающіе ихъ склоны, придаютъ имъ самый печальный и безотрадный видъ. Невысокія горы, лежащія непосредственно къ западу отъ Гезика, со стороны этого города, сложены въ основаніи изъ серпентина, во многихъ мѣстахъ обнаженнаго и образующаго скалистыя, неприступныя кручи.

Къ югу отъ Гезика его долина расширяется, особенно въ западную сторону, гдѣ между русломъ водостока и ограничивающими ее высотами она образуетъ просторную полукруглую площадь съ мягкою и плодородною почвою, воздѣланною подъ поля и хлопчато-бумажныя плантаціи. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда она впадаетъ въ котловину, кажущуюся совершенно замкнутою. Эта котловина съ востока и сѣверо-востока ограничивается хребтомъ *Кухъ-и-Гезикъ*, съ запада — невысокими, холмистыми цѣпями, составляющими продолженіе западно-гезикскихъ горъ, съ юга — степеподобною, высокою и отчасти холмистою волною, съ юго-юго-востока — скалистымъ хребтомъ *Кухъ-и-Гуразъ*. Такимъ образомъ и съ запада, и съ юга она окончательно замкнута и, слѣдовательно, отдѣляется отъ равнинъ *Сунни-Хане*, въ противоположность тому, что изображается на всѣхъ существующихъ картахъ, на которыхъ *Гезикская долина* открывается на равнины «*Сунни-Хане*», а ея водостокъ впадаетъ въ главный водостокъ этихъ послѣднихъ невдалекѣ отъ селенія *Авазъ*!

На склонѣ хребта *Кухъ-и-Гуразъ*, къ юго-востоку отъ г. *Гезикъ*, темнѣетъ своими садами селеніе *Гермоу*, иначе называемое *Абъ-и-Гермъ*, т. е. «горячія вòды». Въ немъ имѣется зіаретъ (святыня), именно гробница Султанъ-Ибрагимъ-Риза, брата

имама Риза. Ниже этого селенія и гораздо ближе къ дну котловины располагаются развалины *Мадъ-абадъ*. Въ той-же юго-восточной сторонѣ (нѣсколько восточнѣе этихъ послѣднихъ) на каменистой подгорной равнинѣ хребта *Кухъ-и-Гезикъ* виднѣется большое селеніе *Авазъ*.

Дно восточной части котловины, ближе къ *Авазъ* и *Мадъ-абадъ*, покрыто обширными площадями мягкой намывной глины, поросшей тамариксовыми кустами и нанесенной сюда водами Гезикскаго водостока, который здѣсь оканчивается. Въ годы, обильные атмосферными осадками, эта мѣстность наводняется на высоту до $2^1/_2$—3 футовъ, при чемъ часть водъ стекаетъ между хребтами *Кухъ-и-Гезикъ* и *Кухъ-и-Гуразъ* черезъ ущелье *Дагнэ-и-Шивали* на равнины пустыни *Дакке-Тунди*; по устнымъ свѣдѣніямъ онѣ добѣгаютъ до русла *Хафтъ-Рудъ*.

Посвятивъ цѣлый день 28 апрѣля на экскурсированіе въ окрестностяхъ г. *Гезикъ*, мы на слѣдующій день сдѣлали переходъ въ с. *Теббесъ*, до котораго около 21 версты. Сначала идемъ внизъ по мѣстному водостоку. Дорога вскорѣ развѣтвляется: одна вѣтвь выходитъ изъ водостока на каменистую равнину и идетъ къ с. *Авазъ*, другая-же, по которой мы слѣдуемъ, такъ-же оставляетъ его (съ лѣвой стороны) и подводитъ къ кяризному ручью, съ слегка солоноватою водою и выведенному тутъ-же; передъ тѣмъ какъ оросить ниже лежащія пашни, онъ приводитъ въ движеніе мельницу. Около этой послѣдней дорога сворачиваетъ на югъ, оставляетъ вправо западные холмы котловины и, постепенно поднимаясь, идетъ грубо-щебнистыми почвами подгорныхъ равнинъ, вскорѣ смѣняющимися мелко-щебнистыми, супесчаными и, наконецъ, ближе къ холмамъ, ограничивающимъ котловину съ юга, — песчаными; да и сами холмы засыпаны навѣяннымъ на нихъ пескомъ такимъ образомъ, что лишь только кое-гдѣ выступаютъ ихъ основныя породы. Несмотря на то, что песокъ лежитъ здѣсь толстымъ слоемъ, растительность, на немъ наблюдаемая, почти исключительно та самая, которая присуща здѣшнимъ холмистымъ и каменистымъ степямъ, и имѣетъ

лишь самую незначительную примѣсь породъ, свойственныхъ настоящей песчаной флорѣ (нѣкоторыя легкія травы). Вмѣстѣ съ тѣмъ и фауна рептилій представлена въ нихъ видами, вовсе для песковъ не типичными, какъ напр.: агамами (Agama sanguinolenta), Оливьеровыми круглоголовками (Phrynocephalus olivieri), ящерками (Eremias persica и E. guttulata), Zamenis karelini, Zamenis ravergieri, Contia fasciata и Eryx sp. Песчаный характеръ мѣстности остается до перевала, котораго мы достигаемъ приблизительно въ 9—10 верстахъ отъ г. *Гезикъ*. Съ перевала спускаемся среди холмистыхъ цѣпей съ мягкими очертаніями въ неглубокую долину съ хрящевато-супесчаною почвою, которая покрыта самою скудною растительностью и постепенно расширяется; она открывается на обширную равнину, въ видѣ котловины, въ глубокихъ частяхъ покрытую мягкими, глинистыми намывными почвами; эта равнина составляетъ южное окончаніе широкой долины *Сунни-Хане*. Сейчасъ-же за переваломъ наша дорога даетъ вправо вѣтвь, идущую въ с. с. *Фейзабадъ* и *Испи*[1]), затѣмъ выходитъ изъ холмовъ и, пройдя мимо хоуза съ хорошею водою (ее хватаетъ только до конца іюня)[2]), приводитъ въ с. *Теббесъ*. Съ высоты перевала, по ту сторону долины *Сунни-Хане*, въ западной сторонѣ виднѣются селенія *Фуркъ* и *Арефуркъ*.

Въ *Теббесъ* насчитывается болѣе 150 домовъ. Располагается онъ на плоскомъ бугрѣ, окруженъ высокими глиняными стѣнами и глубокимъ рвомъ. Къ нему относятся 5 деревень. Хорошихъ садовъ нигдѣ здѣсь не имѣется, какъ благодаря свойствамъ грунта, такъ и по причинѣ вѣтровъ (сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ), часто свирѣпствующихъ въ этой странѣ; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства затрудняется также произрастаніе дынь и въ особенности арбузовъ, плети которыхъ нерѣдко сминаются и даже вырываются вѣтромъ.

---

1) Въ горахъ къ ЗЮЗ. отъ *Теббеса*, по ту сторону *Сунни-Хане* и южнѣе селенія *Фуркъ*.

2) Въ 2—2½ верстахъ не доходя до *Теббеса*.

От Теббеса почти прямо на югъ виднѣется три селенія: *Дастъ-Гиртъ*, *Мадъ-абадъ* и *Али-абадъ*. Къ сѣверо-востоку, черезъ высокій горный склонъ идетъ дорога въ вышеупомянутый *Абъ-и-Гермъ* съ его зіаретомъ и горячими ключами.

Переходъ изъ *Теббеса* въ с. *Риза* (на картахъ — *Рееза*, *Ризахъ*) тянется на 21 версту. Дорога идетъ сначала прямо на югъ, среди обширныхъ полей. Пройдя мимо с. *Гуразъ*, оставляя его влѣво, она вскорѣ вступаетъ на мягкую глину, поросшую кустами чрезвычайно колючаго мелколиственнаго кустарника; почва мѣстами становится сырою и покрывается солянковыми растеніями. Вскорѣ появляются родники соленой воды и сопровождающій ихъ колючій камышъ; они сливаются въ ручейки и образуютъ въ юго-восточной части котловины довольно большое соленое болото, изобильно поросшее тамариксомъ и тѣмъ-же колючимъ камышомъ; къ осени оно сильно, а иногда и совсѣмъ, осыхаетъ. Огибаемъ сѣверную окраину болота и, оставивъ влѣво маленькое селеніе *Келяте-Мулла-Али*, подходимъ къ ущелью между хребтами *Кямаръ-и-Шуркё* (иначе *Кухъ-и-Турушабъ*) и *Кухъ-и-Пирустадъ*. Здѣсь мы находимъ полноводный соленый ручей, сложившійся изъ родниковъ и ручейковъ соленаго болота. Въ началѣ ущелья, по ту сторону ручья, возвышается одинокая серпентиновая скала съ развалинами *Пирустадъ*.

Болото вмѣстѣ съ прилегающими къ нему низкими частями котловины составляетъ урочище *Джольге-и-Теббесъ*. Оно принимаетъ въ себя избытокъ всѣхъ водъ, текущихъ въ долину *Сунни-Хане* съ окружающихъ ее высотъ: съ хребта *Гейране* (черезъ округъ города *Дареміанъ*), съ высотъ, лежащихъ къ сѣверу отъ *Гульмируна* (по тому водостоку, который впадаетъ въ *Сунни-Хане* къ сѣверу отъ западныхъ *Гезикскихъ горъ*) и съ того, неизвѣстнаго мнѣ по имени, хребта, который отдѣляетъ равнину *Дештъ-и-Гуссейнабадъ* отъ южной части *Сунни-Хане*. Надо замѣтить, что всѣ эти стоки на днѣ этой послѣдней не имѣютъ хорошо выработанныхъ руселъ и бо̀льшею частью разливаютъ свои воды прямо на равнину, гдѣ путемъ осажденія и образуются

большія и малыя площади мягкой глины. Уже отсюда воды сливаются въ *Джольге-и-Теббесъ*; часть ихъ конечно проникаетъ въ это послѣднее подземнымъ путемъ.

Такимъ образомъ южная часть долины *Сунни-Хане* представляетъ котловину съ выходомъ въ видѣ ущелья на юго-востокѣ. Эта котловина въ сѣверо-западной своей сторонѣ отдѣляется отъ собственно долины *Сунни-Хане*, лежащей между восточными отрогами хребта *Моминъ-абадъ* и горными цѣпями, идущими отъ *Гульмируна* къ юго-востоку, холмистою невысокою волною, прорванною узкимъ промежуткомъ, сквозь который и изливаются на нее воды долины. Восточный или, правильнѣе, сѣверо-восточный ея край ограниченъ слѣдующими хребтами, начиная съ сѣвера: *Кухъ-и-Гуразъ*, *Кухъ-и-Гучинъ* (очень высокій), *Кухъ-и-Турушабъ* (*Кямаръ-и-Шурку*), загораживающій подножія *Кухъ-и-Гучинъ* и *Кухъ-и-Пирустадъ*.

Дальнѣйшая дорога въ с. *Риза* проходитъ почти все время сейчасъ упомянутымъ ущельемъ, входъ въ которое лежитъ приблизительно на половинѣ пути изъ *Теббеса*. Дно его, прорѣзанное протоками соленой рѣчки, густо заросло тамариксомъ и высокою кормовою травою. Берега рѣчного русла вспучены сопками рыхлой, солонцеватой глины. Высоты лѣвой стороны собственно ущелья состоятъ изъ серпентина, поднимающагося иногда скалами и вообще находящагося въ сильной степени разрушенія; чернѣютъ и блестятъ его камни, издали походя то на громадные куски шлака, то на глыбы полированнаго чугуна; высоты правой стороны состоятъ изъ плотныхъ песчаниковъ, также разрушенныхъ. Горы безплодны и покрыты скуднѣйшей растительностью. Какъ можно думать, описываемое ущелье поверхъ каменныхъ породъ своего дна когда-то было затянуто на значительную глубину глиною, снесенною сюда съ боковыхъ горъ и вѣроятно изъ оставленной нами котловины. Затѣмъ, съ образованіемъ прорыва гдѣ-нибудь въ нижнихъ частяхъ ущелья и съ неизбѣжнымъ развитіемъ водостока или рѣчки, эта послѣдняя стала размывать глинистое ложе и частью окончательно смыла его съ

камня основанія, частью прорыла въ немъ современные яры, на цѣлыя версты сохраняющіе горизонтальность своихъ слоевъ и, по мѣрѣ пониженія ущелья, какъ и слѣдуетъ быть, становящіеся болѣе крутыми и высокими. На каменистыхъ склонахъ ущелья встрѣчаются массивные, высокіе глиняные столбы, образованіе которыхъ можетъ быть объяснено только указаннымъ способомъ, именно они должны представлять не что иное, какъ обмытые водою остатки прежняго высокаго глинистаго ложа. Спустившись на нѣсколько верстъ по ущелью, дорога оставляетъ его влѣво и дѣлаетъ перевалъ черезъ горы его правой стороны. Немного не доходя до подъема на перевалъ, по ту сторону рѣчки, на лѣвой сторонѣ ущелья и на небольшой высотѣ имѣется два родника съ совершенно прѣсною водою, но ея такъ мало, что и на троихъ человѣкъ не хватило бы; мѣста, на которыхъ находятся эти родники, рельефно обозначены высокими кустами какого-то злака; его зелень является единственною на всемъ протяженіи этого горнаго склона и уже издали выдѣляется на немъ въ видѣ яркаго пятна. Съ высоты перевала, верстахъ въ двухъ, виднѣется внизу с. *Риза.*

Селеніе *Риза* находится на днѣ котловины среди горъ. Оно располагается на правомъ берегу упомянутой соленой рѣчки (*Рудъ-и-Шуръ* — ея названіе), которая сворачиваетъ сюда, предварительно обогнувъ ту возвышенность, черезъ которую мы сдѣлали перевалъ. Въ немъ считается около 30 домовъ; садовъ много; орошается двумя кяризами съ хорошею водою, но въ одномъ изъ нихъ она имѣетъ замѣтный солоноватый вкусъ. Населеніе составляется таджиками-суннитами. Почва сѣверной, болѣе низкой, части котловины глинистая, часто рыхлая золисто-солонцеватая, мѣстами вспученная сопочками и часто съ соляною накипью на поверхности. Мѣстныя пашни располагаются въ южной, болѣе высокой части, гдѣ почва хотя и болѣе щебниста, но за то не солонцевата. На сѣверо-западѣ отъ селенія, въ горахъ по ту сторону котловины, имѣется двѣ келяте, орошаемыя родниками съ очень хорошею водою.

Соленая рѣчка отъ с. *Риза* направляется къ ССВ. и верстахъ въ $4^1/_2$—5 отъ него входитъ въ ущелье между хребтами: *Кухъ-и-Гучинъ* на западѣ и сѣверными отрогами *Кухъ-и-Махуникъ* на востокѣ. Обогнувъ эти послѣдніе, она сворачиваетъ къ юго-востоку, въ пустыню *Дештъ-и-Наумедъ*, и здѣсь, слившись будто-бы съ Гезикскимъ водостокомъ, вышедшимъ изъ пустыни *Дакке-Тунди*, образуетъ русло *Хафтъ-Рудъ*, которое впадаетъ въ рѣку Харудъ и, слѣдовательно, принадлежитъ бассейну *Сеистана*. Я проходилъ внизъ по рѣчкѣ верстъ на 12. Ея берега и во многихъ мѣстахъ русло заросли тамариксомъ. Вода, повсюду негодная для питья, мѣстами скрывается въ руслѣ, мѣстами снова выходитъ на поверхность и притомъ сильными струями; въ ней много рыбы. Животное населеніе окрестностей отличается крайнею бѣдностью, и экскурсированіе по нимъ доставляетъ весьма мало удовольствія. Въ трещинахъ глины, покрывающей сухія части русла и его берега, во множествѣ обитаютъ клещи; на шумъ шаговъ они выбѣгаютъ цѣлыми десятками изъ своихъ убѣжищъ и быстро направляются къ человѣку.

Изъ *Риза* мы переходимъ въ с. *Махуникъ*, до котораго около 30 верстъ. Дорога все время проходитъ горами. Необходимъ проводникъ.

Общее направленіе пути юго-юго-восточное. Идемъ вверхъ по широкому каменистому водостоку, имѣя съ лѣвой стороны высокую горную цѣпь (сѣверное ея окончаніе подходитъ почти къ самому селенію), постепенно поднимающуюся къ югу; верхняя и средняя ея области представляютъ почти отвѣсныя стѣны; растительность во многихъ мѣстахъ почти совсѣмъ отсутствуетъ; въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются одинокія фисташковыя деревья, попадающіяся также и по руслу водостока. Горы правой, западной, стороны ниже и разрушены сильнѣе. Дно водостока заросло довольно пышною кустарною растительностью. Верстахъ въ 7—8 отъ *Риза* водостокъ развѣтвляется на двѣ широкія вѣтви и въ этомъ мѣстѣ имѣетъ нѣсколько родниковъ съ хорошею прѣсною водою, ради которой здѣсь располагается

иліатское стойбище. Мы идемъ вверхъ по восточной вѣтви. Версты черезъ $3^1/_2$ она оканчивается, приведя насъ къ перевалу черезъ хребетъ *Кухъ-и-Махуникъ*; онъ покрытъ безплодными осыпавшимися холмами и къ востоку, вдали, оставляетъ виднымъ очень высокій горный хребетъ, идущій въ юго-восточную сторону. Съ перевала спускаемся въ глубокую крутобокую лощину, дно которой бѣлѣетъ соляною выпариною и прорѣзается ручьемъ, соленоводными плёсами сбѣгающимъ на западъ къ равнинамъ *Дештъ-и-Гуссейнабадъ*; эти послѣднія располагаются много ниже тѣхъ мѣстъ, которыми мы проходимъ, и хорошо видны сквозь сѣдловины горъ. Перейдя лощину съ ея ручьемъ и слѣдуя въ томъ-же ЮЮВ. направленіи, дорога дѣлаетъ еще два высокихъ и крутыхъ перевала и приводитъ на высокую неровную площадь, усыпанную щебнемъ и камнемъ, взборожденную глыбами основныхъ каменныхъ породъ, которыя выдвинулись наружу и еще уцѣлѣли отъ разрушенія. Растительности, если не считать одинокихъ чахлыхъ кустиковъ Ephedra и еще какого-то растенія съ желтыми великолѣпно пахнущими мелкими цвѣточками, здѣсь нѣтъ никакой. Отсюда слѣдуетъ гористая мѣстность, мѣстами сравнительно изобильно поросшая кустарниками, а дорога дѣлаетъ утомительные для нашихъ ишаковъ спуски и подъемы. На 16-й верстѣ мы находимъ иліатское стойбище, расположенное около родника, правда маленькаго, но за то съ прекраснѣйшею водою. Отсюда до с. *Махуникъ* остается 14 верстъ. Спускаемся къ долинѣ и сухому руслу, густо заросшему тамариксомъ. Она склоняется съ юга и у встрѣчи съ дорогою, поворотившись къ сѣверозападу, выбѣгаетъ на равнины *Дештъ-и-Гуссейнабадъ*. Дорога поднимается по долинѣ этого русла, оставляетъ вправо маленькую келяте (два дома и пашня, орошаемая родникомъ съ отличною водою) и, достигнувъ до ея вершины, вступаетъ на перевалъ, поражающій своимъ дикимъ безплодіемъ. За то горы, непосредственно за нимъ слѣдующія, довольно богаты фисташковыми деревьями и кустарниками (5 или 6 видовъ). Вправо отъ дороги снова попадается келяте (одинъ домъ, нѣсколько туто-

выхъ и ивовыхъ деревьевъ, маленькое поле и прѣсноводный родникъ). Сдѣлавъ еще одинъ подъемъ, она спускается къ вершинѣ водостока, уже склоняющагося не въ *Дештъ-и-Гуссейнабадъ*, а на равнины *Дакке-и-Дурухъ*, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. Его верхнія части покрыты густою накипью соли и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ сырую почву, а ущелье, которымъ онъ спускается, не въ примѣръ ранѣе пройденному пути, довольно живописно. Вскорѣ влѣво отъ дороги встрѣчаемъ келяте (одинъ домъ, миніатюрная пашня, скорѣе похожая на огородъ, нѣсколько кустовъ граната и тутовыхъ деревьевъ, крошечный родничокъ съ прѣсною водою). Полуверстою ниже, на днѣ все того-же русла, находимъ родники и ручеекъ, тутъ-же, черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ, впитывающійся въ почву; его вода прѣсная, но невкусная; немного ниже, подъ скалою, съ лѣвой стороны, имѣется еще одинъ родникъ съ водою лучшаго качества. Затѣмъ мы оставляемъ это русло вправо и, сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ переваловъ черезъ подгорныя волны пустыннаго и безплоднаго въ этомъ мѣстѣ хребта *Махуникъ*, вскорѣ прибываемъ къ селенію того-же названія [1]).

Селеніе *Махуникъ* (холодный мѣсяцъ) располагается на крутобокомъ бугрѣ у западнаго склона одноименнаго хребта, невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ этотъ послѣдній соединяется съ хребтомъ *Кухъ-Дурухъ-и-Ляхноу*. Оно представляетъ необыкновенно грязную и безпорядочную кучу шалашей изъ камня и дерева, надъ которою носятся цѣлыя тучи мухъ. Домовъ 42; населеніе составляется иліатами, говорящими на неправильномъ фарситскомъ языкѣ и принадлежащими къ суннитскому толку; бòльшая часть его въ настоящее время года кочуетъ со своими стадами въ горахъ. За бугромъ, къ юго-востоку отъ селенія, около водостока имѣется маленькій кяризъ, дающій единственную здѣсь воду; она выводится въ прудъ, обсаженный анабомъ и тутомъ, и уже изъ него расходуется по мѣрѣ надобности для орошенія

1) Весь описанный переходъ сдѣланъ нами въ системѣ хребта *Кухъ-и-Махуникъ*.

нѣсколькихъ садиковъ и весьма небольшихъ полей; вкусъ ея очень хорошій.

Переходъ въ с. *Дурухъ* весьма легкій (24 версты). Оставивъ кяризъ и сады, у которыхъ мы ночевали, и идя внизъ по водостоку, вскорѣ достигаемъ до русла, покинутаго нами наканунѣ, и слѣдуемъ его дномъ. Оно уже сильно расширилось и густо заросло тамариксомъ, Atraphaxis'омъ и разными другими кустарниками. На его берегахъ, а также по склонамъ прилежащихъ возвышенностей, здѣсь и тамъ попадаются фисташковыя деревья. Пройдя 9 верстъ отъ с. *Махуникъ*, дорога оставляетъ русло влѣво и, поднявшись на равнину, развившуюся съ правой его стороны, приводитъ къ келяте *Багъ-и-Сенгй*, которая лежитъ приблизительно на половинѣ дороги между *Махуникъ* и *Дурухъ*; въ ней три дома, небольшія поля, цвѣтущіе гранатовые кусты и нѣсколько тутовыхъ деревъ; орошается крошечнымъ кяризомъ, выведеннымъ въ прудъ. Тутъ-же мы снова встрѣчаемъ прежнее русло, еще болѣе расширившееся, но уже потерявшее свою пышную растительность. Здѣсь оно пробѣгаетъ долиною, обставленною безплодными горами, сильно расширяющеюся и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ келяте широкимъ устьемъ открывающеюся въ сѣверныя части равнины *Дакке-и-Дурухъ*. Около *Багъ-и-Сенгй* дорога пересѣкаетъ въ послѣдній разъ это русло и направляется къ ВЮВ. по лѣвой сторонѣ упомянутой долины, сильно каменистою степью, которая поросла полынью и кустами Amygdalus'а. Дойдя до высотъ, ее ограничивающихъ, и оставляя справа одинокіе холмы, а слѣва — гористыя и холмистыя цѣпи, мы уже до самаго *Дурухъ* идемъ каменистою равниною; непосредственно передъ селеніемъ переходимъ черезъ глубокій водостокъ, тутъ-же выбѣгающій на *Дакке-и-Дурухъ* и минуемъ мельницу, которая приводится въ движеніе кяризнымъ ручьемъ. На берегу этого послѣдняго и невдалекѣ отъ первыхъ построекъ селенія мы разбиваемъ свой бивуакъ.

Дурухъ располагается у западнаго подножія цѣпи каменистыхъ холмовъ, подъ однимъ изъ нихъ, вершина котораго укра-

шена развалинами, какъ говорятъ, весьма древняго укрѣпленія; съ западной, съ сѣверной и съ восточной стороны онъ прикрывается крутыми возвышенностями, а съ южной открывается на равнины *Дакке-и-Дурухъ*. Онъ считается городомъ («шаръ»); въ немъ 310 домовъ, а жителей около 2100 человѣкъ. Они говорятъ на фарситскомъ языкѣ, но не признаютъ себя ни за фарсовъ, ни за таджиковъ и считаютъ, что относятся къ особому отличному отъ тѣхъ народу, именно «*дорò*». Къ персамъ западныхъ частей государства относятся свысока и называютъ ихъ «каджарами»[1]). Исповѣдуютъ шіитизмъ. По устнымъ свѣдѣніямъ «дорò» населяютъ еще три селенія: *Келяте-Бала* (на картахъ—*Кала-Бала*), *Тегушкъ* (на картахъ — *Тугишкъ*), *Ляхноу*[2]) или *Ляанỳ* (на картахъ — *Лахно*) и другія, въ административномъ отношеніи зависящія вмѣстѣ съ *Махуникъ*, не населеннымъ «дорò», отъ *Дуруха*. Кстати, селенія «*Ланфъ*», обозначаемаго на картахъ, никто здѣсь не знаетъ; быть можетъ это названіе однозначуще съ *Ляанỳ*. Всѣхъ «дорò» въ этой странѣ считается около 1000 домовъ и не меньше 6500 человѣкъ; въ поле въ любой моментъ могутъ выставить около 800 вооруженныхъ всадниковъ. Пашни и сады, прикрывающіе *Дурухъ* съ южной открытой стороны, очень велики. Сады не отличаются разнообразіемъ породъ и составляются главнымъ образомъ обѣими породами тутовника (бѣлоягодный уже поспѣлъ), гранатомъ, анабомъ, джиддовникомъ и абрикосомъ; имѣется нѣсколько штукъ невысокихъ чахлыхъ финиковыхъ пальмъ, которыя въ восточной Персіи достигаютъ именно здѣсь сѣвернаго предѣла своего распространенія. Пшеница и ячмень уже поспѣваютъ.

Дурухъ (часто его называютъ *Дорохъ*, что вѣроятно правильнѣе) орошается 6 родниками съ чудеснѣйшею водою и 3 кяризами съ водою худшаго качества. Одинъ изъ этихъ кяризовъ, именно тотъ, который приводитъ въ движеніе вышеупомянутую

1) Во многихъ мѣстахъ восточной Персіи, черезъ Сеистанъ включительно до Саргада и Бампура «каджаръ» есть пренебрежительное прозвище персовъ остальныхъ частей этого государства.

2) Звукъ «х» едва слышенъ.

мельницу и уже потомъ бѣжитъ въ городъ, устроенъ очень оригинально и остроумно. Онъ начинается въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда въ долинѣ того водостока, который мы пересѣкли непосредственно передъ тѣмъ, какъ прибыть въ селеніе. Этотъ водостокъ широкъ, но коротокъ и вскорѣ раздѣляется на двѣ вѣтви, густо заросшія тамариксомъ. Около мѣста его развѣтвленія и нѣсколько выше каменистые склоны горъ, сопровождающихъ правую сторону его долины, покрываются мягкою, рыхлою, на поверхности часто какъ-бы вскипѣвшею глиною. Въ нижнихъ размытыхъ частяхъ своихъ эта послѣдняя образуетъ яры, высота которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ до 4 саженей. Изъ подножія этихъ яровъ и вообще нижняго края глины бьютъ прѣсные родники, общая высота которыхъ выше расположенія *Дуруха*, и, слѣдовательно, вода ихъ безъ затрудненія могла бы быть проведена къ селенію, если-бы они не отдѣлялись отъ него широкимъ водостокомъ. Указываемое затрудненіе въ данномъ случаѣ устраняется слѣдующимъ образомъ. Около родниковъ выкопанъ колодезь, со дна котораго подъ дномъ водостока проведенъ горизонтальный каналъ, открывающійся уже на лѣвомъ его берегу и нѣсколько ниже по склону. Воды родниковъ по канавкамъ вливаются въ колодезь, бѣгутъ подъ поверхностью водостока и выходятъ на противоположномъ берегу его; отсюда по арыку онѣ текутъ сначала къ мельницѣ, а затѣмъ направляются въ селеніе.

Вопреки тому, что нанесено на картахъ, никакихъ сплошныхъ горъ къ западу отъ *Дурухъ* не видно: здѣсь имѣются лишь одинокіе холмы и одинокія-же холмистыя цѣпи. Къ западу, юго-западу и отчасти къ юго-востоку отъ этого селенія разстилается волнистая равнина, понижающаяся къ юго-востоку и извѣстная подъ названіемъ *Тагъ-и-Дорохъ* (иногда ее называли — *Дакке-Дурухъ*, что вѣроятно неправильно)[1]. На противоположной сто-

---

1) Подъ названіемъ «Тагъ» разумѣется саксаулъ и саксауловый лѣсъ, саксаульникъ. Слѣдовательно «Тагъ-и-Дорохъ» можно перевести, какъ «саксаульникъ Дороха».

ронѣ этой равнины поднимается высокій горный хребетъ *Кухъ-и-Барунъ* (дождевыя горы) съ многочисленными отрогами. Въ этихъ горахъ, какъ мнѣ говорили, имѣются селенія: *Келяте-и-Режапъ* (5 фарсанговъ отъ Дороха), *Нахчирё* (около 4 фарсанговъ) и *Гермъ-и-Дееру* (столько-же). Въ нихъ насчитывается не больше 25 домовъ; населеніе — таджики шіитскаго толка. Мѣстные иліаты принадлежатъ къ племени *Бахлюли* и имѣютъ белуджское происхожденіе.

Равнина *Тагъ-и-Дорохъ* отдѣляется отъ равнины *Дештъ-и-Гуссейнабадъ* не хребтомъ *Кухъ-и-Гездезъ*, какъ это можно было бы думать, судя по картамъ, а горами *Кухъ-и-Чахъ-Бэна* съ нѣкоторыми другими, о которыхъ я сообщу въ своемъ мѣстѣ. Воды, стекающія на разсматриваемую равнину, изливаются съ нея къ руслу *Махрудъ*, которое впадаетъ въ рѣку *Харудъ*, принадлежащую бассейну *Сеистана. Махрудъ* представляетъ одинъ изъ главныхъ водостоковъ равнины *Тагъ-и-Дорохъ*; на немъ имѣется селеніе (10 домовъ) того-же наименованія, въ 4 фарсангахъ отъ *Дороха* и въ ВЮВ. направленіи.

Нѣкоторыя мѣста, обозначенныя на картахъ около Дороха, названы на нихъ невѣрно или не совсѣмъ вѣрно. Названіе «Басанъ» никому здѣсь не извѣстно; навѣрно оно пріурочено къ вышеупомянутой келяте *Багъ-и-Сеній*. Мѣста «*Царбинъ*» также никто не знаетъ; вѣроятно и почти навѣрно подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ подразумѣвать колодезь *Чахъ-и-Бэна*, о которомъ послѣ. «*Хуфтадрудъ*» картъ долженъ быть называемъ какъ *Хафтъ-рудъ* (иногда *Хафтадъ-рудъ*); это урочище съ прѣсною водою на водостокѣ, имѣющемъ то-же названіе и принимающемъ рѣчку *Шуре-рудъ*, которая, какъ говорилъ я выше, собираетъ вòды долины *Сунни-Хане* и *Теббесской* котловины; какъ уже было сказано, этотъ водостокъ впадаетъ въ *Харудъ*; урочище располагается въ 6 фарсангахъ отъ *Дороха* и въ 7 отъ селенія *Махрудъ*; посѣщается иліатами и осѣдлаго населенія не имѣетъ.

Отъ *Дороха* по большой дорогѣ, черезъ него проходящей и

ведущей изъ страны *Лашъ-и-Джувейнъ*, считается до г. *Бирджандъ* 24 фарсанга, изъ которыхъ 12 — до г. *Серъ-и-Бишехъ*.

Къ юго-востоку отъ этого селенія, на равнинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ виднѣется нѣсколько одинокихъ холмовъ, передъ которыми располагается развалина с. *Мадъ-абадъ*, а нѣсколько правѣе — келяте *Субукъ*; почти прямо на югъ замѣчается крошечное селеніе *Кябадъ*, а нѣсколько восточнѣе — келяте *Керимъ-абадъ*. *Субукъ* и *Керимъ-абадъ* постоянныхъ жителей не имѣютъ; ихъ небольшія поля орошаются кяризами съ дурною водою, которая, какъ говорятъ, въ прежніе годы была несравненно обильнѣе и лучшаго качества.

Посвятивъ почти весь день 3 мая экскурсированію по окрестностямъ *Дороха*, я къ вечеру этого дня приказалъ каравану перебраться въ с. *Кябадъ*, до котораго всего 6½ верстъ, съ тѣмъ чтобы назавтра сдѣлать переходъ къ колодцу *Чахъ-и-Зиру* (28 верстъ). Весь переходъ къ этому послѣднему пересѣкаетъ поперекъ и наискось равнину *Тагъ-и-Дорохъ*. До с. *Кябадъ* дорога идетъ почти совсѣмъ обнаженною каменистою степью, которая вскорѣ мѣняетъ свою почву на глинистую, мѣстами золистую и бѣлѣющую выпариною соды и соляною накипью.

Въ *Кябадѣ* два дома. Его скудныя поля орошаются кяризомъ, выведеннымъ изъ покрытой кустами тамарикса и за всѣмъ тѣмъ совершенно голой, рыхло-глинистой площади, которая вспучена среди каменистой степи въ видѣ очень плоскаго и широкаго бугра. Вода кяриза невкусная: въ ней много соды, выпаривающейся на берегу густымъ бѣлымъ налетомъ.

Изъ *Кябада* мы идемъ на югъ, слегка уклоняясь къ востоку. Почва переходитъ въ мягкую глинистую съ выдающимися изъ нея щебнистыми участками подпочвы, вскорѣ исчезающими. На разстояніи между половиною и однимъ съ половиною фарсанга пути дорога пересѣкаетъ самыя глубокія части равнины, по которымъ стекаютъ воды изъ верхнихъ сѣверо-западныхъ частей этой послѣдней и частью разливаются здѣсь по ровнымъ, гладкимъ какъ полъ площадямъ, частью сливаются далѣе къ юго-

востоку по многочисленнымъ водостокамъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣющимъ хорошо выработанныхъ береговъ; лишь нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе глубоки, но за то такъ узки, что черезъ нихъ легко можно перескочить безъ всякаго разбѣга. Эта мѣстность составляетъ урочище *Ширъ-Кугакъ* (молочная горка), по имени находящагося въ ней бѣловатаго бугра, виднаго какъ изъ *Дороха*, такъ и съ высотъ, лежащихъ около колодца *Чахъ-и-Зиру*. Въ старину, какъ разсказывали мнѣ, воды *Ширъ-Кугакъ* никогда не стекали въ русло *Махрудъ* и вообще куда-бы то ни было на равнины пустыни *Дештъ-и-Наумедъ*, какъ теперь, а частью испарялись на мѣстѣ, частью уходили въ землю; мало того, въ нѣкоторые годы онѣ будто-бы держались «отъ зимы до зимы». Весьма возможно, что въ древности, когда высота горъ была не въ примѣръ значительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ были обильнѣе атмосферные осадки, здѣсь существовало озеро. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что стокъ изъ *Тагъ-и-Дорохъ* образовался позднѣе, съ заполненіемъ котловины наносными глинами и, слѣдовательно, съ повышеніемъ ея уровня. За названнымъ урочищемъ мы, черезъ нѣсколько верстъ пути, пересѣкаемъ узкую цѣпь бугристыхъ, мѣстами сыпучихъ песковъ и начинаемъ подниматься все выше и выше, переходя одинъ за другимъ черезъ узкіе водостоки, склоняющіеся къ сѣверо-востоку. Немного не доходя до этой цѣпи и за нею почва становится песчаною, а еще черезъ нѣсколько верстъ къ ней все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ примѣшивается щебень; вмѣстѣ съ глиной онъ составляетъ господствующую почву у подножія отроговъ хребта *Кухъ-и-Барунъ*, къ которымъ, перейдя черезъ равнину, мы приблизились.

Пройденная часть равнины *Тагъ-и-Дорохъ* изобильно поросла саксауломъ, порою образующимъ на ней густой лѣсъ; высота здѣшняго саксаула незначительна и лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ сажени или немного больше; растетъ онъ бо̀льшею частью кустами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ я видѣлъ обширныя площади, занятыя совершенно высохшимъ лѣсомъ.

Никакого подсѣда нигдѣ не замѣчено, и на многія версты пути кромѣ саксаула вовсе не наблюдалось какихъ-бы то ни было другихъ растеній, если не считать изрѣдка встрѣчавшихся кустовъ тамарикса[1]).

Животное населеніе этой мѣстности отличается бѣдностью поразительною. Не говоря уже о птицахъ, даже насѣкомыхъ было видно очень мало. Единственно только міръ пресмыкающихся представленъ здѣсь болѣе или менѣе хорошо, и то только въ пескахъ.

Въ сторону горъ, *Тагъ-и-Дорохъ* даетъ широкія и узкія вѣтви, врывающіяся между горными отрогами и сохраняющія свою растительность. Сѣверо-восточные и сѣверные склоны этихъ отроговъ во многихъ мѣстахъ покрыты надутымъ на нихъ пескомъ. Одна изъ вѣтвей равнины, именно та, въ которую мы входимъ, чтобы подойти къ колодцу *Чахъ-и-Зиру*[2]), отличается наибольшею шириною; она поднимается къ юго-востоку и отчасти отдѣляетъ отроги *Кухъ-и-Барунъ* отъ отроговъ *Кухъ-и-Гермъ* (?).

Судя по всѣмъ картамъ, имѣвшимся въ моемъ распоряженіи, мы должны были на пути изъ *Дороха* къ *Чахъ-и-Зиру* перевалить черезъ хребетъ, составляющій продолженіе «*Кухъ-и-Гездезъ*». На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ вышеизложеннаго описанія, никакихъ горъ по дорогѣ мы не встрѣтили и до самаго колодца, находящагося у юго-восточныхъ развѣтвленій хребта *Кухъ-и-Барунъ*, шли все время равниною.

Колодезь *Чахъ-и-Зиру* располагается у сѣверо-восточныхъ подножій относительно невысокихъ каменистыхъ горъ, около глинистыхъ бугровъ съ рыхлою, вспученною, хрустящею подъ ногами почвою и съ бѣлою выпариною соды. Онъ собственно говоря представляетъ родникъ, разрытый четырехъ-угольной

---

1) Ближе къ горамъ саксаулъ смѣшивается съ кустами Zygophyllum и мѣстами окончательно ими замѣняется.

2) Онъ лежитъ верстахъ въ $3^1/_2$ отъ устья этой вѣтви.

ямой, которая обложена камнями. Во время нашего у него пребыванія (4—5 мая) вода переполняла яму и вытекала въ сторону струею, шаговъ на сотню. Осенью, когда я посѣтилъ этотъ колодезь 2 октября, вода сильно убыла, но все-же могла дать сразу не меньше 100 ведеръ. Она прѣсная и вкусная, но весною и лѣтомъ ее надо брать осторожно, такъ какъ въ эти времена года колодезь изображаетъ изъ себя нѣчто въ родѣ акваріума, въ которомъ кишатъ червячки, пьявки, личинки комаровъ, стрекозъ и различныхъ мухъ, водяные клопики и жучки и т. п.

Окрестныя горы каменисты, съ короткими, сильно поднятыми ущельями и съ скудною растительностью, которая представлена одинокими деревьями фисташки, кустами Amygdalus'a, а по водостокамъ — зарослями Atraphaxis'a или, если они проходятъ глиною, — тамариксовыми кустами; подножнаго корма, даже для ишаковъ, весьма мало.

Животное населеніе довольно бѣдное, но въ общемъ несравненно болѣе богатое, чѣмъ собственно въ *Тагъ-и-Дорохъ*. Несмотря на относительно небольшое поднятіе здѣшнихъ горъ, въ нихъ встрѣчаются бараны (Ovis cycloceros?) и козлы (Capra aegagrus). Убитый мною экземпляръ послѣдняго вида заключалъ въ желудкѣ 5 штукъ извѣстныхъ безоаровыхъ камней — плотныхъ, шаровидныхъ образованій изъ слизанной и перемолотой шерсти; персіяне называютъ ихъ «мохрё» и носятъ на шеѣ въ ладонкахъ отъ «дурного глаза». Нерѣдки дикобразы, волки, лисицы и зайцы. Изъ птицъ нерѣдко видишь ягнятниковъ (Gypaëtos barbatus), благородныхъ орловъ (Aquila fulva), стервятниковъ (Percnopterus stercorarius), коршуновъ (Milvus ater); часто попадаются какелики (Caccabis chukar), чеканы (Saxicola albonigra, S. picata, S. deserti), сѣрые и Карелиновы сорокопуты (Lanius fallax, L. karelini), красноносые вьюрки (Bucanetes githagineus); во множествѣ горные пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides). Изъ пресмыкающихся: открытая мною въ 1896 г. черепаха (Testudo zarudnyi) и гекконы (Gymnodactylus longipes), затѣмъ стелліоны (Stellio nuptus), аблефары (Able-

pharus sp.?), Eumeces pavimentatus; по засыпаннымъ пескомъ и поросшимъ саксауломъ и кустами Zygophyllum мѣстамъ я наблюдалъ змѣеподобныхъ ящерицъ (Zygnopsis brevipes), тератосцинковъ моего имени (Teratoscincus zarudnyi), ящерокъ (Eremias persica, E. guttulata), круглоголовокъ (Phrynocephalus olivieri), пустынныхъ гадюкъ (Echys arenicola), Psammophys leythi и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ я сообщу въ своемъ мѣстѣ.

Отъ колодца Чахъ-и-Зиру къ предѣламъ Сеистана

(5—10 мая).

Отъ *Чахъ-и-Зиру* мы дѣлаемъ переходъ къ колодцамъ *Хаджи-ду-Чаги*, до которыхъ 14 верстъ. Общее направленіе дороги сначала юго-восточное, потомъ юго-юго-восточное.

Пересѣкаемъ вышеупомянутую вѣтвь равнины *Тагъ-и-Дорохъ*, засыпанную пескомъ и щебнемъ на глинисто-щебнистой почвѣ, прорѣзанную многими широкими, каменистыми, плоскоберегими водостоками и покрытую порослью мелкоствольнаго невысокаго саксаула; эти водостоки бѣгутъ почти прямо съ юга, впадаютъ въ урочище *Ширъ-Кугакъ* и берутъ начало частью съ хребта *Кухъ-и-Барунъ*, частью съ *Кухъ-и-Диваръ* или, быть можетъ, съ горъ *Кухъ-и-Гермъ*. На юго-восточной своей окраинѣ эта вѣтвь образуетъ среди холмовъ широкую полукруглую площадь, засыпанную пескомъ; песокъ покрываетъ также холмы лѣвой стороны этой послѣдней и придаетъ имъ видъ песчаныхъ бархановъ, съ поверхности которыхъ кое-гдѣ выступаетъ наружу серпентинъ ихъ основанія. Дойдя до юго-восточнаго края названной площади, мы дѣлаемъ перевалъ черезъ широкую песчаную волну и спускаемся въ высокую котловину, которая съ правой стороны ограничена каменистою и холмистою цѣпью, отчасти загораживаемою двумя высокими и покрытыми пескомъ буграми; она поката къ западу и съ этой стороны, въ глубокой своей части, образуетъ голую, гладкую глинистую площадь, на которую сте-

каютъ дождевыя воды; восточная граница ея составляется относительно невысокими холмами, покрытыми пескомъ. Затѣмъ дѣлаемъ перевалъ черезъ новую волну; здѣсь оканчивается упомянутая каменистая цѣпь. По ту сторону волны всѣ водостоки направляются уже къ югу и юго-западу съ тѣмъ, чтобы вскорѣ принять юго-восточное направленіе. Спускаемся въ обширную котловину, отчасти перегороженную поперекъ нашего пути весьма пологою холмистою цѣпью. До сихъ поръ (отъ «полукруглой площади») дорога пролегала песками, довольно густо поросшими саксауломъ, отсюда-же она идетъ почвами, которыя становятся тяжелыми, грубо-песчаными, получаютъ примѣсь щебня и смѣшиваютъ свой саксаулъ съ очень большимъ количествомъ кустовъ Zygophyllum'а. Уже издали, на глинистомъ днѣ котловины, виднѣется каменный высокій и одиночный холмъ, влѣво отъ котораго располагаются колодцы *Хаджи-ду-Чаги.*

Эти колодцы представляютъ двѣ ямы, отверстія которыхъ съужены каменной кладкой. Вода достается съ глубины около $1\frac{1}{2}$ саженей; она холодная, вкусная, совершенно прѣсная и весьма скоро набѣгаетъ. На холмѣ находится могила какого-то святого хаджи[1]), украшенная разноцвѣтными камнями и всевозможными приношеніями въ видѣ козлиныхъ и бараньихъ роговъ, никуда негодныхъ четокъ, обломковъ деревянныхъ рамъ отъ зеркалъ, кусковъ разбитыхъ мельничныхъ жерноновъ и т. п. дрянью; въ углубленіи между камнями я замѣтилъ заряда три пороха. Около могилы изъ трещинъ камня поднимается высокій, тѣнистый кустъ инджира (винноягодникъ), весь увѣшанный тряпочками и лоскутками.

Юго-западный горизонтъ, къ которому спускается котловина, вдали загораживается высокимъ хребтомъ, который мнѣ обозначали подъ названіемъ *Кухъ-и-Гермъ* (?); съ юго-восточной и съ восточной стороны она ограничивается невысокими, безжизненными горами, видными еще съ перваго перевала; на сѣверѣ и

---

1) Хаджи — лицо, побывавшее съ паломническими цѣлями въ Меккѣ.

сѣверо-западѣ — упомянутою пологою холмистою цѣпью. Горы, замѣтныя на ЗЮЗ. и СЗ. и идущія болѣе или менѣе параллельными цѣпями съ ССЗ. на ЮЮВ., составляютъ повидимому продолженіе *Кухъ-и-Барунъ*[1]) и не имѣютъ отдѣльныхъ названій, кромѣ одной цѣпи, *Кухъ-Гермъ-и-Тамамъ-дехъ*, находящейся отъ насъ прямо къ западу; по западную сторону этой послѣдней есть селеніе *Гермъ-и-Тамамъ-дехъ*.

На слѣдующій день, 6 мая, мы сдѣлали переходъ къ колодцамъ *Чахъ-и-Гюишэ*, до которыхъ около 21 версты. Общее направленіе дороги южное, слегка уклоняющееся къ востоку. Она все время проходитъ долинами и постепенно понижается.

Оставивъ котловину, вскорѣ входимъ въ довольно широкую долину, слѣва ограниченную холмистою цѣпью, справа—холмами, полузасыпанными пескомъ; у подножія этихъ послѣднихъ проходитъ хорошо выработанный водостокъ, принимающій воды котловины и идущій до самаго мѣста предстоящей намъ остановки. Верстахъ въ 8 отъ *Хаджи-ду-Чаги* горная цѣпь лѣвой (восточной) стороны кажется разсыпавшеюся на нѣсколько цѣпей. Здѣсь наша долина представляетъ безплодную глинистую мѣстность, сильно размытую дождевыми водами; затѣмъ она сильно съуживается, съ тѣмъ чтобы вскорѣ открыться въ новую, просторную котловину съ щебнисто-глинистой почвой, безплодную и въ высшей степени печальную; съ юго-западной стороны она отчасти ограничена горами *Наръ-и-Харъ-Кухъ*. Лѣвые берега водостока въ съуженной части долины составляются высокою грядою, спускающеюся къ нему кручами; въ высоту до трехъ саженей эти кручи сложены изъ конгломерата, состоящаго изъ очень крупныхъ каменныхъ глыбъ и быть можетъ представляющаго доисторическую морену. Оставивъ водостокъ и котловину влѣво, мы вступаемъ въ узкую долину (засыпанную пескомъ и поросшую саксауломъ и Zygophyllum) среди высокихъ бугровъ красной и желтой глины, а нѣсколько дальше —

---

1) Ихъ мнѣ обозначали нѣсколько разъ какъ *Диваръ-Кухъ*.

безплодныхъ каменистыхъ холмовъ. Долина выводитъ къ старому водостоку, который, обогнувъ срѣзанную дорогою возвышенность, повидимому принялъ за нею нѣсколько боковыхъ руселъ; по крайней мѣрѣ въ мѣстѣ нашей встрѣчи онъ сдѣлался уже очень широкимъ и мѣстами густо поросъ тамариксомъ. Отсюда проходимъ мимо оригинальнаго горнаго массива *Наръ-и-Харъ-Кухъ*, оставляя его слѣва. Онъ изломанъ въ видѣ трехъ сторонъ ромба, открытаго съ сѣверо-западной стороны; пространство, огороженное этою фигурою, густо засыпано пескомъ, который взметенъ высоко и на горные склоны. Наша долина расширяется и по своему песчаному, супесчаному и мѣстами солонцеватому грунту поростаетъ невысокимъ саксауломъ. Черезъ нѣсколько верстъ пути мы оставляемъ водостокъ влѣво и, наискось пересѣкая долину, подходимъ къ сухому рѣчному руслу, состоящему изъ нѣсколькихъ протоковъ и занятому тамариксовою чащею. Это и есть *Рудъ-и-Гюишэ* (Рудъ-и-Гишэ), берущая начало гдѣ-то въ горахъ *Диваръ-Кухъ*. Подъ названіемъ *Чахъ-и-Гюишэ* разумѣется то мѣсто дна этого русла, гдѣ подъ лѣвымъ его берегомъ имѣется нѣсколько ямъ съ водою и гдѣ можно получить ее на самой небольшой глубинѣ; достаточно иногда выкопать ямку прямо руками, чтобы въ нее набѣжала вода. Вода невкусная, горько-солоноватая и дѣйствуетъ слабительно. Часть долины, непосредственно примыкающая къ водоноснымъ мѣстамъ лѣваго берега русла, имѣетъ вспученную и какъ-бы вскипѣвшую солонцевато-золистую почву, поросшую солянковыми растеніями и хрустящую подъ ногами, такъ какъ она покрыта тонкою, но довольно крѣпкою соляною корою.

Ниже этого мѣста, на днѣ одного изъ протоковъ, есть два колодца; это ямы до самаго верха наполненныя горько-солоноватою водою, для питья въ крайности пригодною; еще ниже имѣется два горько-солоноватыхъ родника, дающихъ начало маленькому ручейку, который черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ изсякаетъ. Около этихъ водъ имѣются небольшія заросли камыша.

Водостокъ, по которому мы шли отъ *Хаджи-ду-Чаги*, разбивается на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ одни впадаютъ въ *Рудъ-и-Гюишэ* ниже ея родниковъ, а другіе разливаютъ свою воду прямо по дну долины, гдѣ образуютъ гладкія глинистыя площади. Окрестныя горы находятся въ сильной степени разрушенія, мѣстами высоко по своимъ склонамъ засыпаны пескомъ и поражаютъ пустынностью и крайнимъ безплодіемъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по дну долины я видѣлъ основанія когда-то здѣсь существовавшихъ, но теперь уже исчезнувшихъ каменистыхъ горъ.

Дорога изъ *Чахъ-и-Гюишэ* въ селеніе *Бэндунъ* (*Бэнданъ*) была сдѣлана нами въ два перехода: въ 18 и въ 22 версты. До с. *Зейнелабадъ* (немного не доходя до *Бэндуна*) воды нигдѣ не имѣется, такъ что ее приходится брать съ собою. Дорога легкая, но кормовъ для ишаковъ почти совсѣмъ нѣтъ. Общее направленіе пути юго-юго-восточное, и мы все время спускаемся.

Слѣдуя внизъ по руслу *Рудъ-и-Гюишэ*, дорога вскорѣ входитъ какъ-бы въ ворота[1]), справа составленныя окончаніемъ того хребта, у подножія котораго пролегаетъ это русло, слѣва—новымъ хребтомъ. Эти ворота выводятъ насъ на обширную равнину, протянувшуюся съ СЗ. на ЮВ. и у юго-восточнаго своего окончанія, черезъ узкую *Бэндунскую* долину, соединяющуюся съ тою безплодною и безжизненною пустынею, которая прилегаетъ къ западной окраинѣ Сеистана. Выбѣжавъ на эту равнину, наше русло разсыпается вѣеромъ на многіе мелкіе водостоки и черезъ нѣсколько верстъ почти совсѣмъ исчезаетъ. Почва каменистая, щебнистая, затѣмъ — грубо-песчаная. Растительность составляется почти исключительно приземистымъ полузасохшимъ саксауломъ: рѣдко-рѣдко бросится въ глаза какое-либо другое растеніе. Вдали, на днѣ равнины (она склоняется съ сѣверо-запада на юго-востокъ и съ сѣвера на югъ), куда сносятся вѣтромъ и водою наиболѣе

---

1) Это мѣсто такъ и называется «*Дарваза-и-Рудъ-и-Гюишэ*», т. е. «ворота рѣки *Гюишэ*».

легкіе продукты разрушенія горъ, виднѣются бугристые пески, чернѣющіе зарослями присущей имъ сравнительно пышной растительности. Влѣво отъ дороги остаются окончанія безплодныхъ, унылыхъ и тоскливыхъ холмистыхъ и каменистыхъ цѣпей, отдѣляющихся одна отъ другой узкими и широкими долинами, поросшими тѣмъ-же чахлымъ саксауломъ. Вправо отъ нея прямо съ поверхности равнины поднимается нѣсколько небольшихъ группъ скалистыхъ холмовъ.

Спустившись въ юго-восточную часть описываемой равнины и по пути перейдя черезъ цѣлый рядъ плоскоберегихъ водостоковъ, направляющихся къ югу, мы вступаемъ въ мягкіе мелкобугристые пески съ пышною растительностью, среди которой преобладаетъ ярко-зеленый, сочный и полный жизни саксаулъ, рѣзко отличающійся отъ тѣхъ заморышей, которые попадались намъ въ верховыхъ частяхъ; въ нихъ я вижу множество ящерицъ, змѣй и довольно много птицъ. За песками почва становится мягко-глинистою и покрывается тамариксомъ. Оставивъ къ востоку отъ себя маленькое селеніе *Теббесейнъ*, мы входимъ въ узкую Бэндунскую долину, проходимъ мимо Зейнелабада и прибываемъ въ селеніе *Бэндунъ*, извѣстное мнѣ еще по путешествію 1896 года и уже мною описанное.

Всего равниною мы сдѣлали не меньше 33 верстъ, считая отъ упомянутыхъ горныхъ воротъ и до начала Бэндунской долины. Почва этой послѣдней частью глинистая, частью рыхлозолисто-солонцеватая. Поля *Зейнелабада* и *Теббесейна* (хлѣбъ на нихъ частью убранъ, частью убирается) орошаются кяризными, слегка солоноватыми водами. Поля собственно *Бэндуна* — арыкомъ, выведеннымъ изъ мѣстной рѣчки. Эта послѣдняя начинается около *Теббесейна*; течетъ она въ крутыхъ, сильно размытыхъ глинистыхъ берегахъ и, мѣстами, густо по своему ложу заросла тамариксомъ; вода ея сильно солоноватая, но для питья пригодная; осенью (я проѣзжалъ этими мѣстами на возвратномъ пути 28 сентября) она однако солонѣетъ настолько, что употреблять ее становится невозможно. Родникъ, орошающій мѣст-

ную финико-пальмовую рощу, за послѣдніе два года сталъ давать несравненно меньше воды и вдобавокъ эта послѣдняя пріобрѣла весьма замѣтный солоноватый вкусъ. По словамъ старожиловъ, вода вообще во всей долинѣ убываетъ годъ отъ году все больше и больше, не только въ рѣчкѣ, но также и въ кяризахъ. Пальмовая роща сильно пострадала отъ холодовъ минувшей зимы: большинство молодыхъ деревьевъ погибло, погибло немало и стариковъ; остальныя деревья, хотя и изрядно потерпѣвшія, дали однако обильный урожай финиковъ.

Изъ *Бэндуна* къ западной окраинѣ ложа *Хамуна* въ Сеистанѣ мы прошли въ два перехода, по 32 версты въ каждомъ. Ночевали почти на половинѣ дороги около хоуза, въ которомъ нашли (9 мая) много вкусной воды (на возвратномъ нашемъ пути, 26 сентября, ея уже не было). Путь пролегаетъ по каменистой и широко-волнистой пустынѣ, пересѣченной частыми водостоками, склоняющимися къ югу и юго-востоку, и покрытою самою скудною растительностью (чахлые кусты Zygophyllum и Ephedra). Для ишаковъ въ ней не имѣется корма, верблюды же могутъ продовольствоваться листьями и вѣтками Zygophyllum (эфедры они не ѣдятъ) и то только весною и въ первую половину лѣта, такъ какъ позже съѣдобныя части этого растенія высыхаютъ.

Эта пустыня начинается отъ устья Бэндунской долины и постепенно расширяется къ юго-востоку. Съ сѣверной стороны она загораживается безплодными и угрюмыми хребтами: *Кухъ-и-Бэндунъ*, *Кухъ-и-балэ-Кумоу* и *Кухъ-и-Чакоу*; они направляются съ ЗСЗ. на ВЮВ., понижаются въ этомъ-же направленіи и составляютъ части той возвышенности, которая съ востока ограничиваетъ долину *Рудъ-и-Гюишэ* и ту равнину, которую мы пересѣкли по дорогѣ въ *Бэндунъ*. Эти хребты располагаются одинъ за другимъ такимъ образомъ, что *Кухъ-и-Чакоу* всѣхъ далѣе протягивается къ юго-востоку, а *Кухъ-и-Бэндунъ* всѣхъ менѣе; узкія долины между ними имѣютъ степеподобный характеръ. Съ вершины восточнаго окончанія *Кухъ-и-Бэндунъ*, къ сѣверу отъ *Кухъ-и-Чакоу*, виднѣется высокій хребетъ *Кухъ-и-Атэшъ*-

хана, а за нимъ — *Кухъ-и-Аспедонъ*. Склоны *Кухъ-и-Чакоу*, а также долины, отдѣляющія его отъ сосѣднихъ хребтовъ, засыпаны пескомъ, который покрывается, мѣстами, весьма густыми саксауловыми зарослями, около рѣки *Харудъ* (*Харъ-рудъ*), какъ мнѣ говорили, смѣняющимися тамариксовыми чащами. Съ южной стороны названная пустыня, начиная отъ *Бэндуна*, ограничивается слѣдующими горами, протянувшимися съ сѣверо-запада къ юго-востоку:

Кухъ-Сенгъ-и-Чахъ (горы каменнаго колодца). У ихъ подножія располагается колодезь съ прекрасною водою.

Кухъ-Чахъ-и-Нафаръ. Имѣется колодезь съ хорошею водою.

Сорхъ-Куакъ (красная горка). Это группа холмовъ, выстроенныхъ изъ какой-то красной породы; воды здѣсь не имѣется.

Къ юго-западу отъ *Кухъ-Сенгъ-и-Чахъ* и вообще непосредственно отъ южно-бэндунскихъ горъ находится горная группа, извѣстная подъ названіемъ *Чахъ-и-Мазаръ*, въ которой есть колодезь съ хорошею водою.

Въ противоположность полосѣ сѣверныхъ горъ, близко подходящей къ большому сеистанскому озеру *Хамунъ-и-Фарахъ*, цѣпь южныхъ горъ далеко не доходитъ до *Хамуна*, и наша пустыня за восточнымъ ея окончаніемъ, именно за *Сорхъ-Куакъ*, сливается съ тою безплодною и, по слухамъ, ужасною, безводною равниною, которая прилегаетъ къ наводняемому ложу Хамуна съ западной стороны и которая по своему западному же краю ограничена хребтами горной системы, обозначаемой на картахъ подъ названіемъ *Палянгъ-Кухъ* (леопардовыя горы). Эти хребты протянулись съ сѣверо-запада на юго-востокъ и у южнаго своего окончанія близко подходятъ къ южному концу ложа *Хамуна*, именно къ тому мѣсту, гдѣ изъ него беретъ начало протокъ Шилэ (этотъ протокъ соединяетъ *Хамунъ* съ впадиною *Гудъ-и-Зирэхъ*). Считая съ сѣвера, они располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Кухъ-и-Мадеи съ переваломъ *Годаръ-и-Зардъ* (перевалъ холода), съ котораго начинается спускъ къ городу *Нэ* (*Нэхъ*).

Палянганъ-Кухъ.
Герри-и-Максури-Кухъ.
Кухъ-и-Дарваза (горы-ворота).
Кухъ-и-Куунды.
Кухъ-и-Чаукъ.
Кухъ-и-Белючабъ (горы воды белуджей).

О нихъ со временемъ я скажу еще нѣсколько словъ. Въ верхней части этой пустыни располагается урочище *Тагъ-Алякъ*; по свѣдѣніямъ, въ немъ имѣются колодцы, заросли саксаула и кормовая трава, пригодная даже для лошадей.

По дорогѣ изъ *Бэндуна* въ Сеистанъ, за вышеупомянутымъ хоузомъ, на нѣкоторыхъ картахъ обозначено мѣсто «*Барингъ*». Въ дѣйствительности его нѣтъ. Названіе «*Барент* (Беренгъ)» въ Сеистанѣ пріурочивается къ южному окончанію, или лучше сказать къ заливу, озера *Хамунъ-и-Фарахъ*. Верстахъ въ 15 за хоузомъ дорога развѣтвляется: лѣвая вѣтвь направляется къ южному краю залива *Барентъ* и, слѣдуя его берегомъ, приводитъ къ мѣсту переправы черезъ *Хамунъ*; правая, болѣе короткая, идетъ туда-же, но представляетъ неудобство въ томъ отношеніи, что лежитъ вдали отъ воды. Первая вѣтвь, подойдя къ заливу *Барентъ*, пересѣкаетъ дорогу, ведущую западнымъ берегомъ озера *Хамунъ-и-Фарахъ* въ страну *Хокатъ* (*Лашъ-и-Джувейнъ*).

Колесное движеніе по пройденному до сихъ поръ пути отъ с. *Дорохъ* можетъ совершаться вездѣ безъ затрудненія, даже при современномъ состояніи дорогъ.

Сеистанъ.

Спустившись съ крутыхъ береговъ ложа *Хамуна*, дорога идетъ на ВЮВ., оставляя вправо въ нѣсколькихъ верстахъ башню *Миль-и-Надиръ*[1]), и вскорѣ проходитъ по мягкимъ глинистымъ,

1) По мѣстнымъ преданіямъ, Шахъ-Надиръ, этотъ знаменитый завоеватель, доходилъ по пути въ Сеистанъ только до сихъ поръ; вслѣдствіе высо-

мѣстами сильно солонцеватымъ почвамъ его дна, въ не особенно давнее и во всякомъ случаѣ историческое время бывшими дномъ большого Сеистанскаго озера; солонцеватыя мѣста часто вспучены сухою, хрустящею подъ ногами пыльно-соляною пѣною, подъ которою залегаютъ сырыя, скользкія и вязкія глины. Западные берега ложа *Хамуна*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы съ нихъ спустились, сильно разрушены и продолжаютъ разрушаться дождевыми водами, стекающими съ при-бэндунскихъ горъ. Они составлены изъ глинистыхъ породъ, прикрытыхъ рыхлымъ конгломератомъ, постепенно отступаютъ къ западу, понижаются и оставляютъ за собою возвышенную равнинную полосу. О первоначальной ихъ высотѣ и, отчасти, о прежнихъ границахъ можно судить по одинокимъ, обмытымъ съ боковъ, буграмъ, уцѣлѣвшимъ то тамъ, то здѣсь на возвышенной равнинной полосѣ, лежащей между современными берегами и заливными частями ложа *Хамуна*; нѣкоторые изъ этихъ бугровъ еще сохранили прикрывающій ихъ конгломератъ, самая же равнина по глинистому своему грунту усыпана щебнемъ и галькой, частью образовавшимися изъ разрушеннаго конгломерата, частью изъ тѣхъ обломковъ, которые лежали на ея поверхности въ то время, когда она не была еще понижена. Растительность низменной мѣстности, лежащей непосредственно за сейчасъ описанными берегами, составляется кустами сочной солянки и широко разбросаннаго тамарикса; мѣстами на цѣлыя версты она исчезаетъ и окончательно обнажаетъ почву. Такою мѣстностью мы доходимъ до первыхъ разливовъ Хамуна, черезъ которые переправляемся въ бродъ (вода доходитъ до $3\frac{1}{2}$ футовъ въ глубину) до урочища или, лучше сказать, мѣста *Кянге-Эйдаръ*.

Кянге-Эйдаръ представляетъ плоскій, никогда не наводняе-

каго стоянія водъ въ Хамунѣ онъ не могъ проникнуть по ту его сторону и, возвращаясь назадъ, приказалъ поставить эту башню, какъ границу земель, завоеванныхъ имъ въ этой странѣ. *Миль-и-Надиръ*, т. е. башня Надира, на картахъ обозначается подъ названіями: *Бурджъ-и-Надыръ* (это названіе и я слышалъ), *Миларъ* и даже *Пиларъ*.

мый бугоръ, весною и въ первую половину лѣта занятый стойбищемъ сеистанскихъ кочевниковъ, которые, благодаря обилію камыша и куги въ окрестныхъ водахъ, содержатъ массу крупнаго рогатаго скота (зебу̀). Отсюда къ противоположной, восточной, сторонѣ Хамуна, черезъ *Нэйзаръ*[1]), въ мѣсяцы высокаго стоянія водъ (съ конца февраля до начала августа, какъ я могъ понять изъ того, что мнѣ разсказывали) существуетъ переправа на особаго рода лодкахъ, о которыхъ немного ниже я скажу нѣсколько словъ, и которою намъ предстояло теперь воспользоваться.

На возвратномъ нашемъ пути, 24 сентября, *Нэйзаръ* уже настолько обмелѣлъ, что съ восточнаго берега *Хамуна* мы прошли черезъ него до *Кянге-Эйдаръ*, къ этому времени опустѣвшему, частью по̀-суху, частью по мелкой водѣ (въ трехъ мѣстахъ), причемъ она не имѣла болѣе полутора футовъ въ глубину. Въ районѣ сдѣланной тогда дороги это болото представляло густую и сплошную заросль высокой, полузасохшей и сильно помятой вѣтрами куги съ большими и малыми островами камыша. Непосредственно передъ *Кянге-Эйдаромъ* мы перешли черезъ сухое мѣсто съ потравленною кормовою травою и лѣтомъ также наводняемое. Здѣсь намъ пришлось пересѣчь неширокое (шаговъ 15) и неглубокое (въ мѣстѣ переправы около двухъ футовъ, въ четырехъ верстахъ ниже, куда я ходилъ на экскурсію,— 5 футовъ) русло, имѣющее видъ рѣчки, берега которой густо заросли свѣжею темно-зеленою кугою; вода прозрачная, солоноватая, имѣетъ замѣтное теченіе. Это русло направляется на югъ, западнѣе отъ горы Кухъ-и-Ходже, и съ прекращеніемъ наводненія еще долго сноситъ во̀ды озера *Хамунъ-и-Фарахъ* въ болѣе южныя части заливного ложа; весною и лѣтомъ, во время наводненія его, путь

---

1) Нэйзаромъ въ восточной Персіи повсемѣстно называютъ болота, поросшія камышомъ, слѣдовательно это названіе нарицательное. «Нэйзаръ» Сеистана есть имя собственное, спеціально обозначающее громадное камышевое болото, лежащее къ югу отъ большихъ озеръ страны *Хокатъ* (*Хамунъ-и-Фарахъ* и *Хамунъ-и-Саваранъ*) и идущее очень далеко по заливному ложу.

по *Нэйзару* обозначенъ открытою водою, свободною отъ камыша, куги и рагозы (Typha).

Къ *Кянге-Эйдаръ* мы прошли правою изъ тѣхъ двухъ вѣтвей, на которыя, какъ сказалъ я выше, раздѣляется бэндунская дорога за хоузомъ. Лѣвая вѣтвь направляется южнымъ берегомъ залива *Баренгъ*, никогда не наводняемымъ. Этотъ берегъ плоскій, слегка возвышенный, такъ-же, какъ и дно прилежащей части залива, усыпанъ мелкой галькой. Онъ совсѣмъ обнаженъ и лишь кое-гдѣ поростаетъ кустами тамарикса. Въ Баренгѣ вода держится круглый годъ; измѣреніе, произведенное мною осенью, 25 сентября, въ верстѣ отъ берега и къ сѣверо-востоку отъ южнаго угла залива, дало 10 футовъ глубины. Въ южныхъ и западныхъ своихъ частяхъ поверхность его водъ свободна отъ камыша (*нэй*) на разстояніе отъ полуверсты и до 4½ верстъ. Берега залива составляютъ урочище, извѣстное подъ названіемъ *Лябъ-и-абъ*[1]) (а не «Лябэ-абъ», какъ писалъ я въ предшествовавшихъ своихъ статьяхъ); этимъ-же названіемъ обозначаютъ водныя окраины материковаго Сеистана.

Въ *Кянге-Эйдаръ* мы закончили второй переходъ изъ с. *Бэнданъ* (32 версты до береговъ Хамуна и 6—7 верстъ отъ нихъ) и расположились на ночлегъ. Ночь проведена мною безпокойно: удушливый дымъ многочисленныхъ костровъ, людской гѝворъ и гомѝнъ, хриплый ревъ зебу; а со стороны Нэйзара несутся сливающіеся голоса лягушекъ и козодоевъ (Caprimulgus arenicolor) и неясный, неумолчный шумъ, производимый птичьимъ населеніемъ его громадныхъ камышей; прислушиваешься къ этому шуму, стараешься разобраться въ немъ и отгадать отдѣльные звуки, а сердце замираетъ въ предвкушеніи охоты и экскурсій по дебрямъ этой интересной страны. Утромъ слѣдующаго дня, 11 мая, мы перебираемся на ту сторону *Нэйзара* и, добравшись до сухого берега, проходимъ версты четыре и останавливаемся въ селеніи *Авселлабадъ*; на лодкахъ пришлось ѣхать отъ 16 до

1) «Лябъ-и-абъ» въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «губа воды».

21 версты. Мѣстность между этимъ селеніемъ и собственно *Нэйзаромъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ весною и лѣтомъ она покрыта водою, осенью (въ сентябрѣ) представляетъ видъ луга, заросшаго густою, но приземистою кормовою травою, и, мѣстами, на большихъ пространствахъ занятаго полупересохшими болотами; значительныя пространства этого луга покрыты сухими водорослями.

Около *Авселлабада* имѣется озеро, обозначаемое на картахъ. Въ настоящее время оно переполнено водою и съ сѣверо-западной стороны сообщается съ *Нэйзаромъ*. Это озеро, какъ и всѣ остальныя, находящіяся въ материковомъ Сеистанѣ (между р. *Гильмэндъ* и *Хамуномъ*), напр. лежащія около города *Се-кухе*, *Дехъ-и-Сухте*, *Зейнъ-абадъ*, *Джаали* (1 фарсангъ отъ города *Гуссейнъ-абадъ* къ ЮЮВ.), *Гоули* ($1^1/_2$ фарсанга отъ того-же города и въ томъ-же направленіи), обязаны своимъ происхожденіемъ разливамъ изъ оросительныхъ каналовъ и къ осени бо̀льшею частью высыхаютъ окончательно; глубина ихъ, даже въ періодъ наиболѣе высокаго стоянія водъ разлива, крайне незначительна; по берегамъ, а иногда и по дну они заростаютъ тамариксомъ: камыши встрѣчаются рѣдко и еще рѣже, какъ около с. с. *Джаали* и *Гоули*, образуютъ густыя заросли. За своимъ усыханіемъ эти озера оставляютъ глинистыя днища, бо̀льшею частью совершенно обнаженныя и лишь изрѣдка покрывающіяся скудными, чахлыми травами.

Переночевавъ въ *Авселлабадѣ*, мы на слѣдующій день перешли къ главному городу страны, именно къ *Насиръ-абаду* (иначе *Нусретъ-абаду*); до него можно считать около 12 верстъ. Приблизительно въ верстѣ отъ селенія намъ приходится переходить въ бродъ черезъ одинъ изъ капитальныхъ оросительныхъ каналовъ, при чемъ по значительной его глубинѣ надо было развьючивать ишаковъ и переносить багажъ на рукахъ; глубина этого канала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до $1^1/_2$ саженей. За этимъ бродомъ вскорѣ встрѣчаемъ небольшое болотистое озеро, прорѣзанное новымъ каналомъ, гдѣ пришлось про-

дѣлывать ту-же процедуру; къ концу лѣта оно пересыхаетъ. По пути проходимъ мимо небольшого селенія *Насръ-абадъ*.

Городъ *Насиръ-абадъ*, такъ-же какъ и непосредственно около него лежащій *Гуссейнъ-абадъ*, отлично описаны въ извѣстномъ трудѣ Blanford'a «Eastern Persia». О ближайшихъ окрестностяхъ этихъ городовъ упоминается въ моей работѣ «Экскурсія по Сѣверо-Восточной Персіи и птицы этой страны». Такъ какъ въ настоящее время мнѣ ничего не удалось узнать о нихъ новаго, то я и обойду ихъ молчаніемъ. Замѣчу, впрочемъ, что въ *Насиръ-абадѣ* считается 1000 человѣкъ сарбазовъ, на каковое число и выдается содержаніе изъ Тегерана; въ наличности же состоитъ не болѣе 400. Вооруженіе составляется старыми курковыми ружьями, запущенными до безобразія. Кромѣ того въ этомъ городѣ стоитъ батарея изъ четырехъ гладкоствольныхъ ржавленныхъ и перержавленныхъ пушекъ съ растрескавшимися лафетами и расшатавшимися колесами и изъ одной мортиры (кумбара̀). Боевые снаряды состоятъ изъ десятка бомбъ и сотни ядеръ и гранатъ, валяющихся на артиллерійскомъ дворѣ прямо подъ открытымъ небомъ.

Въ саду, на берегу арыка, я устроилъ свою главную квартиру, а черезъ два дня, отдѣлавшись отъ визита правителю страны Миръ-Масумъ-хану, приведя въ порядокъ экспедиціонный багажъ и отпустивъ червадаровъ обратно въ Мешедъ [1]), могъ уже заняться разъѣздами по Сеистану.

Мои экскурсіи направлялись главнымъ образомъ въ сѣверныя, сѣверо-западныя и западныя его части. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось проникнуть къ большой сеистанской плотинѣ и къ р. *Гильмэндъ*, такъ какъ это было почему-то нежелательно для Миръ-Масумъ-Хана; мнѣ передавали, что, при первыхъ попыткахъ моихъ направиться въ ту сторону, онъ прикажетъ не давать для меня лодокъ и вьючныхъ средствъ и не продавать провизіи.

1) Оказалось, что идти на ишакахъ въ Саргàдъ и далѣе на югъ въ настоящее время года очень затруднительно и что слѣдовало формировать караванъ изъ верблюдовъ.

Такимъ образомъ, и то втихомолку и за сравнительно большія деньги, мнѣ удалось проѣхать только до устья этой рѣки и до юго-западнаго угла озера *Хамунъ-и-Саваранъ.*

Экскурсія по сѣверо-западной окраинѣ Сеистана
(15—20 мая).

Взявъ съ собою препаратора Литвинова, переводчика и одного человѣка въ качествѣ прислуги, я прошелъ къ с. *Адими* (*Адима*), находящемуся въ 13—14 верстахъ и къ сѣверо-западу отъ Насиръ-абада, чтобы отсюда предпринять экскурсію по *Нэйзару* и береговой полосѣ материковаго Сеистана.

Дорога идетъ глинистою почвою, мѣстами обильно воздѣланною (хлѣба и опійный макъ сняты уже нѣсколько дней тому назадъ). За селеніемъ, попавшимся намъ на пути, мы выходимъ на безплодную глинистую равнину, покрытую невысокими песчаными буграми и бугорками, поднимающимися на высоту отъ одного до пяти футовъ и на своихъ вершинахъ увѣнчанными приземистыми кустами сочныхъ солянокъ; песокъ нѣжный и крайне мелкій. Пройдя такою мѣстностью около двухъ верстъ, дорога оканчивается около с. *Адими* и встрѣчаетъ ту, которая идетъ черезъ береговыя селенія.

За селеніемъ разстилается низкая глинистая береговая полоса, наводняемая не только во время половодья, но также при здѣшнихъ сильныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ; вслѣдствіе этого она поростаетъ во многихъ мѣстахъ густою, но невысокою кормовою травою, придающей ей видъ луга, и покрывается тамариксовыми кустами. Съуживаясь и расширяясь иногда до трехъ верстъ, эта полоса ограничиваетъ всѣ сѣверныя и западныя окраины Сеистана. Въ концѣ лѣта, со спадомъ водъ, травянистая растительность на ней бо̀льшею частью высыхаетъ и сохраняется только вблизи устьевъ оросительныхъ каналовъ.

Около этой полосы, къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ *Адими* располагаются селенія: *Дехъ-Али*, *Качу* (около 100 домовъ), *Дирадаръ* (около 100 домовъ) съ большими садами и *Кале-и-Ноу*.

Непосредственно къ ней прилегаетъ струя медленно текущей мутной воды, имѣющей видъ рѣки, одинъ берегъ которой составленъ прозрачными, отстоявшимися водами Нэйзара, а другой — сушею. Ширина этой струи колеблется между нѣсколькими десятками саженей и тремя четвертями версты, глубина доходитъ до 5 футовъ, рѣдко до 7 [1]). Какъ будетъ показано ниже, она беретъ начало изъ *Хамунъ-и-Саваранъ*, несетъ главнымъ образомъ гильмэндскую воду и, огибая сѣверныя и западныя окраины материковаго Сеистана, идетъ далеко на югъ въ заливное ложе *Хамуна*. Къ концу лѣта она исчезаетъ.

Для экскурсіи по *Нэйзару* необходимо брать вышеупомянутую мѣстную лодку, называемую здѣсь «тютинъ». Она приготовляется изъ длинныхъ листьевъ чакана (Турһа), въ Сеистанѣ извѣстнаго подъ названіемъ «тютакъ» или «тютэкъ». Въ дѣло идетъ свѣжій, зеленый чаканъ, который рѣжется ниже мѣста расхожденія листьевъ, связывается въ толстые снопы и вялится на солнцѣ отъ 8 до 20 дней. Въ случаѣ необходимости можно приготовить тютинъ изъ стараго матеріала, засохнувшаго на корню, но онъ уже не будетъ такимъ прочнымъ и въ самомъ непродолжительномъ времени откажется отъ службы. Дѣлается тютинъ обыкновенно изъ пяти снопова, изъ которыхъ три большихъ идутъ на его плоское дно, а два поменьше на борты. Каждый снопъ складывается такимъ образомъ, что пучки листьевъ своими вершинами обращаются въ одну какую-нибудь сторону; такъ какъ длина этихъ пучковъ меньше, чѣмъ полагается для снопа, то они накладываются другъ на друга такъ, что одинъ своею верхушкою ложится приблизительно на середину другого; снопъ долженъ имѣть форму сигары и потому ближе къ основному его концу кладутся лишніе пучки. Увязка снопа производится при

---

1) Мѣстами разбивается на протоки.

помощи веревокъ, свиваемыхъ на мѣстѣ работы изъ сухихъ листьевъ того-же чакана, но предварительно размачиваемыхъ въ водѣ. Она совершается двумя людьми, садящимися визави другъ къ другу и туго на̀-туго стягивающими веревку вокругъ снопа въ видѣ отдѣльныхъ колецъ, при чемъ ногами они упираются въ постройку и постукиваютъ по ней подошвами. Такимъ-же образомъ связываютъ три снопа рядомъ въ видѣ продолговатой платформы, расширенной и болѣе высокой сзади, къ кормѣ, и болѣе узкой и низкой спереди, къ носу. Затѣмъ оба конца, особенно передній, при помощи продольныхъ веревочныхъ связокъ подтягиваются кверху и обстригаются; по краямъ въ видѣ бортовъ привязывается по одному снопу, обыкновенно не доходящему ни до носа, ни до кормы и — тютинъ готовъ. Длина его колеблется отъ $4\frac{1}{2}$ аршинъ до 9, при ширинѣ отъ одного съ четвертью до двухъ. Цѣна большого тютина доходитъ до полутора и даже до двухъ тумановъ (3—4 рубля); маленькій, поднимающій 2—3 человѣкъ, можетъ быть купленъ за 4—5 крановъ (80 к.— 1 рубль). Въ день четверо человѣкъ могутъ связать два и даже три большихъ тютина. Веселъ къ нему не полагается, и онъ передвигается при помощи отталкиванія длиннымъ шестомъ, при чемъ гребецъ, если въ данномъ случаѣ приложимо это названіе, становится на кормѣ; при тяжелой нагрузкѣ работаетъ два человѣка: либо по-смѣнно, либо одновременно. Употребленіе паруса нигдѣ въ Сеистанѣ неизвѣстно. Служба хорошаго тютина продолжается отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ съ лишнимъ; необходимо только по возможности чаще и не меньше одного раза въ два дня вытаскивать его на берегъ и давать стечь водѣ и вообще просушиться. Несмотря на его неуклюжій и повидимому неповоротливый видъ, на немъ отлично можно разъѣзжать даже въ довольно густыхъ камышевыхъ и чакановыхъ заросляхъ. На неглубокой и свободной водѣ онъ можетъ идти со скоростью 6 верстъ въ часъ и даже больше; при двухъ перемѣнныхъ гребцахъ и при небольшомъ отдыхѣ черезъ каждые 3—4 часа можно ѣхать отъ зари до зари.

Въ періодъ высокаго стоянія водъ, продолжающійся почти половину года, сообщеніе Сеистана съ западнымъ берегомъ Хамуна, собственно съ мѣстомъ *Кянге-Эйдаръ*, совершается исключительно на тютинахъ. На нихъ перевозятся люди, товары и скотъ. Лошади, ишаки и катера связываются по ногамъ и укладываются бокомъ. Лошади перевозятся не больше одной заразъ, катера — по два, ишаки, смотря по росту, отъ двухъ и до трехъ; для удобства иногда связываютъ два тютина вмѣстѣ и тогда на нихъ можно грузить двойную, противъ обыкновеннаго, кладь. Крупный рогатый скотъ перегоняется вплавь; вплавь же и частью бродомъ переправляются верблюды при помощи двухъ тютиновъ для каждаго: къ переднему животное привязывается мордой, къ заднему — хвостомъ. За перевозъ изъ Кянге-Эйдаръ въ Сеистанъ мы платили по крану съ человѣка и по два крана съ ишака; конечно съ насъ взяли гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Тютины для принэйзарскаго населенія [1]) за всѣмъ тѣмъ исполняютъ и другія обязанности первой необходимости. На нихъ отправляются на рыбную ловлю и на охоту за птицей ради мяса и пуха. Птичій пухъ вывозится изъ Сеистана въ громадномъ количествѣ, такъ какъ эта страна является чрезвычайно оживленнымъ зимовьемъ для множества видовъ, преимущественно водоплавающихъ и болотныхъ птицъ. Они-же служатъ при собираніи птичьихъ яицъ, въ весеннее время служащихъ немаловажнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, и для промысла выдры (Lutra sp.?) или какъ ее тутъ называютъ «*сагъ-и-аби*», т. е. водяная собака; шкура этого звѣря по здѣшнимъ цѣнамъ представляетъ большую стоимость, такъ какъ на наши деньги оцѣнивается въ хорошемъ экземплярѣ до 10 рублей и больше; въ большой цѣнѣ также testiculi и содержимое его припорошицевыхъ железъ, употреб-

---

1) Оно называетъ себя *сайядами*, т. е. охотниками, и вѣроятно представляетъ остатки первобытнаго населенія Сеистана. Образъ жизни ведетъ полукочевой, говоритъ на особомъ нарѣчіи фарситскаго языка, исповѣдуетъ *шіитизмъ*.

ляющихся какъ средство отъ ревматизма и полового безсилія. На тютинахъ же ѣздятъ въ Нэйзаръ за камышомъ для корма молодого скота, который нѣкоторое время держится дома и не отпускается со взрослымъ на пастбище.

Кстати сообщу нѣсколько словъ о мѣстномъ крупномъ рогатомъ скотѣ. Въ Сеистанѣ онъ имѣется въ количествѣ не меньшемъ 60.000 головъ (по крайней мѣрѣ приблизительно съ такого количества, по словамъ знакомаго мнѣ таможеннаго начальника, взимается пошлина), изъ которыхъ не меньше 50.000 содержится въ принэйзарской полосѣ. Главныя пастбища составляются не лугоподобными мѣстностями побережья, а самимъ Нэйзаромъ. Во время высокаго стоянія водъ въ этомъ послѣднемъ, скотъ ведетъ такъ сказать земноводный образъ жизни. Съ утра и безъ пастуховъ, длинными вереницами и съ шумомъ разбрасывая воду, онъ отправляется въ *Нэйзаръ* и не выходитъ изъ него до вечерней или предвечерней поры; частью бродомъ, частью вплавь, онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, кормясь главнымъ образомъ камышомъ (нэй) и кугою (тазъ), а потомъ уже другими травами этого болота. Осенью, уже въ концѣ сентября, съ обмелѣніемъ Нэйзара и когда засохнутъ камышъ, куга и чаканъ (тютэкъ), здѣсь пускаютъ палы, выжигающіе старую растительность и способствующіе лучшему и болѣе свободному произрастанію новой. Мѣстный крупный рогатый скотъ принадлежитъ исключительно виду индійскаго зебу (Bos indicus). Кромѣ присутствія на холкѣ небольшого горба онъ отличается короткими ногами, короткою головою, очень тонкою мордою, вслѣдствіе чего черепная часть кажется особенно широкою, длинными повисшими ушами, слабыми, короткими, нѣсколько уплощенными рогами, по длинѣ не превосходящими уши, и хвостомъ съ длинною кистью. Вымя маленькое и даетъ мало молока, которое жидко и, вѣроятно вслѣдствіе дурного качества корма, не отличается хорошимъ вкусомъ. Господствующая масть свѣтло- и темно-бурая, сравнительно рѣдко пѣгая и еще рѣже бѣлая или сивая. Нравъ, даже у быковъ, отличается необыкновенною кротостью. Слѣдуетъ замѣтить,

что у большей части этого скота наблюдается весьма сильное развитіе пупка, торчащаго шишкою, замѣтною уже издали; благодаря подобному обстоятельству, даже на небольшомъ разстояніи, не всегда отличишь корову отъ быка.

Охота за птицею производится главнымъ образомъ не при помощи ружья, а сѣтями, разставляемыми частью въ водѣ (для ныряющихъ видовъ), частью надъ камышами и между ними. Сѣти приготовляются исключительно изъ хлопчатой бумаги; употребленіе пеньки и льна здѣсь неизвѣстно. Ежегодно вылавливается несмѣтное число всевозможныхъ утокъ, гусей, поганокъ (Podiceps), лысухъ (Fulica), султанскихъ куръ (Porphyrio poliocephalus), колпиковъ (Platalea leucorodia), пелекановъ (Pelecanus), лебедей, чаекъ (Larus) и т. п., особенно въ зимнее время, когда птицы по своему здѣсь множеству представляютъ нѣчто необычайное.

Рыба ловится въ большомъ количествѣ. Изъ крупныхъ породъ можно упомянуть о какомъ-то сомѣ, встрѣчающемся рѣдко и не ежегодно; по собраннымъ мною свѣдѣніямъ онъ прежде попадался въ большомъ числѣ, теперь же годъ отъ года становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Всего чаще попадается открытый мною въ 1896 году новый родъ и видъ расщепобрюхой карповой рыбы Aspiostoma zarudnyi Nik.; вѣсъ ея достигаетъ до 4 фунтовъ и больше; цвѣтъ спины и боковъ тѣла варьируетъ отъ тускло-серебристо-бѣлаго до тускло-золотистаго; этотъ послѣдній повидимому свойственъ преимущественно крупнымъ и взрослымъ рыбамъ и во всякомъ случаѣ на мелкихъ экземплярахъ ни разу не наблюдался; иногда общій фонъ, преимущественно золотистыхъ рыбъ, испещряется крупными и мелкими, темными и свѣтлыми пятнами неправильной формы; одинъ бѣлый экземпляръ былъ покрытъ круглыми, мелкими и красными пятнышками, придававшими ему оригинальный видъ. Небольшимъ неводомъ, бывшимъ со мною въ путешествіи, мы въ три или четыре «загона» поймали около 4 пудовъ; неводъ разставляли въ проливахъ между камышами и затѣмъ, производя наивозможно сильный шумъ,

гнали рыбу, сидя въ тютинахъ. Она оказалась очень вкусною, особенно въ жареномъ видѣ. Рыболовные крючки нигдѣ въ Сеистанѣ не извѣстны; къ удивленію своему я встрѣтилъ ихъ въ употребленіи далеко отсюда на югъ, именно на *Бампурской рѣчкѣ* (*Рудъ-и-Бампуръ*), гдѣ, по словамъ туземцевъ, они составляли мѣстное и уже давнишнее изобрѣтеніе. Обыкновенный способъ ловли рыбы въ Сеистанѣ — это сѣти, растягиваемыя между камышами, при чемъ она либо сама въ нихъ попадаетъ, либо ее туда загоняютъ, какъ сейчасъ только сказано. Кромѣ того въ большомъ ходу у нэйзарскихъ сайядовъ особаго рода снасть, которую они называютъ «*букъ*». Этотъ послѣдній состоитъ изъ двухъ очень длинныхъ крыльевъ, выстроенныхъ изъ камышевыхъ стеблей, которые вертикально воткнуты въ дно и до самой поверхности воды горизонтально заплетены камышомъ, кугою, чаканомъ и разными другими травами. Крылья располагаются подъ острымъ угломъ, который однако открытъ и въ своемъ устьѣ перегороженъ тѣснымъ рядомъ камышинъ, вертикально воткнутыхъ въ дно. Передъ этими послѣдними настораживается четырехугольная сѣть; одинъ изъ ея угловъ привязывается къ «буку», два края держатся на водѣ при помощи поплавковъ, а два другихъ погружаются въ воду до дна посредствомъ камышины, къ которой привязанъ уголъ сѣти, сосѣднiй съ тѣмъ, что прикрѣпленъ къ «буку», и которая должна быть подъ рукою у рыболова. Онъ располагается на тютинѣ около сѣти и зорко посматриваетъ на поперечный рядъ камышинъ, загораживающихъ выходъ изъ «бука»; какъ только онѣ заколеблятся, значитъ рыба прошла въ сѣть; тогда остается выдернуть камышину, къ которой привязанъ уголъ этой послѣдней, быстро поднять ее и взять рыбу. Часто рыба гонится на одномъ или лучше на двухъ тютинахъ въ широкій входъ въ «букъ».

Нанявъ тютинъ и двухъ перемѣнныхъ гребцовъ (тютинчи), взявъ съ собою запасъ провизіи и спиртовую самодѣльную лампу для варки чая и дичи, я предпринялъ трехдневную экскурсію по *Нэйзару*. Мы пересѣкли его отъ кочевья *Адими* въ ЗСЗ.

направленіи до залива *Барен̌ъ*, затѣмъ проѣхали отсюда къ сѣверу до того мѣста озера *Хамунъ-и-Фарахъ*, гдѣ сплошной камышъ и чаканъ замѣняются ихъ островами и гдѣ открываются виды на чистую поверхность озера, и наконецъ вернулись къ *Адими*. Въ первомъ направленіи нами сдѣлано около 30 верстъ, во второмъ — около 20; возвратный путь я считаю около 30 верстъ. На всемъ этомъ разстояніи въ настоящее время нигдѣ не имѣется ни одного сухого мѣста, но уже съ начала сентября тамъ и здѣсь обнаруживаются мели и острова. Часть *Нэйзара*, лежащая между заливомъ *Барен̌ъ* и собственно сеистанскимъ берегомъ никогда не осыхаетъ окончательно и повсюду оставляетъ мелководныя болота, въ различныхъ комбинаціяхъ соединяющіяся другъ съ другомъ: нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мнѣ говорили сайяды, даже въ періодъ наименѣе высокаго стоянія водъ достигаютъ въ глубину высоты человѣческаго роста и больше. Въ заливѣ *Барен̌ъ* вода держится круглый годъ.

Пройденный нами *Нэйзаръ* представляетъ громадное болото, густо заросшее камышомъ и чаканомъ на глубоководьѣ и кугою на мелкихъ мѣстахъ. Тамъ и здѣсь встрѣчаются открытыя пространства съ необыкновенно прозрачною и относительно глубокою водою (до двухъ саженей), на днѣ густо заросшею различными водяными растеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя поднимаются на поверхность; здѣсь много губокъ въ родѣ бадяги (у сайядовъ — «*кяфъ-и-дарья*») [1]).

По пути движенія нашего къ заливу *Барен̌ъ* мы шли частью по протокамъ, имѣющимъ видъ рѣчекъ и называемымъ «*ра-и-пошть*», т. е. послѣднія дороги, частью пересѣкали ихъ, бо̀льшею же частью двигались камышами, выбирая среди нихъ открытыя пространства, гдѣ съ большою легкостью могъ проходить

1) Насколько я могъ понять, это названіе въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «пѣна моря». Надо замѣтить, что большія озера Сеистана у мѣстныхъ жителей извѣстны подъ названіемъ «дарья», т. е. море. Странно, что названія: *Хамунъ-и-Фарахъ* и *Хамунъ-и-Саваранъ*, употребляющіяся въ описаніяхъ и на картахъ для обозначенія этихъ озеръ, въ изученныхъ мною частяхъ страны оказывались неизвѣстными.

нашъ тютинъ. «Ра-и-поштъ» проводятъ воду черезъ *Нэйзаръ* на югъ, въ заливное ложе *Хамуна*, какъ изъ *Хамунъ-и-Фарахъ*, такъ и изъ *Хамунъ-и-Саваранъ*. Въ періодъ наибо̀льшаго разлива, по разспросамъ въ среднихъ числахъ апрѣля, они несутъ мутную воду, берега̀ которой составляются прозрачными отстаивающимися водами *Нэйзара* и его камышево-чакановыми зарослями; въ настоящее время она была едва мутнѣе, чѣмъ окружающія воды, но имѣла еще весьма хорошо замѣтное теченіе. Эти протоки представляютъ прекрасныя дороги по *Нэйзару*, по которымъ скоро и удобно можно проникнуть на сѣверъ въ оба озера. Среди однообразія камышевыхъ чащъ они до нѣкоторой степени живописны. Глубина ихъ въ общемъ значительнѣе, чѣмъ въ окружающей мѣстности, но она меньше, чѣмъ въ *Барениъ* и во многихъ открытыхъ мѣстахъ среднихъ частей *Нэйзара*. Дно ихъ менѣе вязко и иногда становится нѣжно-песчанымъ, именно въ протокахъ, ведущихъ изъ *Хамунъ-и-Фарахъ*, которые замѣтно болѣе глубоки, чѣмъ берущіеся изъ *Хамунъ-и-Саваранъ*. Ширина колеблется между 15 и 50 шагами.

«Ра-и-поштъ» иногда сохраняютъ воду въ теченіе всего осенняго и зимняго времени; нѣкоторые изъ нихъ, особенно ближе къ сеистанскимъ берегамъ, къ осени осыхаютъ, но при частыхъ здѣсь сѣверныхъ вѣтрахъ снова наполняются водою, нагоняемою изъ *Хамунъ-и-Фарахъ*.

Около селенія *Адими*, или лучше сказать около сайядскаго кочевья, находящагося вблизи него, въ плоское ложе вышеупомянутой струи гильмэндской воды впадаетъ «ра-и-поштъ», называемый *Ра-и-Дамрудъ*; онъ ведетъ изъ *Хамунъ-и-Фарахъ*, и именно по нему мы быстро и скоро вернулись отъ этого озера къ мѣсту отправленія нашего въ *Адими*. Нѣсколько южнѣе *Нэйзаръ* прорѣзается протокомъ *Ра-и-Люръ*, идущимъ къ мѣсту *Кянге-Эйдаръ*, гдѣ онъ соединяется съ тѣмъ, который огибаетъ южный берегъ залива *Барениъ*, и общимъ русломъ направляется къ югу, гдѣ осенью, въ концѣ сентября, мы его видѣли, какъ я уже упомянулъ выше, въ видѣ рѣчки съ замѣтнымъ теченіемъ. *Ра-и-Люръ*

составляется частью нѣсколькими протоками, идущими изъ *Хамунъ-и-Фарахъ*, частью, во время половодья, протоками гильмэндской воды. Вообще «ра-и-поштъ» въ осеннее и зимнее время до нѣкоторой степени играютъ роль дренажныхъ каналовъ, осушающихъ *Нэйзаръ*.

Глубина *Хамунъ-и-Фарахъ*, именно по южному краю этого озера, достигаетъ 20, а въ одномъ мѣстѣ даже 28 футовъ. Далѣе къ сѣверу она должна быть глубже, но туда мы не ѣздили, такъ какъ гребцы мои сильно устали, а употребленіе шестовъ на мѣсто веселъ отнимало слишкомъ много времени и слишкомъ мало подвигало насъ впередъ. Правда, я велѣлъ придѣлать къ шестамъ камышевыя лопасти, но онѣ оказались не особенно практичны. Какъ показали промѣры, глубина водъ *Нэйзара* возрастаетъ отъ сеистанскаго берега къ заливу *Барентъ* и вообще къ западному берегу *Хамунъ-и-Фарахъ*; въ этомъ-же направленіи, съ началомъ убыли воды, идетъ его сезонное обмелѣніе.

Вода и *Нэйзара*, и большихъ озеръ во время высокаго своего стоянія совершенно прѣсная. Осенью, напр. уже въ послѣдней трети сентября, она получаетъ замѣтный солоноватый вкусъ не только во многихъ мѣстахъ по мелководью, но также въ заливѣ *Барентъ*, особенно въ восточной его части. Зимою, какъ мнѣ разсказывали, солоноватый вкусъ наблюдается даже въ водахъ южной окраины озера *Хамунъ-и-Фарахъ*. Температура воды въ *Нэйзарѣ* весною и лѣтомъ, въ тихую погоду, очень высока.

Въ заливѣ *Барентъ* 10 мая, въ одиннадцать часовъ дня при 31° Ц. въ воздухѣ, она имѣла 29° на глубинѣ одного фута. Въ 12 ч. дня 17 мая, при $35^1/_2$° Ц. въ воздухѣ, она равнялась $30^1/_2$° на глубинѣ 16 сантиметровъ; на глубинѣ 5 футовъ въ тоже время термометръ показывалъ еще 28°.

Изъ *Адими* мы вернулись въ городъ *Насиръ-абадъ* болѣе южной дорогой, оставляя въ сторонѣ большое селеніе *Мансури*. По ней мы не встрѣтили песковъ, но вмѣсто нихъ за лугоподобною принэйзарскою полосою прошли на нѣсколько верстъ равниною съ солонцеватою, вспученною и подъ ногами хрустящею

почвою, почти совсѣмъ лишенною растительности; лишь изрѣдка попадались: тощій кустикъ тамарикса или, на вершинѣ кочки, приземистая солянка. По этой дорогѣ можно считать около 14—15 верстъ.

Къ тому-же кочевью и къ *Адими* мы ходили осенью (15 сентября) изъ с. *Авселлабада* (12—13 верстъ). По пути имѣются селенія: *Насиръ-абадъ*, *Иса* и *Мансури*. Дорога проходила наводняемою, но въ то время уже осохшею, лугоподобною мѣстностью, между с. с. *Насиръ-абадъ* и *Иса* покрытою мягкимъ и нѣжнымъ пескомъ.

Экскурсія по сѣверной окраинѣ Сеистана

(22 — 25 мая).

Изъ г. *Насиръ-абадъ* въ прежнемъ составѣ мы проходимъ въ с. *Гязъ-и-Баръ*, до котораго около 22 верстъ. Въ 15 верстахъ отъ города встрѣчаемъ большое с. *Дехъ-Куль* съ порядочными садами; къ сѣверо-востоку отъ этого послѣдняго и невдалекѣ большое же селеніе *Дехъ-и-Даригъ*, за которымъ къ востоку виднѣется еще одно селеніе.

Мѣстность между *Насиръ-абадомъ* и *Дехъ-Кулемъ* мѣстами усѣяна буграми мелкаго и нѣжнаго песка, мѣстами вспучена солонцеватыми буграми, при чемъ промежутки между ними сырые; ближе къ с. *Дехъ-Куль* она ровная и представляетъ мягкую глинистую почву, удобную для обработки. По дорогѣ переходимъ черезъ хорошо выработанное русло, на берегахъ обставленное песчаными буграми, которые поросли солянко-подобными кустами. Оно называется *Шилэ-и-Бадъ* (болото вѣтра) и произошло изъ одного изъ древнихъ оросительныхъ каналовъ, размытаго водою; направляется въ *Нэйзаръ* и впадаетъ въ него между с. с. *Кале-и-Ноу* и *Гязъ-и-Баръ*. За *Дехъ-Куль* и *Дехъ-и-Даригъ* на сѣверъ и сѣверо-востокъ до с. *Гязъ-и-Баръ* разстилается ровная, теперь безплодная мѣстность, лишь кое-гдѣ зеленѣющая кустиками

Alhagi, гладкая какъ полъ и даже при здѣшнихъ вѣтрахъ не дающая пыли. Не доходя до с. *Гязъ-и-Баръ* встрѣчаемъ развалины очень большого стариннаго города съ глиняною и кирпичною кладкою. Это *Шаръ-и-Загедунъ*; около него развалины нѣсколькихъ пригородныхъ селеній. Основаніе его относится къ домусульманской эпохѣ.

Гязъ-и-Баръ представляетъ селеніе въ 30 домовъ, частью глинобитныхъ, частью состоящихъ изъ шалашей «асили». «Асили» находятся въ повсемѣстномъ употребленіи у иліатовъ Сеистана и сайядовъ всей прибрежной полосы этой страны. Они представляютъ дешевое, легкое и лѣтомъ удобное жилье, легко разбираемое и переносимое съ мѣста на мѣсто. Остовъ «асили» составляется изъ изогнутыхъ тамариксовыхъ жердей, парами (отъ двухъ и до 5 паръ) другъ за другомъ втыкаемыхъ въ землю и наверху въ каждой парѣ связываемыхъ въ видѣ высокаго полукруга; съ каждой стороны, сбоку, привязывается по 2, по 3, рѣдко по 4 горизонтальныхъ жерди (веревокъ часто не полагается вовсе и вмѣсто нихъ употребляются вяленые и длинные листья чакана — тютэкъ). Поперекъ остова надѣвается и къ нему привязывается нѣсколько широкихъ цыновокъ, сплетенныхъ изъ раздавленнаго и грубо разволокненнаго камыша. Затѣмъ цыновками задѣлывается одно изъ отверстій, оставляя другое въ качествѣ двери, и жилище готово. Въ такомъ видѣ «асили» имѣетъ видъ полуцилиндра, положеннаго на землю (бокомъ къ господствующему вѣтру). Зимою количество цыновокъ увеличивается, да и сами «асили» переносятся въ осыхающіе къ этому времени камыши, гдѣ вѣтеръ не такъ чувствителенъ.

Мѣстность, на которой лежитъ *Гязъ-и-Баръ* (около него есть древнія развалины, носящія то-же названіе) слегка поднята надъ болотистою страною, лежащею далѣе къ сѣверу, теперь наводненною и соединяющею озера *Хамунъ-и-Фарахъ* и *Хамунъ-и-Саваранъ*. Въ нѣкоторые годы, весною и на нѣсколько дней, она заливается мелкою водою, доходящею до развалинъ *Шаръ-и-Загедунъ*. Къ западу и къ востоку отъ селенія лежитъ по бугру.

Судя по своему строенію, они существуютъ отъ природы и вѣроятно составляютъ обмытые остатки доисторическихъ островов. На вершинѣ западнаго бугра развалины укрѣпленія и нѣсколькихъ домовъ; на ней-же располагается кладбище. Съ высоты ея, сквозь пыльный воздухъ, виднѣется къ юго-западу гора *Кухъ-и-Ходже* (*Кухъ-и-Хаджи*), а чуть влѣво отъ этой послѣдней, и конечно гораздо ближе, большое с. *Дирадаръ* съ хорошими садами.

Между прочимъ этотъ бугоръ долженъ имѣть большой интересъ для энтомолога, такъ какъ на немъ во множествѣ селятся и устраиваютъ свои любопытныя гнѣзда всевозможныя пчелы и осы, особенно восточные шершни (Vespa orientalis) и какіе-то полисты (Polistes sp.). Гнѣзда перваго вида замѣчательны тѣмъ, что, въ противоположность гнѣздамъ остальныхъ видовъ этого рода, выстраиваются не изъ бумагообразной массы, а изъ глины. Они помѣщаются частью свободно въ жильѣ человѣка или въ дуплахъ деревъ, какъ это уже было мною описано[1]), частью, какъ на этомъ бугрѣ и какъ вообще наблюдалось мною въ Сеистанѣ, въ выбоинахъ и трещинахъ глиняныхъ заборовъ и стѣнъ развалинъ. Въ зависимости отъ величины помѣщенія послѣдняго рода, они могутъ быть и весьма большими и сравнительно очень маленькими, въ общей своей формѣ всецѣло завися отъ формы того-же помѣщенія. Гнѣздовыя оболочки неправильны и существуютъ только мѣстами, особенно со стороны отверстія; иногда ихъ вовсе не имѣется. Соты располагаются параллельно и частью соединяются другъ съ другомъ обычными у осъ колонками, сдѣланными здѣсь только изъ глины, частью прикрѣпляются своими краями къ стѣнкамъ помѣщенія, оставляя въ нѣсколькихъ мѣстахъ отверстія, черезъ которыя могли бы проходить насѣкомыя. Упомянутый Polistes sp. дѣлаетъ свои гнѣзда въ такихъ-же мѣстахъ, но выстраиваетъ ихъ изъ бумагообразной массы; онъ

---

1) Коллекціи зоологическаго кабинета Императорскаго Варшавскаго Университета, вып. II, стр. 57—58.

строится такъ-же въ кустахъ, какъ обыкновенные виды, но здѣсь его гнѣзда никогда не достигаютъ такихъ громоздкихъ размѣровъ, какъ въ крытыхъ помѣщеніяхъ.

Къ сѣверу, западу и сѣверо-востоку отъ с. *Гязь-и-Баръ* разстилается широкая низменная мѣстность, представляющая нѣчто вродѣ луга, разнообразящагося болотцами и узкими протоками текучей воды, поросшаго кустами невысокаго тамарикса, не образующими густыхъ чащъ, и густою травою, которая даетъ великолѣпный кормъ для лошадей, ишаковъ и крупнаго рогатаго скота. Трава не высока и не образуетъ дерна. Со спадомъ водъ она высохнетъ, выломается вѣтромъ, разломается на кусочки и вмѣстѣ съ пылью снесется далеко отъ мѣста своего рожденія, чтобы гдѣ-нибудь отложиться вмѣстѣ съ нею плодороднымъ лёссомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со спадомъ же водъ, далѣе къ сѣверу, въ болотистой мѣстности, находящейся теперь подъ мелкою водою и поросшей мягкою осокою, образуется новый лугъ. Къ этому лугу и болоту прилегаетъ широкая струя (ширина ея доходитъ до полуверсты) мутной гильмэндской воды, медленно двигающейся изъ *Хамунъ-и-Саваранъ* въ *Хамунъ-и-Фарахъ*. Ее можно прослѣдить вдоль сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ окраинъ Сеистана по заливному ложу *Хамуна* до с. *Вермаль* и даже дальше на югъ. Первоначальное западное ея теченіе послѣ встрѣчи съ сѣвернымъ теченіемъ изъ *Хамунъ-и-Фарахъ* мѣняется на юго-западное и южное. Въ періодъ половодья она почти повсюду отдѣляетъ *Нэйзаръ* отъ наводняемыхъ окраинъ материковаго Сеистана. Въ настоящее время переправа черезъ нее совершается на тютинахъ, такъ какъ глубина достигаетъ отъ трехъ до шести футовъ. Далѣе къ сѣверу лежитъ полуостровъ, защемленный между обоими сейчасъ названными большими озерами; на сѣверѣ онъ соединяется со страною *Лашъ-и-Джувейнъ*, а южнымъ своимъ окончаніемъ упирается въ низину, по которой сливаются воды озера *Хамунъ-и-Саваранъ*. Его растительность составляется изобильнымъ тамариксомъ, въ чащахъ котораго въ несмѣтномъ числѣ живутъ дикія свиньи, и густыми болотными и луговыми травами,

особенно по окраинамъ, въ настоящее время залитымъ на цѣлыя версты мелкою водою. На поверхности этого полуострова возвышается два бугра; изъ нихъ болѣе западный и въ то-же время болѣе южный называется *Кале-и-Кулакъ*; около него располагается селеніе *Доулетъ-абадъ* (въ 16 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ с. *Гязь-и-Баръ*), содержащее массу крупнаго рогатаго скота. Къ концу лѣта все пространство между полуостровомъ и Гязь-и-барскимъ побережьемъ высыхаетъ, и водная связь между обоими озерами исчезаетъ почти окончательно.

Вернувшись изъ *Доулетъ-абада*, въ окрестностяхъ котораго я охотился на свиней, при чемъ убилъ пару, я нанялъ тютинъ и двухъ тютинчи и сдѣлалъ экскурсію на востокъ, къ устью р. *Гильмэндъ*. Частью двигаясь вверхъ по упомянутой струѣ гильмэндской воды, имѣющей видъ рѣки, у береговъ заросшей камышомъ и чаканомъ, частью проходя черезъ заросли этихъ послѣднихъ, мы черезъ 18—20 верстъ ѣзды достигли открытой поверхности озера *Хамунъ-и-Саваранъ*, у береговъ заросшаго густыми чащами и островами камыша на мелководьѣ и чакана— на болѣе глубокихъ мѣстахъ. Водоплавающихъ птицъ здѣсь масса, и онѣ носятся тучами, затемняющими солнце. Дѣйствуя тютинными шестами какъ веслами, намъ удалось кое-какъ проплыть только версты три отъ камышей, такъ какъ поднявшійся вѣтеръ грозилъ опрокинуть тютинъ. Глубина озера въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 24 футовъ; дно его, судя по образчику, добытому моимъ лотомъ, состоитъ изъ илистой глины. Вода мутная,— во всякомъ случаѣ болѣе мутная, чѣмъ въ *Хамунъ-и-Фарахъ*.

Въ настоящее время *Гильмэндъ* пробилъ въ своемъ низовьѣ новое русло, западнѣе стараго, по одному изъ древнихъ оросительныхъ каналовъ, такъ что теперь его устье цѣликомъ должно принадлежать Персіи. По ту сторону рѣки остались персидскія селенія: *Тахтъ-и-Шахъ*, *Тепе-и-Кянизъ*, *Галича*, *Подаги*, *Катамакъ*, *Кяркуша* и *Достъ-Магомедъ-Ханъ*; какъ я слышалъ, Афганистанъ теперь предъявляетъ на нихъ свои претензіи.

Экскурсія по западной окраинѣ Сеистана

(30 мая — 5 іюня).

Вернувшись ночью 25 мая изъ с. *Гязъ-и-Баръ* старою дорогою въ городъ *Насиръ-абадъ*, я посвятилъ четыре дня на коллектированіе различныхъ естественно-историческихъ предметовъ въ окрестностяхъ этого послѣдняго и 30 числа перебрался въ с. *Авселлабадъ*, чтобы изъ него идти къ югу.

Заливъ *Нэйзара*, соединяющійся съ Авселлабадскимъ озеромъ, къ этому времени значительно осохъ и обнаружилъ широкій мокрый лугъ съ густыми, но приземистыми кормовыми травами и нечастыми кустами тамарикса. Уже издали на немъ виднѣется множество птицъ, пестрѣющихъ большими и малыми разноцвѣтными пятнами. Тамъ и здѣсь неподвижно стоятъ сѣрыя, пурпуровыя и бѣлыя цапли (Ardea cinerea, A. purpurea, Herodias alba, H. garzetta), громадными табунами отдыхаютъ бѣлоснѣжные колпики (Platalea leucorodia), медленно бродятъ, издали кажущіеся совершенно черными, ибисы-каравайки (Falcinellus igneus), пасутся сѣрые гуси (Anser cinereus rubrirostris), суетятся сукальни (Limosa aegocephala), массивными, на солнцѣ ослѣпительно бѣлыми фигурами выдѣляются лебеди-шипуны (Cygnus olor). Вода въ мочежинахъ теплая, а мѣстами, гдѣ нѣтъ травы, она настолько горяча, что ногамъ больно.

Изъ *Авселлабада* мы двинулись къ селенію *Гюссейнъ-абадъ*, до котораго можно считать 30 верстъ и въ которомъ долженъ былъ формироваться караванъ для дальнѣйшаго нашего движенія въ южную сторону. Непосредственно за *Авселлабадомъ* дорога проходитъ сначала мелководными разливами мѣстнаго озера, образовавшимися вслѣдствіе сѣверныхъ вѣтровъ, дувшихъ въ послѣднее время и нагнавшихъ воду, затѣмъ вступаетъ въ культурную, густо заселенную мѣстность и проходитъ мимо цѣлаго ряда большихъ селеній: *Доуди* (*Ду-дехъ*?), *Дехъ-Акберъ-Абазъ*, *Теймуръабадъ*, *Дехъ-Измаилъ-Камберъ*, *Дехъ-Мулла-Али*; сады здѣсь

очень плохи и невелики; въ нихъ я замѣтилъ иву, цвѣтущій тамариксъ, тутъ, джидду (Elaeagnus) и гранатъ; рѣдко невысокія яблоневыя деревья; въ садахъ же находятся огороды, въ которыхъ разводятся люцерна, табакъ, кунджутъ, редиска и свекловица. Затѣмъ дорога идетъ черезъ очень большія селенія *Сенгъ-и-Челленгъ* (370 домовъ) и *Седаки* (320 домовъ), за которыми прежняя мягко-глинистая почва смѣняется просто глинистою, усѣянною песчаными буграми; здѣшніе пески поросли растеніемъ, похожимъ на киргизскій чій (Lasiagrostis), но болѣе мягкимъ. Недоѣзжая около трехъ верстъ до *Гюссейнъ-абада*, встрѣчаемъ большое селеніе *Доулетъ-абадъ*, за которымъ разстилается обширная площадь, почти совсѣмъ обнаженная и мѣстами изобильно засыпанная мягкимъ и весьма нѣжнымъ пескомъ. Сильный сѣверный вѣтеръ взрываетъ его, поднимаетъ на воздухъ и густыми тучами затемняетъ не только небо, но и солнце, которое сквозь пыль кажется бурымъ и на которое можно смотрѣть безъ всякой боли въ глазахъ. Давно сжатый хлѣбъ, лежавшій до сихъ поръ въ снопахъ — его не ставятъ въ копны — въ настоящее время сносится въ скирды, и такъ какъ бѣднымъ райетамъ разрѣшается подбирать колосья, остающіеся на ханскихъ поляхъ, въ свою пользу, то на нихъ теперь царитъ живописное оживленіе, напоминающее мнѣ библейское сказаніе о Воозѣ и Руѳи.

Окрестности *Гюссейнъ-абада* зоологически такъ-же неинтересны, какъ и во всѣхъ другихъ селеніяхъ Сеистана, лежащихъ въ сторонѣ отъ Хамуна. Впрочемъ, въ здѣшнихъ пескахъ мнѣ удалось при ночной экскурсіи съ фонаремъ добыть крошечную песчанку, если не тождественную съ Gerbillus nanus, описанною Blanford'омъ (Eastern Persia, vol. II, p. 72—74) и открытою имъ въ персидскомъ Белуджистанѣ, то весьма къ ней близкую, и наловить въ большомъ числѣ змѣеподобныхъ ящерицъ — «маръ-риги» (Sphenocephalus tridactylus), гекконовъ, скорпіоновъ (у сайядовъ и персовъ «аграбъ», у белуджей «зумъ») и фалангъ (у персовъ «рутень», у сайядовъ «каапу̀», у белуджей «джаруминъ»).

Распорядившись наемомъ верблюдовъ и людей, покупкою

бурдюковъ для воды («машкъ» или «машкъ-и-абъ»), изготовленіемъ муки и кое-какихъ другихъ припасовъ, я, въ ожиданіи пока все это будетъ готово, налегкѣ предпринялъ экскурсію въ сѣверо-западномъ направленіи къ ложу *Хамуна*, къ которому и вышелъ около с. *Дехъ-и-Рустемъ* (*Дехъ-и-Рустамъ*). Дорога идетъ вдоль одного изъ капитальныхъ оросительныхъ каналовъ по сильно воздѣланной мѣстности черезъ селенія: *Дехъ-и-Тюти, Дехъ-и-Махмудъ, Тилларъ, Дехъ-и-Мухтъ-Сеферъ*. Между *Гюссейнъ-абадомъ* и *Дехъ-и-Рустемъ* можно считать около 25 верстъ. Сады по прежнему либо весьма плохи, либо совсѣмъ отсутствуютъ. Съ западной стороны къ этимъ селеніямъ въ настоящее время года близко подходятъ разливы *Хамуна* и сопровождающія ихъ лугоподобныя мѣстности. Около с. *Дехъ-и-Тюти* это ложе образуетъ мелководный заливъ.

Нанявъ тютинъ въ с. *Дехъ-и-Рустемъ*, я перебрался на западный берегъ *Хамуна*, въ этомъ мѣстѣ довольно сильно съуженный и, какъ мнѣ показалось, по водѣ имѣющій около 14—15 верстъ въ ширину; вправо, или лучше сказать къ сѣверу, отъ этой дороги оставалась уже нѣсколько разъ упомянутая гора *Кухъ-и-Ходже*, крутобокая, съ круглою и плоскою вершиною, иногда называемою *Тахтъ-и-Рустемъ*, т. е. постелью Рустема. Вѣроятно благодаря этому съуженію, а также сильному сѣверному вѣтру, дувшему почти подрядъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, воды Хамуна имѣютъ здѣсь болѣе сильное теченіе, чѣмъ то, которое наблюдалось мною около с. с. *Авселлабадъ* и *Адими*. Особенно хорошо оно замѣтно между берегомъ Сеистана и горою *Кухъ-и-Ходже*, гдѣ прорывается вышеупомянутая струя мелкой и мутной гильмэндской воды. За этою послѣднею начинается *Нэйзаръ*, который съ сѣвера на югъ прорѣзается протокомъ, составляющимъ продолженіе того «ра-и-поштъ», который называется *Ра-и-Люръ* и который, какъ я уже говорилъ, несетъ воду еще въ концѣ сентября. Западная часть ложа *Хамуна*, въ настоящіе годы уже не наводняемая, представляетъ обширную пустынную низину, изобилующую солонцеватыми мѣстами и даже настоя-

щими солончаками. Стоячія воды прилежащихъ частей *Нэйзара* имѣютъ солоноватый вкусъ. Невдалекѣ за низиною виднѣются, мѣстами крутые, глинистые яры сосѣдней высокой равнины; они сильно размыты дождевыми водами и поражаютъ своимъ безплодіемъ, какъ и сама равнина; единственное живое существо, попавшееся мнѣ на глаза въ этой по истинѣ страшной мѣстности, было открытой мною въ 1896 г. ящерицей-круглоголовкой,— Phrynocephalus spiniventris Nik.

Замѣтки о Сеистанѣ вообще.

Передъ описаніемъ дальнѣйшаго нашего страствованія на югъ, въ предѣлы персидскаго Белуджистана, я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще объ изслѣдованной мною части культурнаго Сеистана.

Во всей Персіи, не считая Адербейджана и прикаспійскихъ провинцій: Гиляни, Мазандерана и Астерабада, Сеистанъ по обилію прѣсной воды и удобству почвы для земледѣлія, главнымъ образомъ для хлѣбопашества, представляетъ нѣчто безпримѣрное и изъ ряда вонъ выходящее. Его современное населеніе далеко не соотвѣтствуетъ тому, которое могло бы здѣсь обитать, принимая во вниманіе массу пустопорожнихъ земель, удобныхъ для обработки и могущихъ быть орошаемыми даже при настоящей, далеко неудовлетворительной, системѣ ирригаціи, при которой бо̀льшая часть воды пропадаетъ даромъ.

По условіямъ почвы (глина безъ щебня) и климата (весьма частые и сильные сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, болѣе рѣдкіе зимою, но за то часто пронзительно-холодные) садоводство въ Сеистанѣ процвѣтать не можетъ и въ этомъ отношеніи всегда будетъ уступать многимъ другимъ частямъ остального Хорасана, особенно его горнымъ мѣстностямъ. Самый лучшій садъ страны— это *Чаръ-Багъ* (около города *Насиръ-абадъ*), принадлежащій ея правителю: онъ былъ уже мною описанъ. Затѣмъ въ общемъ недурные сады принадлежатъ городу *Се-кухе* (три горы) и селе-

ніямъ: *Бурджъ* (5 фарсанговъ отъ *Насиръ-абада*), *Бунджаръ* (въ одномъ фарсангѣ), *Тагази* (1/2 фарсанга) и *Дирадаръ* (3 фарсанга). Въ сеистанскихъ садахъ произростаютъ: особый видъ ивы (бидъ), которая вмѣстѣ съ разнолистнымъ тополемъ (Populus diversifolia) могла бы быть предметомъ весьма успѣшнаго лѣсоводства, тутовникъ (къ нашему пріѣзду въ Сеистанъ [11 мая] уже осыпавшій свои ягоды), въ большомъ изобиліи гранатъ (двухъ породъ: красный и бѣлый; поспѣваетъ въ первой трети сентября), джидда (Elaeagnus) и тамариксъ; рѣже плохой сортъ яблони (поспѣваетъ въ началѣ іюня) и еще рѣже весьма плохіе сорта абрикоса и сливы. Въ *Чаръ-Багѣ* и въ дворовомъ помѣщеніи ханскаго дома въ *Насиръ-абадѣ* имѣется нѣсколько штукъ финиковыхъ пальмъ, весьма печальныхъ на взглядъ. Виноградниковъ весьма мало, а самый виноградъ дурного качества; кромѣ обыкновеннаго крупнаго, разводятъ мелкій, извѣстный подъ названіемъ «ангуръ-и-якути» и поспѣвающій уже въ среднихъ числахъ мая.

Огородныя травы, какъ то: анисъ, тминъ, укропъ, шафранъ и другія, собираются въ незначительномъ количествѣ и служатъ главнымъ образомъ для собственнаго употребленія.

Рисовыхъ полей нигдѣ не имѣется, и рисъ привозится изъ Хорасана.

Въ большомъ количествѣ разводятся: джугара, кунджутъ, табакъ (исключительно желтый, кальянный), люцерна и, рѣже, клеверъ. Хлопчато-бумажныя плантаціи весьма невелики, но хлопокъ родится хорошо.

Бахчевное производство развито въ значительной мѣрѣ, но арбузы и дыни незавидныхъ сортовъ, далеко уступающихъ хивинскимъ и тѣмъ болѣе бухарскимъ. Дыни, между прочимъ, охотно употребляются въ пищу совсѣмъ не поспѣвшими, по вкусу еще весьма похожими на огурцы.

Главнѣйшими же произведеніями почвы являются пшеница и, въ меньшей степени, ячмень, которые въ громадномъ количествѣ вывозятся въ Саргадъ, Бампуръ, Нармеширъ, въ Каинатъ и даже въ Афганистанъ. Мельницы почти исключительно

ручныя. Водяныхъ я совсѣмъ не видалъ, а вѣтряныя, которыя пользуются обширнымъ распространеніемъ въ Каинатѣ и которыя были описаны еще Ханыковымъ, существуютъ въ самомъ ограниченномъ числѣ. Ручная мельница состоитъ изъ двухъ жернововъ, имѣющихъ до аршина въ діаметрѣ каждый. Нижній жерновъ, во время работы остающійся неподвижнымъ, имѣетъ въ центрѣ вертикальный желѣзный шкворень; верхній, вращающійся, снабженъ въ серединѣ небольшимъ квадратнымъ отверстіемъ, въ которое діагонально и горизонтально крѣпко встромлена веретенообразная палочка съ круглой дыркой посрединѣ же; ближе къ краю на его верхней поверхности вдѣлана небольшая вертикальная деревянная рукоятка. При употребленіи такой мельницы поступаютъ такимъ образомъ, что верхній жерновъ черезъ отверстіе въ палочкѣ одѣвается на шкворень нижняго; затѣмъ въ квадратное отверстіе засыпается зерно, которое и перемалывается въ муку при помощи вращенія жернова за его рукоятку. Такія мельницы въ большомъ ходу не только въ Сеистанѣ, но также повсемѣстно въ Белуджистанѣ и у кочевниковъ Хорасана. Иногда онѣ приготовляются въ очень маленькихъ размѣрахъ, что дѣлаетъ ихъ весьма удобными при перевозкѣ. Много разъ у белуджей страны Саргадъ я видѣлъ вмѣсто какихъ-бы то ни было мельницъ просто каменныя ступки, въ которыхъ зерно разбивалось въ порошокъ такими-же пестиками; эти послѣдніе нерѣдко были приготовлены изъ нефрита. Для молотьбы хлѣба употребляется деревянный цилиндръ, поверхность котораго состоитъ изъ досокъ, покрытыхъ твердыми камешками; движется кругообразно при помощи пары быковъ или коровъ; гораздо чаще для той-же цѣли служитъ пара или нѣсколько паръ быковъ, лошадей или даже ишаковъ, которые гоняются кругомъ по току и просто ногами топчатъ колосья.

Скотоводство въ Сеистанѣ процвѣтаетъ: именно въ большомъ количествѣ, какъ упомянуто выше, здѣсь разводится крупный рогатый скотъ — зебу, который могъ бы, при надлежащемъ спросѣ, содержаться въ количествѣ, бо̀льшемъ чѣмъ то, которое

я уже опредѣлилъ (60.000 головъ). Численность козъ и овецъ весьма велика. Изъ другихъ домашнихъ животныхъ лошади имѣются вообще въ небольшомъ числѣ; въ несравненно бо̀льшей пропорціи разводятся ишаки, а у белуджей—верблюды; катеровъ въ мое время не имѣлось вовсе, даже у хана-правителя. Изъ птицъ встрѣчаются только однѣ куры, но во многихъ селеніяхъ держатся также прирученные дикіе гуси и лебеди.

Населеніе, особенно въ принэйзарской полосѣ, занимается рыболовствомъ, охотою по птицѣ ради мяса и перьевъ и промысломъ выдры (сагъ-и-аби), шкуры которой вывозятся главнымъ образомъ въ Афганистанъ. Кромѣ того оно занимается выдѣлываніемъ ткани для собственной одежды, кошемъ, хурджуновъ и ковровъ. Ковровое производство развито преимущественно среди белуджей, кочевья которыхъ располагаются по южнымъ окраинамъ культурнаго Сеистана. Белуджскіе ковры приготовляются изъ чистой шерсти, безъ всякой подмѣси хлопка, и въ Хорасанѣ цѣнятся весьма дорого, сравнительно съ мѣстными произведеніями того-же рода; какъ мнѣ говорили, они вывозятся даже въ Константинополь. Для окрашиванія шерсти, предназначенной для ковра, употребляются слѣдующія краски:

синяя (индиго или, какъ его называютъ вездѣ въ Персіи, «ниль»),

желтая (корка гранатовыхъ плодовъ),

красная («руданъ», вѣроятно марена, у собственно-персіянъ называемая «ализари»),

оранжевая (гранатовая корка, смѣшанная съ листьями дерева «бидъ»),

темно-зеленая (индиго съ листьями «бидъ»),

свѣтло-зеленая (индиго съ гранатовою коркою).

Затѣмъ въ дѣло идетъ неокрашенная шерсть слѣдующихъ цвѣтовъ:

чернаго (такъ какъ она черезъ нѣкоторое время бурѣетъ, то ее весьма часто окрашиваютъ черною краскою «макъ», получае-

мою отъ пережиганія какой-то «зердъ-хаки», т. е. «желтой земли» съ бараньимъ саломъ),

бѣлаго,

шамуд (верблюжья шерсть).

Кромѣ того употребляются различныя комбинаціи смѣшенія этихъ основныхъ красокъ и цвѣтовъ. Белуджскіе ковры отличаются необыкновенною прочностью, какъ по ткани, такъ и по окраскѣ. Они очень красивы, и между ними особенно хороши тѣ, стрижка которыхъ произведена не на одинаковую высоту волоса, что придаетъ мягкую рельефность тому или другому цвѣту. При продолжительномъ употребленіи они получаютъ пріятную бархатистость и шелковистый, красивый блескъ.

Главные предметы вывоза составляются почти исключительно сырыми продуктами, какъ то: зерновымъ хлѣбомъ, который въ Нармеширѣ и Бампурѣ обмѣнивается на финики (хурма), шкурами и мерлушками, козьей, бараньей и верблюжьей шерстью, въ громадномъ количествѣ птичьимъ пухомъ и живымъ скотомъ, въ особенности крупнымъ рогатымъ.

Предметы ввоза: матеріи изъ города Бирджанда и вообще изъ Каината, шубы и полушубки изъ Герата и Кабула (несравненно лучшіе, чѣмъ наши русскіе, какъ по прочности, такъ по убранству и по выдѣлкѣ, дѣлающей ихъ мягкими вродѣ замши), ситцы (англійскіе, гораздо рѣже русскіе), хлопокъ, сурѣпичное масло (мендоу), рисъ, цейлонскій чай, французскій и гораздо рѣже русскій сахаръ[1]), англійскіе пистоны, эмальированная посуда англійскаго приготовленія, индиго и пряности изъ Индустана, спички (исключительно сѣрныя и комнатныя фосфорныя, фабрикаціи англійской, остъ-индской, австрійской, норвежской, шведской, италіанской и даже японской; кстати: японскія спички находятъ очень большое употребленіе въ персидскомъ Белуджистанѣ и ихъ можно встрѣтить не только въ Сеистанѣ, но даже кое-гдѣ въ собственно Хорасанѣ...), маленькія зеркала вмѣстѣ

1) Русскій сахаръ предпочитается, но цѣнится дороже.

съ другими принадлежностями туалета персидской женщины (издѣлія англійскія), сурьма, опій (индійскій, считающійся лучшаго качества, чѣмъ мѣстный) и т. п.

Торговля Сеистана представляетъ одну изъ доходныхъ статей правителя Хорасана, который отдаетъ въ аренду право взиманія пошлинъ за вывозъ и ввозъ товаровъ, ради чего здѣсь устроена таможня. Въ мое время это право принадлежало нѣкоему Мирза-Гуссейну, жившему въ Сеистанѣ и лично наблюдавшему за порядкомъ; онъ носилъ титулъ «раисъ-и-гомрикъ», т. е. директора таможни. Вотъ нѣсколько примѣровъ размѣровъ пошлины.

Съ верблюжьяго бара (вьюка) финиковъ взимается 2 крана и кромѣ того натурою 10 сирь продукта.

Съ верблюжьяго бара индиго — 20 крановъ.

Съ верблюжьяго бара шерсти — 5 крановъ.

Съ верблюжьяго бара птичьяго пуха — 10 крановъ.

Съ верблюжьяго бара зерна — 1 кранъ.

Съ ишачьяго бара его-же — $1/2$ крана.

Съ двухъ батмановъ хлопка — 1 кранъ.

Съ 27 крановъ стоимости сахара — 1 кранъ.

Съ мелкихъ издѣльныхъ товаровъ (спички, пистоны, зеркала, косметики и т. п.) съ 40 крановъ стоимости — 1—3 крана.

Со 100 крановъ стоимости мануфактурныхъ товаровъ и готоваго платья — 5 крановъ.

Съ верблюдовъ, пригоняемыхъ въ Сеистанъ на продажу, — по 5 крановъ съ головы; съ лошадей — по 10.

Съ козъ и барановъ, угоняемыхъ изъ Сеистана, съ 5 головъ — 1 кранъ.

Съ того-же скота, пригоняемаго въ Сеистанъ изъ Саргада или Афганистана, съ 6 головъ — 1 кранъ.

Съ крупнаго рогатаго скота, угоняемаго изъ Сеистана, смотря по величинѣ, отъ 5 до 10 крановъ.

Кромѣ того практикуются всевозможные экстраординарные поборы, такъ какъ жалобы, при существующей повсемѣстно въ

Персіи бешкешной (взяточнической) системѣ не ведутъ ни къ чему.

Покупательныя способности у простого народа (райеты) развиты слабо; главная торговля — мѣновая вообще и на зерновый хлѣбъ въ частности.

Въ административномъ отношеніи Сеистанъ подчиняется хорасанскому вали (генералъ-губернаторъ). Правителемъ страны въ настоящее время состоитъ Миръ-Масумъ-Ханъ, сынъ бывшаго ея правителя Али-Экберъ-Хана, который распоряженіемъ изъ Тегерана удаленъ отъ дѣлъ прежней своей области и теперь управляетъ округомъ *Тунъ-и-Теббесъ*. Должность правителя здѣсь наслѣдственная, конечно до поры до времени, пока не обрѣжутъ крыльевъ вали провинціи *Каинатъ* (*Бирджандъ*), которые находятся въ родствѣ съ сеистанскими ханами и по справедливости считаются одними изъ самыхъ сильнѣйшихъ въ Персіи. Ближайшими помощниками хана по управленію страною являются старшины селеній, т. е. кедхуда. Каждый кедхуда по существу дѣла есть главный сборщикъ податей и арендаторъ, хозяйничающій въ своихъ владѣніяхъ почти безконтрольно и безапеляціонно. Онъ не получаетъ опредѣленнаго содержанія и самъ заботится о своихъ выгодахъ. Налоги выбиваются всѣми средствами; всякая иниціатива, всякая свобода почти окончательно подавлены. Одна треть всѣхъ произведеній почвы должна поступать въ ханскую казну, не считая того, что кедхуда возьметъ на свою долю.

Подати, взимаемыя съ сайядовъ принэйзарской полосы, заключаются: въ 6 кранахъ съ каждаго женатаго мущины, въ одномъ кранѣ съ каждой головы взрослаго крупнаго рогатаго скота и съ каждаго семейства въ половинѣ сеистанскаго батмана[1]) птичьяго пуха. Сеистанскіе белуджи платятъ за каждые 15 головъ барановъ или козъ по одному крану и кромѣ того съ каждой полусотни головъ по 3 штуки козъ или по два барана. Если не считать весьма крупныхъ земельныхъ податей, всѣ остальныя могутъ

1) Въ сеистанскомъ батманѣ около 15 русскихъ фунтовъ.

казаться не Богъ вѣсть какими большими, но не слѣдуетъ забывать, что на нужды хана и кедхуда въ большихъ и порою неограниченныхъ размѣрахъ производятся всевозможные незаконные сборы. Къ счастью здѣшняго сельскаго населенія, въ Сеистанъ сравнительно рѣдко пріѣзжаютъ правительственные чиновники, которые обыкновенно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практикуютъ такъ называемый «сурсатъ». Этотъ послѣдній въ настоящемъ своемъ смыслѣ обозначаетъ съѣстные припасы, которыми жители того или другого селенія должны снабжать проѣзжающихъ чиновниковъ и всю ихъ, обыкновенно многочисленную, свиту, и за которые они получаютъ расписки; эти расписки въ свое время должны быть отдаваемы сборщику податей въ счетъ налога, требуемаго казною съ каждаго землевладѣльца натурою («малейятъ»). Мало того, что подъ видомъ «сурсатъ» чиновники часто берутъ скотъ, лошадей, ковры и т. д., сборщикъ податей бо̀льшею частью не принимаетъ расписокъ безъ соотвѣтствующей взятки и беретъ, что слѣдуетъ по малейяту.

Правосудіе исполняется кедхуда, муштегидами и ханомъ-правителемъ. Муштегиды разбираютъ не только духовныя дѣла, но и свѣтскія. О томъ, какими судьями они могутъ быть, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Кедхуда селенія *Гязъ-и-Баръ*, желая сдѣлать богоугодное дѣло, рѣшилъ въ прошломъ 1897 году произвести капитальный ремонтъ абъ-амбара, находящагося въ безводной и страшной пустынѣ между с. *Бэндунъ* и *Лябъ-и-абъ* и уже переставшаго держать воду. Съ этою цѣлью онъ приготовилъ необходимое количество жженаго кирпича и благополучно переправилъ его на ту сторону *Хамуна*. Тогда одинъ изъ сеистанскихъ муштегидовъ отобралъ этотъ кирпичъ и, перевезя его обратно въ Сеистанъ, употребилъ на постройку дома для одной изъ своихъ многочисленныхъ женъ (кромѣ четырехъ «агды» онъ имѣетъ нѣсколько десятковъ «сига»)[1].

---

1) «Агды» — законная, полноправная жена. Таковыхъ можетъ быть не больше четырехъ. «Сига» — означаетъ наложницъ; число ихъ не ограничено и сожительство съ ними у шіитовъ освящается нѣкоторыми обрядами.

Аппеляціонныхъ жалобъ почти никогда не бываетъ, да для людей съ ограниченными средствами онѣ прямо-таки невозможны, такъ какъ правымъ окажется всегда тотъ, кто дастъ болѣе крупную взятку.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о природѣ описываемой страны.

Въ климатическомъ отношеніи Сеистанъ оставляетъ желать много лучшаго. Лѣтомъ и въ началѣ осени свирѣпствуютъ сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, дующіе по нѣскольку дней подъ рядъ и наполняющіе воздухъ не только пылью, но и пескомъ. Въ разныхъ мѣстахъ восточнаго Хорасана они извѣстны подъ названіемъ «вѣтра 120 дней» («бадъ-и-садъ-и-бистъ-рузъ»); съ непривычки производятъ головныя боли и вызываютъ своеобразную слабость. О силѣ, до которой иногда достигаетъ этотъ вѣтеръ, можетъ свидѣтельствовать явленіе, наблюдавшееся мною въ 1896 году въ началѣ іюня, когда при безоблачномъ небѣ онъ производилъ нѣчто вродѣ дождя, срывая воду съ поверхности большихъ сѣверныхъ озеръ и унося ее въ видѣ пыли и мельчайшихъ капелекъ на многія версты; застигнутый этимъ оригинальнымъ дождемъ на охотѣ, я былъ смоченъ водою съ ногъ до головы. Лѣтомъ въ Сеистанѣ очень жарко, такъ какъ температура воздуха въ началѣ іюня въ тѣни доходитъ до 50° Ц. Въ тихіе дни въ прибрежной полосѣ и въ самомъ Нэйзарѣ, вслѣдствіе страшнаго испаренія воды, душно какъ въ банѣ и паритъ томительно. Вода настолько тепла, что купанье почти совсѣмъ не освѣжаетъ. Зимою вѣтры бываютъ гораздо рѣже, но зато порою становятся настолько пронзительно-холодными, что гибнетъ скотъ, застигнутый имъ на водѣ. Озера никогда не замерзаютъ, но на мелководьѣ, изрѣдка и на самое непродолжительное время, покрываются тонкимъ слоемъ льда. Снѣгъ бываетъ рѣдко, не ежегодно и стаиваетъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ выпадетъ.

Границы культурнаго Сеистана составляются: на востокѣ — нижнимъ теченіемъ р. *Гильмэндъ*, на западѣ — заливнымъ ложемъ *Хамуна*, на сѣверѣ — нэйзарами озеръ *Хамунъ-и-Фарахъ* и *Ха-*

мунъ-и-Саваранъ, на югѣ — сѣверною окраиною безплодной возвышенности *Сенгъ-и-беръ* (иначе *Дештъ-и-сенгъ-беръ*), имѣющею весьма извилистую конфигурацію и идущею отъ долины р. *Гильмэндъ* къ ложу *Хамуна*.

Онъ представляетъ низменную равнинную страну, геологически въ не особенно отдаленное время бывшую дномъ большого прѣсноводнаго озера. Оставляя въ сторонѣ строеніе почвы и мѣстныя преданія, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя находки раковинъ въ такихъ мѣстахъ, куда не проникаютъ разливы озеръ и оросительныхъ каналовъ, при чемъ эти раковины принадлежатъ тѣмъ самымъ видамъ моллюсковъ, которые и теперь обитаютъ въ мѣстныхъ водахъ. Мѣстами по лицу равнины разбросаны невысокіе бугры, составляющіе быть можетъ размытые остатки древнихъ островковъ. Почва мягкая, глинисто-иловатая, иногда суглинистая и супесчаная, бо̀льшею частью необыкновенно плодородная. На поверхности ея во многихъ мѣстахъ встрѣчаются пески, отличающіеся легкостью и крайнею мелкостью своихъ зеренъ; особенно много ихъ въ южныхъ частяхъ страны, что находится въ связи съ господствующими вѣтрами. Въ указанныхъ границахъ въ ней нигдѣ не имѣется ни гальки, ни щебня.

Въ усыханіи бывшаго озера, какъ можно думать, принимали участіе многіе факторы; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, съ прекращеніемъ вліянія остальныхъ, не только продолжаютъ свое дѣйствіе, но даже усиливаютъ его. Главною причиною обмелѣнія большого сеистанскаго озера безъ всякаго сомнѣнія должно считать уменьшеніе количества водъ, приносимыхъ рѣками его бассейна. Въ давно прошедшія времена, когда горы водораздѣльной линіи этого бассейна не были такъ сильно разрушены, какъ теперь, и когда абсолютная ихъ высота была значительно больше, онѣ осаждали изъ атмосферы несравненно больше влаги, чѣмъ нынѣ. Въ то время весьма многіе изъ водостоковъ и сухихъ руселъ, впадающихъ въ Сеистанскую котловину, представляли настоящія рѣки, собиравшія воду съ обширныхъ пространствъ. По

свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ странахъ: *Нэ-и-Бэндунъ*, *Дорохъ* и *Сунни-Ханэ*, количество атмосферныхъ осадковъ и водъ въ рѣчкахъ и водостокахъ въ прежніе годы, и еще на памяти стариковъ, было замѣтно больше. Масса легкихъ и нѣжныхъ продуктовъ разрушенія горъ, сносимая въ теченіе продолжительнаго времени въ озеро, отлагалась на его днѣ и способствовала пониженію глубины водъ. Съ тѣхъ поръ, въ бо̀льшей степени, чѣмъ раньше, стали дѣйствовать еще три могущественныхъ фактора усыханія мелѣющаго водоема, именно: высокая температура воздуха, его сухость и господствующіе здѣсь весьма сильные вѣтры. Благодаря образовавшемуся мелководью, воды озера стали нагрѣваться на бо̀льшую глубину и тѣмъ легче испаряться. Вѣтры, дующіе въ Сеистанѣ съ сѣвера и сѣверо-востока, способствуютъ осушенію еще въ томъ отношеніи, что сгоняютъ воды на цѣлыя версты по сеистанскому побережью и въ особенности въ заливное ложе *Хамуна*, гдѣ существуютъ всѣ данныя для весьма быстраго испаренія. По своему дѣйствію эти сильные вѣтры могутъ быть сравнены съ пульверизаторомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только сравнены, но, какъ видно изъ предыдущаго, даже уподоблены.

Что касается до такъ называемаго заливного ложа *Хамуна*, представляющаго узкую и очень неглубокую низину, которая идетъ далеко на югъ и тамъ посредствомъ протока *Шилэ* (*Шелагъ-Рудъ*) соединяется съ нынѣ сухимъ соленымъ болотомъ *Гудъ-и-Зирэ*, то повидимому оно имѣетъ болѣе позднее образованіе, отчасти совпадающее съ обмелѣніемъ сплошного Сеистанскаго озера, когда его воды уже не могли помѣщаться въ прежней впадинѣ и искали себѣ выхода. И мнѣ кажется, что ложе *Хамуна* образовалось именно избыткомъ водъ озера, которыя частью своею собственною силою, частью при помощи сѣверныхъ вѣтровъ, размыли на равнинѣ соотвѣтствующее помѣщеніе. Во всякомъ случаѣ равнина, залегающая на югъ отъ культурнаго Сеистана между р. *Гильмэндъ* и ложемъ *Хамуна*, когда-то представляла одно цѣлое съ тою, которая простирается отъ *Хамуна*

на западъ, до предгорій горной системы *Палянгъ-Кухъ*. Объ этомъ свидѣтельствуетъ присутствіе на нѣкоторыхъ мѣстахъ ея поверхности такихъ галекъ и камней, которые относятся къ породамъ, входящимъ въ составъ упомянутыхъ горъ, *и которые могли попасть сюда очевидно только въ то время, когда еще не существовало ложа Хамуна*. Въ прежнее время этотъ послѣдній не только наводнялся полнѣе, но, какъ мнѣ говорили, сохранялъ свою воду отъ разлива до разлива и регулярно каждый годъ изливалъ ея избытокъ по протоку *Шилэ* въ ложбину *Гудъ-и-Зирэ*. Теперь же прошло, какъ разсказываютъ, болѣе 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ случилось это явленіе. Къ осени вода сохраняется только кое-гдѣ, портится и солонѣетъ до полной непригодности къ употребленію.

Дикая растительность сеистанскихъ равнинъ не богата и совсѣмъ не имѣетъ настоящихъ деревьевъ. Въ мѣстахъ наводняемыхъ и вообще съ сырою почвою растутъ кусты тамарикса и еще какого-то приземистаго и весьма колючаго растенія, которые являются единственными деревянистыми породами въ этой странѣ. Мѣста особенно плодородныя и вообще находящіяся по близости отъ оросительныхъ каналовъ, поростаютъ густою и колючею верблюжьею травою (Alhagi), достигающею въ высоту до пояса человѣка и даже выше; въ ней во множествѣ ютятся индійскіе турачи (Attagen indicus), доставляющіе великолѣпнѣйшее мясо. Мѣста солонцеватыя и кочковатыя обростаютъ солянками двухъ или трехъ видовъ. Въ пескахъ встрѣчается высокая чіеподобная трава (похожая на Lasiagrostis, но къ этому роду не принадлежащая) и густые, но невысокіе кусты какого-то растенія съ сочными вѣточками и мелкими листочками. За всѣмъ тѣмъ попадаются обширныя пространства, почти совсѣмъ лишенныя какой-бы то ни было растительности. Лугоподобныя мѣстности, развивающіяся на береговой полосѣ и тамъ, гдѣ вода, вырываясь изъ оросительныхъ каналовъ, разливается на нѣкоторомъ пространствѣ, порою густо заростаютъ низенькою осокою и различными приземистыми, преимущественно кормовыми травами. Рас-

тительность *Нэйзара* весьма пышна, но состоитъ изъ очень ограниченнаго количества видовъ, главнымъ образомъ изъ камыша (здѣшній камышъ обладаетъ способностью вѣтвиться на мелкія вѣточки, отходящія отъ главнаго ствола) и чакана на болѣе глубокихъ мѣстахъ и куги — на болѣе мелкихъ. Поверхность пространствъ, незаросшихъ этими растеніями, мѣстами густо покрывается нѣсколькими видами водорослей.

Что касается до животнаго населенія Сеистана, то оно весьма разнообразно и многочисленно.

Изъ млекопитающихъ можно отмѣтить: антилопъ, еще принадлежащихъ сѣверному виду, у котораго самки безрогія (Gazella subgutturosa); онѣ забѣгаютъ черезъ осыхающее ложе Хамуна и изъ за вызвышенности Сенгь-и-берь; затѣмъ обыкновенны кабаны, въ большомъ числѣ зайцы, полевыя крысы (Nesokia sp.?), песчанки (Meriones) двухъ видовъ, тушканчики (Dipus) двухъ видовъ и три или четыре вида мышей (Mus); во множествѣ шакалы (Canis aureus) и въ гораздо меньшемъ числѣ лисицы; очень часто ежи (Erinaceus) двухъ (?) видовъ, летучія мыши, землеройки (Sorex sp.?), выдры (Lutra sp.?); часто мангусты (Herpestes auropunctatus), извѣстные подъ названіемъ «мушъ-хурма» (пальмовая мышь) и для восточной Персіи именно въ Сеистанѣ достигающіе сѣверной границы своего распространенія; кромѣ того замѣчена какая-то маленькая куничка, походившая издали на перевязку (Mustela sarmatica).

Птицъ множество, какъ по числу видовъ, такъ и по количеству представителей каждаго вида, особенно среди водоплавающихъ и болотныхъ.

Изъ Pygopodes обыкновенны: большая и малая поганки (Podiceps cristatus и P. fluviatilis var.); изъ Longipennes — чайка хохотунья (Larus cachinans?), чайка тонконосая (Larus gelastes); крачки: бѣлощекая (Hydrochelidon hybrida), черноносая (Sterna anglica), рѣчная (St. fluviatilis var.?) и малая (St. minuta var.?); изъ Limicolae: ходулочники (Himantopus melanopterus), шилоклювки (Recurvirostra avocetta), луговыя тиркушки (Glareola

pratincola), авдотки (Oedicnemus crepitans), зуйки (Aegialites curonicus и Ae. cantianus); изъ Alectoridae: лысухи (Fulica atra), султанскія куры (Porphyrio poliocephalus), водяные пастушки (Rallus aquaticus); изъ Gallinae: индійскіе турачи (Attagen indicus); изъ Columbae: обыкновенныя горлички (Turtur auritus), египетскіе голуби (Turtur risorius var.) и клинтухи (Columba sp.?); изъ Lamellirostres: сѣрые гуси (Anser cinereus rubrirostris), утки-пѣганки (Vulpanser tadorna), красныя утки (Casarca rutila), савки (Erismatura mersa), красноносые нырки (Fuligula rufina), бѣлоглазые нырки (F. nyroca), нырки черноголовые (Fuligula sp.?, къ сожалѣнію въ моей коллекціи отсутствующіе), кряквы (Anas boschas), сѣрухи (A. strepera), мраморныя утки (A. angustirostris), лебеди (Cygnus olor); изъ Herodiones: каравайки (Falcinellus igneus), колпицы (Platalea leucorodia); цапли: красныя (Ardea purpurea), сѣрыя (A. cinerea), бѣлыя (Herodias alba и H. garzetta), волчки (Ardeola minuta) и кваквы (Nycticorax griseus); изъ Steganopodes: пелеканы (Pelecanus onocrotalus и быть можетъ P. crispus), большіе и малые бакланы (Phalacrocorax carbo и Ph. pygmaeus); изъ Raptatores въ большомъ числѣ встрѣчаются въ Сеистанѣ только одни камышевые луни (Circus aeruginosus); изъ дятловыхъ птицъ встрѣчаются: сѣрые и въ особенности египетскіе козодои (Caprimulgus unwini и C. aegyptius), зеленыя щурки (Merops viridis), обыкновенные зимородки (Alcedo ispida) и весьма рѣдко зимородки красноклювые (Halcyon smyrnensis), довольно рѣдко обыкновенныя сиворакушки (Coracias garrula) и еще рѣже сиворакушки индійскія (C. indica); изъ Scutelliplantares: хохлатые жаворонки (Galerita magna и G. chendoola), малые жаворонки (Calandrella pispoletta persica) и пустынные (Certhilauda desertorum); изъ Cultrirostres: пустынные вòроны (Corax umbrinus) и рѣдко скворцы (Sturnus minor); изъ Oscines conirostres: воробьи индійскіе (Passer indicus) и воробьи желтогорлые (Gymnoris flavicollis), камышевыя овсянки (Emberiza pyrrhuloides); изъ Oscines latirostres: ласточки-косаточки (Hirundo rustica) и ласточки пустынныя (H. obsoleta); изъ Osci-

nes dentirostres: черноголовыя и желтоголовыя трясогузки (Budytes melanocephala и B. citreoloides), рѣдко бѣлыя плиски (Motacilla personata), часто камышевые ремезà (Aegithalus macronyx), усатыя синицы (Panurus biarmicus), разныя камышевки (Lusciniola melanopogon, Acrocephalus stentoreus, A. agricola, A. strepera), пѣночки (Iduna rama и I. languida), славки (Sylvia aralensis, S. minuscula, Aëdon familiaris), соловьи (Daulias hafizi), чеканчики (Pratincola caprata) и чеканы (Saxicola isabellina и S. deserti), синіе каменные дрозды (Monticola cyanus), суи (Chatorrhea huttoni), дримойки (Drymoica lepida) и ускользнувшіе отъ меня въ 1896 году буль-були (Ixus leucotis). Кромѣ того въ лѣтнее время въ Сеистанѣ встрѣчается еще очень много видовъ птицъ, но уже не обращающихъ на себя такъ много вниманія, какъ сейчасъ перечисленные. Осенью и весною, во время пролетовъ, птичій міръ представляетъ необыкновенное богатство, такъ какъ на пути пролета къ индійскимъ и белуджистанскимъ зимовкамъ Сеистанъ представляетъ чрезвычайно важный этапъ. Да и самъ онъ принадлежитъ къ весьма оживленнымъ мѣстамъ птичьихъ зимованій.

Среди пресмыкающихся въ Сеистанѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе курьезныя змѣеподобныя ящерицы (Sphenocephalus trydactylus), въ изобиліи встрѣчающіяся въ мягкихъ пескахъ, въ которыхъ онѣ плаваютъ съ такою-же легкостью, какъ рыба въ водѣ; затѣмъ открытая мною въ 1896 году круглоголовка (Phrynocephalus spiniventris) и ящерка (Eremias nigrocellata); часто ящерицы другихъ видовъ, какъ напримѣръ: Eremias fasciata, E. persica, агамы (Agama sanguinolenta) и вараны (Varanus scincus). Изъ ночныхъ ящерицъ я ловилъ кроссобамоновъ (Crossobamon sp.?) и тератосцинковъ (Teratoscincus sp.?), а также гекконовъ (Gymnodactylus sp.?). Змѣй мало; сравнительно чаще попадаются между ними ужи Карелина (Zamenis karelini), ужи пустынные (Psammophis leythi), пустынные удавы (Eryx jaculus?) и Dipsas sp. Изъ голыхъ гадовъ мною найдены только жабы (Bufo olivaceus? и B. sp.?) и лягушки (Rana

sp.?), похожія на обыкновенныхъ въ Россіи R. esculenta, но сразу отличающіяся уже однимъ только голосомъ.

Изъ рыбъ въ громадномъ числѣ въ водахъ описываемой страны живутъ: Aspiostoma zarudnyi, Cobitis sp.?, Nemachilus sp.? и Discognathus sp.? Есть еще и другіе виды, напримѣръ сомы, но они остались мною недобытыми.

Міръ безпозвоночныхъ животныхъ представленъ въ Сеистанѣ очень хорошо, особенно среди насѣкомыхъ и вообще около воды. Въ тихую погоду ночная ловля насѣкомыхъ на фонарь становится порою затруднительною, такъ какъ они сыпятся на огонь цѣлымъ каскадомъ, густою сѣтью покрываютъ и фонарь, и скатерть, на которую онъ ставится, лѣзутъ въ глаза и въ ротъ и облѣпляютъ ловца со всѣхъ сторонъ. Ночью комары, а днемъ мошкара встрѣчаются въ такихъ массахъ, что могли бы быть настоящимъ бичемъ, еслибы не частые здѣсь вѣтры, нерѣдко дающіе возможность спать безъ полога подъ открытымъ небомъ; въ сентябрѣ ихъ становится мало, а къ концу этого мѣсяца они уже почти совсѣмъ не безпокоятъ человѣка. Въ нѣкоторые годы, напримѣръ, какъ это было въ 1896 г., несмѣтными полчищами разводится саранча, производящая страшныя опустошенія въ садахъ и на поляхъ съ кормовыми травами. Къ счастью къ тому времени, когда она поднимается на крылья, въ концѣ мая и въ началѣ іюня, хлѣбà уже убираются; уберечься же отъ пѣшей саранчи весьма легко при существующей здѣсь системѣ искусственнаго орошенія и при возможности скоро и быстро отрѣзать пути ея наступленія канавками, наполненными водою. Обращаютъ на себя вниманіе крупныя стрекозы (Aeschna), иногда летающія громадными стаями и отличающіяся весьма хищнымъ характеромъ; я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ это насѣкомое бросалось на представителя своего собственнаго вида, схватывало его налету и объѣдало голову и грудь. Въ водахъ Сеистана нельзя не замѣтить громадныхъ водяныхъ клоповъ, похожихъ на обыкновенныхъ въ Европѣ Nepa, но достигающихъ роста порядочной величины рака; ихъ называютъ здѣсь *«хая-кенекъ»*, т. е. «за testiculi хватающій».

Въ *Нэйзаръ*, преимущественно въ прибрежной полосѣ, на мѣстахъ болѣе или менѣе лишенныхъ растительности, въ изобиліи встрѣчаются маленькіе водяные клопики «*марака́*», больно жалящіе и дѣлающіе купанье не особенно пріятнымъ удовольствіемъ.

Колесное движеніе въ Сеистанѣ, при условіи устройства мостовъ черезъ многочисленные въ немъ оросительные каналы, вполнѣ и вездѣ возможно, даже при современномъ состояніи путей. Во время дождей, а во многихъ мѣстахъ послѣ наводненія, оно — по вязкости грунта и по дальности залежей камня, пригоднаго для шоссированія, — въ значительной степени должно затрудняться.

Изъ Сеистана существуетъ удобная почтовая дорога въ Кветту и Шіалькутъ. Вотъ перечень станцій по этой дорогѣ до Сеистана съ обозначеніемъ разстоянія въ англійскихъ миляхъ:

1. Конакъ (35).
2. Гирдигабъ (40).
3. Кичинги (20); укрѣпленіе.
4. Нушки (22); укрѣпленіе.
5. Ахмедъ-маль (? Михъ-и-маль?) (12).
6. Кухъ-и-маль (Шикарча) (32).
7. Чахъ-и-Мамедъ-шахъ (16).
8. Подагъ (26); укрѣпленіе.
9. Едгаршахъ (32); укрѣпленіе.
10. Дальбэндинъ (38). Даарбэндъ?
11. Шакуль (20).
12. Гуджаки (20).
13. Мирой (22); укрѣпленіе; быть можетъ именно къ ней должно также относиться названіе Мирхъ-и-Чаги.
14. Чахъ-и-Саандакъ (Саандакъ?) (35).
15. Чоукъ-и-манзель (35); мѣсто.
16. Сурхъ-Рикъ (35); мѣсто.
17. Амиръ-Шахъ (35).

18. Дареана́-Кухъ (40).
19. Сеендакъ (? Саандакъ) (30); укрѣпленіе.
20. Качу (20); укрѣпленіе.
21. Ляшкеранъ (25).
22. Робатъ (30); укрѣпленіе.
23. Гурмукъ (10).
24. Гурдынъ (15); вѣроятно иначе Чахъ-и-Герды.
25. Рикъ-и-бэкъ (10); вѣроятно иначе Рикавакъ.
26. г. Насиръ-абадъ (Нусретъ-абадъ) (30).

Между Шіалькутомъ и Даарбэндомъ (см. № 10 этой таблицы) имѣются слѣдующія станціи:

Шіалькутъ.
1. Нушки.
2. Сеидъ-Махмудъ.
3. Кани̇.
4. Кухъ-и-Маликъ.
5. Чахъ-и-Мазаръ.
6. Маликъ-кумъ-мей.
7. Шахъ-Измаилъ-баба̀.
8. Сальянъ.
9. Робатъ.
10. Маликъ-Дуканъ.
11. Джеледжель.
Даарбэндъ.

Черезъ Сеистанскую пустыню къ мѣсту Гурмукъ

(6 — 10 іюня).

Только 4 іюня мы закончили формированіе новаго каравана. Подъемная его сила составилась двѣнадцатью верблюдами, нанятыми каждый за два крана посуточно. Къ нимъ было взято пять человѣкъ белуджей, получавшихъ въ общей сложности 300 кра-

новъ въ мѣсяцъ и кромѣ того состоявшихъ на моемъ иждивеніи. По здѣшнимъ мѣстамъ эти цѣны, особенно за верблюдовъ, должны быть признаны весьма высокими, но белуджи не соглашались за меньшую плату идти съ нами на югъ, гдѣ рисковали подвергнуться нападенію со стороны враждебныхъ родовъ, съ которыми имѣли старинные счеты. Мои люди принадлежали роду Брагуи-Мамасани, кочующему въ сѣверо-западныхъ частяхъ англійскаго Белуджистана и въ западной части южной окраины Афганистана. Сеистанскіе Брагуи-Мамасани составляютъ около 500 черныхъ палатокъ и 3.700—4.000 человѣкъ, находящихся въ ближайшемъ вѣдѣніи сердара Сеидъ-Хана (сына сердара Нуръ-Магомеда) и переселившихся въ Сеистанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

5 іюня мы сдѣлали очень маленькій переходъ, всего въ 6½—7 верстъ до селенія *Вермалъ*, въ которомъ насъ ожидали: мука, курутъ (ячменная мука для верблюдовъ), масло, мастъ (кислое молоко, заготовленное въ прокъ) и кое-какіе другіе запасы, необходимые въ той безлюдной странѣ, черезъ которую предстояло идти.

Въ *Вермалѣ* считается около 300 домовъ. Онъ располагается подъ ярами сѣверо-западной окраины возвышенности *Сенгъ-и-беръ*, очень близко здѣсь подходящей къ разливамъ *Хамуна*. Мѣстность между *Гуссейнъ-абадомъ* и *Вермалемъ* представляетъ низкую равнину, во многихъ мѣстахъ сырую и наводняемую. Въ общемъ она изобильно воздѣлана подъ пашни и бахчи, но часто разнообразится почти совсѣмъ обнаженными площадями, на которыхъ кое-гдѣ поднимаются кочки, поросшія сочно-листными кустиками. Около селенія еще замѣтна струя гильмэндской воды, имѣющая здѣсь едва примѣтное теченіе; въ этомъ мѣстѣ она очень широка и несетъ прозрачную воду, отражающую синій цвѣтъ неба. Камыши *Нэйзара* виднѣются въ нѣсколькихъ верстахъ.

До сихъ поръ мы защищались отъ жары такъ называемымъ «афтабъ-герденъ», который есть не что иное какъ четыреуголь-

ный кусокъ холста, натягиваемый наклонно противъ солнца; два нижнихъ его угла лежатъ на землѣ и прикрѣпляются колышками, два верхнихъ привязываются къ шестамъ, которые наклонно вбиваются въ грунтъ, либо держатся въ такомъ положенiи посредствомъ туго натянутыхъ веревокъ (тенафъ), привязываемыхъ къ колышкамъ, къ вьюкамъ или къ чему-нибудь тяжелому, что случится подъ руками, напримѣръ, къ конскому или верблюжьему черепу. Въ Сеистанѣ «афтабъ-герденъ» оказался уже мало практичнымъ, и мнѣ для дальнѣйшаго путешествiя пришлось прiобрѣсти черную палатку, въ которой можно хорошо укрываться отъ жары и, самое главное, отъ вѣтра. Черная палатка («сiя-чадыръ»), составляющая универсальное жилище кочевыхъ белуджей, совершенно похожа на ту, которая находится въ повсемѣстномъ употребленiи у иліатовъ Хорасана. Она представляетъ большой коверъ, имѣющiй прямоугольную форму и сшитый изъ продольныхъ полосъ, которыя грубо сотканы изъ козьей шерсти и въ ширину достигаютъ до трехъ четвертей аршина и больше. Этотъ коверъ разставляется на нѣсколькихъ вертикальныхъ и наклонныхъ палкахъ, распирается со стороны длинныхъ сторонъ посредствомъ шерстяныхъ веревокъ, которыя привязываются къ колышкамъ, вбиваемымъ въ землю, а узкими сторонами закрѣпляется такими-же колышками непосредственно къ этой послѣдней. Края длинныхъ сторонъ могутъ быть, въ случаѣ надобности, опущены до земли, либо оба вмѣстѣ, либо только одинъ. Стоимость каждой палатки обусловливается прежде всего ея величиною, достигающею до 30 футовъ въ длину при 15 футахъ ширины, и колеблется между 4 и 20 туманами (8—40 рублей). Она весьма прочна, непроницаема для дождя, не пропекается солнцемъ, хорошо держится при самыхъ сильныхъ вѣтрахъ, скоро ставится и убирается. Единственное неудобство такого жилья во время путешествiя заключается въ довольно значительномъ вѣсѣ, что при ограниченности подъемныхъ средствъ можетъ представлять затрудненiя при его перевозкѣ.

Передъ описанiемъ дальнѣйшаго нашего странствованiя счи-

таю умѣстнымъ сообщить кое-какія данныя о верблюдахъ восточной Персіи, такъ какъ эти данныя могутъ представлять какъ нѣкоторый интересъ для натуралистовъ, такъ и практическое значеніе для путешественниковъ.

При почти повсемѣстномъ отсутствіи колесныхъ сообщеній во всей восточной Персіи[1]), верблюдъ является главнымъ перевозочнымъ средствомъ, особенно въ южной половинѣ страны и вообще при движеніи на большія разстоянія. Количество клади, транспортируемой инымъ способомъ, именно: на катерахъ (мулахъ), ишакахъ, лошадяхъ и, мѣстами, на быкахъ, сравнительно ничтожно. Почти исключительно на верблюдахъ производятся не только торговыя, но и всякаго другого рода сношенія Хорасана черезъ персо-белуджскія пустыни съ Керманомъ и всѣмъ персидскимъ Белуджистаномъ.

Какъ Китаю и сѣвернымъ частямъ Туркестана съ прилежащими частями киргизскихъ степей исключительно свойственъ двугорбый верблюдъ (Camelus bactrianus), такъ Персіи — одногорбый (Camelus dromedarius). Случается, правда, увидѣть въ Хорасанѣ двугорбаго верблюда, но это такая рѣдкость, которую нельзя принимать во вниманіе.

Персидскій верблюдъ представляетъ два типа или, лучше сказать, двѣ породы, чрезвычайно рѣзко другъ отъ друга отличающіяся: одна изъ нихъ распространена повсемѣстно, другая же свойственна почти исключительно сѣверу и сѣверо-востоку страны и на югѣ почти окончательно неизвѣстна; мало извѣстна она уже въ южныхъ частяхъ Сеистана.

---

1) Единственная колесная дорога въ восточной Персіи проходитъ между Мешедомъ (черезъ г. Кучанъ) и Гоуданскимъ пограничнымъ постомъ въ Закаспійской области. Во всей остальной части страны такъ называемыя дороги представляютъ тропинки, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ опасно отдалиться безъ риска заблудиться и погибнуть отъ жажды. Онѣ удобны въ продолженіе 8—9 мѣсяцевъ, но съ ноября по мартъ портятся, особенно въ сѣверныхъ частяхъ: снѣгъ, вязкая грязь, разливы рѣкъ, быстрые и часто глубокіе потоки въ тѣхъ водостокахъ, въ которыхъ лѣтомъ на многіе десятки верстъ не бываетъ ни одной капельки воды, дѣлаютъ ихъ порою трудно-проходимыми.

Первая порода носитъ въ себѣ всѣ черты, характеризующія одногорбаго верблюда вообще: высокій ростъ, стройное тѣлосложеніе, высокія и тонкія ноги, длинная и тонкая шея, сравнительно небольшая голова, сравнительно небольшое туловище, менѣе густая и болѣе короткая шерсть, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у двугорбаго верблюда она развивается всего сильнѣе. Окраска непостоянна. Преобладаетъ свѣтло- и темно-песчаная масть; замѣтна рѣже свѣтло-бурая и еще рѣже — бурая. Попадаются экземпляры сѣроватаго цвѣта и переходные отъ нихъ къ чисто-бѣлымъ, составляющимъ изрядную рѣдкость; эти послѣдніе очень красивы. Всего рѣже бываютъ верблюды черной масти; по единогласнымъ увѣреніямъ туземцевъ такія животныя, особенно въ самыхъ южныхъ частяхъ страны, крайне недолговѣчны. По устнымъ свѣдѣніямъ никогда и нигдѣ никто не видѣлъ верблюдовъ пѣгой масти, такъ часто наблюдаемой у различныхъ домашнихъ животныхъ; однако попадаются особи, и я самъ видѣлъ такихъ, преимущественно темныхъ мастей, у которыхъ кисти, ступни и нижнія части предплечій и голеней были окрашены въ бѣлый цвѣтъ. Отсутствіе явленія пѣжинъ, какъ мнѣ кажется, находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ верблюдъ остался всего ближе къ условіямъ первобытной своей родины. Описываемый типъ въ свою очередь представляетъ нѣсколько породъ. Белуджская порода отличается наиболѣе свѣтлыми мастями, наиболѣе легкою конструкціею тѣла, особенно длинными ногами, тониною и длиною шеи, миніатюрною головою и короткостью шерсти (даже въ прохладное время года); не знаю, насколько этотъ признакъ постояненъ, но мнѣ показалось, что она еще отличается, сравнительно съ другими породами, бо̀льшею плоскохвостостью; эта послѣдняя зависитъ не отъ пластическихъ особенностей собственно хвоста, а отъ покрывающей его шерсти, особенно густо и пышно развивающейся по боковымъ сторонамъ, что до нѣкоторой степени придаетъ ему видъ пера. Именно белуджская порода даетъ такъ называемыхъ «шотуръ-бадъ»

(верблюдъ-вѣтеръ) съ ихъ поразительно быстрымъ и неистомчивымъ бѣгомъ.

Вторая порода персидскаго одногорбаго верблюда по массивнымъ своимъ формамъ является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ переходомъ къ двугорбому верблюду, съ тѣмъ только отличіемъ, что многіе признаки этого послѣдняго у нея находятся въ болѣе сильной степени развитія. Имѣя приблизительно одинаковыя съ вышеописанною породою конструкцію и конфигурацію спины, эти животныя отличаются меньшимъ ростомъ, короткою и очень высокою шеею, неуклюжею крупною головою, короткими массивными ногами, массивнымъ туловищемъ и тяжелою, развалистою, сильно качающеюся походкою. Преобладающій цвѣтъ шерсти свѣтло- и темно-бурый; нерѣдки экземпляры очень темнаго, почти черно-бураго цвѣта съ болѣе свѣтлыми боками груди и брюха. Шерстяной покровъ развитъ сильно, какъ по густотѣ, такъ и по длинѣ волоса. Особенно длинна шерсть по верхнему и, въ бо̀льшей степени, по нижнему краю шеи, вслѣдствіе чего, высокая сама по себѣ, она кажется и еще болѣе высокою, и ниже поставленною, чѣмъ въ дѣйствительности (шерсть снизу и при основаніи шеи достигаетъ почти до кистевого сочлененія). На затылкѣ и темени она образуетъ густой хохолъ, а на горлѣ — короткую, густую бороду; сильно развита она кромѣ того на горбѣ, на плечахъ и предплечьяхъ; съ этихъ послѣднихъ у многихъ экземпляровъ она свисаетъ до кистевого сочлененія. Самцы массивнѣе и шерстистѣе, чѣмъ самки. Зимняя шерсть темнѣе и пышнѣе лѣтней. По первому впечатлѣнію легко принять нашихъ животныхъ за помѣсь между одногорбымъ и двугорбымъ верблюдомъ, именно исходя изъ средняго ихъ роста и изъ комбинаціи одного горба перваго вида съ другими статями второго. Однако такое мнѣніе оказывается несостоятельнымъ уже по одному тому, что горбъ ихъ почти не отличается отъ такового у одногорбаго верблюда, а остальныя стати, хотя и приближаютъ ихъ къ двугорбому, но находятся въ преувеличенной, можно сказать утрированной, степени развитія, что никоимъ

образомъ не можетъ быть объяснено скрещиваніемъ. За всѣмъ тѣмъ двугорбый верблюдъ только случайно попадаетъ въ Персію и еще въ Закаспійской области разводится въ числѣ, далеко уступающемъ его одногорбому сородичу. Говорятъ, что описываемая порода встрѣчается особенно часто въ сѣверномъ Афганистанѣ и что персидскіе ея представители имѣютъ афганское происхожденіе. Кромѣ типичныхъ представителей описанныхъ породъ въ сѣверной Персіи встрѣчаются во множествѣ всевозможные между ними переходы; въ южной же части этого государства таковые попадаются нечасто и болѣе или менѣе случайно.

Ниже излагаемыя свѣдѣнія и наблюденія относятся главнымъ образомъ къ верблюдамъ персидскаго Белуджистана. Относительно пищи верблюда обыкновенно считаютъ самымъ неприхотливымъ и самымъ неразборчивымъ животнымъ. Однако это вѣрно только до извѣстной степени. Будучи по происхожденію типичнымъ животнымъ пустынныхъ равнинъ и искони вѣковъ культивируясь преимущественно въ нихъ, онъ выработалъ соотвѣтственные вкусы и привычки, столь рѣзко отличающіе его отъ другихъ домашнихъ животныхъ, развившихся при совершенно другихъ условіяхъ. И такъ какъ внѣ пустыни, въ плодородныхъ, богатыхъ водою странахъ и въ особенности при обильномъ и казалось бы питательномъ кормѣ, верблюдъ худѣетъ, утрачиваетъ свои драгоцѣнныя свойства и не выживаетъ долго, то его никоимъ образомъ нельзя считать неразборчивымъ и неприхотливымъ животнымъ. Растенія пустыни, которыя не употребляются въ пищу другими домашними животными, для него составляютъ насущную необходимость.

На всѣхъ пройденныхъ мною путяхъ отъ Гоуданскаго пограничнаго поста и Каахка до Бампура верблюдъ повсюду находитъ подножный кормъ. Полынь онъ употребляетъ только въ случаѣ крайней необходимости; Ephedra pachyclada и другіе виды этого рода рѣшительно не приходятся по его вкусу; не особенно долюбливаетъ онъ Zygophyllum, чего нельзя сказать про

похожее на него растеніе, которое въ изобиліи встрѣчается въ южныхъ частяхъ страны Саргадъ и въ Бампурскомъ округѣ. Съ особеннымъ аппетитомъ онъ ѣстъ саксаулъ (тагъ), особенно цвѣтущій, затѣмъ такъ называемый «секумбуль», преимущественно также цвѣтущій, Alhagi, которую ловко срываетъ губами, подсовывая ихъ къ неколючему основанію кустика, различные виды тамарикса, дикіе лукъ, морковь и чеснокъ, листья и молодые побѣги аравійской акаціи, ивы, иволистнаго тополя (но не разнолистнаго) и т. п. Великимъ лакомствомъ для нашего животнаго служатъ красные плоды, съ сѣменами вродѣ горошинъ, растенія «котуръ», которое въ изобиліи встрѣчается по водостокамъ страны Саргадъ. Когда мой караванъ проходилъ близь котуровыхъ зарослей, намъ стоило большого труда поддерживать порядокъ движенія, такъ какъ верблюды поминутно бросались къ нимъ, мало обращая вниманія на побои и крики; они срываютъ своими губами только плоды, ловко и осторожно просовывая свои узкія морды среди колючихъ вѣтвей этихъ кустарниковъ. Будучи голодными, ѣдятъ пальмовыя ваи и волокна коры пальмовыхъ деревьевъ, жуютъ кости, навозъ и другіе несъѣдобные предметы. Во время голодовки въ *Міанъ-Базарѣ* одинъ изъ верблюдовъ съѣлъ у насъ цыновку, сплетенную изъ разволокненныхъ пальмовыхъ вай и камыша. Белуджи часто на цѣлые мѣсяцы отпускаютъ своихъ верблюдовъ въ пустыню на подножный кормъ безъ присмотра и безъ сторожей. Въ жаркіе мѣсяцы года верблюды сами являются на водопой не меньше чѣмъ одинъ разъ въ двое сутокъ, и это несмотря на сочную пищу, которую они могутъ имѣть въ саксаулѣ или въ секумбулѣ. При сочномъ кормѣ безъ воды больше десяти дней прожить не могутъ[1]). На мелкой водѣ верблюды часто купаются и валяются въ грязи, но къ большимъ глубинамъ питаютъ непреодолимый страхъ, такъ какъ не

1) Въ холодные мѣсяцы года и при сочномъ кормѣ верблюдъ можетъ обойтись безъ воды будто-бы 20 дней. Въ жару необходимо производить водопой хотя однажды въ 3 или 4 дня, иначе животное портится. Признакомъ страданія его отъ жажды является ослабленіе зрѣнія.

умѣютъ плавать. Необходимымъ условіемъ благополучія нашего животнаго является употребленіе нѣкотораго количества соли. Долго не получая этой послѣдней, онъ съ жадностью набрасывается на нѣкоторыя породы тамарикса, которыя въ жаркіе мѣсяцы покрываются настолько густою и тяжелою соляною выпариною, что она даже осыпается на землю; въ другое же время эти породы употребляются имъ въ пищу съ большой неохотой. Ради той-же цѣли лижетъ соляную накипь на такырахъ и кевирахъ. Первымъ симптомомъ недостатка соли является отвратительный запахъ изо рта. Во время продолжительнаго пути необходимо производить дачу соли не меньше одного раза въ недѣлю. Одного подножнаго корма при путешествіяхъ на большія разстоянія, и съ вьюкомъ (баръ), для верблюда не достаточно. Въ такихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ разъ въ однѣ или въ двое сутокъ, его угощаютъ такъ называемымъ «курутъ»; это шарообразные комки изъ сырого тѣста ячменной муки. Вѣсъ разовой порціи курута maximum достигаетъ только 4—5 русскихъ фунтовъ. Верблюды скоро привыкаютъ къ таковымъ угощеніямъ и въ обычный часъ сами являются съ пастбища къ стану; здѣсь они ревомъ и характернымъ стономъ выражаютъ свое нетерпѣніе и, что особенно комично, широко разѣваютъ свои рты передъ человѣкомъ, словно птенцы въ птичьемъ гнѣздѣ. За недостаткомъ времени вмѣсто курута можно давать простое немолотое ячменное зерно.

При хорошемъ обращеніи верблюдъ дѣлается весьма послушнымъ и теряетъ свое природное упрямство. Верблюдица, на которой я ѣздилъ, бѣжала ко мнѣ на кличку «Матрешка», пробовала лѣзть въ палатку во время жары, а въ пути, замѣтивъ, что я вытаскиваю хлѣбъ изъ хурджуна, поворачивала голову, умильно посматривала на меня и короткимъ стонущимъ ревомъ выпрашивала что-нибудь на свою долю. Она безпрекословно ложилась подъ баръ и отличалась необыкновеннымъ усердіемъ. Обидъ, по словамъ белуджей[1]), верблюдъ не забываетъ, припоминая ихъ

1) Этотъ народъ называетъ свою страну «Белючистанъ», а не «Белуджистанъ», а себя — «белючъ», а не «белуджъ».

будто-бы во время течки: онъ набирается тогда храбрости и свирѣпо мститъ своимъ обидчикамъ.

Аллюръ верблюда—и тяжелаго вьючнаго, и бѣгового—и на шагу, и на бѣгу—иноходь, неуклюжая у перваго, легкая, красивая и граціозная у второго. Обычныя условія, въ которыхъ наше животное идетъ всего лучше,—равнина съ супесчаною или тяжелою песчаною почвою. Однако и по горамъ оно ходитъ успѣшно, не только по принужденію, но и по охотѣ; на пастбищахъ часто забирается на весьма крутые горные склоны, гдѣ его фигура кажется удивительно странною и дисгармоничною. Въ гору идетъ лучше, чѣмъ подъ гору, когда часто пускается рысью или галопомъ. Въ галопъ, правда на короткое разстояніе, бросается при неожиданномъ испугѣ, а пугается, особенно молодое животное, весьма часто и при томъ по пустякамъ. На большихъ переходахъ камнями или крупнощебнистыми риквзарами[1]) часто сбиваетъ и ранитъ подошвы ногъ, начинаетъ хромать и оттого наживаетъ ссадины на спинѣ подъ баромъ. Ходъ и бѣгъ вьючнаго верблюда, какъ я сейчасъ сказалъ, тяжелы, неуклюжи и кромѣ того сильно качаютъ, у бѣгового же отличаются противоположными качествами; «шотуръ-бадъ» (верблюдъ-вѣтеръ) держится такъ спокойно, что во время самаго сильнаго его бѣга на немъ можно сидѣть, какъ въ креслѣ. Обыкновенная быстрота движенія завьюченнаго животнаго на рыхлой, напримѣръ песчаной, почвѣ, 3—3½ версты въ часъ, на твердой глинистой или хрящеватой — 3½ — 4½ версты. Быстрота бѣга шотуръ-бада, уже на небольшихъ разстояніяхъ обгоняющаго лучшихъ лошадей, достигаетъ удивительной скорости. Одинъ изъ такихъ верблюдовъ бывшаго правителя Сеистана Али-Экберъ-хана пробѣжалъ разстояніе между Насиръ-абадомъ (въ Сеистанѣ), и г. Бирджандъ (не менѣе 400 верстъ) въ двое съ половиною сутокъ. При ежедневныхъ пере-

---

1) «Риквзаръ» — это твердо-почвенныя пространства, усыпанныя галькой и щебнемъ и обыкновенно залегающія у горныхъ подножій, гдѣ часто они представляютъ какъ-бы естественное шоссе.

ходахъ въ 35—40 верстъ необходимо дѣлать вьючнымъ верблюдамъ дневку черезъ каждые 4—5 дней.

Течка верблюдовъ начинается бо̀льшею частью послѣ новаго мусульманскаго года (9 марта), но часто и раньше: во второй половинѣ января и въ февралѣ, при чемъ длится около мѣсяца или даже бо̀льше. Первый разъ она открывается на 4-мъ или на 5-мъ году. Симптомами ея начала является своеобразный ревъ, безпокойныя движенія и задираніе хвоста вверхъ. Самки въ это время ведутъ себя гораздо спокойнѣе, чѣмъ самцы, которые всячески бѣснуются и становятся опасными для человѣка. Совокупленіе, по словамъ белуджей и вопреки тому, что извѣстно по этому поводу, совершается безъ помощи человѣка; самка ложится на брюхо, какъ подъ баръ, а самецъ садится на заднія ноги и стоитъ на переднихъ, держа ихъ по сторонамъ и нѣсколько впереди лопатокъ самки. Если это показаніе вообще не совсѣмъ вѣрно, то во всякомъ случаѣ не могутъ подлежать сомнѣнію отдѣльные примѣры подобнаго рода совокупленія. Открывшаяся беременность одной изъ верблюдицъ моего каравана была сюрпризомъ для слѣдовавшаго со мною ея хозяина. Носитъ верблюдица 11 мѣсяцевъ съ лишнимъ, родитъ одного, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ двухъ дѣтенышей. По словамъ белуджей, новая течка открывается послѣ родовъ черезъ годъ съ лишнимъ, но иногда можетъ случиться черезъ (?) 30—40 дней, но это очень рѣдко, именно у тѣхъ экземпляровъ, которые понимались особенно рано. Мать кормитъ дѣтеныша больше года. Верблюжонокъ, отнятый отъ матери въ шестимѣсячномъ возрастѣ, можетъ выжить уже на одномъ подножномъ кормѣ. Въ работу употребляютъ верблюда уже съ $2^1/_2$ лѣтъ, но полный баръ вьючится только въ возрастѣ 5 лѣтъ; отъ 5 и до 16 лѣтъ наше животное считается наиболѣе работоспособнымъ.

Самцы иногда холостятся, особенно тѣ, которые съ ранней молодости оказываются злыми и непокорными, при чемъ эта операція совершается на второмъ или на третьемъ году и непремѣнно въ прохладное время года. «Шотуръ-бадъ» объѣзжается

уже съ конца перваго года, обыкновенно мальчишками, дѣлающими изъ этого забаву. Уздечекъ нигдѣ здѣсь не употребляютъ; всегда прокалываютъ носовую перегородку, вставляя въ сдѣланное отверстіе слѣва направо гвоздеобразную палочку; къ ея тонкому концу привязывается шерстяной недоуздокъ, при чемъ шляпочка палочки, упираясь въ края отверстія, не даетъ выскочить поводу. Обыкновенно отверстіе со временемъ разрывается; тогда, смотря по характеру разрыва, либо продѣлываютъ новое, либо вставляютъ палочку съ бо̀льшимъ діаметромъ шляпки, либо устраиваютъ особенный поводъ, обвивая имъ морду. Ноздри прокалываются на третьемъ году, когда верблюдъ идетъ подъ баръ.

Вьючныя и верховыя сѣдла, будучи устроены приблизительно одинаково, отличаются лишь размѣрами, которые у первыхъ конечно больше. Сѣдло дѣлается изъ дерева и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ стержней, которые скрѣплены сыромятными ремнями съ двумя крѣпкими и крутыми дугами, вершинами обращенными вверхъ; при одѣваніи сѣдла стержни располагаются по бокамъ горба, а дуги—одна спереди его, другая сзади. Къ каждому концу стержня придѣлывается по подушкѣ, сдѣланной изъ палаточной матеріи и туго набитой соломою или шерстью. Иногда, особенно въ верховыхъ сѣдлахъ, бываетъ еще третья дуга; на такихъ сѣдлахъ удобно ѣхать вдвоемъ и кромѣ того на нихъ лучше распредѣляются мелкіе вьюки, которые желательно имѣть подъ рукою. Подъ сѣдло подкладывается нѣсколько войлоковъ (немедъ), а для того, чтобы оно не съѣзжало впередъ и назадъ, къ нему придѣлывается двѣ шерстяныхъ шлеи, изъ которыхъ одна закладывается подъ хвостъ, а другая на грудь. Часто употребляется широкая шерстяная подпруга (иногда двѣ), которая стягиваетъ баръ черезъ брюхо животнаго.

Са́мецъ, или какъ его называютъ «люкъ», поднимаетъ больше, чѣмъ самка. Верблюдъ можетъ нести 30—45 сеистанскихъ батмановъ (болѣе 11—16 пудовъ); попадаются однако такіе экземпляры, которые свободно идутъ съ тяжестью 60 сеистанскихъ батмановъ ($22^1/_2$ пуда), но таковые встрѣчаются рѣдко. Обыкно-

венною тяжестью для самца считается 30—40 батмановъ, для самки — 25—30 [1]).

Верблюжій караванъ идетъ эшелонами, или такъ называемыми «китаръ», заключающими бо̀льшею частью по 7 животныхъ въ каждомъ, при чемъ эти послѣднія связываются другъ съ другомъ такимъ образомъ, что конецъ недоуздка одного прикрѣпляется къ вьючному сѣдлу другого, предъидущаго; прикрѣпляется недоуздокъ слабо, чтобы въ случаѣ паденія животное не перервало бы себѣ ноздрей. Въ сѣверной Персіи при наймѣ 6 верблюдовъ въ обычаѣ давать 7-го безплатно; если нанимаютъ только трехъ, то шотурдаръ беретъ 4-го, который полъ-вьюка несетъ безплатно. Къ шеѣ передового верблюда каждаго э̀шелона подвѣшиваются колокола, очень часто весьма объемистые и заключающіе внутри себя вмѣсто обычнаго языка цѣлую серію другихъ колоколовъ, постепенно все болѣе и болѣе мелкихъ и издающихъ адскій звонъ, который съ непривычки надоѣдаетъ невыносимо. Особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на верблюдовъ оригинальное белуджское пѣніе, подъ звуки котораго они сразу ускоряютъ свой шагъ, идутъ бодрѣе и ровнѣе, меньше глазѣютъ по сторонамъ, меньше увлекаются какимъ-нибудь лакомымъ кустикомъ и не такъ скоро пугаются. Эти пѣсни, часто импровизируемыя тутъже на мѣстѣ, слушались и мною съ большимъ удовольствіемъ, особенно когда онѣ раздавались въ тихія, беззвучныя ночи, среди дикой и безотрадной пустыни. Въ нихъ верблюды называются братцами (ляалэ̀), сестрицами, батюшками, матушками и другими ласкательными именами, въ нихъ поется о горькой верблюжьей участи, о дальности и трудностяхъ путешествія, объ отсутствіи воды и корма, обѣщается продолжительный отдыхъ, хорошія пастбища, уменьшеніе тяжести вьюковъ и другія блага и радости. Пѣсни эти состоятъ изъ строфъ, при чемъ каждая строфа оканчивается припѣвомъ въ родѣ напримѣръ: «идите-же, братцы, идите!», за которымъ слѣдуютъ быстрыя, отрывистыя и неожи-

1) Въ сеистанскомъ батманѣ около 15 русскихъ фунтовъ.

данныя понуканія, дѣйствующія на верблюжьи нервы: «эммм!» или «гммм!».

Вообще белуджи обращаются со своими верблюдами очень хорошо и рѣдко подвергаютъ ихъ побоямъ. Любимыхъ животныхъ они украшаютъ шерстяными замысловато-вытканными разноцвѣтными браслетами, такими-же ожерельями и разноцвѣтными кистями, спускающимися на длинныхъ затѣйливо убранныхъ шнуркахъ.

Продолжительность жизни верблюда рѣдко превышаетъ 30 лѣтъ; обыкновенно же онъ умираетъ гораздо раньше, около 20 лѣтъ. Говорятъ, что самцы долговѣчнѣе и выносливѣе самокъ. По словамъ белуджей причиною смерти бо̀льшею частью бываетъ болѣзнь печени, при чемъ будто-бы она бѣлѣетъ, затѣмъ порокъ сердца, параличъ легкихъ и что-то вродѣ столбняка, когда животное валится безъ всякихъ предварительныхъ симптомовъ. Часто, особенно въ сырыхъ мѣстностяхъ, верблюдъ страдаетъ ревматизмомъ, дѣлающимъ его на болѣе или менѣе продолжительное время непригоднымъ къ работѣ. Весною, послѣ линьки, кожу верблюда смазываютъ нефтью (въ сѣверной Персіи) или сурѣпичнымъ масломъ «мендоу» (вообще въ восточной части государства), чтобы не кусали мухи и комары и чтобы не заводились черви; считается полезнымъ и послѣ того, время отъ времени, производить смазываніе этимъ масломъ, особенно спины и головы. Верблюды весьма чувствительны къ холоду. Если на стойбищѣ застигнетъ снѣгъ, непремѣнно нужно очистить отъ него землю и уже потомъ класть на нее животныхъ, притомъ плотно одно возлѣ другого, чтобы имъ было теплѣе. Во время морозовъ полезно разъ въ теченіе ночи переводить верблюдовъ на другое мѣсто, такъ какъ они часто мочатся и наживаютъ на холодѣ ревматизмъ въ заднихъ ногахъ.

Хорасанскіе персы не ѣдятъ верблюжьяго мяса, но белуджи употребляютъ его весьма охотно. Самымъ лакомымъ кускомъ считается горбъ. Шкура цѣнится весьма недорого; она идетъ на разныя подѣлки: изъ нея приготовляются обувь, пороховницы,

дробницы, табачницы для нюхательнаго табака («насваръ»), ножны для сабель, рѣжутся ремни (дурного качества) и т. п. Шерсть въ цѣнѣ: изъ нея дѣлаются матеріи, ковры и веревки («тенафъ»).

Цѣна порядочнаго вьючнаго верблюда колеблется между 8 и 12 туманами (16—24 рублей); цѣна хорошаго—между 12 и 30 (24—60 рублей). Стоимость шотуръ-бада вполнѣ условна; порядочное животное можетъ быть куплено за 50 тумановъ (100 рублей).

Кончая эту замѣтку о персидскомъ верблюдѣ, можно упомянуть о белуджской легендѣ, объясняющей странное положеніе penis'а нашего животнаго. «Въ давно прошедшія времена», разсказывали мнѣ, «этотъ членъ у верблюда былъ устроенъ такъже, какъ и у всѣхъ остальныхъ звѣрей. Однажды къ стану богатаго купца подошелъ сеидъ [1]) и во имя своего происхожденія попросилъ напиться воды. У купца ея было мало, и онъ отказалъ. Тогда сеидъ воскликнулъ:

«Что стану дѣлать: ближе двухъ дней пути, куда я иду, нигдѣ нѣтъ воды!»

«Богъ разгнѣвался на купца и приказалъ ему, чтобы онъ, взваливъ на себя одного изъ верблюдовъ, посадилъ на него сеида и отнесъ къ тому мѣсту, куда тотъ направлялся. За дорогою верблюдъ сталъ мочиться на спину своего носильщика. Купецъ взмолился:

«Сжалься, Богъ, надо мною: какъ буду я дѣлать тебѣ, чистому, намазъ, когда животное поганитъ меня, а въ этой пустынѣ на два дня пути нѣтъ воды, чтобы омыться».

«Богъ услышалъ просьбу молящаго и отвернулъ верблюду членъ назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ произвелъ то-же самое у всѣхъ животныхъ этой породы, чтобы правовѣрные, глядя на нихъ, вспоминали богатаго, но жестокосердаго купца и избѣгали бы его проступка».

---

1) Сеидами, какъ извѣстно, называютъ потомковъ Магомета.

6 іюня мы покинули с. *Вермалъ*. Передъ отправленіемъ въ путь я подарилъ своимъ белуджамъ двухъ барашковъ, чтобы на прощанье они угостили своихъ родныхъ. Воспользовавшись случаемъ, они пригласили гадальщика, чтобы узнать будетъ ли наше путешествіе благополучнымъ. Надо замѣтить, что у белуджей, такъ-же какъ и у иліатовъ Хорасана, есть два способа гаданія. Первый способъ называется «ильмэ̀-шонё» и заключается въ отгадываніи участи по лопаткамъ молодого барана; разсматривается расположеніе мелкихъ жилъ, трещинокъ, утолщеній, шероховатостей и фигуръ, ими образуемыхъ. Второй способъ—«массё»—заключается въ слѣдующемъ: во время праздника Эйди-Курбанъ изъ шерсти верблюда, зарѣзаннаго по этому случаю, дѣлаютъ семь шнурковъ одинаковой толщины и длины; ихъ обвертываютъ вокругъ указательнаго пальца лѣвой руки, свободные концы соединяютъ вмѣстѣ, а затѣмъ наудачу свиваютъ съ пальца и наудачу же связываютъ другъ съ другомъ узлами; наконецъ разбираютъ шнурки и по виду, показанному узлами, судятъ о судьбѣ. Часто шерсть эйди-курбанскаго верблюда сохраняется впрокъ и уже потомъ въ случаѣ надобности по ней производится гаданіе. Нашъ гадальщикъ, употребившій способъ «ильмэ-шонё», по случайному стеченію обстоятельствъ далъ мнѣ буквально выполнившееся предсказаніе: «на васъ, господинъ, и на вашихъ людей два раза будутъ нападать разбойники; вы будете умирать отъ жажды, но вернетесь въ Сеистанъ благополучно, потерявъ только двухъ верблюдовъ».

Сдѣлавъ 18 верстъ и держась на югъ съ легкимъ уклоненіемъ къ востоку, мы прошли въ урочище *Кендукъ* и остановились на южной его окраинѣ. Дорога сначала идетъ вдоль яровъ возвышенности *Сенгъ-и-беръ* и вскорѣ подводитъ къ небольшому озеру съ обнаженными берегами и кишащему великимъ множествомъ тонконосыхъ чаекъ (Larus gelastes), пелекановъ (Pelecanus sp.?), крачекъ (Sterna anglica, St. minuta var., St. fluviatilis var.), утокъ-пѣганокъ (Vulpanser tadorna) и веретенниковъ (Limosa melanura). Оно почти со всѣхъ сторонъ окружено невысо-

кими глинистыми возвышенностями и только къ сѣверо-западу открывается въ ложе *Хамуна* узкою низиною. Это озеро держало въ себѣ воду еще на возвратномъ нашемъ пути 10 сентября. Обогнувъ его съ лѣвой, восточной стороны, мы дѣлаемъ перевалъ черезъ относительно высокую глинистую гряду, составляющую отрогъ возвышенности *Сенгъ-и-берь*, и спускаемся въ урочище *Кендукъ*. Оно находится въ связи съ ложемъ *Хамуна* и представляетъ древній его заливъ, имѣющій видъ низины, которая на сѣверѣ, востокѣ и отчасти на югѣ обрамляется глинистыми возвышенностями. Въ его восточной части находится сухое болото, которое по словамъ Нукъ-Бэндана, одного изъ моихъ белудджей и весьма свѣдущаго человѣка, наводняется однажды въ каждыя семь лѣтъ, при чемъ вода въ немъ держится около двухъ или двухъ съ половиною лѣтъ. Въ промежуточные годы она проникаетъ въ него въ самомъ небольшомъ количествѣ, именно при наводненіи *Хамуна* и въ то-же время при особенно сильныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ. Теперь это болото покрыто сухимъ камышомъ, переломаннымъ бурями и смятымъ въ кучи; кое-гдѣ изъ подъ наносовъ виднѣются молодые ростки камыша. Мѣстами днище *Кендука* совершенно обнажено, иногда на версту или больше. Въ мѣстѣ, черезъ которое мы перешли, онъ имѣетъ около 8 верстъ въ ширину; отъ его восточной оконечности до ложа *Хамуна* можно считать не меньше 15 верстъ. По южной окраинѣ имѣются заросли тамарикса, обглоданнаго верблюдами. О характерѣ его западныхъ частей я скажу послѣ, когда буду описывать нашъ возвратный путь. Теперь только замѣчу, что прямая дорога изъ с. *Вермалъ* къ развалинамъ города *Хоуздаръ* лежитъ на нѣсколько верстъ западнѣе, но ею можно пользоваться только въ концѣ лѣта и осенью, такъ какъ въ болѣе раннее время года мѣстность, черезъ которую она проходитъ, лежитъ подъ водою, частью проникающею изъ *Хамуна*, частью пригоняемою изъ него-же сѣверными вѣтрами. Вода, правда, очень мелкая, но она ложится на такой мягкій и вязкій грунтъ, что переходъ черезъ нее, безъ риска потерять верблюдовъ, невозможенъ. Вы-

соты, обрамляющія *Кендукъ*, состоятъ изъ глины, суглинка и супеска и частью, вслѣдствіе дѣйствія дождевыхъ водъ, имѣютъ округлыя очертанія, частью спускаются отвѣсными кручами въ нѣсколько саженей высоты; основаніе этихъ высотъ сложено изъ пластовъ крѣпкой, сильно слежавшейся глины и такого-же супеска; на одномъ высокомъ обнаженіи я видѣлъ въ качествѣ его фундамента толстый слой болѣе или менѣе чистаго песка. Поверхность ихъ волнистая, сильно размытая дождевыми водами и мѣстами густо усыпана галькой. Присутствіе этой послѣдней по сю сторону заливного ложа *Хамуна*, вдали отъ ближайшихъ горъ, уже было мною объяснено болѣе позднимъ его образованіемъ. Всѣ эти возвышенности также составляютъ части *Сенгъ-и-берь*; онѣ безжизненны, печальны и безотрадны, будучи буквально на цѣлыя версты лишены какой-бы то ни было растительности; да и за всѣмъ тѣмъ лишь изрѣдка увидишь чахлый кустъ саксаула, или, въ болѣе низкихъ логахъ, тщедушные кусты тамарикса. Ни вездѣсущаго муравья, ни мухи, ни ящерицъ, которыхъ такъ много въ Персіи, не увидать въ этой безплодной странѣ! И страшною кажется эта скучная пустыня, когда задуетъ обычный здѣсь сѣверный вѣтеръ и подниметъ на воздухъ цѣлыя тучи густой и горячей пыли.

Въ 24 верстахъ отъ урочища *Кендукъ* находятся колодцы *Чахъ-и-Ляшкеранъ*, къ которымъ мы сдѣлали переходъ слѣдующаго дня. Общее направленіе пути юго-юго-западное. Пройдя немного южною окраиною урочища, среди тамариксовъ и приземистыхъ сочно-листныхъ кустиковъ (у белуджей «шуръ»)[1], и имѣя слѣва глинистыя кручи, направляемся напрямикъ и цѣликомъ къ большой дорогѣ, которую встрѣчаемъ только у древнихъ развалинъ *Хоуздара* (*Хоузъ-и-даръ*). По пути къ этому послѣднему дѣлаемъ перевалъ черезъ невысокую, сильно обмытую гриву и выходимъ на обширную низкую равнину, мѣстами поросшую кустиками «шуръ», мѣстами же, на своей мягкой супесчаной и глинистой поверхности, совершенно обнаженную и на цѣлыя

1) Звукъ «у» выговаривается протяжно.

версты не имѣющую ни малѣйшаго признака растительности. Къ востоку отъ нашего пути виднѣются отдѣльные холмы и одинокія короткія гривы, на которыя со стороны равнины разсыпается возвышенность *Сенгъ-и-беръ*. Рѣдкіе бугры попадаются здѣсь и тамъ къ западу отъ насъ; они составляютъ остатки тойже возвышенности, размытой въ старину *Хамуномъ* и обмуленной дождевою водою. На поверхности равнины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ видѣ островковъ набросана галька, когда-то лежавшая на возвышенности и, съ уничтоженіемъ этой послѣдней, занявшая нынѣшнее положеніе. Окрестная мѣстность въ древности была густо заселена и представляла цвѣтущую страну, теперь превратившуюся въ пустыню, которая изобилуетъ развалинами большихъ и малыхъ городовъ и селеній. Къ западу остаются развалины весьма древняго города *Дашукъ*, нѣкоторыя постройки котораго, развалившись, превратились въ бугры крѣпкой, сильно слежавшейся глины. Къ юго-западу отъ нихъ — развалины *Аасакъ*; къ юго-юго-востоку — развалины города *Мачи* [1]); прямо къ югу — развалины великолѣпно сохранившагося города *Хоуздаръ*, обнесеннаго высокою стѣною. Передъ этимъ послѣднимъ мы переходимъ черезъ два старинныхъ оросительныхъ канала. Мнѣ говорили, что 14 лѣтъ тому назадъ по нимъ прошла въ *Нэйзаръ* часть полыхъ водъ р. *Гильмэнда*. Разсматривая окрестность съ башенъ стѣны, окружающей *Хоуздаръ*, можно замѣтить еще новыя развалины, именно: къ югу — *Кундаръ*, а къ ВЮВ. — *Адали*, *Тарахунъ*, *Бури* и *Гіино*; онѣ принадлежатъ когда-то большимъ и богатымъ селеніямъ. Почти прямо на сѣверѣ сквозь пыльный воздухъ едва-едва виднѣется вдали вершина горы *Кухъ-и-Ходже*; ея основаніе загораживается глинистыми ярами, отходящими на западъ отъ возвышенности Сенгъ-и-беръ; подъ ними и ближе къ развалинамъ видны разливы *Хамуна*, отдѣленные одинъ отъ другого широкими, плоскими гривами. На западѣ чернѣютъ заросли тамарикса, отчасти еще на-

1) Иначе *Кале-и-Раисъ*.

водненныя, а за ними можно замѣтить открытыя пространства разливовъ *Хамуна*, за которыми располагаются густыя камышевыя плавни *Нэйзара*. Бродя по развалинамъ города и зайдя въ одинъ изъ домовъ, я выпугнулъ большую полосатую гіену, которая съ шипѣніемъ и фырканьемъ промелькнула мимо меня, чуть не сшибивъ съ ногъ, и выскочила на улицу.

Пройдя $6\frac{1}{2}$ верстъ отъ *Хоуздара*, мы встрѣчаемъ развалины *Кундаръ*, невдалекѣ отъ которыхъ замѣчаемъ еще развалины большихъ селеній: къ востоку — *Ляккери* и къ юго-западу — *Рикавакъ* (иначе *Рикъ-и-бэкъ*); около этихъ послѣднихъ есть колодцы. Окрестная мѣстность представляетъ низкую равнину, покрытую мягкою и нѣжною глиною, мѣстами рыхлою и солонцеватою. Бо̀льшею частью она совершенно обнажена и безжизненна, рѣже порастаетъ кустиками «шуръ». Тамъ, гдѣ растетъ этотъ послѣдній, слышится тихое, заунывное пѣніе большого пустыннаго жаворонка (Certhilauda desertorum), а по временамъ замѣчаются и сами птицы, которыя взлетаютъ вверхъ и тотчасъ же опускаются, сверкая на солнцѣ своими бѣлыми крыльями. За *Кундаромъ* наша дорога вскорѣ вступаетъ на низкія площади съ плотною глинистою почвою, различнымъ образомъ соединяющіяся другъ съ другомъ и изобильно порастающія отдѣльно стоящими кустами и даже деревьями тамарикса. Въ нѣкоторые годы эти площади наводняются разливами *Хамуна*. Двѣ изъ нихъ особенно велики, и именно на второй изъ нихъ, верстахъ въ $7\frac{1}{2}$ отъ *Кундара*, располагаются колодцы *Чахъ-и-Ляшкеранъ*, около которыхъ мы закончили переходъ этого дня.

Колодцы *Чахъ-и-Ляшкеранъ* представляютъ нѣсколько ямъ, въ глубину достигающихъ до сажени и больше. Въ старыхъ колодцахъ вода теплая, бурая, вонючая и соленая настолько, что ее нельзя пить даже въ случаѣ крайней необходимости; но если вычерпать ее или если выкопать въ той-же ямѣ, гдѣ-нибудь сбоку, небольшое углубленіе, то вскорѣ можно получить мягкую, холодную и довольно вкусную воду. Какъ видно по стѣнамъ этихъ

ямъ, почва площади составляется сравнительно тонкимъ слоемъ (до $2\frac{1}{2}$ четвертей) намывной глины, подъ которою лежитъ мощный слой воду содержащаго песка. Весьма возможно, и я почти убѣжденъ въ этомъ, что песокъ принадлежитъ древней, но не доисторической пустынѣ, которая существовала еще до образованія *Хамуна* и которая послѣ его появленія затянулась на своей поверхности глиною, осѣвшею изъ его разливовъ. Къ западу отъ колодцевъ уже отлично видны горы системы *Палянгъ-Кухъ*, подъ подгорной равниной которыхъ, вдали отъ насъ, блещутъ воды Хамуна, освѣщаемыя лучами заходящаго солнца. Вѣтеръ, дувшій цѣлый день, къ вечеру стихъ. Наступила ночь; спокойно и жутко-тихо стало въ окрестной пустынѣ; только около колодцевъ неумолчно трещатъ сверчки, да жужжитъ мошкара.

На слѣдующій день мы сдѣлали переходъ въ 15 верстъ и остановились около колодцевъ *Чахъ-и-Джану*. Пройденная мѣстность изобильно поросла тамариксомъ на мягкой глинѣ и супескѣ и мѣстами разнообразится буграми чистаго сыпучаго песка. Невдалекѣ отъ мѣста послѣдней остановки проходимъ мимо одинокаго холма *Тепе-Дервишъ*, покрытаго могильными насыпями и около котораго имѣются колодцы того-же наименованія. Съ его вершины и даже съ окрестной равнины вдали, въ южной сторонѣ, бѣлѣетъ соляная пустыня *Заминъ-и-Шилэ*, составляющая часть той пустыни, которая на картахъ обозначается подъ названіемъ *Гудъ-и-Зирехъ*. Къ юго-юго-востоку отъ *Тепе-Дервишъ* располагаются развалины очень большого селенія *Раамрудъ* и еще дальше въ томъ-же направленіи — развалины *Гиртъ-Келятъ*; нѣсколько восточнѣе отъ этого послѣдняго лежатъ развалины маленькаго селенія *Тагези* и большого — *Таасукъ*. Вскорѣ за холмомъ *Тепе-Дервишъ* проходимъ мѣстностью, по которой въ годы высокаго стоянія водъ въ *Хамунѣ* часть ихъ стекаетъ изъ него прямо къ югу и юго-востоку на равнины *Заминъ-и-Шилэ*, минуя верхнія части протока *Шилэ*. Здѣсь ясно обозначены водобѣги, но берега ихъ не имѣютъ бо̀льшею частью рѣзкихъ очер-

таній; они образуютъ сложную и запутанную сѣть. Во многихъ мѣстахъ я видѣлъ изобильные наносы камыша и чакана; на площадяхъ и руслахъ водобѣговъ — раковины Unio sp.? (образчики, взятые мною, переданы въ Зоологическій Музей Императорской Академіи Наукъ); по склонамъ песчаныхъ бугровъ— цѣлые слои мелкихъ ракушекъ [Planorbis sp.?, Bythinia (Digyreidum) persica Westerl., открытая мною въ 1896 году, и нѣкоторыя другія, весьма обыкновенныя въ водахъ культурнаго Сеистана и Нэйзара], лежавшихъ на нихъ отъ уровня площадей на высотѣ до 4—6 футовъ. Глинистыя площади среди гривъ и бугровъ въ весеннее время и особенно послѣ спада водъ *Хамуна*, если эти послѣднія сюда проникали, покрываются кормовою травою, называемою у белуджей «бунў» и составляющею великолѣпный кормъ не только для овецъ и козъ, но также для ишаковъ и даже для лошадей. Мѣстами мѣстность разнообразится площадками мелкой гальки на низенькихъ, плоскихъ и мало замѣтныхъ возвышеніяхъ, представляющихъ остатки бугровъ, на которые была размыта древняя, сравнительно высокая равнина. Въ видѣ лентъ и извилистыхъ полосъ галька мѣстами залегаетъ и на заливныхъ площадяхъ, куда она смыта водою и гдѣ постепенно сносится все дальше и дальше къ югу и юговостоку.

Колодцы *Чахъ-и-Джану*—ихъ пять—вырыты на днѣ относительно глубокой и короткой водомоины. Если вычерпать изъ нихъ старую соленую и вонючую воду, вскорѣ набѣгаетъ холодная и довольно сносная. И здѣсь, какъ колодцы *Чахъ-и-Ляшкеранъ*, они вырыты въ слежавшемся пескѣ, сверху прикрытомъ тонкимъ слоемъ осадочной глины. Для водопоя верблюдовъ около отверстія колодца устроено обычное плоское углубленіе, въ которое вода наливается при помощи бурдюковъ («машкъ»). Вскорѣ послѣ того, какъ мы напоили верблюдовъ и отпустили ихъ на пастбище, я засѣлъ въ ямку около воды, чтобы покараулить птицъ, которыя должны были прилетать къ ней. Не прошло и получаса, какъ къ моей засадкѣ, несмотря на близость каравана (правда, въ немъ

было тихо и всѣ люди спали), подошла тройка джейрановъ (Gazella subgutturosa), изъ которыхъ мнѣ удалось застрѣлить одного. Окрестная мѣстность, собственно говоря, представляетъ древніе бугристые пески, замуленные глиною, которая на самихъ буграхъ лежитъ тонкимъ слоемъ, а въ ложбинахъ болѣе толстымъ. Въ одной изъ ложбинъ, какъ было видно по обнаженіямъ, промытымъ водою, слой глины, покрывающей песокъ, доходилъ въ толщину до одной сажени. Многіе бугры остаются свободными и выдаются наружу сквозь глиняную кору. Основаніемъ песковъ служитъ крѣпкая глина: на широкой и сильно осѣвшей глинистой возвышенности, усыпанной галькою и, слѣдовательно, составлявшей часть древней, такъ сказать до-хамунской, равнины, было отлично замѣтно, что она поднимается сквозь толщу песковъ. На поверхности аллювіальной глины во многихъ мѣстахъ наблюдаются пески современнаго образованія, надуваемые вѣтромъ; они имѣютъ бугристый характеръ, но лишены соотвѣтствующей пышной растительности, которая представлена на нихъ только однимъ тамариксомъ. Въ 11 верстахъ къ востоку отъ колодцевъ *Чахъ-и-Джану*, за колодцами *Кечули* (двѣ ямы съ красною водою, негодною къ употребленію), я видѣлъ довольно большой участокъ древнихъ бугристыхъ песковъ, поросшихъ саксауломъ и нѣкоторыми другими растеніями, которыя не наблюдались въ болѣе сѣверныхъ пустыняхъ (сохраненные образчики ихъ, вмѣстѣ со всѣмъ моимъ гербаріемъ, погибли осенью, когда мы насилу убрались отъ смерти); благодаря своему возвышенному положенію эти пески не могли замулиться и покрыться глиною.

По прямому пути отъ колодцевъ *Чахъ-и-Джану*, черезъ *Кечули*, къ р. *Гильмэндъ* залегаетъ, по устнымъ свѣдѣніямъ, безводная и совершенно пустынная страна.

Почти прямо къ западу отъ бугра *Тепе-Дервишъ* виднѣется другой бугоръ, *Тепе-и-Миръ-Достъ*, съ развалинами того-же наименованія; по пути къ нему залегаетъ сухая мѣстность, заросшая тамариксомъ. Къ югу отъ *Тепе-и-Миръ-Достъ* воды въ

ложѣ *Хамуна* въ настоящее время не имѣется, но весною она тамъ была, какъ мнѣ говорили, на три четверти фарсанга. Съ правой стороны отъ нашей дороги къ *Чахъ-и-Джану*, невдалекѣ вправо, мы оставили колодцы: *Чахъ-и-Кендукъ*, *Чахъ-и-Герды* (иногда ихъ называютъ «*Чахъ-и-Гурдынъ*»), *Чахъ-и-Сіау* и *Чахъ-и-Ляададъ*. Вообще по всему пути отъ развалинъ *Рикавакъ* черезъ упомянутые пункты и далѣе къ юго-востоку до протока *Шилэ* можно достать воду съ глубины отъ 5 до 9 футовъ.

Отъ колодцевъ *Чахъ-и-Джану* великолѣпно видны горы, издали какъ стѣны ограничивающія съ западной стороны прихамунскія равнины и соединяющія Бирджандскій горный массивъ съ Саргадскимъ поднятіемъ. На ССЗ. виднѣется *Палянгъ-Кухъ*, а ниже его — *Кухъ-и-Герй* и *Кухъ-и-Максури*; на СЗ. и З. — *Кухъ-и-Дарвазà*, на З. — *Кухъ-и-Куунды*, *Кухъ-и-Батамаръ* и *Кухъ-и-Чаукъ*; на ЮЗ. — *Кухъ-и-Белючабъ* и *Кухъ-и-Бидживарапи*; на ЮЮЗ. и на Ю. — *Кухъ-и-Маликъ-Сія*, а также болѣе высокія: *Кухъ-и-Рабатъ*, *Ларкухъ* и *Кухъ-и-Пирянъ*; на ЮЮВ. — *Кухъ-и-Качау* (*Кача-Кухъ*).

Вернувшись съ экскурсіи за колодцы *Кечули* и немного отдохнувъ, мы сдѣлали переходъ въ 16 верстъ и остановились въ саксауловомъ лѣсу по ту сторону протока *Шилэ*. Сначала шли вышеописанною мѣстностью; тамариксъ вскорѣ рѣдѣетъ и открываетъ все болѣе и болѣе обширныя глинистыя площади, поросшія кустиками «шуръ» и чередующіяся съ почти совершенно обнаженными пространствами рыхлой мягко-глинистой почвы; въ нѣсколькихъ мѣстахъ я видѣлъ на нихъ раковины Unio съ еще сохранившеюся кутикулою. Оставивъ съ лѣвой руки развалины *Гумбезъ-и-Герденрикъ*, около которыхъ располагается нѣсколько слегка возвышенныхъ площадей, усыпанныхъ галькою, и широкій, плоскій бугоръ, покрытый ею-же, подходимъ къ протоку *Шилэ* (на картахъ «*Шелагъ-Рудъ*»). Этотъ послѣдній имѣетъ видъ рѣчного русла, достигающаго въ мѣстѣ нашего черезъ него перехода до 250 и даже до 400 шаговъ въ ширину. Высота береговъ, которые вообще весьма рѣзко очерчены,

доходитъ до $2^1/_2$ саженей; они круты и мѣстами засыпаны пескомъ, свѣяннымъ съ прилежащихъ равнинъ. Конфигурація весьма извилистая. Направо отъ дороги въ его руслѣ имѣется нѣсколько плёсовъ настолько соленой воды, что она толстымъ слоемъ садитъ соль. Какъ мнѣ говорили, эти плёсы никогда не пересыхаютъ. Налѣво отъ дороги, въ томъ-же руслѣ, выкопано нѣсколько колодцевъ, но вода въ нихъ настолько солона, что можетъ развѣ только немного отсрочить гибель человѣка, умирающаго отъ жажды. Осенью, уже къ началу сентября, они пересыхаютъ. Въ прежнее время воды ложа *Хамуна* регулярно каждый годъ по руслу *Шилэ* стекали къ сухому болоту *Гудъ-и-Зирехъ*[1]), но теперь, вотъ уже болѣе чѣмъ десять лѣтъ, это явленіе не наблюдается. Въ верхнюю часть *Шилэ*, около мѣста его выхода изъ ложа *Хамуна*, впадаетъ русло *Туршъ-абъ* (*Турушъ-абъ*) съ его солено- и солоновато-водными родниками. Надо замѣтить, что и по *Шилэ* мною найдены створки раковинъ Unio.

По ту сторону *Шилэ* нашъ путь вступаетъ въ крайне печальную и пустынную мѣстность, въ которой тамариксъ вскорѣ встрѣчается уже рѣдко. Эта мѣстность представляетъ равнину, бо̀льшею частью съ рыхлою глинисто-песчаною, весьма часто сильно солонцеватою почвою, то совершенно обнаженною, иногда на версту или около, то довольно изобильно поросшую кустиками «шуръ». Черезъ нѣсколько верстъ начинаютъ попадаться одиночныя деревца саксаула, нѣсколько далѣе скопляющіяся въ миніатюрныя рощицы. Еще черезъ нѣсколько верстъ мѣстность принимаетъ характеръ бугристыхъ песковъ и занимается обширнымъ безводнымъ саксауловымъ лѣсомъ, который, какъ мнѣ разсказывали, тянется на многія версты къ югу и юго-востоку въ англійскій Белуджистанъ, держась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ восточныхъ подножій Саргадскаго горнаго массива. Здѣсь мы разбиваемъ свой бивуакъ. До поздней ночи экскурсировалъ я со своимъ помощникомъ въ этомъ лѣсу, но возвратился съ

---

1) У сеистанцевъ и дузабцевъ оно часто обозначается какъ «*Гурукъ*».

самыми печальными результатами. Вечерній ловъ на фонарь также не былъ удаченъ, хотя мы ходили и сидѣли съ огнемъ почти до самаго разсвѣта. Ни звука въ лѣсу, и жутко становится въ немъ, когда, изнуренный зноемъ, вспомнишь объ его безводіи и о возможности заблудиться.

Поднявшись съ разсвѣтомъ 10 іюня, мы сдѣлали переходъ болѣе чѣмъ въ 16 верстъ и, покинувъ низменную равнинную пустыню, которою шли изъ Сеистана, надолго вступили въ горы. Остановились въ урочищѣ *Гурмукъ*.

Первоначально наша дорога проходитъ песками и саксауловымъ лѣсомъ, наискось къ горамъ и отчасти по сухому, засыпанному пескомъ руслу того водостока, который бѣжитъ между горами *Кухъ-и-Биджарапи* и *Кухъ-и-Гурмукъ*. Версты черезъ двѣ, въ направленіи нашего движенія, песокъ и лѣсъ исчезаютъ, а мѣстность принимаетъ вплоть до горныхъ подножій видъ каменистой пустыни, безжизненной и печальной; вмѣстѣ съ тѣмъ она замѣтно поднимается. Сначала кое-гдѣ на ея поверхности виднѣются одинокія, словно заблудившіяся, деревца саксаула, потомъ они пропадаютъ и вмѣстѣ съ ними исчезаетъ всякая растительность, если не считать приземистыхъ, сухихъ и полузасохшихъ кустиковъ «шуръ», то тамъ, то здѣсь виднѣющихся среди камня. Вскорѣ подходимъ къ каменистой розсыпи, выходящей изъ горла Гурмукскаго ущелья. Вырвавшись изъ этого послѣдняго, она своими камнями, словно потокомъ, разливается по равнинѣ и занимаетъ нѣсколько верстъ въ ширину. И если можно было бы собрать всѣ эти камни и нагромоздить ихъ на мѣста первоначальнаго залеганія, то горы *Кухъ-и-Гурмукъ* оказались бы вѣроятно значительно выше, чѣмъ нынѣ. Ширина горла Гурмукскаго ущелья доходитъ до нѣсколькихъ сотъ шаговъ; оно ограничено безплодными, почти совершенно обнаженными, крутыми и сильно осыпавшимися горами красноватыхъ цвѣтовъ. Съ правой, сѣверной, стороны его русла я замѣтилъ нѣсколько широкихъ и вертикальныхъ столбовъ, сложенныхъ изъ древнихъ глинъ и конгломератовъ и на верхней своей поверхности покрытыхъ большими

и малыми камнями. Это свидѣтели глубокой старины, очевидно представляющіе остатки древняго водостока, существовавшаго, быть можетъ, еще во времена доисторическія. Невдалекѣ отъ устья ущелья располагается урочище *Гурмукъ*. Прежде чѣмъ его описать я скажу нѣсколько словъ о животномъ населеніи пустыни, которая лежитъ къ югу отъ культурнаго Сеистана и которою мы шли до сихъ поръ.

Въ общемъ это населеніе чрезвычайно бѣдное, даже среди безпозвоночныхъ животныхъ. Изъ млекопитающихъ въ ней въ небольшомъ числѣ живутъ антилопы, принадлежащія главнымъ образомъ къ тому виду, у котораго самки безрогія, т. е. къ Gazella subgutturosa; по разспроснымъ свѣдѣніямъ, изрѣдка попадаются представители другого вида, съ рогатыми самками, который можетъ принадлежать либо къ G. fuscifrons, либо къ G. bennetti. Изрѣдка забѣгаютъ въ нее волки (Lupus sp.?), шакалы (Canis aureus), лисицы (Vulpes sp.?) и гіены (Hyaena striata). Нечасто случается увидѣть зайца (Lepus sp.?, но не L. craspedotis). Въ пескахъ обитаютъ крошечныя песчанки (Meriones nanus), хомячки (Cricetus sp.?), по одному виду какихъ-то тушканчиковъ (Dipus), землероекъ (Sorex) и мышей (Mus). Гнѣздящихся птицъ поразительно мало. Слѣдуетъ упомянуть о пустынномъ воронѣ (Corax umbrinus), болѣе или менѣе рѣдкомъ, о весьма рѣдкой саксаульной сойкѣ (Podoces pleskei); въ развалинахъ изрѣдка гнѣздятся филины (Bubo bengalensis) и голуби (Columba intermedia), чаще — пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides) и довольно часто — желтогорлые воробьи (Gymnoris flavicollis); въ зарослях «шуръ» довольно обыкновенны великолѣпно поющіе большіе пустынные жаворонки (Certhilauda desertorum), а около колодцевъ довольно часто встрѣчаются хохлатые жаворонки (Galerita magna? и G. chendoola) и козодои (Caprimulgus unwini и C. aegyptius); въ тамариксовыхъ чащахъ обитаютъ суи (Chatorhea huttoni) и въ весьма ограниченномъ количествѣ горлички (Streptopelia douraca). Міръ рептилій отличается незначительнымъ числомъ видовъ, но зато большимъ количествомъ предста-

вителей каждаго вида. Въ пескахъ весьма обыкновенны змѣевидныя ящерицы (Sphenocephalus tridactylus), кроссобамоны (Crossobamon sp.?), тератосцинки (Teratoscincus sp.?); на глинахъ, а также въ тѣхъ-же пескахъ, агамы (Agama sanguinolenta), ящерки (Eremias fasciata, E. guttulata, E. sp.?); къ югу отъ протока *Шилэ* на солонцеватыхъ глинахъ весьма часто попадались круглоголовки (Phrynocephalus spiniventris и Phr. maculatus). Изъ змѣй я нѣсколько разъ видѣлъ пустынныхъ ужей (Psammophys leythi) и Dipsas sp.?, а однажды — песчаную гадюку (Echys arenicola).

Отъ мѣста Гурмукъ къ урочищу Куринъ

(10 — 20 іюня).

Мѣсто или урочище *Гурмукъ* (иногда «*Гурмакъ*») принадлежитъ уже провинціи *Керманъ* и персидскому Белуджистану. Оно представляетъ маленькій оазисъ среди горной безводной пустыни. Въ немъ имѣется двѣ группы сильныхъ родниковъ съ весьма вкусною, но къ сожалѣнію теплою водою, около которыхъ находятся не особенно большія, но зато весьма густыя заросли высокоствольнаго тамарикса. Температура воды въ верхнихъ родникахъ, 11 іюня въ часъ пополудни, при 43° Ц. въ воздухѣ равнялась 32° Ц.; въ нижнихъ, въ то-же время, — 25° Ц. Около родниковъ есть лужайки съ ярко-зеленою, густою, но приземистою травкою, которая приковываетъ къ себѣ обрадованные глаза, утомленные яркими бликами глины, песка и камня пройденной до того пустыни. Кромѣ этихъ родниковъ, подъ высотами правой стороны Гурмукской долины, имѣется еще три, весьма небольшихъ, изъ которыхъ два къ началу сентября уже не даютъ воды. Окрестныя горы въ основаніи сложены изъ крѣпкой, какъ камень, красноватой глины; на это основаніе напластаны перемежающіеся слои болѣе мягкой красноватой глины и, бо̀льшею частью, не особенно крѣпкаго, грубаго конгломерата, зерна котораго

скрѣплены тою-же красноватою глиною. Горные склоны почти совершенно лишены растительности. По словамъ моихъ белуджей, въ здѣшней мѣстности въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ не выпало ни одной капли дождя. Въ тѣ-же годы, когда дожди выпадаютъ, въ горахъ появляется трава, которая можетъ служить хорошимъ кормомъ даже для лошадей. Устье долины съужено и открывается къ ВСВ.; дно ея сплошь занято широкимъ водостокомъ. Невдалекѣ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ этотъ послѣдній выбѣгаетъ на равнину, онъ раздваивается. Правая вѣтвь (считая внизъ по склону), ўже, чѣмъ лѣвая. Высоты лѣвой стороны долины, у мѣста развѣтвленія водостока, гдѣ она расширяется, значительны и нетолько крўты, но мѣстами совершенно отвѣсны; высоты правой стороны болѣе пологи и находятся въ сильнѣйшей степени разрушенія. Правая вѣтвь водостока прорывается сквозь глинистую, возвышенную площадь съ рыхлою глинисто-песчаною почвою, мѣстами на поверхности какъ-бы вскипѣвшею и хрустящею подъ ногами. Именно изъ подъ этой-то площади и бьютъ гурмукскіе родники. Ни жилья, ни мѣстъ удобныхъ для земледѣлія или скотоводства нигдѣ здѣсь не имѣется.

Верблюды могутъ имѣть изобильный кормъ въ видѣ тамарикса и кое-какихъ горныхъ кустиковъ, но ни для лошадей, ни для ишаковъ кормовъ въ *Гурмукѣ* нѣтъ; выше же упомянутыя лужайки даютъ слишкомъ мало травы даже для 5 ишаковъ.

Однако благодаря своей хорошей водѣ *Гурмукъ* является важной станціей по дорогѣ изъ *Саргадъ* въ Сеистанъ. Кромѣ того отъ него идетъ ни на одной картѣ не обозначенная дорога въ городъ *Нэ* (въ странѣ *Нэ-и-Бэнданъ*), которая можетъ имѣть важное стратегическое значеніе для операцій противъ *Саргада* и вообще персидскаго Белуджистана, а также черезъ *Кухъ-Маликъ-Сія* и *Робатъ* противъ дороги, идущей изъ *Кветты* и *Нушкй* въ Сеистанъ. По разспросамъ эта дорога имѣетъ слѣдующія станціи:

1. *Подаги*; урочище съ прѣснымъ родникомъ; группа тополевыхъ деревьевъ (Populus diversifolia?).

2. *Белючъ-абъ*; урочище съ прѣсноводными сильными родниками; старинныя постройки и давно заброшенныя пашни.

3. *Туршъ-абъ* (*Турушъ-абъ*); урочище и рѣчное русло, лѣтомъ почти пересыхающее; вода солоноватая съ сильнымъ запахомъ; лежитъ на большой дорогѣ изъ страны Нармеширъ въ Сеистанъ.

4. *Чаукъ* (*Чагукъ*); довольно сильный прѣсный родникъ.

5. *Куунды*; урочище съ очень хорошею водою въ родникѣ.

6. *Дервазаи* (*Дарваза*); прѣсный родникъ, имѣвшій въ давніе годы теплую воду.

7. *Мукусуръ* (*Максури?*); прѣсный родникъ, около котораго невдалекѣ имѣется родничекъ съ великолѣпною водою.

8. *Бабрадаръ*; высокочтимый суннитскій зіаретъ; сильный прѣсноводный родникъ.

9. *Испидава*; прѣсный родникъ.

10. *Мадеи*; рѣчное русло, пересыхающее лѣтомъ, когда въ его ложѣ остаются роднички съ солоноватою, но для питья вполнѣ пригодною водою; оно направляется въ ложе *Хамуна*, южнѣе русла *Рудъ-и-Бэнданъ*, черезъ вышеупомянутое урочище *Тагъ-Алякъ*; туда-же идутъ водостоки со всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктовъ, начиная съ *Турушъ-абъ*.

11. *Годаръ-Зардъ*, т. е. холодный перевалъ; воды не имѣется.

12. *Хуникъ*; первое селеніе и первый жилой пунктъ на пути изъ *Гурмукъ* въ городъ *Нэ*, верстахъ въ 10 не доходя до этого послѣдняго.

Первыя десять станцій располагаются около горъ тѣхъ-же наименованій, кромѣ мѣста *Бабрадаръ*, лежащаго у хребта *Палянгъ-Кухъ*. Эти горы отлично видны со стороны сеистанской пустыни, по ту сторону заливного ложа *Хамуна*.

Въ *Гурмукъ* я сдѣлалъ дневку съ цѣлью познакомиться съ животнымъ населеніемъ окрестныхъ горъ; къ тому-же всѣ мы изрядно поразстроили свои желудки водою сеистанской пустыни и слѣдовало привести ихъ въ порядокъ. На кустахъ тамарикса я собралъ большую коллекцію крупныхъ цикадъ и въ особенности перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ (Hymenoptera), въ великомъ

множествѣ разнообразныхъ и красивыхъ видовъ слетавшихся къ нимъ ради манны, которая сладкими, прозрачными и густыми каплями въ изобиліи покрывала ихъ тонкія вѣтви. Какъ я убѣдился, эта манна производилась мелкою тлею (группа Phyllophthirida), выдѣлявшею ее изъ своихъ припорошицевыхъ трубочекъ. Ловля насѣкомыхъ въ водахъ родниковъ, а также ночью на свѣтъ фонаря дала весьма благопріятные результаты. Птицъ въ окрестностяхъ *Гурмука* много, но онѣ принадлежатъ всего нѣсколькимъ видамъ. Довольно обыкновенны вкусныя куропатки (Caccabis chukar), которыя могутъ служить прекраснымъ подспорьемъ къ столу. Бродя по горамъ, я испыталъ весьма большую непріятность, отъ которой, къ счастью, отдѣлался чрезвычайно дешево. Случилось мнѣ выстрѣлить по чекану (Saxicola albonigra); подстрѣленная птица улетаетъ и скрывается въ узкой горизонтальной щели подъ нависшимъ слоемъ конгломерата, изъ подъ котораго глина была выдута вѣтромъ; я лѣзу плашмя въ щель и... холодѣю отъ ужаса: не далѣе фута отъ своего лица вижу голову крупной очковой змѣи (Naja tripudians), которая бросаетъ схваченную ею птицу и, уставивъ на меня свои неподвижные стальные глаза, громко шипитъ и раздуваетъ шею, какъ это она обыкновенно продѣлываетъ, когда находится въ раздраженномъ состояніи; тихо и осторожно я пячусь назадъ, а вслѣдъ за мною, держа свою поднятую голову въ томъ-же футѣ разстоянія отъ моего лица, подвигается змѣя; достигнувъ отверстія щели, я вскакиваю на ноги, вздыхаю, наконецъ, свободно, хватаю ружье, оставленное около, и убиваю своего врага.

На слѣдующій день, 12 іюня, мы дѣлаемъ переходъ въ урочище *Абашъ-Кушта*[1]) (*Габшъ-Кушта*), до котораго можно считать 21 версту. Дорога идетъ вверхъ по правой вѣтви (считая по скату) гурмукскаго водостока, которая принимаетъ нѣсколько боковыхъ вѣтвей, сбѣгающихъ преимущественно съ лѣвой стороны.

---

1) Звукъ «а» въ словѣ «Абашъ» мои белуджи произносили переходно къ звуку «е». Абашъ-Кушта въ переводѣ означаетъ «убитый негръ».

Высоты, ограничивающія долины этихъ водостоковъ, сложены изъ красной плотной глины, мѣстами переходящей въ сланецъ, который прикрытъ мощными пластами крупно-зернистаго конгломерата. Не достигнувъ вершины нашей вѣтви, мы оставляемъ ее вправо и выходимъ на широкую, довольно сильно пересѣченную плоскость, справа и слѣва ограниченную горными цѣпями и изрѣзанную водостоками, впадающими въ покинутую нами вѣтвь. По этимъ послѣднимъ встрѣчаются одинокіе высокіе кусты, весьма колючіе, съ мелкими листьями, съ иногда плакучими вѣтвями и съ пузырьчатыми, трехугольными и трехгнѣздными сухими плодами, окрашенными въ яркій розовый цвѣтъ, благодаря чему издали эти кусты кажутся засыпанными цвѣтами. У белуджей они извѣстны подъ названіемъ «котуръ». «Котуръ» принадлежитъ къ растеніямъ, крайне характернымъ для водостоковъ высокихъ частей персидскаго Белуджистана, и къ югу отъ урочища *Дузъ-абъ* развивается особенно пышно. Его листья и въ особенности плоды, въ которыхъ находятся сѣмена вродѣ мелкаго гороха отвратительнаго вкуса, составляютъ для верблюдовъ величайшее лакомство. Когда намъ случалось проходить котуровыми зарослями или вблизи ихъ, мы только съ трудомъ могли поддерживать порядокъ въ караванѣ, такъ какъ верблюды неудержимо и упрямо сворачивали съ дороги и всячески старались приблизиться къ этимъ соблазнительнымъ кустамъ. Перейдя черезъ широкій, хорошо выработанный водостокъ, сбѣжавшій сюда повидимому издалека, мы переваливаемъ черезъ плоскія высоты его праваго берега и спускаемся къ новому водостоку, который направляется на востокъ и выбѣгаетъ на равнины *Заминъ-и-Шилэ*; онъ занимаетъ все дно своей долины и въ ширину достигаетъ нѣсколькихъ сотъ шаговъ. По ту его сторону поднимается горный хребетъ *Кухъ-и-Маликъ-Сія*. До самаго *Абашъ-Кушта* дорога идетъ именно по этому водостоку, все время поднимаясь вверхъ по его склону. Въ разстояніи 8 верстъ отъ мѣста *Гурмукъ*, имѣя съ лѣвой руки тотъ-же *Кухъ-и-Маликъ-Сія*, а съ правой — сравнительно невысокія горы, подходимъ къ колодцу *Чахъ-и-Диванъ*.

Онъ находится на лѣвомъ берегу водостока подъ краемъ невысокой глинистой плоскости, за которою поднимается холмистая цѣпь. Вода въ немъ чудесная: холодная и вкусная, но ея слишкомъ мало и не хватило бы для большого каравана. Пройдя отсюда еще четыре версты, встрѣчаемъ съ лѣвой стороны русла могилу белуджскаго святого *Маликъ-Сія*, который почитается не только суннитами, но также бампурскими и нармеширскими персіянами шіитами. Могильная насыпь, вчетверо бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ у обыкновенныхъ смертныхъ, выложена глыбами и кусками разноцвѣтнаго камня, иногда привезеннаго издалека, мельничными жерновами, пестиками, обломками зеркалъ; между этими приношеніями я замѣтилъ кромѣ того нѣсколько пуль, нѣсколько зарядовъ пороха, куски листовъ изъ корана, обрывки какой-то англійской газеты и почти полный № «Закаспійскаго Обозрѣнія». Все это было обрызгано кровью животныхъ, которыхъ рѣзали и съѣдали въ честь святого проходящіе караваны. Въ изголовьѣ утверждено нѣсколько шестовъ, украшенныхъ рогами дикихъ и домашнихъ козъ и барановъ, великимъ множествомъ разноцвѣтныхъ тряпокъ и лоскутковъ, комками ваты, бичевокъ, четокъ, сдѣланныхъ изъ сѣмянъ какихъ-то нездѣшнихъ растеній и, наконецъ, прядью женскихъ волосъ. Могила окружена четырехугольною загородью изъ камней, сквозь которую имѣется входъ. Около располагается нѣсколько маленькихъ могилъ, принадлежащихъ лицамъ, умершимъ въ пути. Мои белуджи остановились здѣсь, чтобы помолиться святому и облобызать надгробные камни; кромѣ того они возложили на могилу хлѣбную лепешку, освятили ее молитвами, съѣли по кусочку, а остальное оставили для самого *Маликъ-Сія*; впрочемъ не успѣли мы отойти и нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ хлѣбъ былъ унесенъ ворономъ, до того сидѣвшимъ на скалѣ и внимательно слѣдившимъ за всею операціею. Немного не доходя до могилы, отъ большой дороги влѣво отдѣляется нѣсколько тропиночекъ, поднимающихся въ гору и ведущихъ къ маленькому роднику съ великолѣпнѣйшею водою. Именно около этого родника жилъ, подвизался и умеръ

Маликъ-Сія. Основаніе сосѣднихъ горъ сложено изъ крѣпкаго камня, нѣсколько похожаго на гранитъ и состоящаго изъ свѣтло-сѣрой массы, въ которую вкраплены кусочки какого-то чернаго минерала, очень часто въ видѣ короткихъ палочекъ.

Поднимаясь по водостоку все выше и выше, мы черезъ нѣсколько верстъ пути выходимъ на высокую плоскость, лежащую въ широкой долинѣ и извѣстную подъ названіемъ *Абашъ-кушта.* Здѣсь, въ перевальной ея части, невдалекѣ отъ родниковъ и колодцевъ мы разбиваемъ свой бивуакъ. Эта долина протянулась въ меридіональномъ направленіи; въ сѣверной части изрѣзана многочисленными водостоками, соединяющимися въ одинъ, вверхъ по которому шла наша дорога; она полого спускается къ сѣверу и болѣе круто къ востоку, югу и юго-востоку. Ея поверхность довольно изобильно поросла кустами Zygophyllum, которые въ настоящее время года имѣютъ самый печальный видъ и кажутся совершенно засохшими, такъ какъ ихъ листья сохранились лишь кое-гдѣ, да и то не па всѣхъ кустахъ. Нашимъ верблюдамъ здѣсь пришлось немного поголодать, хотя я и приказалъ выдать имъ удвоенную порцію курута. Почва безплодная, каменистая, днемъ раскаленная и пышащая зноемъ.

На юго-востокѣ въ 160° компаса виднѣется массивъ *Ларъ-Кухъ*, господствующій надъ всѣми окрестными высотами; въ той-же сторонѣ въ 120° поднимается самая высокая точка хребта *Кухъ-и-Робатъ*, у подножія котораго, верстахъ въ 8 отъ насъ, располагается афганискій караванъ-сарай *Робатъ* и англійскій фортъ *Робатъ*, составляющій конечный пунктъ недавно устроенной дороги изъ г. *Шіалькутъ* черезъ сѣверный Белуджистанъ (далѣе этотъ путь проходитъ уже предѣлами персидской территоріи) и въ скоромъ будущемъ могущій сдѣлаться точкой отправленія для нѣкоторыхъ событій немалой важности. На сѣверо-востокѣ въ 15° поднимается вершина *Кухъ-и-Маликъ-Сія.* На юго-востокѣ въ 105° замѣчается сѣдловина между *Ларъ-Кухъ* и *Кухъ-и-Робатъ* (эти горы составляютъ общій массивъ), черезъ которую вдали видна белуджская пустынная равнина; сквозь за-

стилающую ее пыльную, горячую мглу бѣлѣютъ грозные и страшные солонцы *Заминъ-и-Шилэ.* Въ сѣверную сторону открывается обширный горизонтъ, вдали замкнутый горами.

Немного не доходя до мѣста стоянки, мы переходимъ черезъ неглубокій водостокъ, спускающійся къ востоку съ ближнихъ горъ, до подошвы которыхъ около версты. По мѣрѣ приближенія къ нимъ онъ становится все глубже и глубже и наконецъ получаетъ отвѣсные берега, достигающіе 8 саженей въ высоту; они сложены изъ глины, перемѣшанной съ мелкимъ и очень крупнымъ округленнымъ камнемъ. Этотъ оврагъ начинается въ предгоріяхъ отвѣсною падью, съ которой во время дождей сильнымъ каскадомъ льется вода, выбивающая на ея днѣ глубокую яму, теперь наполненную мельчайшимъ пескомъ и лессовою пылью. Непосредственно за падью располагается ущелье, по дну котораго среди миніатюрныхъ бархатно-зеленыхъ лужаекъ бьютъ небольшіе родники, бо̀льшею частью разработанные въ неглубокія ямы. Наибольшая изъ этихъ послѣднихъ можетъ дать сразу до 25 ведеръ воды, всѣ же вмѣстѣ до 100—120. Вода вкусная, но содержитъ немало магнезіи, которая выпаривается также во многихъ мѣстахъ по дну ущелья. Температура ея въ 4½ часа пополудни при 38° Ц. въ воздухѣ равнялась 27°. Осенью, съ прекращеніемъ жаровъ, количество воды повидимому увеличивается; по крайней мѣрѣ это было замѣчено мною при обратномъ нашемъ слѣдованіи здѣшнимъ мѣстомъ 4 сентября. Окрестныя горы представляютъ пустыню съ весьма жалкою растительностью, которая состоитъ изъ рѣдкихъ одиночныхъ деревьевъ фисташки и полузасохшихъ кустовъ, виднѣющихся здѣсь и тамъ среди голыхъ и горячихъ камней. Эти горы выстроены изъ весьма мелко-зернистаго красноватаго песчаника, лежащаго на твердой, сѣрой вышеописанной породѣ, нѣсколько напоминающей гранитъ; мѣстами она выступаетъ наружу; ихъ подошвы покрыты конгломератомъ и глиною, перемѣшанною съ камнемъ. Въ вершинѣ упомянутаго оврага, тамъ гдѣ онъ образуетъ падь, эта сѣрая порода имѣетъ видъ отвѣсной скалы.

Сѣверный вѣтеръ, поднявшійся съ 12 ч. дня и пыльными тучами заволокшій горы, стихъ къ солнечному закату. Наступилъ чудный вечеръ. Я приказалъ принести къ родникамъ обѣдъ и чайникъ и, оставшись около нихъ до утра, вдали отъ каравана, верблюжьяго рева и громкаго белуджскаго говора, наслаждался полнымъ покоемъ и до самой поздней ночи ловилъ насѣкомыхъ на свѣтъ фонаря.

Слѣдующимъ днемъ, 13 іюня, и его ночью мы прошли къ урочищу *Дузъ-абъ* (вода воровъ), до котораго я считаю 34 версты и въ которомъ первый разъ, начиная съ с. *Вермаль* въ Сеистанѣ, намъ попалось постоянное населеніе и вообще люди. Общее направленіе пути, какъ и раньше, болѣе или менѣе южное, ближе къ *Дузъ-абъ* уклоняющееся къ востоку.

Покинувъ мѣсто стоянки, мы вскорѣ спускаемся и выходимъ къ водостоку, который склоняется съ юга и, принявъ восточное направленіе, идетъ по долинѣ, отдѣляющей *Ларкухъ* и *Кухъ-и-Робатъ* отъ *Кухъ-и-Маликъ-Сія* и горъ, примыкающихъ къ этому послѣднему съ южной стороны. По устнымъ свѣдѣніямъ онъ добѣгаетъ до *Заминъ-и-Шилэ* и въ нѣкоторые годы даже доноситъ до него свои воды. Дорога пролегаетъ по руслу этого водостока. Онъ изобильно поросъ кустами «котуръ» и, какъ видно по наносамъ, въ нихъ застрявшимъ, вòды, которыя онъ несетъ въ дождливое время года, поднимаются въ немъ до высоты 3½ футовъ. Прилежащія горы состоятъ изъ глинистыхъ, слюдяныхъ и какихъ-то другихъ сланцевъ. Ихъ склоны безплодны и пустынны; лишь кое-гдѣ замѣтишь одиночное фисташковое дерево или группу сухихъ и полузасохшихъ кустарниковъ. Въ семи верстахъ отъ начала перехода, тамъ гдѣ водостокъ представляетъ уже дно довольно узкаго ущелья, составленнаго бòльшею частью скалистыми и малодоступными горами, встрѣчаемъ родники *Чагукъ*. Ихъ двѣ группы: первая бьетъ изъ-подъ небольшого участка глинистой почвы, прилегающаго къ подошвѣ правыхъ горъ; вода вкусная, но къ сожалѣнію ея мало; въ 6½ часовъ утра при 35° Ц. въ воздухѣ она имѣла 23°; вторая группа, еще болѣе слабая, рас-

полагается невдалекѣ, выше и слѣва, и заключается въ нѣсколькихъ ямкахъ, бо̀льшая часть которыхъ воды не имѣетъ. Около родниковъ довольно густая тамариксовая заросль. Немного не доходя до нихъ, въ ущелье впадаетъ съ правой стороны боковая вѣтвь, въ которой невдалекѣ отъ устья имѣются еще родники, именно *Шемидаръ*. Этимъ названіемъ обозначаютъ также возвышенность отдѣляющую упомянутýю вѣтвь отъ главнаго ущелья. Черезъ нее отъ родниковъ *Шемидаръ* идетъ хорошо замѣтная тропа къ большой дорогѣ. Въ *Чагукъ* мы запасаемся водою, такъ какъ до урочища *Дузъ-абъ* ея уже нигдѣ не имѣется. Въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ отсюда наше ущелье развѣтвляется, а относительная высота горъ, его сопровождающихъ, сильно понижается. Въ направленіи лѣвой вѣтви сквозь имѣющуюся здѣсь сѣдловину виднѣется скалистый *Ларъ-Кухъ*, первый разъ послѣ того, какъ мы спустились съ *Абашъ-Кушта*; эта вѣтвь беретъ начало съ его западныхъ склоновъ. Дорога поднимается по правой вѣтви. Черезъ нѣсколько верстъ ущелье расширяется, а ея водостокъ принимаетъ многочисленныя вѣтви, одна изъ которыхъ выводитъ насъ на перевалъ. Съ высоты этого послѣдняго открывается видъ на волнистую и каменистую площадь, которая протянулась съ ССЗ. на ЮЮВ. и понизилась въ среднихъ частяхъ; она ограничена безплодными горами, находящимися въ сильной степени разрушенія и извѣстна подъ названіемъ *Міанъ-базаръ*.

Растительность *Міанъ-база̀ра* составляется изобильною порослью Zygophyllum, уже окончательно сбросившаго свою листву и имѣющаго засохшій видъ. Къ счастью здѣсь встрѣчается «котуръ», достигающій саженной высоты (въ болѣе южныхъ частяхъ страны *Саргадъ* онъ поднимается нерѣдко на высоту человѣка, сидящаго на верблюдѣ), и мы могли покормить свой скотъ. Сѣверная и южная окраины мѣста *Міанъ-базаръ* подняты и образуютъ перевалы: сѣверный, черезъ который мы только-что перешли, составляетъ водораздѣлъ къ робатскому водостоку, южный — къ одному изъ дузъ-абскихъ, о чемъ рѣчь будетъ еще впереди. Эти перевалы на нѣкоторыхъ картахъ обозначены подъ назва-

ніями «*Шемидаръ*», при чемъ на тѣхъ-же картахъ между сѣвернымъ *Шемидаромъ* и *Абашъ-кушта* (*Габшъ-кушта*) нанесено мѣсто *Маликъ-Афъ*. Эти названія были незнакомы не только белуджамъ, сопровождавшимъ меня изъ Сеистана, но даже дузъабцамъ, которые конечно хорошо знаютъ свою страну.

Южный перевалъ мнѣ называли какъ *Годаръ-и-Шуръ-абъ* (перевалъ соленой воды); я позабылъ занести въ свою записную книжку названіе сѣвернаго и теперь его не припомню. Понижаясь въ своей серединѣ, мѣсто *Міанъ-базаръ* понижается также по направленію къ востоку. Вòды, попадающія на его поверхность, по мелкимъ и весьма многочисленнымъ водостокамъ сливаются въ одинъ общій и широкій, который направляется къ востоку и, огибая горы *Ларъ-кухъ* съ южной стороны, по устнымъ свѣдѣніямъ впадаетъ въ общій водостокъ урочища *Дузъабъ*. Міанъ-базарскій главный водостокъ проходитъ черезъ прорывъ между возвышенностями, ограничивающими это мѣсто съ востока. Сквозь этотъ прорывъ великолѣпно видно южное окончаніе *Ларъ-кухъ*, а за нимъ и далѣе къ юго-востоку — хребетъ *Пирянъ-кухъ*, прилегающій съ востока къ дузъ-абской котловинѣ. Сквозь этотъ-же прорывъ часто дуетъ со стороны низкой загорной пустыни раскаленный вѣтеръ и приноситъ горячую пыль, что дѣлаетъ остановку въ *Міанъ-базаръ* весьма непріятною.

Пройдя отъ *Абашъ-кушта* около 16 или 17 верстъ и достигнувъ средней части *Міанъ-базара*, мы остановились на отдыхъ съ тѣмъ, чтобы ночью сдѣлать переходъ въ *Дузъ-абъ*. Тѣмъ временемъ я предпринялъ экскурсію по окрестностямъ, но только даромъ потерялъ время. Животная жизнь этой мѣстности поражаетъ своею бѣдностью и должна привести натуралиста въ уныніе.

Мѣсто нашей остановки находится на серединѣ разстоянія между *Абашъ-кушта* и *Дузъ-абомъ*. Мы двинулись къ этому послѣднему передъ самымъ солнечнымъ закатомъ. Въ южной своей половинѣ *Міанъ-Базаръ* развѣтвляется на нѣсколько долинъ, обрамленныхъ относительно невысокими и въ высшей степени безплодными горами. Верстахъ въ 5—6 отъ мѣста остановки

мы достигаемъ перевала *Годаръ-и-Шуръ-абъ*, который обставленъ относительно невысокими холмами. Спускъ пологій, также какъ и подъемъ. При свѣтѣ молодого мѣсяца и яркихъ звѣздъ, между которыми наблюдается много незамѣтныхъ подъ болѣе сѣверными широтами, видно, что нашъ путь пролегаетъ по широкой долинѣ, ограниченной горами, съ восточной стороны менѣе высокими, чѣмъ съ западной. Изъ-за ближнихъ горъ западной стороны двумя массами высятся на фонѣ неба, словно черныя тучи, болѣе высокія горы. Эти послѣднія составляются двумя хребтами: *Кухъ-и-Пейтэки* и *Кухъ-и-Рогини*, который располагается за первымъ и имѣетъ бо̀льшее протяженіе къ югу. Подошвы этихъ горъ загорожены болѣе низкимъ хребтомъ *Кухъ-и-Ляхшакъ.*

Вскорѣ встрѣчаемъ русло плоскоберегой, теперь сухой, соленой рѣчки *Рудъ-и-Шуръ* или *Шуръ-абъ*, заросшей по берегамъ тамариксомъ; по имени ея названъ южный перевалъ *Міанъ-базара*. Нѣкоторое время мы слѣдуемъ вверхъ по ея уклону, затѣмъ пересѣкаемъ ее и, забирая въ восточную сторону, дѣлаемъ небольшой перевалъ среди низкихъ холмовъ. За переваломъ, съ котораго видна на югѣ и юго-востокѣ обширная равнина, мы вскорѣ встрѣчаемъ мѣсто, богатое родниками, — *Лянгеръ-и-Султанъ*; еще немного — и намъ попадается прудикъ, окруженный тамариксовыми кустами; здѣсь Нукъ-Бэнданъ объявляетъ мнѣ, что караванъ прибылъ въ *Дузъ-абъ*; я разстилаю коверъ, валюсь на него и засыпаю какъ мертвый, такъ какъ уже много дней подрядъ мнѣ не удавалось выспаться въ волю.

Дузъ-абъ представляетъ урочище, имѣющее видъ котловины, которая протянулась съ ЗСЗ. на ВЮВ.; въ этомъ направленіи дно его имѣетъ не менѣе 25 верстъ. Поверхность понижается къ сѣверу и сѣверо-востоку, гдѣ залегаютъ мягкія почвы, удобныя для обработки, и гдѣ имѣется вода. Подъ названіемъ *Дузъ-абъ* собственно разумѣютъ именно эти части котловины. Восточная граница урочища составляется хребтомъ *Пирянъ-кухъ*, за которымъ поднимается высокій хребетъ *Кача-кухъ*; юго-восточ-

ная — отрогами хребта *Кухъ-и-Каргаръ*; южная — невысокими цѣпями: *Кухъ-и-Бэйдакъ* и *Кухъ-и-Корги-Харъ*, за которыми вдали виднѣются горы *Батамаръ*; юго-западная — отрогами хребтовъ: *Кухъ-и-Джикули* и *Кухъ-и-Туутъ*; западная — хребтомъ *Кухъ-и-Ляхiшакъ*, а также отрогами хребтовъ: *Кухъ-и-Пэйтеки* и *Кухъ-и-Рогини*. Сѣверная граница образуется сравнительно невысокими горными массами, лежащими къ югу и юго-западу отъ *Ларъ-кухъ* и представляющими частью восточные отроги Міанъ-базарскихъ горъ, частью самостоятельныя поднятія.

На сѣверной своей окраинѣ *Дузъ-абъ* образуетъ три прорыва, черезъ которые проходитъ столько же водостоковъ, въ зимнее время несущихъ воду въ *Заминъ-и-Шилэ*; эти водостоки составляются частью изъ мѣстныхъ водостоковъ урочища, частью изъ тѣхъ, которые начинаются далеко на юго-западѣ отсюда, именно на водораздѣльныхъ высотахъ верховьевъ русла *Рудъ-и-Маги*, которая принадлежитъ уже бассейну пустыни *Дештъ-и-Лутъ*. Западный водостокъ составляется вышеупомянутою пересыхающею соленою рѣчкою *Рудъ-и-Шуръ*; въ ней мы уже не застали воды; ширина ея доходитъ до 25 шаговъ (въ предѣлахъ урочища); берегà бòльшею частью пологіе и только въ немногихъ мѣстахъ образуютъ невысокіе яры; она отдѣляетъ *Міанъ-базарскій* горный отрогъ отъ самостоятельнаго поднятія *Кухъ-и-Дузъ-абъ*, лежащаго отъ него къ юго-востоку. Средній водостокъ повидимому самый сильный. Онъ начинается въ мѣстѣ, называемомъ *Лянгеръ-и-Султанъ* и, имѣя сначала видъ соленоводной рѣчки, пробивается къ сѣверо-востоку по ущелью, ведущему сквозь *Кухъ-и-Дузъ-абъ*. *Ляңгеръ-и-Султанъ* находится у южнаго края этихъ послѣднихъ горъ и принимаетъ въ себя нѣсколько водостоковъ, имѣющихъ солонцеватое, мѣстами сырое русло, по берегамъ поросшее кустами тамарикса. Это мѣсто состоитъ изъ рыхлой глины, часто солонцеватой и хрустящей подъ ногами, часто вспученной невысокими сопками; изъ нея бьетъ множество родниковъ: одни съ прѣсною, холодною и вкусною водою, другіе съ со-

лоноватою, третьи съ горьковато-соленою. Около этихъ родниковъ находится густѣйшая заросль высокоствольнаго тамарикса, черезъ которую во многихъ мѣстахъ едва-едва пролѣзешь. Родники образуютъ ручей среди маленькаго, иногда болотистаго луга, заросшаго густою травою вродѣ куги, но очень низенькою; мѣстами— заросли колючаго камыша. Выйдя изъ тамариксовой чащи, этотъ ручей несетъ воду на тысячу или на полторы тысячи шаговъ и затѣмъ спускается уже сухимъ русломъ [1]) среди дикихъ, пустынныхъ и непривѣтливыхъ горъ; онѣ сложены изъ крѣпкихъ сланцевъ, прикрытыхъ конгломератомъ, который состоитъ какъ изъ весьма мелкихъ, такъ и очень крупныхъ округлыхъ зеренъ, достигающихъ до 15 пудовъ вѣсу. Невдалекѣ къ юго-востоку отъ *Лянгеръ-и-Султанъ* мы разбили свой станъ. Здѣсь имѣется кяризъ, выведенный съ южной стороны и изливающій свою воду въ небольшой прудъ, изъ котораго по мѣрѣ надобности она расходуется на орошеніе пашенъ (весною — пшеница и ячмень, лѣтомъ и осенью — просо вродѣ туркменской джугары, но не такое высокое) и бакшей. И кяризъ, и прудикъ на берегахъ изобильно поросли тамариксовыми кустами. Вода въ нихъ, несмотря на близость солонцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не только сырые, но даютъ самосадочныя лужи, совершенно прѣсная и вкусная. Третій дузъ-абскій водостокъ беретъ начало изъ нэйзара (нэйзарами называютъ пространства, заросшія камышемъ), представляющаго теперь сухое болото, густо покрытое колючимъ камышемъ; судя по наносамъ, вода въ соотвѣтствующее время года поднимается въ немъ до 4 футовъ въ высоту. Оно располагается у западныхъ предгорій хребта *Пирянъ-кухъ* и имѣетъ вспученную, хрустящую, сильно солонцеватую почву. Вода получается изъ многочисленныхъ водостоковъ, прибѣгающихъ съ юга, и сливается почти прямо къ сѣверу между *Пирянъ-кухъ* и *Кача-кухъ* (съ восточной стороны) и *Кухъ-и-Дузъ-абъ* (съ западной).

---

1) Передъ тѣмъ, какъ исчезнуть, вода становится горько-соленою, абсолютно непригодною къ употребленію.

Всѣ три водостока, по устнымъ свѣдѣніямъ, соединяются въ одинъ, который, пробѣжавъ долиною между *Ларъ-кухъ* и *Кача-кухъ*, выходитъ въ *Заминъ-и-Шилэ*; по пути онъ принимаетъ въ себя главный водостокъ мѣста *Міанъ-базаръ*.

У восточной окраины нэйзара около подножій *Пирянъ-кухъ* имѣются родники, разработанные ямами. Вода прѣсная и вкусная, но къ сожалѣнію теплая: въ 12 часовъ дня 15 іюня при 39° Ц. въ воздухѣ ея температура равнялась 29° Ц. Родники и колодцы имѣются также еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ у сѣвернаго и сѣверо-западнаго края нэйзара, но тамъ я не успѣлъ побывать.

На нѣкоторыхъ картахъ, рядомъ съ *Дузъ-абъ* и къ сѣверо-западу отъ него, обозначается мѣсто *Чамагъ*. На самомъ дѣлѣ его здѣсь не имѣется и оно находится не ближе 30 верстъ къ западу отъ *Дузъ-абъ*, гдѣ-то между хребтами *Кухъ-и-Рогини* и *Чахъ-Ибрагими-кухъ*. На тѣхъ-же картахъ, къ западу отъ описываемаго мѣста, нанесена гора подъ названіемъ *Кухъ-и-Тафтанъ*. Подъ тѣмъ-же названіемъ на нихъ нанесена гора къ юго-востоку отъ *Дузъ-абъ*, около города *Чахъ-Амиръ* и къ югу отъ *Заминъ-и-Шилэ*. Это тоже большая неточность, къ которой со временемъ я вернусь; пока же замѣчу, что въ указанныхъ мѣстахъ такихъ горъ не имѣется.

Почва дузъ-абской котловины плотная супесчаная, мѣстами, особенно ближе къ сѣверному краю, къ которому мѣстность понижается, такырная и солонцеватая. Ближе къ горамъ она становится щебнистою, а въ западныхъ частяхъ мѣстами густо усыпается бѣлою галькою, вслѣдствіе чего издали становится похожею на солонцы. Растительность составляется саксауломъ, бòльшею частью имѣющимъ печальнѣйшій видъ, такъ какъ деревья либо засохли, либо едва-едва влачатъ свое существованіе, и множествомъ какихъ-то сѣровато-зеленыхъ кустовъ, пыльныхъ и покрытыхъ маленькими сочными листьями. Въ восточной части котловины имѣются слабо-бугристые, бòльшею частью сильно цементированные, пески, поросшіе 6—7 видами неприглядныхъ

растеній и тѣмъ-же саксауломъ, имѣющимъ здѣсь кустарную форму и небольшой ростъ (футовъ въ 5—6). Печальны, скучны и непривѣтливы равнины и ближайшія горы *Дузъ-аба*! Жарко на нихъ при горячемъ, сухомъ вѣтрѣ, который въ лѣтнее время стихаетъ лишь на самое непродолжительное время.

Животный міръ не отличается разнообразіемъ, и я приходилъ въ отчаяніе, получая, несмотря на адскіе труды, самые ничтожные результаты. Почти за два дня дѣятельнаго коллектированія мы собрали только небольшое количество насѣкомыхъ и другихъ безпозвоночныхъ животныхъ. Изъ птицъ наблюдались слѣдующіе виды: степные рябки (часто Pterocles coronatus, гораздо рѣже Pt. arenarius), авдотки (Oedicnemus crepitans), бродячій экземпляръ кулика-черныша (Totanus ochropus), нѣсколько штукъ зуйковъ (Aegialites curonicus), въ небольшомъ количествѣ каменныя и пустынныя куропатки (Caccabis chukar var. и Ammoperdix bonhami), тройка болотныхъ улитовъ (Totanus stagnatilis), жаворонки хохлатые (Galerita magna) и пустынные (Ammomanes phoenicuroides), обыкновенныя и пустынныя ласточки (Hirundo rustica и Ptyonoprogne obsoleta), два вида чекановъ (Saxicola albonigra и S. deserti), черноспинныя и желтоголовыя трясогузки (Budytes melanocephala и B. citreolloides), сорокопуты (Lanius fallax), козодои (Caprimulgus aegyptius), камышевые соловьи (Aëdon familiaris), пѣночки (Iduna rama), рѣдко славки (Sylvia aralensis), часто скотоцерки (Scotocerca inquieta), суи (Chatorhea huttoni), очень часто пустынные вороны (Corax umbrinus) и стервятники (Percnopterus stercorarius), ягнятники (Gypaëtos barbatus) и совки (Scops brucei var.). Изъ ящерицъ я видѣлъ и собралъ слѣдующіе виды: круглоголовокъ (Phrynocephalus olivieri), Acanthodactylus sp.?, агамъ (Agama sanguinolenta), ящерокъ (Eremias persica, E. guttulata, E. sp.?); на ночной ловлѣ съ фонаремъ мы нашли: тератосцинковъ (Teratoscincus sp.?), кроссобамоновъ (Crossobamon sp.?) и еще какихъ-то гекконовъ. Въ общемъ ящерицы попадались положительно не часто, даже въ пескахъ, на поверхности которыхъ, противъ обык-

новенія, было видно весьма мало ящеричныхъ слѣдовъ. Изъ змѣй мы видѣли только однихъ Psammophis leythi. Изъ амфибій собраны лягушки (Rana sp.?) и жабы (Bufo sp.?). Въ окрестныхъ горахъ попадаются козлы (Capra aegagrus), бараны (Ovis cycloceros) и антилопы, принадлежащія уже южному виду (Gazella fuscifrons). Во всякомъ случаѣ животный міръ здѣшней мѣстности замѣтно разнообразнѣе, чѣмъ въ горахъ, которыми мы пришли сюда изъ *Гурмука*, гдѣ иногда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подрядъ намъ не встрѣчалось, напримѣръ, ни одной птицы.

По устнымъ свѣдѣніямъ, въ разныхъ мѣстахъ урочища *Дузъ-абъ* имѣется около 70—80 белуджскихъ палатокъ, т. е. его населеніе можетъ быть исчислено въ 420—480 человѣкъ. Благодаря сравнительному обилію воды, это урочище можетъ служить немаловажнымъ этапомъ по пути слѣдованія изъ *Сеистана* въ глубь страны *Саргадъ* и персидскаго Белуджистана. Колесное движеніе изъ *Сеистана* по описанному мною пути при современномъ его состояніи не представляетъ серьезныхъ затрудненій, по крайней мѣрѣ въ лѣтнее время года; дороги могутъ быть приведены въ надлежащій видъ во время движенія и съ затратою самаго незначительнаго труда. Раннею весною въ *Дузъ-абѣ*, какъ говорятъ, есть подножный кормъ для лошадей; лѣтомъ онъ имѣется въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что не можетъ представлять никакого значенія.

Въ *Дузъ-абѣ* намъ пришлось сверхъ ожиданія пробыть лишній день, такъ какъ двое изъ белуджей, нанятыхъ мною въ Сеистанѣ, заболѣли, и мнѣ пришлось искать новыхъ. Одинъ изъ нихъ, Шадатъ, оказался премилымъ человѣкомъ и дѣятельно помогалъ мнѣ въ коллектированіи.

Съ утра 16 іюня мы сдѣлали переходъ въ 17—18 верстъ, все время поднимаясь и придерживаясь юго-западнаго направленія. Остановились невдалекѣ отъ подножій хребта *Кухъ-и-Бозъ* (часто *Кухъ-и-Бозъ-абъ*, т. е. горы воды дикихъ козловъ) въ безводномъ, но зато чрезвычайно живописномъ мѣстѣ, среди мас-

сивныхъ и тѣнистыхъ фисташковыхъ деревьевъ, въ скалистыхъ горахъ со сравнительно пышной кустарной растительностью.

Дорога прорѣзаетъ дно дузъ-абской котловины. Въ нижней, сѣверной, ея части мы проходимъ саксауловою порослью, въ болѣе южной и высокой — зарослями Zygophyllum, кусты котораго кажутся совершенно засохшими. По встрѣчнымъ водостокамъ мѣстами попадаются цѣлыя чащи «котуръ», и наши верблюды рвутся къ нимъ ради ихъ ярко-розовыхъ пузырьчатыхъ плодовъ и заключающихся въ этихъ послѣднихъ 2—4 сѣмянъ. Пройдя равнину и уже значительно по ней поднявшись, мы входимъ въ узкую долину и слѣдуемъ вверхъ по ея склону. Поверхъ щебнистой почвы дно ея покрыто легкими и нѣжными песками, надутыми сѣверными и сѣверо-восточными вѣтрами. Растительность кустарная, довольно богатая, но кажущаяся засохшею или полузасохшею. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились высохшіе нѣжные злаки. Весною здѣсь должно быть очень хорошо. Въ горахъ довольно обыкновенна фисташка (у белуджей «гъуанъ», у персовъ Бампура и Нармешира «ханджакъ», у персовъ Хорасана «бэна») и различные кусты, сбросившіе листву и быть можетъ находящіеся въ состояніи лѣтней спячки. Справа эта долина ограничена предгорными цѣпями хребтовъ *Кухъ-и-Рогини* и *Кухъ-и-Туутъ*, за которыми виднѣется хребетъ *Чахъ-Ибрагими-кухъ*; слѣва — невысокими цѣпями, идущими параллельно хребту *Кухъ-и-Джикули*, который поднимается за ними. Поднявшись по долинѣ и по водостоку, по ней спускающемуся, мы совершенно неожиданно подходимъ къ другому водостоку, дно котораго загромождено каменными глыбами (много состоящихъ изъ сѣраго гранита) и заросло тамариксомъ, фисташкой и какими-то кустами двухъ или трехъ видовъ. Онъ спускается съ хребта *Кухъ-и-Бозъ-абъ* къ сѣверо-востоку и, соединившись съ водостокомъ, идущимъ между хребтомъ *Кухъ-и-Джикули* и вышеупомянутою параллельною этому послѣднему горною цѣпью, идетъ черезъ котловину *Дузъ-абъ* къ мѣсту *Лянгеръ-Султанъ*. Между *Кухъ-и-Джикули* на востокѣ и главными массами *Кухъ-и-Бозъ-абъ* на западѣ залегаетъ

каменистое плоскогоріе, по которому разбросаны одиночные, относительно невысокіе цѣпи и холмы изъ сѣраго гранита. Его растительность сравнительно богатая, преимущественно кустарная, но зелени, не считая тамариксовъ и фисташекъ, почти совсѣмъ не видно, такъ какъ листва бо̀льшею частью уже давно опала. Тамъ и здѣсь на днища водостоковъ навѣяны съ сѣвера пески, которые весеннею водою будутъ снесены обратно въ котловину *Дузъ-абъ*.

Устроивъ станъ и напившись чаю, я отправился на экскурсію и почти сейчасъ же наловилъ въ гранитныхъ скалахъ какихъ-то гекконовъ (Gymnodactylus), до того еще не наблюдавшихся и вѣроятно относящихся къ новому, нигдѣ не описанному, виду. На радостяхъ я присѣлъ подъ высокій кустъ Amygdalus'а, чтобы отдохнуть и кстати выкурить папиросу; едва только клубъ табачнаго дыма сталъ подниматься сквозь кустъ, какъ одна изъ его до того неподвижныхъ вѣточекъ вдругъ какъ-бы ожила, задвигалась и превратилась въ любопытное насѣкомое изъ семейства «странствующихъ сучковъ» (Phasmidae). И я радуюсь своей добычѣ, забываю усталость и снова карабкаюсь по горамъ, чтобы познакомиться съ ихъ животными и найти что-нибудь интересное. Наивысшія вершины хребта *Кухъ-и-Бозъ-абъ* возвышаются надъ мѣстомъ нашей стоянки (оно опредѣлено мною гипсометрически и барометрически), какъ мнѣ показалось, не меньше чѣмъ на $2^1/_2$ тысячи футовъ. Эти горы напластаны на фундаментъ изъ сѣраго гранита; ихъ южные и западные склоны круты и скалисты. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ имѣются въ нихъ родники, дающіе воду въ ничтожномъ количествѣ, но зато превосходнаго вкуса. По склонамъ часто замѣчались довольно густыя кустарныя заросли и еще не посохшія кормовыя травы. По словамъ дузъ-абскихъ белуджей, въ прежніе годы здѣсь было больше родниковъ, и они давали больше воды, чѣмъ нынѣ.

Переходъ къ мѣсту *Мазель-абъ*, сдѣланный нами 17 іюня, имѣетъ всего 7 верстъ. Путь идетъ къ югу по долинѣ между хребтомъ *Кухъ-и-Джикули* на востокѣ и скалистою цѣпью на

западѣ. Здѣсь мы встрѣтили настоящую дорогу изъ *Дузъ-аба* въ урочище *Куринъ*; вчера же сдѣлали кругъ, ради корма верблюдовъ, и шли частью тропами, ведущими на горныя пастбища, частью прямо цѣликомъ. Почва этой долины составляется камнемъ и тяжелымъ, грубымъ пескомъ, образованіе котораго обязано разрушенію гранита ближайшихъ горъ. Ея растительность состоитъ изъ пышныхъ и густыхъ кустовъ «котуръ» и нѣкоторыхъ горныхъ растеній; весною здѣсь должно быть много кормовой травы. У южнаго окончанія хребта *Кухъ-и-Джикули* дѣлаемъ плоскій, мало замѣтный перевалъ и вскорѣ выходимъ въ котловину, имѣющую весьма извилистую конфигурацію и въ общемъ склоняющуюся отъ хребта *Кухъ-и-Бозъ-абъ* къ востоку. Съ юго-юго-западной стороны въ нее спускается широкая долина, въ которой расположено урочище *Харнэ*, но о немъ послѣ. Верхнія части котловины, особенно ближе къ горамъ, имѣютъ пышную кустарную растительность. Вскорѣ послѣ выхода на нее, мы встрѣчаемъ каменистую лощину, спускающуюся къ юго-востоку и затѣмъ сворачивающуюся на сѣверо-востокъ. Она-то и извѣстна подъ названіемъ *Мазель-абъ*. На картахъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, такого названія нѣтъ. Впрочемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, приблизительно въ мѣстѣ расположенія *Мазель-абъ*, нанесено мѣсто *Монайлагъ*, которое ни въ *Дузъ-абъ*, ни въ урочищѣ *Куринъ*, однако, не извѣстно; вѣроятно оно есть испорченное названіе именно описываемаго мѣста.

По дну мазель-абской лощины имѣется нѣсколько родниковъ, разработанныхъ въ неглубокія ямы; изъ нихъ три самыхъ большихъ дѣйствуютъ круглый годъ, остальные же уже къ срединѣ лѣта почти совсѣмъ пересыхаютъ. Вода прѣсная и вкусная, при опорожненіи ямъ скоро набѣгающая. При 29° Ц. въ воздухѣ въ 7 ч. вечера ея температура равнялась 21°. Выше того мѣста, гдѣ лощина пересѣкается дорогою, ея берега составлены гранитными выступами и глыбами, при чемъ камень находится въ сильной степени разрушенія и легко ломается пальцами; вода и вѣтеръ образовали въ немъ множество трещинъ, выбоинъ и пеще-

рокъ, въ которыхъ въ очень большомъ числѣ обитаютъ вышеупомянутые гекконы (Gymnodactylus sp. n.?). Окрестная мѣстность имѣетъ грубую, песчаную, тяжелую почву, усыпанную крупнымъ камнемъ и изобильно поросшую кустарниками.

На слѣдующій день, 18 іюня, мы прошли въ урочище *Харнэ*, до котораго около 8 верстъ. Общее направленіе пути юго-юго-западное, а дорога все время медленно поднимается. Эта послѣдняя слѣдуетъ по вышеупомянутой долинѣ, которая, то съуживаясь, то расширяясь, открывается на широко-волнистую площадь, ограниченную горами. Почва все время тяжело-песчаная, усыпанная камнемъ. Растительность кустарная, весьма пышная на водобѣгахъ и несравненно болѣе бѣдная по перекатамъ между ними; весною, какъ видно, здѣсь бываетъ много травы, годной для лошадей; эта трава теперь вся посохла и даже въ засохшемъ видѣ уцѣлѣла лишь кое-гдѣ, такъ какъ здѣшніе сильные вѣтры уже давно ее растрепали и разломали. По пути переходимъ черезъ широкій водостокъ, сбѣгающій съ юго-западной стороны и идущій болѣе или менѣе параллельно мазель-абской лощинѣ; онъ густо зарось кустами «котуръ» и тамариксомъ. За нимъ располагается еще одинъ водостокъ, болѣе широкій и сильный; онъ склоняется съ той-же юго-западной стороны и, повидимому, идетъ издалека.

Перейдя черезъ него, мы встрѣчаемъ небольшую низину съ соленоводными мелкими плесами на гранитномъ и конгломератовомъ днѣ, съ сухими болотцами, которыя заросли колючимъ камышомъ и жесткой осокой, и съ тамариксовыми зарослями. Невдалекѣ отсюда находимъ нѣсколько сильныхъ родниковъ съ солоноватою, но для питья достаточно пригодною водою; они бьютъ изъ-подъ плоскаго, рыхло-глинистаго бугра, около котораго лежитъ сухое болото, на сильно солонцеватой почвѣ заросшее камышомъ и тамариксомъ. Это мѣсто составляетъ центръ урочища *Харнэ*, и здѣсь мы останавливаемся. Урочище *Харнэ* (*Гарна́*, *Харна́*) находится на сравнительно небольшомъ, но высокомъ плоскогоріи, склоняющемся къ сѣверо-востоку по направленію къ *Дузъ-абъ*; горизонтъ его со всѣхъ сторонъ окруженъ

горами. Если разсматривать ихъ отъ мѣста стоянки, то мы увидимъ: къ сѣверу и слегка къ западу — хребты *Кухъ-и-Бозъ-абъ* и *Кухъ-и-Джикули*; къ сѣверо-сѣверо-востоку — хребты *Кухъ-и-Раду-Чаги* («горы дороги съ двумя колодцами») и *Кухъ-и-Али-Мамуль*; прямо на западѣ, вдали, — хребетъ *Шаандакъ-Кухъ*; на западо-юго-западѣ — очень высокій хребетъ *Куйгу* (? *Кухъ-и-агу*), который будетъ не ниже чѣмъ *Кухъ-и-Бозъ-абъ*; на востокѣ виднѣются относительно невысокія возвышенности той сильно поднятой горной страны, которая простирается отсюда къ хребтамъ *Кача-Кухъ* и *Кухъ-и-Мирджава*. Съ южной стороны урочища залегаетъ возвышенность, на которой лежитъ перевалъ *Чадаги* (*Чахъ-даги*). Невдалекѣ отъ мѣста стоянки, къ юго-юго-востоку, одинокимъ и сравнительно большимъ островомъ поднимается высокій бугоръ съ плоскою, какъ столъ, вершиною и съ весьма крутыми, часто совершенно отвѣсными склонами, нижнія части которыхъ бѣлѣютъ выпариною соли; у его подошвы залегаютъ солонцы. По обѣимъ сторонамъ бугра, съ западной и восточной стороны, идетъ съ юга по водостоку; они соединяются другъ съ другомъ у мѣста расположенія родниковъ въ одно русло, которое бѣжитъ на сѣверо-востокъ и принимаетъ съ лѣвой стороны лощину *Мазель-абъ* съ тѣми двумя водостоками и солонцеватою низиною, которые попались намъ на пути въ *Харнэ*; дойдя до южнаго окончанія хребта *Кухъ-и-Джикули*, это русло оставляетъ его съ западной стороны и, пройдя вышеупомянутыми горами *Кухъ-и-Корги-Харъ*, выходитъ въ котловину *Дузъ-абъ* къ мѣсту *Лянгеръ-Султанъ*. У мѣста расположенія родниковъ имѣется устье еще третьяго водостока, спускающагося съ юго-запада. Ширина общаго русла, которое имѣетъ отлично выработанные, мѣстами высокіе и даже отвѣсные, берега, въ нѣсколькихъ верстахъ внизъ по его склону достигаетъ до 150 шаговъ. Въ верхней своей части его дно изобилуетъ мелкими плесами соленой воды, частью стекающей изъ родниковъ, частью тамъ и здѣсь пробивающейся изъ его грунта. Къ сѣверо-востоку отъ мѣста стоянки, менѣе чѣмъ въ верстѣ разстоянія, отчасти заго-

раживая хребетъ *Али-Мамуль-Кухъ*, располагается нѣсколько одинокихъ и скалистыхъ холмовъ, выстроенныхъ изъ сѣраго гранита, который когда-то былъ прикрытъ другими, теперь разрушившимися и исчезнувшими, горными породами.

Я предполагалъ выйти изъ *Харнэ* поздно ночью, чтобы двойнымъ переходомъ пройти черезъ колодцы *Галь-и-Чахъ* къ колодцамъ *Дакъ-и-До*, но это намъ не удалось, и вотъ по какому случаю. Вскорѣ послѣ того, какъ мы расположились на вечерній отдыхъ, я услышалъ около вьюковъ какое-то движеніе и замѣтилъ, при свѣтѣ луны и яркихъ звѣздъ, какъ мнѣ показалось, человѣческую голову, по временамъ поднимавшуюся надъ вьючными ящиками и чувалами. Нѣсколько секундъ спустя, къ ней присоединилась еще одна. Тогда я осторожно подползъ къ белуджу Шадатъ и разбудилъ его. Въ свою очередь замѣтивъ подозрительный предметъ, онъ прошепталъ: «дузъ» (воръ) и выстрѣлилъ въ него. Громъ выстрѣла поднялъ людей: всѣ схватились за ружья и сабли и вскочили на ноги; но на мѣсто разбойниковъ мы увидали двухъ дикобразовъ, изъ которыхъ одинъ улепетывалъ съ большою для этого животнаго скоростью, а другой съ ногою, пробитою пулею, вертѣлся на мѣстѣ. Препарированіе убитаго звѣря задержало насъ до утра, и потому на слѣдующій день мы прошли только до колодцевъ *Галь-и-Чахъ*, сдѣлавъ 17 верстъ.

Общее направленіе пути юго-юго-западное и южное. Дорога поднимается по долинѣ, принимающей видъ полынной степи и изобилующей водостоками; уже издали они обозначаются тамариксовыми и котуровыми зарослями и съ разныхъ сторонъ долины сбѣгаютъ къ тремъ главнымъ русламъ урочища *Харнэ*. По обѣимъ сторонамъ долины поднимаются относительно невысокіе холмы и короткія цѣпи съ мягкими степеподобными склонами, съ поверхности которыхъ лишь изрѣдка выступаетъ камень основныхъ породъ. Почва становится грубо-песчано-глинистою и усыпается мелкимъ камнемъ и щебнемъ. Въ таковомъ видѣ представляется мѣстность на разстояніи 8 верстъ до перевала *Годаръ-и-Чахъ-даги*, который возвышается надъ *Харнэ* не болѣе чѣмъ

на 500—600 футовъ. Непосредственно передъ нимъ залегаютъ небольшіе солонцы и солонцеватые участки почвы. Ближайшія высокія горы, именно *Кухъ-и-Куйгу*, остаются направо и нѣсколько позади. Подъемъ и спускъ пологи и не представляютъ никакихъ затрудненій. Непосредственно за переваломъ дорога спускается по водостоку, принадлежащему, какъ и всѣ окрестные, уже къ бассейну пустыни *Лутъ*, именно руслу *Рудъ-и-Маги*; онъ довольно густо заросъ тамариксомъ и котуромъ, вьется среди безплодныхъ невысокихъ возвышенностей и черезъ нѣкоторое время, уже сильно развившись, уклоняется отъ дороги и сворачиваетъ въ юго-западную сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выходимъ на просторное плоскогоріе, которое полого склоняется къ югу и юго-западу и по супесчаной своей почвѣ покрывается щебнемъ и изобильно порастаетъ полынью, замершимъ безлиственнымъ Zygophyllum и кое-какими другими кустиками; весною здѣсь развивается довольно густой покровъ изъ нѣжныхъ злаковъ, которые, по словамъ белуджей, служатъ хорошимъ кормомъ для лошадей, катеровъ и ишаковъ. По лицу плоскогорія разбросаны относительно невысокіе холмы и цѣпи, имѣющіе мягкія очертанія и степеподобные склоны. Почти прямо на югѣ высится темный, остроконечный холмъ *Сія-Джикъ*; за нимъ по водостоку, верстахъ въ десяти отъ нашей дороги, имѣются колодцы *Чахъ-и-Талаpакъ* съ не особенно хорошею водою. Есть колодцы и къ западу отъ насъ, за невысокою холмистою цѣпью и ближе, чѣмъ *Сія-Джикъ*; ихъ мнѣ называли какъ *Доро-и-чаги*. Дорога пролегаетъ степною мѣстностью по плоскому водораздѣлу между двумя большими водостоками, густо заросшими тамариксомъ. Около праваго, т. е. западнаго, водостока степь открываетъ плоскіе выступы красноватыхъ, красно-желтыхъ и охристо-желтыхъ сланцевъ, около которыхъ она на большомъ пространствѣ усыпана ихъ обломками; вѣроятно въ не особенно отдаленное время здѣсь существовалъ каменистый холмъ, который теперь разрушился; около имѣется нѣсколько солонцовъ, а по дну водостока — маленькихъ сухихъ болотцевъ.

Отъ мѣста соединенія обоихъ водостоковъ, оставляя *Сія-Джикъ* къ востоку отъ себя и нѣсколько къ сѣверу, мы идемъ по общему ихъ руслу, затѣмъ оставляемъ его влѣво и, сдѣлавъ перевалъ черезъ степную возвышенность, снова спускаемся къ нему. Здѣсь онъ находится уже въ узкой долинѣ, лежащей среди невысокихъ холмовъ; дно ея песчаное, а самъ водостокъ разбитъ на нѣсколько протоковъ, весьма изобильно заросшихъ котуромъ и тамариксомъ; невдалекѣ отъ одного изъ нихъ располагаются колодцы *Галь-и-Чахъ*.

Эти колодцы представляютъ нѣсколько ямъ, изъ которыхъ только одна имѣетъ воду. Она сильно солоновата, но для питья пригодна; сразу можетъ дать около 50 ведеръ, но набѣгаетъ довольно медленно. Окрестности отличаются крайнимъ уныніемъ и весьма небогатымъ животнымъ міромъ.

На сѣверѣ и сѣверо-сѣверо-западѣ отъ *Галь-и-Чахъ* виднѣются высокія горы, именно: *Куйгу*, мимо которыхъ мы прошли у перевала *Чахъ-даги*, и, къ югу отъ нихъ и имъ болѣе или менѣе параллельно, *Маликъ-Зіаретъ-чахъ*, у подножія которыхъ есть прѣсноводный колодезь того-же наименованія. Въ сѣверо-западной сторонѣ, изъ-за ближнихъ степеподобныхъ горныхъ цѣпей, вдали чернѣетъ вершина невысокихъ горъ *Кухъ-и-Джуанталь*; около нихъ по руслу того водостока, который мы оставили по спускѣ съ перевала *Чахъ-даги* на западѣ, имѣются колодцы съ прѣсною водою — *Чахъ-и-Джуанталь*. На западѣ, сквозь прорывъ, образуемый галь-и-чахскою долиною, высится хребетъ, извѣстный подъ общимъ названіемъ *Бандъ* (на картахъ *Безебандъ-Бандъ*). Собственно же долина спускается къ юго-западу и открывается на равнины, прилежащія къ урочищу *Куринъ*.

На слѣдующій день, 20 іюня, мы прошли въ два перехода въ урочище *Куринъ*, жаркіе часы дня проведя въ мѣстѣ, называемомъ *Дакъ-и-До*, до котораго отъ колодцевъ *Галь-и-Чахъ* я считаю около 10 верстъ.

Дорога оставляетъ галь-и-чахскую долину и направляется почти прямо на югъ черезъ степные увалы. Переваливъ черезъ

нихъ, выходимъ на степную равнину, сильно изрѣзанную широкими плоскоберегими водостоками, которые склоняются къ юго-западу и западу и впадаютъ въ долину колодцевъ *Галь-и-Чахъ*. Степь имѣетъ каменистую почву; она поросла полынью, Zygophyllum, теперь совсѣмъ обнаженнымъ и кажущимся засохшимъ, и колючими кустами нѣкоторыхъ другихъ растеній; по водостокамъ — обычная растительность, болѣе или менѣе пышная. Перейдя ее поперекъ, мы дѣлаемъ еще перевалъ черезъ невысокія холмистыя гряды и спускаемся на новую степеподобную же, мѣстами песчаную равнину, которая, подобно предыдущей, изрѣзана широкими плоскими водостоками, направляющимися въ тѣ же юго-западную и западную стороны, но уже оканчивающимися непосредственно въ урочищѣ *Куринъ*; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ до 250 шаговъ въ ширину. Съ юго-восточной стороны она ограничена невысокими, но часто скалистыми и мало доступными каменистыми горами. У сѣверныхъ ихъ подножій лежитъ мѣсто *Дакъ-и-До*, названное по имени двухъ группъ колодцевъ, находящихся невдалекѣ одна отъ другой и лежащихъ у лѣваго берега широкаго водостока. Мы остановились около *Дакъ*, имѣя *До* къ ВСВ. отъ себя.

Въ *Дакъ* имѣется нѣсколько колодцевъ, въ видѣ мелкихъ ямъ, съ отвратительною, тошнотворною, застоявшеюся водою, въ двухъ изъ нихъ — красною, какъ кровь; кромѣ того — маленькій кяризъ, выведенный въ крошечный прудикъ; вода въ немъ хорошая. Около — густая тамариксовая заросль. Мѣсто *До* въ свою очередь имѣетъ и кяризъ, и колодцы, при чемъ также вода кяриза несравненно лучше, чѣмъ въ колодцахъ. Въ близьлежащихъ горахъ, благодаря близости воды, во множествѣ живутъ куропатки-какелики (Caccabis chukar var.). Въ короткое время я настрѣлялъ ихъ столько, что вдосталь накормилъ всѣхъ людей своего каравана. Къ прудику съ громкими криками прилетаютъ по утрамъ на водопой большіе табуны степныхъ рябковъ (Pterocles coronatus), которые также представляютъ вкусную дичь, добываемую безъ всякаго труда.

Изъ *Дакъ-и-До* ведетъ дорога въ *Ляадисъ*, по которой, какъ мнѣ говорили, имѣются слѣдующія манзели:

1. *Чахъ-и-Гуникъ* (*Чахъ-и-Гурикъ?*); хорошая вода и изобильный кормъ для верблюдовъ.

2. *Чахъ-и-Диразъ*; хорошая вода; кормовъ для верблюдовъ мало.

3. *Діизукъ* (*Деезукъ*); очень хорошая вода; весною имѣется подножный кормъ для лошадей и всегда для верблюдовъ.

Отъ *Дакъ-и-До* до урочища *Куринъ* можно считать около 20 верстъ. Обогнувъ холмъ, подъ которымъ находится *Дакъ*, идемъ все время въ ЗЮЗ. направленіи, постепенно опускаясь и все время имѣя на виду хребетъ *Бандъ*. Дорога проходитъ обширною равниною съ щебнистою, мѣстами песчаною почвою. Съ восточной стороны равнина стѣснена короткими горными цѣпями, вродѣ дакъ-и-дохской, то выбѣгающими на нее своими окончаніями, то слѣдующими болѣе или менѣе параллельно нашему пути. Она открыта очень широко къ сѣверо-западу и съ этой стороны горизонта позволяетъ видѣть верхнія области горъ, соединяющихъ, какъ кажется издали, хребетъ *Бандъ* съ высокими горами, лежащими къ юго-западу отъ урочища *Дузъ-абъ*. Растительность представлена полынью, Zygophyllum и кустами различныхъ колючихъ растеній; по многочисленнымъ водостокамъ, которые мы переходимъ, — порою весьма пышная и состоящая изъ «котура».

Отъ урочища Куринъ къ г. Базманъ

(20 — 29 іюня).

Урочище *Куринъ* представляетъ равнину, которая окружаетъ болото, густо заросшее камышемъ и въ настоящее время года почти совсѣмъ сухое. Зимою и весною въ него изливается масса воды, стекающей съ весьма обширнаго района (на востокъ почти до потухающаго вулкана *Кухъ-и-Тафтанъ*). Избытокъ водъ сли-

вается въ водостокъ, составляющій одно изъ началъ русла *Рудъ-и-Маги*, которое, какъ извѣстно, оканчивается въ соленомъ болотѣ *Шуръ-Гёзъ-Хамунъ* въ большой пустынѣ *Лутъ*. По устнымъ свѣдѣніямъ, часть ихъ стекаетъ къ кочевью *Хейдеръ-абадъ*, къ юго-западу отъ *Гургъ*, и къ мѣсту *Мазаръ-абадъ*, лежащему въ ту-же сторону отъ *Хейдеръ-абадъ*; въ этихъ пунктахъ прежде существовало осѣдлое населеніе, нынѣ же имѣется нѣсколько колодцевъ съ не особенно хорошею водою. Благодаря обилію водъ, весною въ урочищѣ *Куринъ* образуются обширныя пастбищныя пространства, ради которыхъ въ немъ собираются белуджи (изъ племенъ Измаилзаи, Наруи и Брагуи-Мамасани) со своими стадами. Лѣтомъ куринскій нэйзаръ орошается небольшою солено-водною рѣчкою, бѣгущею съ юго-юго-востока; она не имѣетъ сплошного теченія и идетъ небольшими мелководными плесами въ видѣ лужицъ; лѣтомъ вода для употребленія вполнѣ непригодна. Въ той области ея теченія, которая находится передъ нэйзаромъ, бѣлыми площадями лежатъ солонцы, видные уже съ холмовъ *Дакъ-и-До*.

Въ урочищѣ *Куринъ* имѣется нѣсколько колодцевъ съ слегка солоноватою водою, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ концу лѣта она солонѣетъ настолько, что становится негодною для питья. Есть небольшой каризъ съ солоноватою же водою; онъ орошаетъ весьма скудныя пашни. Окрестная равнина представляетъ во многихъ мѣстахъ большія и малыя площади съ грубо-песчаною почвою, покрытою мелкимъ камнемъ и абсолютно лишенною какой-бы то ни было растительности. Въ настоящее время года *Куринъ* имѣетъ значеніе только какъ мѣсто, гдѣ можно достать воду (бо̀льшая часть белуджей уже откочевала въ горы; вскорѣ должны были уйти послѣдніе), но зимою и весною онъ можетъ имѣть немаловажное значеніе въ стратегическомъ и вообще въ военномъ отношеніи.

Черезъ *Куринъ*, по разспросамъ, проходитъ нѣсколько дорогъ, изъ которыхъ слѣдуетъ указать на нижеслѣдующія.

1. Дорога, сдѣланная нами изъ Сеистана въ *Базманъ*; до

Куринъ она уже описана, отсюда же къ Базману опишется ниже.

2. Дорога отъ *Кухъ-и-Маликъ-Сія*, по которой имѣются слѣдующія манзели:

Шемидаръ (упомянутый въ предшествовавшихъ страницахъ); хорошая вода; подножный кормъ для верблюдовъ.

Тузги; прѣсный родникъ; подножнаго корма мало.

Шамширъ-апи; слабый прѣсный родникъ; кормъ для верблюдовъ въ достаточномъ количествѣ.

Дыкъ-и-Сія-Мардъ; прѣсный родникъ; всегда кормъ для верблюдовъ; весною въ небольшомъ количествѣ подножный кормъ для лошадей.

Вуалю; слабый прѣсный родникъ, къ осени въ нѣкоторые годы изсякающій; кормовъ мало.

Махмудъ; слабый прѣсный родникъ; кормовъ мало.

Чамагъ; прѣсный родникъ; кормовъ мало.

Пэнджагуштъ; довольно сильные прѣсные родники; въ изобиліи подножный кормъ для верблюдовъ.

Дуймагъ; колодцы съ солоноватою водою, для питья вполнѣ пригодною; кормовъ достаточно.

Робаукъ; колодцы съ такою-же водою; кормовъ мало.

Галюга (на картахъ обозначенъ, именно подъ названіемъ *Галуганъ*); колодцы съ солоноватою водою; кормовъ мало; находится отъ *Куринъ* въ половинѣ дня верблюжьяго хода.

3. Дорога изъ *Куринъ* въ *Ляадисъ* съ манзелями:

Кули-Каргаи; солоноватыя воды; въ изобиліи кормъ для верблюдовъ.

Табахъ; прѣсноводный родникъ и колодцы; кормовъ для верблюдовъ мало.

Чахъ-и-Байянъ; колодцы съ прѣсною водою; кормà въ достаточномъ количествѣ.

Діизукъ (*Деезукъ*?), описанный выше.

4. Дорога изъ *Куринъ* въ *Гургъ* (на большомъ нермеширскомъ пути изъ г. *Керманъ* въ Сеистанъ) черезъ *Галюга*.

5. Дорога изъ *Куринъ* въ страну Нармеширъ (мимо горы *Серкаль*), о которой я еще буду имѣть случай говорить.

Куринъ вмѣстѣ съ нѣсколькими лежащими около него урочищами находится невдалекѣ отъ горнаго поднятія *Бандъ* (на картахъ *Безебандъ-Бандъ*). Это послѣднее раздѣляется на нѣсколько хребтовъ, протянувшихся съ юго-востока на сѣверо-западъ и находящихся въ связи съ тѣмъ поднятіемъ, которое идетъ отъ потухающаго вулкана *Кухъ-и-Тифтанъ* на западъ и составляетъ водораздѣлъ между бассейнами *Шуръ-Гёзъ-Хамунъ* на сѣверѣ и *Хамунъ-и-Самысуръ* на югѣ. Изъ *Куринъ* видны слѣдующіе хребты: *Кухъ-и-Кадакъ* (на юго-западѣ), *Кухъ-и-Шаандакъ*, *Кухъ-Шуръ-и-Шады*, *Кухъ-и-Писурусанъ* и *Кухъ-и-Шӯру*, у восточной подошвы котораго располагается мѣсто *Галюга* съ его солоноватыми водами.

Къ востоку отъ *Куринъ* поднимается группа относительно невысокихъ безплодныхъ горныхъ цѣпей, извѣстныхъ подъ названіемъ *Сурхъ-и-Куринъ-Кухъ*; за нею, къ ВЮВ. отъ *Куринъ* и верстахъ въ 15 отъ него, находится урочище *Кули-Каргаи* съ сухими солоноватыми болотцами и солоноватою водою въ колодцахъ.

Провозившись цѣлый день 21 іюня за сборомъ зоологическаго матеріала,—кстати, онъ далъ самые нищенскіе результаты, такъ какъ въ отношеніи животнаго міра *Куринъ* представляетъ весьма печальную пустыню,—я приказалъ утромъ слѣдующаго дня вьючить караванъ и отправляться въ дальнѣйшій путь. Переходъ къ мѣсту *Шаандакъ*, до котораго можно считать около 17 верстъ, мы были принуждены сдѣлать въ два пріема, такъ какъ одинъ изъ нашихъ верблюдовъ сдохъ уже на пятой верстѣ и намъ пришлось покупать новаго.

Мѣсто, гдѣ случилась эта потеря, называется *Куринъ-и-Серъ-Дженгаль*, или просто *Серъ-и-Дженгаль*. Оно находится къ юго-западу отъ *Керинъ* и сначала составляетъ одно съ нимъ цѣлое, а потомъ отдѣляется невысокою холмистою цѣпью. Въ немъ имѣется соленая плоскоберегая рѣчка, идущая нѣсколькими сырыми рус-

лами, среди кое-гдѣ еще сырого болота, густо заросшаго колючимъ камышемъ; берега руселъ, иногда въ изобиліи, покрыты тамариксовыми зарослями; почва перекатовъ между ними солонцеватая, вспученная, какъ-бы вскипѣвшая и подъ ногами хрустящая, какъ настъ на неглубокомъ снѣгу. Воду можно достать на самой небольшой глубинѣ; иногда она соленая, иногда даже въ самомъ руслѣ почти совсѣмъ прѣсная (по крайней мѣрѣ сначала). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по русламъ протоковъ я видѣлъ роднички соленой воды. Въ *Серъ-и-Дженгалъ* много колодцевъ, но для того, чтобы получить изъ нихъ хорошую воду, необходимо предварительно вычерпать старую и дать набѣжать новой; вслѣдствіе очень сухого воздуха здѣшней страны, вода въ колодцахъ, быстро испаряясь, все болѣе и болѣе концентрируетъ находящуюся въ ней соль и солонѣетъ.

Общее направленіе пути къ мѣсту *Шаандакъ* юго-западное; дорога все время повышается. Оставивъ глубокія части равнины, въ которыхъ располагаются вышеописанныя урочища и гдѣ залегаютъ болѣе или менѣе мягкія песчано-глинистыя, часто солонцеватыя, почвы, снесенныя сюда съ окрестныхъ высотъ, мы подходимъ къ устью водостока, который разсыпался здѣсь на множество руселъ, и направляемся вверхъ по его склону. Растительность скудная; попадаются рѣдкіе, чахлые кусты саксаула. Къ востоку разстилается обширная пустынная равнина; на западѣ горизонтъ закрывается высокими горами, прямо на югъ виднѣются невысокія горныя цѣпи *Шаандакъ*, имѣющія видъ холмовъ, а за ними высятся вершины значительныхъ горъ. Растительность водостока становится все болѣе и болѣе пышною; она состоитъ главнымъ образомъ изъ «котура»; попадается также много такихъ кустарниковъ, которые подъ болѣе сѣверными широтами не наблюдались; часто встрѣчаются кусты высокаго, теперь уже высохшаго злака, называемаго у белуджей «дыль»[1]) и въ свѣжемъ состояніи будто-бы охотно поѣдаемаго

1) Звукъ «ы» этого слова произносится какъ средній между «ы» и «и».

лошадьми. Я, бодро марширую въ нѣсколькихъ верстахъ впереди каравана, зорко поглядываю по сторонамъ, высматриваю подходящую добычу и по пути ловлю насѣкомыхъ. Птичьихъ гнѣздъ по кустамъ видно много, но сами птицы почти отсутствуютъ, перекочевавъ со своими выводками въ горы. Да и нельзя по этому обилію гнѣздъ судить о количествѣ гнѣздившихся птицъ, такъ какъ за большинствомъ осмотрѣнныхъ мною гнѣздъ должна числиться давность нѣсколькихъ лѣтъ, особенно за тѣми, которыя свиты въ непролазныхъ, густыхъ кустахъ «котура». Немного не доходя до вышеупомянутой невысокой холмистой цѣпи, — она сложена изъ крѣпкаго слоистаго песчаника съ кварцевыми прослойками, — дорога оставляетъ водостокъ къ западу и вскорѣ входитъ въ узкую долину, расширяющуюся къ юго-востоку и въ ту-же сторону поднимающуюся. Въ ея узкомъ устьѣ, ближе къ восточнымъ высотамъ, имѣется водостокъ, сбѣгающій сначала въ сѣверо-востоко-сѣверномъ направленіи, а затѣмъ сворачивающій къ сѣверо-западу на низины урочища *Куринъ*, гдѣ и находятся его устья. Въ предѣлахъ долины онъ густо заростаетъ высокими тамариксовыми кустами и составляется изъ двухъ вѣтвей, идущихъ вдоль подножій прилежащихъ высотъ. Въ ложѣ восточной вѣтви находится группа колодцевъ. Это мѣсто и есть *Шаандакъ*.

Колодцы имѣютъ видъ простыхъ неглубокихъ ямъ. Только въ одномъ изъ нихъ имѣется довольно вкусная вода съ замѣтнымъ, однако, солоноватымъ вкусомъ; ее можно получить въ количествѣ 20 ведеръ; въ остальныхъ она вонючая, бурая или красная, какъ кровь. На ЮЮЗ. отъ *Шаандакъ* видны высокія горы *Кухъ-и-Магини* и *Кухъ-и-Кадакъ*, находящіяся въ связи съ горнымъ поднятіемъ *Бандъ*. На юго-востокѣ разстилается обширная равнина.

Мѣста «*Шаандакъ*», обозначеннаго на англійскихъ и русскихъ картахъ къ югу отъ колодцевъ *Чахъ-Ахмедъ*, какъ я убѣдился, въ дѣйствительности не существуетъ; вѣроятно «Шандакъ» упомянутыхъ картъ (на нихъ даже обозначена его абсолютная

высота въ 4460 футовъ) однозначущъ съ описываемымъ мною «*Шаандакъ*», который лежитъ, однако, сѣвернѣе колодцевъ *Чахъ-Ахмедъ*.

Переходъ 23 іюня сдѣланъ въ два пріема: до мѣста *Кале-и-Бидъ* (14 или 15 верстъ) и дальше до урочища *Заптокъ* (10 верстъ). Общее направленіе пути юго-юго-западное. Долина, въ которой располагается урочище *Шаандакъ*, быстро поднимается и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется; почва грубѣетъ, а растительность становится все болѣе и болѣе скудною. Высоты западной ея стороны скоро кончаются, и дорога выходитъ въ широкую долину, непосредственно съ запада ограниченную пустыннымъ хребтомъ *Кухъ-и-Кадакъ*, который здѣсь относительно менѣе высокъ, чѣмъ раньше на сѣверѣ. Поднимаясь по этой долинѣ, мы вскорѣ достигаемъ малозамѣтнаго перевала, съ котораго водостоки уже направляются такъ или иначе въ южную сторону и который покрытъ большими и малыми участками абсолютно безплодной почвы. За переваломъ растительность дѣлается болѣе пышною и разнообразною, сохраняя все тотъ-же кустарный характеръ; по водостокамъ появляются тамариксовыя заросли. Затѣмъ мы спускаемся въ урочище съ мягкою глинистою, мѣстами солонцеватою и иногда вспученною, почвою. Въ немъ находятся колодцы *Ризъ-абадъ*; въ одномъ изъ нихъ вода хорошая, хотя съ слабымъ солоноватымъ вкусомъ, въ другихъ — соленая и затхлая, для питья непригодная. Невдалекѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ по направленію къ востоку, есть еще колодцы съ водою болѣе дурного качества; названіе ихъ я забылъ узнать. Пройдя отъ колодцевъ *Ризъ-абадъ* около 3—3½ верстъ, мы останавливаемся въ урочищѣ *Кале-и-Бидъ*, около колодцевъ того-же названія.

Оно располагается къ востоку отъ хребта *Кухъ-и-Магини* и получаетъ съ его склоновъ нѣсколько водостоковъ. Вода колодцевъ хорошая, но съ замѣтнымъ вкусомъ магнезіи. Растительность этого урочища кустарная, довольно пышная; часто встрѣчаются кусты Zygophyllum, еще не сбросившіе свою листву.

Однако же корма для лошадей попрежнему не имѣется; верблюды же и ишаки находятъ его въ изобиліи.

На юго-юго-западной окраинѣ урочища, немного не доходя до короткой, одинокой холмистой цѣпи, спускающейся съ сѣверо-запада на юго-востокъ, возвышается плоскій глинистый бугоръ, покрытый рыхлою, вспученною солонцеватою почвою; вокругъ него залегаютъ сухія мочежины, поросшія колючимъ камышемъ. Изъ-подъ бугра выведенъ маленькій кяризикъ, заросшій тѣмъ-же камышомъ и несущій небольшое количество хорошей, слегка солоноватой воды въ маленькій прудикъ. Жилья никакого не имѣется. Вòды изъ *Ризъ-абадъ* и *Кале-и-Бидъ* стекаютъ къ юго-востоку черезъ обширный саксауловый лѣсъ *Дженгаль-и-Тагуръ* въ болото, высыхающее лѣтомъ и заросшее колючимъ камышомъ. Оно называется *Хамунъ-и-Джаори* (*Хамунъ-и-Тагуръ*). Объ этомъ болотѣ и о лѣсѣ я сообщу ниже, когда буду описывать дорогу, идущую черезъ эти мѣста, которыя поразительно невѣрно нанесены на всѣхъ существующихъ картахъ.

Къ востоку отъ колодцевъ *Кале-и-Бидъ*, вдали, массивнымъ конусомъ поднимается самая высокая гора не только страны *Саргадъ*, но, вѣроятно, и всей восточной Персіи, именно потухающій вулканъ *Кухъ-и-Тафтанъ*; въ томъ-же направленіи, но ближе чѣмъ онъ, виднѣются высокія горы съ остроконечными скалистыми вершинами — *Шахъ-и-Суаранъ-Кухъ*; нѣсколько южнѣе этихъ послѣднихъ — высокія же горы *Хаджи-Силумъ-Кухъ*. Къ ВЮВ. и СВ. разстилается обширная высокая равнина, особенно широко открытая къ сѣверо-востоку и къ юго-востоку. Къ юго-востоку, вдали, — высокія, какъ кажется отъ мѣста настоящаго наблюденія, съ остроконечною вершиною [1]) гòры *Гуаръ-Кухъ* (*Гъуаръ-Кухъ*). На западѣ остается южное окончаніе хребта *Кухъ-и-Магини*, изъ-за котораго выдвигаются новые хребты, входящіе въ начало общаго поднятія *Бандъ*.

---

1) Въ дѣйствительности *Гуаръ-Кухъ* представляетъ три короткихъ хребта, каждый съ одною вершиною; эти вершины при наблюденіи изъ *Кале-и-Бидъ* сливаются другъ съ другомъ.

Въ *Кале-и-Бидъ* (*Кала-и-Бидъ*) имѣются трòпы, ведущія черезъ колодцы *Чахъ-и-Ахмедъ* къ кочевьямъ *Гонакъ* и *Назилъ*, которыя находятся въ отрогахъ *Хаджи-Силумъ-Кухъ* и *Шахъ-и-Суаранъ-Кухъ* (*Шахъ-и-Саваранъ-Кухъ*).

Отдохнувъ и покормивъ верблюдовъ въ *Кале-и-Бидъ*, мы къ вечеру сдѣлали десяти-верстный переходъ въ урочище *Заптокъ*. Дорога подходитъ къ вышеупомянутому кяризу, слѣдуетъ нѣкоторое время вдоль восточной подошвы тоже уже упомянутой холмистой цѣпи, пересѣкаетъ два водостока, проходитъ мимо плоской впадины, поросшей тамариксомъ и могущей дать хорошую воду съ небольшой глубины, и, немного не дойдя до окончанія цѣпи, дѣлаетъ перевалъ и спукается на старую равнину. Налѣво, т. е. къ востоку отъ перевала, на низинѣ, обозначенной тамариксами, располагаются колодцы *Чахъ-и-Ахмедъ* съ такою-же водою, какъ въ *Кале-и-Бидъ*. Перейдя черезъ нѣсколько водостоковъ, прибываемъ въ урочище *Заптокъ*.

Это урочище состоитъ изъ безводной широкой долины, спускающейся къ ВЮВ. на равнину, или, лучше сказать, котловину, въ которой лежитъ сухое лѣтомъ болото *Хамунъ-и-Джаори*; она прорѣзана весьма широкими водостоками, которые, соединившись съ водостоками *Ризъ-абадъ* и *Кале-и-Бидъ* въ общее русло, наводняютъ зимою и весною названное болото. Растительность, главнымъ образомъ кустарная, отличается необыкновенною для здѣшнихъ странъ пышностью; встрѣчается много представителей той флоры, которая свойственна уже южной части персидскаго Белуджистана. Обращаютъ на себя вниманіе высокіе кусты, похожіе на вышеупомянутый «бадомъ-тальхъ», но отличающіеся значительно бòльшею высотою, которая бываетъ свыше двухъ саженей; высокій молочай, поднимающійся зелеными безлиственными стрѣлками, млечный сокъ которыхъ уже нѣсколькими капельками надолго обжигаетъ ротъ и дня на два оставляетъ красныя пятна на языкѣ; котуръ, образующій непролазныя колючія заросли; наконецъ цѣлый рядъ другихъ кустарниковъ, почти всегда жесткихъ и колючихъ. Ничего похожаго на европейскія травы или

на дернѣ нигдѣ попрежнему не замѣтно. По каменистымъ рухламъ водостоковъ, тамъ и здѣсь, одинокими массивными фигурами поднимаются надъ кустарною порослью высокія и тѣнистыя фисташковыя деревья. Однако, несмотря на сравнительное богатство растительности, міръ животныхъ мало замѣтенъ: не только птицъ, но даже насѣкомыхъ почти не примѣтно (весною и, вѣроятно, осенью ихъ должно быть много). Все же весело ходить среди этихъ пышныхъ кустовъ послѣ перехода по безплоднымъ глинамъ и обожженнымъ камнямъ. Вечеромъ и ночью — ни звука вокругъ, и ждешь—не дождешься разсвѣта, чтобы начать новый переходъ и увидать что-нибудь интересное.

На слѣдующій день, 24 іюня, мы дѣлаемъ около 15 верстъ и останавливаемся въ урочищѣ *Подаги*. Перейдя черезъ цѣлый рядъ водостоковъ, поднимаемся по долинѣ, обставленной относительно невысокими горными цѣпями со скудною растительностью на каменистой почвѣ. Эта долина вскорѣ принимаетъ волнистую поверхность своего дна и, немного дальше, переходитъ въ холмистую мѣстность съ крутыми подъемами и спусками, которые затруднительны для нашихъ верблюдовъ; эти перевалы усыпаны камнями и, мѣстами, представляютъ острые, листоватые, вертикальные выступы основной каменной породы, которая состоитъ изъ тонко-слоистаго, весьма крѣпкаго сланца красноватаго, желтоватаго и зеленоватаго цвѣтовъ. Черезъ нѣсколько верстъ спускаемся къ водостоку, склоняющемуся на оставленную нами къ востоку равнину. Онъ лежитъ въ весьма крутыхъ и скалистыхъ берегахъ и извѣстенъ подъ названіемъ *Даргазинъ*; русло его мѣстами вспучено глинистыми буграми и намывами и здѣсь покрывается кустарнымъ камышемъ и тамариксомъ; весною онъ несетъ, повидимому, много воды. Пройдя немного внизъ по *Даргазинъ*, мы поднимаемся по ближайшей боковой его вѣтви и снова, идя горами на югъ, переходимъ увалъ за уваломъ и раздѣляющія ихъ лощины. Берега̀ этихъ послѣднихъ круты и, мѣстами, имѣютъ видъ вертикальныхъ стѣнъ; кромѣ обыкновеннаго тамарикса по днищамъ лощинъ встрѣчается особливый его видъ, съ весьма

длинными и тонкими листоносными вѣточками—«куръ-гязь»; затѣмъ обыкновенны по нимъ кустарный, почти уже совсѣмъ засохшій, камышъ и высокая, полузасохшая колючая куга̀. Весною не только по водостокамъ, но и по прилежащимъ возвышенностямъ развиваются въ достаточномъ количествѣ различныя кормовыя травы, пригодныя для лошадей. Наконецъ мы спускаемся къ водостоку, приводящему насъ въ небольшое урочище *Подаги*.

Оно представляетъ узкую, мѣстами нѣсколько расширяющуюся, долину среди относительно невысокихъ и часто скалистыхъ горъ и въ изобиліи поростаетъ особаго вида тополемъ (у белуджей «подагъ», откуда названіе урочища), похожимъ на средне-азіатскій Populus diversifolia. Высота деревьевъ достигаетъ до 3—4 саженей; листья нижнихъ частей (у молодыхъ экземпляровъ всѣ) длинные, какъ у ивы (Salix), но не зазубрены по краямъ, верхнихъ — кругловатые; между обѣими формами наблюдаются всевозможные переходы. Кромѣ тополя въ *Подаги* имѣются цѣлыя чащи тамарикса «гязь» и «куръ-гязь», кустарнаго и обыкновеннаго камыша; въ изобиліи растутъ ароматная мята и разныя другія травы. По сравненію со всею пройденною нами изъ Сеистана страною, *Подаги* кажется раемъ, въ которомъ можно отдохнуть душою и тѣломъ; въ немъ я забываю о снѣ, несмотря на цѣлый рядъ безсонныхъ ночей, запасаюсь новой энергіей и безъ устали собираю и ищу различные зоологическіе предметы. Къ сожалѣнію, воды въ урочищѣ очень мало. Она получается изъ трехъ ямокъ у лѣваго края долины подъ ея каменистымъ крутымъ берегомъ. Зато вкусъ ея поистинѣ чудесный, и я, уже напившись вдосталь, тяну ее съ наслажденіемъ глотокъ за глоткомъ, словно какой-нибудь волшебный напитокъ.

Птицъ въ урочищѣ пропасть, но немногихъ видовъ. Весьма обыкновенны звонкоголосые суи (Chatorhea huttoni), мелодично восклицающіе буль-були (Ixus leucotis), вѣчно суетящіяся скотоцерки (Scotocerca inquieta), пустынныя ласточки (Ptyonoprogne obsoleta), козодои (Caprimulgus unwini); нашелъ парочку обыкновенныхъ горличекъ (Turtur auritus) и гнѣздо ихъ съ крупными

птенцами. Въ прилежащихъ горахъ обыкновенны скалистыя куропатки (Caccabis chukar var.), поползни (Sitta tephronota var.), два вида чекановъ (Saxicola albonigra и S. picata), пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides), большія щеврицы (Anthus jerdoni). Попадаются желтогорлые воробьи (Gymnoris flavicollis) и другіе виды, о которыхъ будетъ сказано въ спеціальной статьѣ. Впрочемъ, не мѣшаетъ упомянуть о двухъ видахъ дятловъ, именно пестромъ (Picus sindianus) и зеленомъ (Gecinus squamosus?); этотъ послѣдній, къ сожалѣнію, остался недобытымъ, хотя я гонялся за нимъ весьма упорно; затѣмъ о совкѣ (Scops brucei var.), индійской сиворакушкѣ (Coracias indica), о золотистой щуркѣ (Merops apiaster) и красноголовомъ сорокопутѣ (Phoneus ruficeps). Изъ млокопитающихъ обыкновенны дикіе бараны (Ovis cycloceros), изъ которыхъ одинъ былъ убитъ мною, а другой—белуджемъ Шадатъ, дикобразы (Histrix sp.?), зайцы (Lepus sp.?), Nesokia sp.?; ночью въ одинъ изъ разставленныхъ капкановъ попалась гіена, но вырвалась изъ него, оставивъ между сомкнувшимися дугами цѣлый пукъ своихъ усовъ. Изъ пресмыкающихся обыкновенны пустынные ужи (Psammophis leythi), стелліоны (Stellio nuptus et var.), ящерки (Eremias sp.?) и другія.

Вообще животный міръ описываемаго урочища не въ примѣръ богаче, чѣмъ въ ранѣе пройденныхъ нами мѣстахъ, начиная съ *Дузъ-абъ*, гдѣ, напр., среди птицъ, на многія версты мы встрѣчали лишь однихъ пустынныхъ жаворонковъ (Ammomanes phoenicuroides), чекановъ (Saxicola albonigra et S. deserti), вороновъ (Corax umbrinus), стервятниковъ (Percnopterus stercorarius); сравнительно гораздо рѣже попадались: ягнятники (Gypaëtos barbatus), орлы благородные (Aquila fulva var.) и длиннохвостые (A. fasciata), вьюрки (Rhodopechys sanguinea и Bucanetes githagineus), сорокопуты (Lanius fallax), трясогузки (Budytes citreoloides) и т. п.

Въ *Подаги* мы пробыли часть дня оставшуюся послѣ прибытія въ него и почти весь слѣдующій день 25 іюня. Къ вечеру

этого послѣдняго сдѣлали переходъ въ 11 верстъ и остановились въ долинѣ *Кухъ-и-Мургакъ*, имѣя воду съ собою. Отъ мѣста стоянки долина *Подаги* съуживается и, принявъ съ лѣвой стороны скалистое ущелье, переходитъ въ сравнительно узкій проходъ, дно котораго, на нѣсколько сотъ шаговъ внизъ по склону, сплошь занято густою плавнею колючаго камыша; непосредственно за плавней встрѣчаемъ ключи прѣсной воды, бѣгущей на небольшое разстояніе и лужами разливающейся по камнямъ русла. Когда на возвратномъ нашемъ пути, 15 августа, мы вновь посѣтили *Подаги*, воды въ этихъ ключахъ уже не имѣлось. Названный проходъ, вмѣстѣ со своимъ водостокомъ спустившись къ юго-востоку, впадаетъ въ сухое русло *Рудъ-и-Маджедокъ*, которое, какъ въ своемъ мѣстѣ я сообщу подробнѣе, изливаетъ избытокъ водъ болота *Хамунъ-и-Джаори* въ русло *Дарызабъ* и по этому послѣднему далѣе въ болото *Хамунъ-и-Самысуръ*. Наша дорога не слѣдуетъ по наклону прохода, а тотчасъ же за родниками поднимается къ ЗСЗ. по боковому ущелью среди скалистыхъ горъ, въ изобиліи поросшихъ кустарниками и одиночными фисташковыми деревьями. Дойдя до вершины ущелья (по пути замѣченъ крошечный родничекъ съ прѣсною водою, которая вскорѣ должна была изсякнуть), мы дѣлаемъ короткій и относительно невысокій перевалъ къ югу и спускаемся въ широкую степную долину. Она склоняется съ сѣверо-запада на юго-востокъ и въ своей низкой юго-восточной части образуетъ урочище *Кухъ-и-Мургакъ*. Сѣверо-западная ея часть, остающаяся въ сторонѣ отъ нашего пути, дѣлаетъ перевалъ, изъ-за котораго виднѣются два высокихъ хребта: *Кухъ-и-Самысуръ*, а за нимъ *Кухъ-и-Арзентакъ*. Долина ограничена хребтами, изъ которыхъ западный, черезъ который мы перевалили и который называется *Кухъ-и-Мургакъ*,носитъ не такой пустынный характеръ, какъ восточный. Дорога спускается по дну долины, которая быстро съуживается къ юго-западу. Оно изобилуетъ водостоками, мѣстами густо заросшими котуромъ и разными полузасохшими кустами; то тамъ, то здѣсь поднимаются одинокія фисташковыя

деревья; промежутки между водостоками въ болѣе верхнихъ частяхъ долины, гдѣ почва часто песчаная, густо поросли высокою, теперь конечно сухою, травою, которая въ весеннее время представляетъ отличное постбище для лошадей. Солнце садится, и мы, имѣя 10 верстъ пути до урочища *Кухъ-и-Мургакъ*, разбиваемъ свой станъ. Благодаря тихой погодѣ, на огонь фонаря летитъ много насѣкомыхъ; я радуюсь своей добычѣ и тороплюсь собирать ее.

Поднявшись 26 іюня часа за два до солнечнаго восхода, мы еще рано утромъ дѣлаемъ переходъ въ урочище *Кухъ-и-Мургакъ*. Окрестныя горы все болѣе и болѣе стѣсняютъ долину, которая начинаетъ быстро понижаться. На десятой верстѣ появляется густая заросль тамарикса (обыкновеннаго—«гязь» и «куръ-гязь»), и начинается урочище. За тамариксами развивается весьма густая и сплошная плавня обыкновеннаго и колючаго камыша, настолько густая, что дорога оставляетъ ее на нѣкоторое время и поднимается на высоты правой стороны. Влѣво отъ дороги шумитъ ручей, образовавшійся изъ многочисленныхъ родниковъ въ камышахъ и сильныхъ ключей, бьющихъ изъ-подъ плоскаго глинистаго бугра, покрытаго вспученною почвою и возвышающагося среди плавни. Этотъ ручей вскорѣ выбѣгаетъ изъ камышей и уже стремится по каменистому руслу среди высокихъ и развѣсистыхъ деревьевъ тамарикса «куръ-гязь», порою образующаго маленькія, тѣнистыя рощицы. Вскорѣ онъ дробится на нѣсколько ручейковъ, исчезающихъ въ своихъ руслахъ, но ниже, подъ террасою, образуемою сильно съузившеюся въ этомъ мѣстѣ долиною, и снова появляющихся на свѣтъ Божій уже въ новой, небольшой камышевой плавнѣ. Этотъ ручей называется *Рудъ-и-Мургакъ*; онъ направляется сначала на юго-востокъ, потомъ круто сворачиваетъ на юго-западъ, подъ южной подошвой невысокаго хребта *Кухъ-и-Рикешӧлъ*, и впадаетъ въ вышеупомянутое русло *Рудъ-и-Маджедокъ*, до котораго далеко, однако, въ настоящее время года не доноситъ своихъ водъ. Вȯды источниковъ ручья холодныя, довольно вкусныя, но къ сожалѣнію съ замѣтнымъ солоноватымъ

вкусомъ, который внизъ по его теченію быстро усиливается и уже въ какой-нибудь верстѣ дѣлаетъ ее непригодною для питья.

Мы остановились за большою плавнею, гдѣ имѣется удобный для верблюдовъ спускъ, гдѣ вода особенно хороша и гдѣ съ удобствомъ можно расположиться подъ тѣнистыми деревьями «куръгязь». Послѣ чаепитія и закуски я съ Литвиновымъ отправляюсь на экскурсію. Птицъ видно много, воздухъ наполненъ непрерывною трескотнею цикадъ, изъ камышей доносятся странные, незнакомые звуки, производимые до того еще не наблюдавшимися мною кобылками (Acrididae), въ водахъ ручья мелькаютъ рыбы и водяныя насѣкомыя, виднѣются моллюски. Я оживаю послѣ безсонной ночи и дѣятельно принимаюсь за сборы. Благодаря массѣ куропатокъ (Caccabis chukar var.), которыхъ я съ Литвиновымъ бью по пути, мы разсчитываемъ на вкусный обѣдъ. Въ камышахъ нахожу: усатыхъ синицъ (Panurus biarmicus), камышевокъ (Acrocephalus stentoreus и Lusciniola melanopogon) и веселыхъ задорныхъ дримоекъ (Drymoica lepida); въ тамариксовыхъ чащахъ наблюдаю: совокъ (Scops brucei var.), сорокопутовъ (Lanius rufus и L. vittatus), пѣночекъ (Iduna rama), бульбулей (Ixus leucotis), суевъ (Chatorhea huttoni), скотоцерокъ (Scotocerca inquieta). Около скалъ рѣютъ пустынныя ласточки (Ptyonoprogne obsoleta) и щурки (Merops apiaster), а по самымъ скаламъ, на отдыхѣ, замѣчаются щеврицы (Anthus jerdoni), чеканы (Saxicola albonigra и S. picata), удоды (Upupa epops), индійскія сиворакушки (Coracias indica). Литвиновъ убиваетъ бенгальскаго филина (Bubo bengalensis), котораго онъ замѣтилъ въ темной нишѣ скалы и первоначально принялъ за пантеру. Изъ рептилій во множествѣ наблюдались: стелліоны (Stellio nuptus), ящерки (Eremias guttulata и E. sp.?), гекконы (Gymnodactylus longipes и G. sp.?); часто попадались щиты черепахъ (Testudo zarudnyi), которыя теперь уже попрятались и которыхъ весною должно быть очень много въ пройденныхъ нами отъ *Гурмука* горахъ. Въ водахъ ручья во множествѣ наловлена рыба (Discognathus sp?).

Къ вечеру этого-же дня мы сдѣлали переходъ въ десять верстъ и остановились за русломъ *Рудъ-и-Маджедокъ,* у сѣвернаго подножія хребта *Кухъ-и-Лябъ-Тери.* Покинувъ *Мургакъ,* мы сразу вступаемъ въ жаркую пустыню: отъ камня, скалъ и песка пышетъ зноемъ, порою захватывающимъ дыханіе и производящимъ особаго рода истому. Мы поднимаемся на высоты правой стороны урочища и слѣдуемъ къ юго-востоку, куда онѣ опускаются. Здѣсь мѣстность несетъ характеръ песчаной степи, поросшей полузасохшими кустами Zygophyllum, саксаула и нѣкоторыхъ другихъ растеній. Поверхность песковъ испещрена слѣдами ящерицъ, но самыхъ животныхъ почти совсѣмъ не видно, такъ какъ они попрятались отъ жары. Невдалекѣ вправо виднѣются обожженыя безплодныя горы *Кухъ-и-Рикешöль.* Достигнувъ крутого поворота этихъ послѣднихъ на юго-западъ, мы огибаемъ его[1]) и вступаемъ въ относительно низкую котловину, которая на сѣверѣ ограничена отрогами хребтовъ *Кухъ-и-Мургакъ* и *Кухъ-и-Рикешöль,* а на югѣ безплоднымъ хребтомъ *Кухъ-и-Лябъ-Тери.* Эта котловина склоняется съ востока почти прямо на западъ и прорѣзана широкимъ, съ обрывистымъ лѣвымъ берегомъ, русломъ *Рудъ-и-Маджедокъ,* которое именно здѣсь принимаетъ уже сухое русло *Рудъ-и-Мургакъ* и многіе другіе водостоки; въ западной сторонѣ котловина образуетъ прорывъ, открывающій видъ на широкую долину *Тагабъ,* по ту сторону которой исполинскимъ конусомъ высится громада потухшаго вулкана *Кухъ-и-Базманъ*[2]). Дорога пересѣкаетъ котловину въ южномъ направленіи, пересѣкаетъ дорогу, идущую изъ города *Хоашъ* (на картахъ *Ваштъ*) въ *Нармеширъ,* и проходитъ каменистою, раскаленною, крайне печальною мѣстностью, покрытою сухими и полузасох-

---

1) Около этого поворота, близъ горной подошвы, имѣется крошечный родникъ, обозначенный группою тамариксовыхъ кустовъ; вода солоноватая, но для питья пригодная.

2) Вершина этой горы называется *Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ,* т. е. *горою Хезра живого.* Хезръ почитается пророкомъ (пегумбаръ). По преданію онъ не умеръ, а ушелъ внутрь горы, изъ которой до сихъ поръ во время намаза слышится его голосъ.

шими кустами. Идя впереди каравана, я встрѣчаю тройку дикихъ барановъ (Ovis cycloceros); мнѣ удается подползти къ нимъ шаговъ на 250, но у меня отъ движенія ползкомъ по раскаленной землѣ стучитъ въ головѣ, въ глазахъ стоятъ огненные круги и .... я постыдно промахиваюсь. Передъ самыми сумерками мы подходимъ къ лощинѣ у подошвы предгорныхъ возвышенностей хребта *Кухъ-и-Лябъ-Тери* и останавливаемся на отдыхъ. Лощина засыпана мягкимъ, темнымъ пескомъ и поросла одинокими кустиками. Усталъ я страшно, усталъ до того, что ни ѣсть не могу, ни спать, а тутъ еще говоръ белуджей, ревъ верблюдовъ, назойливая мелкая мошкара и, несмотря на абсолютное безводіе, комары.

Встаемъ въ часъ утра 27 іюня; термометръ показываетъ 32° и день обѣщаетъ быть жаркимъ. При свѣтѣ луны, закрытой сплошными, но легкими облаками, входимъ въ небольшое ущелье, дѣлаемъ невысокіе перевалы, переходимъ маленькія долины съ песчаною или солонцеватою почвою, поросшею тамариксомъ и саксауломъ, и все время слѣдуемъ среди невысокихъ, безплодныхъ горъ. Жарко и душно. Зловѣще тихо въ этой безводной горной пустынѣ; притихли люди; лишь шуршатъ камни подъ ногами верблюдовъ, да порою пропищитъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ песчанка (Meriones) или затрещитъ сверчокъ. Такимъ образомъ доходимъ до перевала черезъ *Кухъ-и-Лябъ-Тери*, который не крутъ и не представляетъ никакихъ затрудненій даже для колеснаго экипажа. Спускъ съ него приводитъ насъ къ лощинѣ, занятой водостокомъ и отдѣляющей эти горы отъ хребта *Кухъ-и-Шуръ-абъ* (горы соленыхъ водъ). Дорога спускается по ней и въ 9—10 верстахъ отъ мѣста остановки выходитъ на вышеупомянутую широкую долину *Тагабъ*, въ которую врывается русло *Рудъ-и-Маджедокъ* по ту сторону *Кухъ-и-Лябъ-Тери*. Огибая юго-западное окончаніе *Кухъ-и-Шуръ-абъ*, мы слѣдуемъ къ юго-востоку каменистою и волнистою степью, разстилающеюся вдоль его южныхъ подножій и поросшею полузасохшими, еле-еле влачащими свое существованіе кустами Zygophyllum и саксаула.

Эта степь высока и быстро спускается къ юго-западу, навстрѣчу къ подгорнымъ спускамъ *Кухъ-и-Базманъ*, направляющимся къ сѣверо-западу. Пройдя около 5 верстъ, подходимъ къ небольшому урочищу *Шуръ-абъ* (соленыя воды), лежащему въ устьѣ узкой, мѣстами ущельеобразной долины, которая отдѣляетъ горы *Кухъ-и-Шуръ-абъ* отъ сосѣднихъ горъ *Кухъ-и-Испіава*; дно долины, мѣстами во всю ея ширину, занято водостокомъ, который, какъ мнѣ говорили, зимою и весною несетъ очень много воды, сливая ее въ русло *Дарызабъ*. Въ урочищѣ имѣется нѣсколько колодезьныхъ ямъ, обросшихъ кустарнымъ камышомъ. Только въ одной изъ нихъ есть вода, и то въ небольшомъ количествѣ; она вкусная, почти совершенно прѣсная и, слѣдовательно, не оправдываетъ названія мѣста.

Мы останавливаемся около колодцевъ, предварительно спугнувъ съ нихъ кулана съ жеребенкомъ (Equus indicus Sclat.) и леопарда (Leopardus pardus), который, повидимому, подкрадывался къ нимъ. Колодцы располагаются около плосковерхаго глинистаго бугра, заросшаго кустами высокой травы и окруженнаго глинистыми участками почвы, которая на поверхности какъ-бы вспучена и мѣстами хруститъ подъ ногами. По близости колодцевъ въ изобиліи растетъ тамариксъ, какъ обыкновенный («гязь»), такъ и «куръ-гязь»; тутъ-же замѣчается одинокій кустъ финиковой пальмы (нѣсколько низкорослыхъ пальмъ я нашелъ наканунѣ, бродя по мургакскому болоту). Въ верстѣ съ лишнимъ отъ колодцевъ, вверхъ по ущелью, на берегахъ русла водостока есть сырыя мѣста, поросшія кустарнымъ камышемъ и могущія дать воду съ самой небольшой глубины. Здѣсь прямо изъ русла бьетъ слабая струйка прѣсной воды, разливающейся въ маленькую лужу, въ которой кишмя кишѣли рыбы того-же самаго вида, какъ въ *Мургакѣ* (Discognathus sp.?); въ 12 часовъ дня, при 40° Ц. въ тѣни, ея температура (въ мѣстѣ выхода изъ земли) равнялась 32°. Сырыя мѣста имѣются и въ разстояніи 5 верстъ дальше, гдѣ, раскопавъ руками ямку, я могъ получить воду въ достаточномъ количествѣ, чтобы напиться. Окрестныя горы скалисты, безжиз-

ненны и покрыты весьма скудною, бо̀льшею частью посохшею, кустарною растительностью. По дну ущелья во многихъ мѣстахъ высокіе кусты и деревья тамарикса «куръ-гязь». Птицъ въ общемъ видно мало; довольно обыкновенны рябки (Pterocles caronatus, рѣже Pt. senegallus) и скалистыя куропатки (Caccabis chukar var.), часто суи (Chatorhea huttoni), буль-були (Ixus leucotis), пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides); затѣмъ встрѣчаются чеканы (Saxicola albonigra и S. picata), индійскія сиворакушки (Coracias indica), щурки (Merops apiaster), хохлатые жаворонки (Galerita magna), желтогорлые воробьи (Gymnoris flavicollis), пустынныя ласточки (Ptyonoprogne obsoleta). По выходѣ нашему на равнину *Тагабъ* я въ послѣдній разъ встрѣтилъ одну изъ любопытнѣйшихъ, если не самую любопытную птицу Персіи, именно открытую мною въ 1896 году саксаульную сойку (Podoces pleskei); далѣе къ югу она уже нигдѣ не встрѣчается. Изъ звѣрей, кромѣ уже упомянутыхъ кулановъ и пантеры, я видѣлъ зайцевъ (Lepus craspedotis) и дикихъ барановъ (Ovis cycloceros); часто находилъ иглы дикобразовъ. Изъ рептилій нерѣдки пустынныя гадюки (Echys arenicola) и гадюки рогатыя (Cerastes persica), степные ужи (Psammophis leythi), два вида Eremias, изъ которыхъ одинъ до сихъ поръ еще нигдѣ не наблюдался и, вѣроятно, принадлежитъ новой, неописанной формѣ; затѣмъ стелліоны (Stellio nuptus var. fusca), круглоголовки (Phrynocephalus olivieri) и агамы (Agama sanguinolenta). Сборъ насѣкомыхъ оказался успѣшнымъ.

Вершина горы *Кухъ-и-Базманъ* отъ урочища Шуръ-абъ находится на юго-западѣ, въ 250°.

Вѣроятно именно *Шуръ-абъ* на картахъ обозначенъ какъ *Шарафъ*. Во всякомъ случаѣ послѣднее названіе неизвѣстно ни въ *Саргадѣ*, ни въ *Бампурѣ*.

Изъ урочища *Шуръ-абъ* выходимъ въ два часа утра 28 іюня и, пройдя 11 верстъ, останавливаемся въ глубокой части долины *Тагабъ*, въ безводномъ мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы подъ вечеръ сдѣлать новый переходъ. Дорога направляется къ юго-западу и

постепенно опускается. Высокія, именно подгорныя, части имѣютъ сильно щебнистую почву; почва болѣе глубокихъ частей—песчаная, на подкладкѣ изъ глины, перемѣшанной съ гравіемъ или щебнемъ. Низкія части равнины (*Тагабъ* имѣетъ именно такой видъ) весьма изобильно поросли зеленымъ саксауломъ и кое-какими другими растеньями, представляющими въ настоящее время года печальный видъ, такъ какъ они засохли или полузасохли. Саксаулъ растетъ кустами или деревцами, высота которыхъ рѣдко достигаетъ сажени и очень рѣдко $1\frac{1}{2}$ сажени съ лишнимъ. Много посохшихъ приземистыхъ и нѣжныхъ злаковъ; весьма часто здѣсь попадаются не наблюдавшіеся подъ болѣе высокими широтами злаки, растущіе высокими кустиками, которые теперь засохли настолько, что между пальцами растираются въ порошокъ. Горячіе лѣтніе вѣтры здѣшней страны не только сушатъ траву, но ломаютъ ее въ мельчайшіе кусочки и пылью уносятъ ее прочь. Мы разбиваемъ свой станъ на берегу водостока, засыпаннаго пескомъ и склоняющагося уже къ юго-востоку, къ низменности *Бампура*; онъ принадлежитъ бассейну рѣки *Рудъ-и-Бампуръ*. Такимъ образомъ, идя отъ урочища *Шуръабъ*, водостокъ котораго впадаетъ въ русло *Дарызабъ* и, слѣдовательно, принадлежитъ бассейну болота *Хамунъ-и-Самысуръ*, мы сдѣлали совершенно незамѣтный переходъ черезъ водораздѣльную линію этихъ бассейновъ; любопытно, что стоки водъ, бѣгущихъ въ противоположныя направленія — одни на сѣверо-западъ, другія на юго-востокъ — лежатъ на одной и той-же равнинѣ.

Равнина *Тагабъ*, какъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, идетъ непрерывною полосою какъ къ юго-востоку, гдѣ она сливается съ равнинами *Бампура*, такъ и къ сѣверо-западу, гдѣ за болотомъ *Хамунъ-и-Самысуръ* открывается на равнины большой пустыни *Лутъ*. На картахъ *Тагабъ* до сихъ поръ еще не былъ обозначенъ. Да и вообще, что касается всей окрестной страны, въ особенности *Саргада*, эти карты поразительно неточны и часто до абсурда невѣрны.

Какъ видно отъ мѣста нашей стоянки, Тагабская равнина съ восточной своей стороны ограничена отрогами слѣдующихъ хребтовъ (надо замѣтить, что названія ихъ много разъ и въ разныхъ мѣстахъ мною провѣрялись), считая отъ *Кухъ-и-Шуръ-абъ*.

Къ сѣверу отъ него:

Кухъ-и-Лябъ-Тери.

Кухъ-и-Рикешöлъ.

Кухъ-и-Гаджери.

Кухъ-и-Самысуръ.

Кухъ-и-Арзентакъ, за которымъ, вдали и въ тихую погоду, видна вершина высокой горы *Серкаль*; располагается къ сѣверу отъ *Хамунъ-и-Самысуръ.*

Къ югу отъ него:

Кухъ-и-Испіава. Имѣются родники и ручеекъ, скоро исчезающій въ своемъ водостокѣ. Водостокъ, лежащій между этимъ хребтомъ и *Кухъ-и-Шуръ-абъ*, направляется по Тагабу уже къ юго-востоку. Какъ мнѣ говорили, онъ начинается къ югу отъ болота *Хамунъ-и-Джаори* въ долинѣ между горами *Кухъ-и-Джаори* на сѣверѣ и *Кухъ-и-Гоудери* на югѣ.

Тира-кухъ. Имѣются прѣсные родники.

Кухъ-и-Рунабадъ. Въ восточныхъ частяхъ горъ, въ ущельѣ, есть ручей съ прѣсною водою и развалины давно заброшеннаго селенія.

Кухъ-и-Шуръ. Имѣются солоноватоводные родники. За этими горами слѣдуетъ еще цѣлый рядъ хребтовъ, ограничивающихъ съ сѣвера и съ востока равнины *Бампура* и называемыхъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

Западныя границы *Тагаба* составляются предгорными возвышенностями высокой горы *Кухъ-и-Базманъ* (*Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ*; 12.000′) и горами, отходящими отъ нея къ юго-востоку и къ сѣверо-западу. Между этими послѣдними выдѣляется два хребта: *Кухъ-Гердъ-и-Зёрдъ* и *Кухъ-и-Анджери.* Линія, прове-

денная отъ видимаго окончанія *Кухъ-и-Испіава* къ юго-западу, нѣсколько сѣвернѣе вершины *Кухъ-и-Базманъ*, можетъ приблизительно опредѣлить водораздѣлъ *Тагаба*.

Къ западу отъ нашей стоянки, верстахъ въ 5—6, имѣется въ горахъ жилое мѣсто *Пэнджъ-Сара* (*Пансара*, какъ называли его мои белуджи), куда мы отправляли верблюдовъ за водою. Отъ этого мѣста до ближайшихъ горъ восточной стороны *Тагаба* можно считать не меньше 15 верстъ.

Животный міръ пройденной части Тагаба въ настоящее время года отличается крайнею скудостью. За четыре часа экскурсіи, совершонной мною въ окрестностяхъ нашего стана, я видѣлъ изъ ящерицъ, напримѣръ, только по нѣскольку штукъ агамъ (Agama sanguinolenta), круглоголовокъ (Phrynocephalus olivieri) и Eremias sp.? Изъ птицъ наблюдались хохлатые жаворонки (Galerita magna) и два вида пустынныхъ (Ammomanes phoenicuroides и A. cinctura var.), затѣмъ скотоцерки (Scotocerca inquieta) и чеканы (Saxicola deserti). Шадатъ, сопровождавшій верблюдовъ въ *Пэнджъ-Сара*, привезъ мнѣ оттуда ястреба (Astur badius) и двухъ овсянокъ (Emberiza striolata); эти послѣднія нигдѣ сѣвернѣе не наблюдались. Въ саксаульникахъ я видѣлъ цѣлыя тучи крупной саранчи съ желтоватыми и розоватыми нижними крыльями; нѣкоторые кусты и деревья были сплошь покрыты этими насѣкомыми; они объѣдали не только сочныя зеленыя части, но и деревянистыя тонкія вѣтки.

Къ солнечному закату мы сдѣлали переходъ въ 10 верстъ. Пошли на юго-западъ, правою стороною долины *Тагабъ*, почти все время поднимаясь. Вскорѣ встрѣчаемъ хорошо выработанный водостокъ, поросшій обычною, сравнительно пышною, растительностью; къ ней, уже въ весьма замѣтномъ количествѣ, прибавляются деревца «кунаръ» съ густыми колючими вѣтвями; въ горахъ къ западу отъ *Тагабъ* «кунаръ» часто развивается въ крупныя деревья. Слѣдуя по этому водостоку, мы дѣлаемъ кругъ, но идти подгорною равниною прямо къ мѣсту назначенія трудно, такъ какъ во многихъ мѣстахъ она засыпана широкими грядами

камня и каменныхъ глыбъ, а также сыпучимъ щебнемъ; двѣ изъ этихъ грядъ особенно широки; камень весьма часто принадлежитъ какой-то темной, ноздреватой, шлакоподобной породѣ. Несмотря на такой грунтъ, его растительность довольно богатая (саксаулъ, кунаръ, котуръ, Zygophyllum), хотя и имѣетъ чахлый видъ. Пройдя водостокомъ около $2^1/_2$ верстъ, дорога покидаетъ его и, направляясь наискось къ горамъ, приводитъ насъ къ каменистому устью ущелья, въ которомъ мы останавливаемся на отдыхъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ выше по дну ущелья лежитъ пересыхающая рѣчушка *Рудъ-и-Захань*, посѣщенная мною въ началѣ августа при обратномъ нашемъ движеніи.

Поднявшись передъ разсвѣтомъ 29 іюня, мы идемъ въ городъ *Базманъ*, до котораго остается около 13 верстъ. Дорога направляется вверхъ по ущелью. Оно каменисто и усыпано крупными камнями. Окрестныя горы безплодны, сильно разрушены, покрыты весьма скудною растительностью. Вскорѣ ущелье развѣтвляется: правая вѣтвь, принадлежащая упомянутой пересыхающей рѣчкѣ *Рудъ-и-Захань*, оставляется нами въ сторонѣ, и мы поднимаемся по лѣвой, которая находится восточнѣе. Она подводитъ насъ къ крутому подъему на перевалъ *Годаръ-и-Гуальгиръ*, нелегкому для верблюдовъ. Спускъ менѣе крутъ и болѣе дли-ненъ; отъ него дорога склоняется по новой лощинѣ, скоро переходящей въ ущелье, водостокъ котораго открывается въ долину нижеописываемой рѣчки *Рудъ-и-Кягуръ*. Дно его усыпано камнемъ и крупными глыбами, дѣлающими для верблюдовъ эту дорогу нелегкою. Ближе къ устью ущелья, гдѣ оно принимаетъ болѣе извилистую конфигурацію, берега водостока составляются ярами мощныхъ пластовъ глины, перемѣшанной съ галькою и лежащей на твердомъ сланцѣ, который мѣстами выступаетъ сквозь камень, покрывающій русло. Очевидно, что когда-то дно этой части ущелья на значительную высоту было сплошь замулено глиною и что водостокъ, вырывшій въ ней современное русло, имѣетъ болѣе позднее образованіе, совпадающее съ образованіемъ выхода изъ прежде замкнутаго устья ущелья. Отсюда дорога вы-

водитъ насъ на высокую равнину, имѣющую мѣстами сильно пересѣченный рельефъ. Вправо отъ устья ущелья, за каменистою невысокою грядою, виднѣются вершины финиковыхъ пальмъ *Базмана.* Еще немного — и мы въ тѣни ихъ, около чудесной воды. Невыразимо пріятно чувствуешь себя, когда послѣ цѣлаго ряда переходовъ черезъ раскаленныя, безжизненныя горныя пустыни очутишься среди массы зелени, слышишь поминутно птичьи голоса, видишь журчащую, прозрачную, вкусную воду.

Городъ Базманъ и путь изъ него въ Бампуръ

(29 іюня — 8 іюля).

Городъ *Базманъ* находится невдалекѣ отъ юго-восточнаго окончанія того хребта, который отходитъ отъ потухшаго вулкана *Кухъ-и-Базманъ* и составляетъ юго-западную границу широкой долины *Тагабъ*, и располагается около его южныхъ подножій. Онъ представляетъ 80—100 жалкихъ лачугъ, выстроенныхъ изъ жердей, камыша и пальмовыхъ вай, и защищается крѣпостенкой, поставленной на невысокомъ бугрѣ и сложенной изъ дикаго камня. Ему принадлежитъ обширная и поистинѣ великолѣпная пальмовая роща, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ стволовъ, не считая множества молодыхъ деревъ, пока еще не приносящихъ плодовъ. Какъ здѣсь, такъ и въ Бампурскомъ округѣ, пальмы до извѣстной степени являются мѣриломъ благосостоянія осѣдлаго человѣка. «Я былъ прежде богатъ, когда владѣлъ 50 деревьями», услышите вы; или: «онъ бѣднякъ, у него только два дерева».

Финиковая пальма приноситъ плоды, которые являются не только весьма существеннымъ подспорьемъ къ общему пищевому довольствію, но также продаются и промѣниваются на всевозможные продукты, какъ: хлѣбъ, хлопокъ, шерсть, скотъ, краску, насваръ (жевательный табакъ) и т. д. Ими же уплачивается часть податей. Затѣмъ дерево даетъ матеріалъ для постройки домовъ

и топливо; изъ волоконъ коры вьютъ веревки и приготовляютъ мягкія сандаліи; изъ листьевъ плетутъ прочныя цыновки; изъ древесины вытачиваютъ различную посуду. Зеленые, палые и вообще низкопробные финики собираются въ прокъ на кормъ лошадей и ишаковъ, которые на такой пищѣ скоро откармливаются и здоровѣютъ (въ путешествіи этотъ кормъ можетъ съ успѣхомъ замѣнять ячмень). Ко времени нашего прибытія въ *Базманъ* финики уже начали поспѣвать (между пальмами имѣется нѣсколько сортовъ и въ томъ числѣ скороспѣлые).

Среди садовыхъ породъ здѣсь очень много граната и смоквы (двухъ видовъ); сравнительно въ небольшомъ количествѣ: тутовникъ, яблоня и апельсиновыя деревья («нариндж»), приносящія кисловатые зеленокорые плоды.

Между дико-растущими обращаетъ на себя вниманіе уже упомянутое дерево «кунаръ», достигающее здѣсь крупнаго роста и развивающее толстые стволы; крѣпкія, весьма колючія вѣтви этого дерева служатъ прекраснѣйшими изгородями, напоминающими извѣстныя проволочныя, благодаря тому, что вѣточки располагаются часто болѣе или менѣе въ одной плоскости и расходятся подъ прямыми и тупыми углами. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о двухъ видахъ акаціи и въ особенности о растеніи, называемомъ белуджами «каркъ». Первый разъ мы его встрѣтили въ ущельѣ, ведущемъ на перевалъ *Годаръ-и-Гуальгиръ*. Оно растетъ высокими кустами съ крупными пріостренно-яйцевидными, кожисто-мясистыми листьями и съ хорошо пахнущими кистями сочныхъ, мясистыхъ цвѣтовъ; эти послѣдніе бѣлые, но на внутренней сторонѣ вершинной половины лепестковъ — лиловые; и листья, и зеленые побѣги, при поломахъ, изобильно выдѣляютъ густой, сливочно-бѣлый сокъ. Плоды имѣютъ видъ крупныхъ, изогнутыхъ пузырей. Еще будучи зелеными, они растрескиваются на двѣ створки и освобождаютъ большія летучки съ бѣлымъ, плотнымъ, блестящимъ и шелковистымъ пухомъ, который вѣроятно могъ бы найти кое-какое употребленіе въ промышленности.

Почва *Базмана* песчано-глинистая, перемѣшанная съ мелкимъ щебнемъ.

Орошеніе составляется тремя крупными родниками и нѣсколькими маленькими; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ несутъ слегка солоноватую воду; воды же крупныхъ отличаются очень хорошимъ вкусомъ. Первый родникъ, почитающійся зіаретомъ, даетъ горячую воду (30 іюня въ 7 часовъ утра, при 25° Ц. въ воздухѣ, ея температура равнялась 36½°). Мѣсто, откуда онъ бьетъ, имѣетъ видъ колодца съ отверстіемъ, обложеннымъ кирпичною кладкою; я пробовалъ достать дно полуторасаженнымъ шестомъ, который держалъ въ вытянутой рукѣ, но не досталъ. Вода изъ этого родника сливается въ окружающій его со всѣхъ сторонъ прудикъ, дно котораго подъ босыми ногами кажется весьма теплымъ; отсюда она падаетъ каскадомъ въ узкое русло[1]) и арыками разбирается для орошенія. Второй родникъ располагается ниже (температура воды, 30 іюня въ 6 часовъ пополудни и при 33,5° Ц. въ воздухѣ, равнялась 26°), а третій, дающій самую лучшую воду (въ 6½ часовъ пополудни и въ тотъ-же день, при 33,5° Ц. въ воздухѣ, температура ея равнялась 24°),—еще ниже. По берегамъ арыковъ, выведенныхъ изъ этихъ родниковъ, во многихъ мѣстахъ развиваются лужайки, поросшія мягкою травкою и душистою мятою. Въ ближайшихъ окрестностяхъ города имѣется нѣсколько, лѣтомъ сухихъ, болотцевъ, покрытыхъ колючею невысокою кугою.

Полевое хозяйство *Базмана*, принимая во вниманіе ограниченное количество удобной для него земли, довольно велико. Оно выражается воздѣлываніемъ пшеницы, хлопка, который въ настоящее время цвѣтетъ и уже отцвѣтаетъ, джугары, тыквъ, арбузовъ и дынь (эти овощи въ весьма небольшомъ количествѣ).

Населеніе *Базмана* (650—700 душъ обоего пола) состоитъ частью изъ белуджей и керманскихъ фарсовъ, частью происхо-

1) Подъ каскадомъ, гдѣ вода еще очень теплая, во множествѣ живетъ рыба изъ рода Capoeta.

дитъ отъ курдовъ, поселенныхъ въ немъ Шахъ-Надиромъ и уже давно утратившихъ свой языкъ. Оно исповѣдуетъ шіитизмъ и лишь немногіе белуджи открыто признаютъ себя суннитами. Въ матеріальномъ отношеніи населеніе *Базмана* изображаетъ изрядную нищету. Оно находится въ поголовномъ долгу у мѣстнаго правителя, нѣкоего Ассадула-бэка, который, что называется, деретъ съ живого и съ мертваго. Во время двукратнаго своего пребыванія въ *Базманѣ* я имѣлъ нѣсколько случаевъ познакомиться съ дѣятельностью этого господина, который является однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей мелкой персидской администраціи. Оставляя въ сторонѣ крупныя его дѣянія, какъ напримѣръ продажу девятилѣтней дѣвочки, за долги ея отца, въ жены — сига моему переводчику, я остановлюсь на нѣсколькихъ эпизодахъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствующихъ о наглой безцеремонности, съ которою совершаются поборы, и о циничномъ отсутствіи чувства собственнаго достоинства, съ которымъ они практикуются. Оба раза мы разбивали свой станъ подъ пальмами, принадлежавшими одному изъ мѣстныхъ обывателей. При прощаніи я даю владѣльцу въ знакъ благодарности одинъ туманъ. Ассадула-бэкъ при мнѣ отнимаетъ у него деньги и говоритъ: «русскіе люди должны были остановиться въ моемъ саду, чтобы дать доходъ казнѣ, а ты отбилъ этотъ доходъ»... Съ этими словами онъ приказываетъ снять апельсины съ деревьевъ этого владѣльца и... преподноситъ мнѣ въ бешкешъ. Подарилъ я мальчишкѣ, помогавшему собирать насѣкомыхъ, одинъ кранъ. Бэкъ отнимаетъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что насѣкомыя принадлежатъ казнѣ. Сидитъ онъ однажды у меня въ гостяхъ. Въ это время къ намъ является два музыканта; у меня болитъ голова, и я прошу ихъ удалиться. «Сагибъ!» восклицаетъ бэкъ: «неужели вы ничего не дадите этимъ бѣднымъ людямъ?» Разсерженный, я швыряю имъ кальвадаръ (монета въ два крана), но правитель схватываетъ его съ земли и живо прячетъ въ карманъ. Замѣтивъ мое изумленіе, онъ оправдывается: «ихъ отцы, вотъ уже скоро годъ, какъ мнѣ должны». Тутъ приходитъ ко мнѣ белуджъ съ

капканомъ, который я отдавалъ ему исправлять, и мальчишка съ наловленной имъ рыбой. Первому плачу кальвадаръ, второму — десять шай. Почтенный Ассадула-бэкъ отбираетъ и эти деньги: взрослый отдаетъ ихъ безпрекословно, но по лицу его разливается разочарованіе, мальчишка же плачетъ. Бэкъ дѣлаетъ злые глаза, кричитъ: «у, педеръ-сагъ (собачій отецъ), я еще отдеру тебя за то, что продаешь казенную рыбу!» и даетъ ему шлепка.

Въ *Базманѣ*, за разными расходами, особенно по снаряженію каравана въ Сеистанъ, я оставилъ немало денегъ и твердо убѣжденъ, что всѣ они остались въ рукахъ начальника этого злополучнаго города.

На слѣдующій день по пріѣздѣ своемъ въ Базманъ, именно 30 іюня, я отпустилъ людей и верблюдовъ, взятыхъ изъ Сеистана (люди боялись идти въ *Бампуръ*, такъ какъ имѣли съ тамошними жителями счеты крови и кромѣ того, какъ они мнѣ объясняли, рисковали заболѣть вслѣдствіе «перемѣны воды»), нанялъ въ качествѣ прислуги двухъ человѣкъ и сформировалъ небольшой караванъ до Бампура, рѣшивъ оставить значительную часть клади въ *Базманѣ*. Отъѣздъ былъ назначенъ на утро 4 іюля, а тѣмъ временемъ я предпринялъ рядъ экскурсій по окрестностямъ съ цѣлью познакомиться съ животнымъ ихъ населеніемъ и поохотиться. Въ общей сложности, какъ значится въ дневникѣ, мною пройдено за это время 62 версты.

Въ прибазманскихъ горахъ не составляютъ рѣдкости медвѣди (у белуджей «мамъ»), рѣзко отличающіеся отъ медвѣдя сѣверной Персіи (Ursus syriacus)[1]) и быть можетъ относящіеся къ индійскому Melursus labiatus. Мнѣ удалось при посредствѣ одного охотника получить цѣлую шкуру и черепъ этого звѣря, но къ сожалѣнію они погибли 8 сентября, когда намъ пришлось вслѣдствіе падежа верблюдовъ оставить въ пустынѣ часть багажа.

---

1) Сирійскій медвѣдь извѣстенъ мнѣ изъ горъ области теченія рѣкъ *Чандыръ* и *Сумбаръ*.

Здѣшній медвѣдь отличается блестящимъ чернымъ цвѣтомъ и бѣлою переднею частью груди. Иногда онъ является въ пальмы *Базмана*, взбирается на стволы и лакомится финиками; во многихъ мѣстахъ мнѣ разсказывали, что медвѣди производятъ опустошенія въ садахъ, ломая вѣтви деревьевъ и уничтожая гранаты, апельсины, винныя ягоды, виноградъ и другіе фрукты; посѣщаютъ также бакши, ради тыквъ, арбузовъ и дынь, и поля, на которыхъ высасываютъ наливающійся хлѣбъ. Иногда случается медвѣдю задрать козу или барана, но, какъ я слышалъ, онъ не трогаетъ ни человѣка, ни крупнаго домашняго скота. По ту сторону долины *Тагабъ* медвѣдь дѣлается уже весьма рѣдкимъ. Нерѣдко попадаются леопарды (Leopardus pardus) и дикія кошки (Felis sp.?), изъ которыхъ одну мнѣ удалось поймать въ капканъ; затѣмъ полосатыя гіены (Hyaena striata), весьма часто волки (Canis sp.?), лисицы (Vulpes sp.?), въ громадномъ числѣ шакалы (Canis aureus) и мангусты (Herpestes auropunctatus), называемыя здѣсь «мушъ-хурма», т. е. пальмовыми мышами. Говоря о мѣстныхъ хищникахъ, непремѣнно слѣдуетъ упомянуть о дикой собакѣ, извѣстной подъ названіемъ «сагъ-и-куги» и встрѣчающейся весьма рѣдко; судя по тому, что я о ней слышалъ, она по своему образу жизни напоминаетъ сибирскаго краснаго волка (Canis alpinus). Однажды ночью въ горахъ я слышалъ странные звѣриные крики, громкіе, отрывистые и жалобные, похожіе на взлаиваніе побитой собаки; они были приняты мною за голосъ гіены, но сопровождавшій меня белуджъ-охотникъ сообщилъ, что они принадлежатъ именно «сагъ-и-куги». Затѣмъ здѣсь обыкновенны куланы (Equus indicus), дикіе бараны (Ovis cycloceros) и козлы (Capra aegagrus), антилопы (Gazella fuscifrons)[1], изъ которыхъ мнѣ удалось застрѣлить пару, да еще одну добылъ мой помощникъ, и кабаны, отличающіеся сравнительно небольшимъ ростомъ и быть можетъ относящіеся къ индійской формѣ (Sus indicus Gray). Обыкновенны дикобразы (Hystrix sp.?), зайцы

---

1) Сѣверная Gazella subgutturosa уже нигдѣ здѣсь не встрѣчается.

(Lepus craspedotis), песчанки (Meriones sp.?) и незокіи (Nesokia sp.?).

Птичій міръ, сравнительно съ пройденными частями западнаго Саргада, отличается довольно большимъ разнообразіемъ. Перечисленіе всѣхъ найденныхъ мною видовъ завело бы слишкомъ далеко, и потому я ограничусь указаніемъ лишь на нѣкоторые. Среди хищниковъ не рѣдки ягнятники (Gypaëtos barbatus), стервятники (Percnopterus stercorarius), между которыми, судя по одному убитому мною экземпляру, начинаетъ попадаться индійскій видъ (Percnopterus ginginianus), благородные орлы (Aquila fulva var.) и орлы долгохвостые (Aquila fasciata), ястреба (Astur badius), совки (Scops brucei var.) и бенгальскіе филины (Bubo bengalensis). Изъ дятловыхъ птицъ весьма обыкновенны индійскія сиворакушки (Coracias indica), между которыми еще встрѣчаются европейскія (C. garrula), стрижи (Cypselus affinis и C. apus var.), козодои (Caprimulgus unwini); рѣже удоды (Upupa epops) и синдскіе дятлы (Picus sindianus). Изъ пѣвчихъ птицъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе веселые звонко-голосые буль-були (Ixus leucotis), скотоцерки (Scotocerca inquieta) и суи (Chatorhea huttoni), затѣмъ, преимущественно около воды, дримойки (Drymoica lepida). Обыкновенны пустынные вòроны (Corax umbrinus), чеканы (Saxicola albonigra и несравненно рѣже S. picata), сорокопуты (Lanius fallax), большія щеврицы (Anthus jerdoni), овсянки (Emberiza melanocephala, очень рѣдко E. striolata), обыкновенные и желтогорлые воробьи (Passer indicus и Gymnoris flavicollis), пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides) и хохлатые (Galerita magna). Изъ голубиныхъ часто встрѣчаются дикіе голуби (Columba intermedia), горлички обыкновенныя (Turtur auritus), египетскія (T. cambayensis) и смѣющіяся (T. risorius). Изъ куриныхъ весьма обыкновенны рябки (Pterocles coronatus, Pt. senegallus, Pt. alchata и, гораздо рѣже, Pt. arenarius), куропатки (Caccabis chukar var. и Ammoperdix bonhami); мѣстами обыкновенны куропатки индійскія (Ortygornis ponticeriana). Между мѣстовыми куликами замѣчены индійскія

пигалицы (Lobivanellus indicus) и авдотки (Oedicnemus crepitans). Міръ гадовъ представленъ также очень хорошо. Пока упомяну о стелліонахъ (Stellio nuptus et var. fusca), трехъ видахъ гекконовъ, змѣеподобныхъ ящерицахъ (Zygnopsis brevipes), двухъ видахъ ящерокъ (Eremias), агамахъ (Agama sanguinolenta), рогатой гадюкѣ (Cerastes persica), очковой змѣѣ (Naja tripudians) и пустынномъ ужѣ (Psammophis leythi). Сборомъ безпозвоночныхъ животныхъ я остался весьма доволенъ. Между насѣкомыми здѣсь попадаются уже тропическія формы. Особенное вниманіе обращаютъ на себя два вида бабочекъ, вѣроятно относящихся къ индо-малайской фаунѣ; одинъ изъ нихъ принадлежитъ къ роду Papilio (безъ хвостиковъ на заднихъ крыльяхъ), другой — къ незнакомому мнѣ роду (съ синими желто-окаймленными крыльями и съ красными на нихъ глазками).

Пройденный путь изъ урочища *Дузъ-абъ* въ *Базманъ*, начиная съ урочища *Заптокъ*, для колеснаго движенія непригоденъ. Трудный путь отъ *Заптокъ* до *Мургакъ* можетъ быть замѣненъ обходною дорогою отъ урочища *Кале-и-Бидъ* на колодцы *Чахъ-и-Ахмедъ*, равниною *Тагуръ* и мимо болота *Хамунъ-и-Джаори*, по руслу *Рудъ-и-Маджедокъ* въ долину *Тагабъ*. По этой послѣдней, оставляя *Базманъ* вправо и получая воду изъ сосѣднихъ горъ, можно довольно удобно, но небольшими эшелонами, такъ какъ иначе не хватитъ воды, пройти въ *Бампуръ* по имѣющейся здѣсь дорогѣ. Часть этого пути, начиная отъ мѣста *Каскинъ*, ниже описывается.

На всемъ пути отъ *Дузъ-аба* до *Базмана* болѣе или менѣе постоянное населеніе можно найти только въ урочищѣ *Куринъ*. Что касается до насъ, то по дорогѣ изъ культурнаго Сеистана въ *Базманъ* мы видѣли людей только въ *Дузъ-абѣ* и въ *Куринѣ*. Впрочемъ, на переходѣ изъ *Кухъ-и-Мургакъ* въ *Шуръ-абъ* мы встрѣтили 5 человѣкъ белуджей, по всѣмъ признакамъ бывшихъ либо ворами, либо разбойниками. Въ этихъ самыхъ мѣстахъ, на возвратномъ нашемъ пути, на меня и на одного изъ моихъ людей было произведено нападеніе, при чемъ я хорошо узналъ въ лицо

одного изъ нападавшихъ, который принадлежалъ именно къ сейчасъ упомянутой шайкѣ.

Оставивъ часть багажа въ Базманѣ, мы (т. е. я, препараторъ Литвиновъ, переводчикъ, два человѣка прислуги и шотурдаръ), размѣстившись на четырехъ верблюдахъ (прислуга должна была идти пѣшкомъ) и одномъ мулѣ, котораго я взялъ спеціально для себя, на разсвѣтѣ 4 іюля двинулись въ *Бампуръ*. Въ этотъ день мы прошли только семь верстъ, до мѣста *Кягуръ*, которое обѣщало хорошую зоологическую добычу. Общее направленіе пути юго-юго-восточное. Дорога предварительно проходитъ черезъ прибазманскую равнину, по которой въ разныхъ мѣстахъ поднимаются одинокія холмистыя возвышенности. Почва ея болѣе или менѣе мягкая, мѣстами грубо-песчаная, мѣстами сочащаяся мочежинами. Пески покрыты зарослями высокой травы вродѣ киргизскаго чія, мочежины — колючею кугою. Въ низкихъ южныхъ частяхъ равнины весьма обыкновенна особливаго вида ползучая пальма (у белуджей «дазъ», у персіянъ «хурма-шайтани», т. е. чортовъ финикъ), состоящая изъ разстилающихся по поверхности земли вѣтвящихся стволовъ, которые развиваютъ пышные букеты вай, состоящихъ изъ длинныхъ черешковъ и вѣерообразно разсѣченныхъ пластинъ. Часто встрѣчаются растенія, похожія на алоэ. Вскорѣ спускаемся въ русло *Рудъ-хане-и-Кягуръ*, начало котораго лежитъ въ горахъ къ сѣверо-западу отъ *Базмана*; въ него сливаются базманскія воды и впадаетъ водостокъ, берущій начало съ юго-западнаго склона перевала *Годаръ-и-Гуальгиръ*. Это русло вьется среди сѣрыхъ гранитныхъ обрывовъ, сильно разрушившихся на поверхности и осыпающихся пескомъ во время здѣшнихъ вѣтровъ. Дно усыпано каменными глыбами и обломками различныхъ горныхъ породъ, лежащими на грубомъ, тяжеломъ пескѣ, который образовался изъ мѣстнаго гранита. Растительность довольно пышная и состоитъ изъ колючаго камыша, чіеподобной травы, вѣерной пальмы и т. п. Пески исчерчены слѣдами гіенъ, шакаловъ, свиней, мангустъ и другими, между которыми сразу обращаютъ на себя вниманіе крупные медвѣжьи слѣды. Въ нѣ-

сколькихъ мѣстахъ они сыроваты и содержатъ воду на самой небольшой глубинѣ; стòитъ только вырыть въ нихъ прямо руками ямку, сейчасъ же въ ней показывается чистая и вкусная вода. Вскорѣ дорога оставляетъ это русло, такъ какъ оно образуетъ крутыя пади и сплошь засыпается большими каменными глыбами, среди которыхъ вьючныя животныя не могутъ идти, и поднимается въ горы, сопровождающія его съ лѣвой стороны. Сдѣлавъ довольно крутой перевалъ черезъ эти послѣднія, мы спускаемся въ вершину долины, которая располагается значительно выше, чѣмъ *Рудъ-хане-и-Кягуръ*, но направляется почти ей параллельно. Ея водостоки склоняются къ юго-юго-востоку и поросли густыми, тѣнистыми деревьями «кунаръ», вѣерною пальмою и разнообразными кустарниками, между которыми замѣчено нѣсколько видовъ, до сихъ поръ еще не наблюдавшихся. Спустившись по долинѣ приблизительно версты на полторы, дорога оставляетъ ее и, сдѣлавъ короткій и пологій подъемъ къ юго-западу, снова приводитъ насъ, среди гранитныхъ глыбъ и скалъ, къ прежнему руслу. Здѣсь мы находимъ нѣсколько одиноко стоящихъ старыхъ и высокихъ (до 4 саженей) деревьевъ акаціи того самаго вида, изъ котораго главнымъ образомъ состоятъ бампурскіе лѣса, и останавливаемся около нихъ. Именно эти деревья — у белуджей «кягуръ» — даютъ названіе нашему руслу.

Рудъ-хане-и-Кягуръ здѣсь сильно стѣснена невысокими гранитными и конгломератовыми ярами. По дну ея, бòльшею частью заваленному крупными глыбами камня, среди зарослей обыкновеннаго тамарикса «гязь» и «куръ-гязь», колючаго камыша, высокой чіеподобной травы и одиночныхъ деревъ «кунаръ», располагается рѣчка, представляющая цѣлый рядъ плёсовъ, лежащихъ частью на камнѣ, частью на грубомъ зыбучемъ пескѣ. Вода прѣсная, но въ нижнихъ плесахъ имѣетъ слегка затхлый и замѣтно солоноватый вкусъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея глубина достигаетъ сажени. Къ сожалѣнію она теплая, и потому купанье въ ней почти нисколько не освѣжаетъ. Въ ней масса рыбы двухъ видовъ (Capoeta sp.? и Nemachilus sp.?) и крабовъ; нѣкоторые

плесы кишатъ ими словно садки. Птицъ здѣсь весьма много, но онѣ принадлежатъ лишь нѣсколькимъ видамъ. По своему обилію обращаютъ на себя вниманіе бродячіе табуны горличекъ (Turtur risorius) и, въ особенности, рябки (Pterocles coronatus и Pt. senegallus, рѣже Pt. alchata sewertzowi и еще рѣже Pt. arenarius), которыхъ на утреннихъ водопояхъ за два часа сидки можно настрѣлять не меньше сотни.

Къ вечеру слѣдующаго дня, 5 іюля, мы сдѣлали переходъ въ десять верстъ съ тѣмъ, чтобы ночью идти дальше. Оставивъ стойбище, поднимаемся на прежнюю возвышенность, которая здѣсь имѣетъ видъ риксара и принимаетъ характеръ слегка волнистой пустыни, скучной и печальной, со щебнистою поверхностью, усыпанною крупнымъ и мелкимъ камнемъ темнаго цвѣта. Она скудно поросла безлиственными кустами, похожими на обыкновенный Zygophyllum, но съ вѣтвями, покрытыми частыми колючками. Направляясь къ юго-востоку и юго-юго-востоку, мы вскорѣ пересѣкаемъ водостоки, идущіе изъ вышеупомянутой долины, которая лежитъ къ востоку отъ *Рудъ-хане-и-Кягуръ*; ихъ путь обозначенъ деревцами купара, мелкорослой акаціи и кустами какого-то высокаго, жесткаго, теперь уже давно высохшаго злака. Черезъ нѣсколько верстъ пути достигаемъ окраины пройденной нами каменистой пустыни и спускаемся къ водостоку, за которымъ разстилается уже знакомая намъ долина *Тагабъ*, въ этомъ мѣстѣ значительно расширившаяся. Здѣсь, ради обилія саксаула, мы останавливаемся, чтобы покормить верблюдовъ, да и самимъ напиться чаю (вода взята изъ *Кягура*, такъ какъ до самаго урочища *Каскинъ* ея нигдѣ не имѣется).

Пройденная каменистая пустыня представляетъ юго-восточное окончаніе тѣхъ горъ, которыя мы перевалили по дорогѣ въ Базманъ (перевалъ *Годаръ-и-Гуальгиръ*) и которыя съ юго-западной стороны ограничиваютъ *Тагабъ*. Уже поднявшись на нее изъ *Рудъ-хане-и-Кягуръ*, можно различить на сѣверо-востокѣ и востокѣ рядъ хребтовъ, составляющихъ отроги общаго поднятія, протянувшагося съ сѣверо-запада на юго-востокъ; они огра-

ничиваютъ съ сѣверо-восточной стороны долину *Тагабъ*. Перечисляя эти хребты въ описаніи перехода изъ урочища *Шуръ-абъ*, я остановился на *Шуръ-и-Кухъ*. Съ мѣста настоящей стоянки рѣзко обозначаются еще слѣдующіе (считая съ сѣверо-запада и начиная съ *Шуръ-и-Кухъ*):

Кухъ-и-Кягурокъ,
Кухъ-и-Парракъ,
Кухъ-и-Кягуръ,
Кухъ-и-Шуръ,
Кухъ-и-Каскинъ.

Въ ущельяхъ, ихъ раздѣляющихъ, имѣется вода, бо̀льшею частью въ весьма небольшомъ количествѣ, частью въ родникахъ, частью въ колодцахъ.

Край риказара около нашей стоянки въ обѣ стороны на нѣсколько верстъ имѣетъ видъ берега, который мѣстами круто подмытъ водостокомъ.

Часа черезъ полтора, завьючивъ верблюдовъ, мы отправляемся въ путь. Взявъ съ собою фонарь, я съ Литвиновымъ пошелъ по тропѣ впередъ, чтобы поискать какую-нибудь ночную добычу. Дѣйствительно, намъ удалось поймать пару гекконовъ, въ коллекціи до того еще не имѣвшихся, добыть песчаную гадюку (Echys arenicola) и застрѣлить крупную рогатую змѣю (Cerastes persica). Вскорѣ однако мы и сами спутались съ дороги и спутали караванъ, который шелъ на свѣтъ фонаря. Прошло съ полчаса, пока была найдена настоящая тропа и были загнаны на нее верблюды. Путь направляется къ южному окончанію горъ *Кухъ-и-Каскинъ*, ясно виднѣющемуся при яркомъ блескѣ уже разгорѣвшихся звѣздъ и млечнаго пути. По дорогѣ пересѣкаемъ нѣсколько водостоковъ, изъ которыхъ одинъ особенно широкъ (шаговъ до 200) и глубокъ, съ крутымъ и высокимъ лѣвымъ берегомъ. Этотъ водостокъ называется *Кунаръ-бэстъ*, и именно въ верхней его части мы останавливались по дорогѣ изъ *Шуръ-абъ* въ *Базманъ*. Онъ принимаетъ бо̀льшую часть другихъ водо-

стоковъ горъ юго-восточной части *Тагаба*, именно: на востокѣ начиная съ того, который бѣжитъ между хребтами *Кухъ-и-Шуръ-абъ* и *Кухъ-и-Испіава*, и кончая идущимъ между *Кухъ-и-Шуръ* и *Кухъ-и-Каскинъ*; на западѣ — начиная съ водостоковъ горъ, лежащихъ около мѣста *Пэнджъ-Сара*, и кончая тѣми, которые сбѣгаютъ съ риксара, отдѣляющаго *Тагабъ* отъ *Рудъ-хане-и-Кягуръ*. Эта послѣдняя, такъ-же какъ и большой водостокъ *Кунаръ-бэстъ*, впадаютъ въ русло Бампурской рѣки тамъ, гдѣ она уже вступаетъ въ область болотистаго урочища *Джасъ-Маріанъ-Хамунъ*. Окрестная мѣстность представляетъ равнину съ глинистою почвою, перемѣшанною со щебнемъ и на поверхности мѣстами весьма изобильно засыпанною пескомъ. Растительность состоитъ изъ саксаула и различныхъ кустарниковъ. Пройдя отъ мѣста послѣдней остановки около 12 верстъ, мы оставляемъ невдалекѣ вправо сухіе колодцы *Чахъ-и-дорра* (? *Чахъ-и-ду-Ра*), за которыми пересѣкаемъ зимнюю дорогу изъ урочища *Шуръ-абъ* въ *Бампуръ*. Вотъ уже 20—25 лѣтъ, какъ они перестали давать воду; ихъ нѣсколько разъ пробовали углублять, но все безуспѣшно. Около этихъ колодцевъ считается половина дороги между *Рудъ-хане-и-Кягуръ* и мѣстомъ *Каскинъ* (всего 44 версты). На разсвѣтѣ мы подходимъ къ невысокимъ холмистымъ возвышенностямъ, заслоняющимъ подошву горъ *Кухъ-и-Каскинъ* и, ограничивая равнину, далеко уходящимъ въ юго-восточную сторону. Здѣсь дорога сильно уклоняется къ востоко-сѣверо-востоку и оставляетъ на западѣ южное окончаніе названныхъ горъ. Эти послѣднія направляются сначала къ востоку и потомъ заворачиваютъ на сѣверо-сѣверо-востокъ, образуя высокій мысъ, который сильно поднятъ надъ сравнительно низкой гористой страной, разстилающейся отъ нихъ далеко къ востоку и къ юго-востоку. Пройденная теперь равнина составляетъ устье долины *Тагабъ*, гдѣ эта послѣдняя впадаетъ въ обширную котловину *Бампура*. Такимъ образомъ *Тагабъ* имѣетъ два выхода: сейчасъ упомянутый, юго-восточный, и вышеуказанный, сѣверо-западный, который черезъ русло *Дарызабъ* и болото *Хамунъ-и-Самысуръ* откры-

вается въ большую пустыню *Лутъ.* Надо замѣтить, что сѣверная часть Бампурской котловины сохраняетъ названіе *Тагабъ.* Вскорѣ входимъ на водостокъ и, среди невысокихъ возвышенностей, достигаемъ его вершины. Далѣе дорога идетъ сильно пересѣченною мѣстностью, среди безплодныхъ, обожженныхъ солнцемъ камней и земель, и версты черезъ полторы отъ вершины водостока подводитъ насъ къ очень глубокой, скалистой пади, по дну которой вьется пересыхающій лѣтомъ ручей *Рудъ-и-Каскинъ.* Спускъ къ нему очень крутой и имѣетъ видъ глубокаго коридора; духота въ этомъ послѣднемъ страшная, а отъ раскалившихся стѣнъ такъ и пышетъ жаромъ. Спустившись въ русло, находимъ нѣсколько мелкихъ ямъ, наполненныхъ водою. Это и есть мѣсто *Каскинъ* — лѣтняя станція по дорогѣ изъ г. Базманъ въ Бампуръ. Ниже, по склону русла, воды уже нигдѣ не имѣется.

Всего отъ края равнины мы прошли горами около $4^1/_2$ верстъ, слѣдовательно ширина устья долины Тагабъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы его пересѣкли, равняется почти 30 верстамъ.

Весь день по приходѣ на мѣсто и почти весь слѣдующій день, 7 іюля, былъ посвященъ сбору зоологической добычи, которая, особенно по части насѣкомыхъ, оказалась довольно изобильною.

Русло *Рудъ-и-Каскинъ,* какъ мнѣ разсказывали белуджи, встрѣтившіеся намъ у воды и шедшіе съ кочевьевъ около болота *Хамунъ-и-Джаори,* начинается фарсангахъ въ 7—8 къ сѣверо-востоку отсюда, съ южныхъ склоновъ хребта *Кухъ-и-Гоудери.* Оно направляется къ юго-западу и впадаетъ въ Бампурскую рѣку, независимо отъ большого водостока *Кунаръ-Бэстъ;* въ нѣкоторыя зимы количество воды, имъ сносимой, бываетъ весьма значительно.

Въ изслѣдованной мною части (верстъ на 10 вверхъ отъ стойбища) *Каскинъ* представляетъ глубоко лежащее русло съ каменистымъ, а мѣстами мягко-глинистымъ намывнымъ ложемъ; ширина его незначительна и на первыхъ 3—4 верстахъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ болѣе 150 шаговъ. Берега русла бо̀льшею частью круты и во многихъ мѣстахъ, саженей до семи

въ высоту, совершенно отвѣсны. Вблизи отъ стойбища они сложены изъ мягкаго песчаника и различной плотности конгломератовъ. Верстахъ въ 4—4½ имѣется солоноватоводный ручей, бѣгущій сотенъ на пять шаговъ и мѣстами теряющійся въ руслѣ; вода въ немъ почти непригодна для употребленія. Около самаго стойбища, въ вышеупомянутыхъ ямахъ, вода теплая, слегка затхлая, солоноватая и на цвѣтъ бурая. Впрочемъ въ одной изъ нихъ, сохраняя тотъ-же бурый цвѣтъ, она совсѣмъ прѣсная, хотя и не особенно вкусная. Въ видѣ лужицъ и слабыхъ струекъ, едва пробивающихся изъ грунта въ затѣненныхъ мѣстахъ подъ скалами, она встрѣчается на протяженіи первыхъ 1½ верстъ, при чемъ обладаетъ здѣсь лучшими качествами. Въ одномъ мѣстѣ она образуетъ плесъ въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, при глубинѣ въ 5½ футовъ. Рано утромъ, когда вода болѣе или менѣе остынетъ, въ немъ можно устроить великолѣпнѣйшее купанье.

Растительности по руслу около стойбища нѣтъ почти никакой: рѣдкіе одиночные кустики тамарикса и чахлыя былинки травъ. Выше же, около соленоводнаго ручья и дальше, имѣются довольно густыя тамариксовыя заросли.

Окрестныя горы отличаются крайне пустыннымъ характеромъ. Ихъ жалкая кустарная растительность уже давно погорѣла на солнцѣ и кажется совершенно засохшею. Зато, благодаря близости сравнительно обильной воды, въ нихъ водится много разнаго звѣря: барановъ (Ovis cycloceros), антилопъ (Antilope bennetti и вѣроятно A. fuscifrons), козловъ (Capra aegagrus), кулановъ (Equus indicus), гіенъ (Hyaena striata), лисицъ и дикобразовъ. Мягкая земля у водопоевъ положительно вся избита слѣдами этихъ животныхъ. Водятся въ здѣшнихъ горахъ также леопарды (Leopardus pardus) и гепарды (Cynaelurus jubatus). Этого послѣдняго я видѣлъ шагахъ въ 70 отъ себя и, будь въ это время у меня винтовка, его легко можно было бы застрѣлить, такъ какъ онъ шелъ тихо и поминутно на меня озирался (вѣроятно разомлѣвъ отъ жары; въ этотъ день, 6 іюля, въ

4 часа пополудни Ц. показывалъ въ тѣни 56°). Водится здѣсь еще какая-то крупная дикая кошка, слѣды которой я видѣлъ во многихъ мѣстахъ; судя по этимъ слѣдамъ, она должна быть крупнѣе каракала (Felis caracal).

Къ сожалѣнію, несмотря на массу звѣря, по которому отлично можно было бы поохотиться, подкарауливая его изъ засадокъ у водопоевъ, я, за массой всевозможнаго дѣла, принужденъ былъ отказаться отъ охоты и ограничиться лишь стрѣльбою птицъ.

Птицъ въ каскинскихъ горахъ немного видовъ, но во множествѣ представителей нѣкоторыхъ изъ нихъ. Особенно часто попадаются рябки (Pterocles coronatus, Pt. senegallus, рѣже Pt. alchata sewertzowi); въ великомъ множествѣ встрѣчаются пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides) и рѣже жаворонки хохлатые (Galerita magna). Весьма были обыкновенны горлички-хохотушки (Turtur risorius), вѣроятно попавшія сюда на кочевьѣ. Затѣмъ наблюдались въ небольшомъ числѣ скалистыя куропатки (Caccabis chukar var.) и пустынныя (Ammoperdix bonhami), пустынные вороны (Corax umbrinus), вьюрки (Bucanetes githagineus), индійскія сиворакушки (Coracias indica), пустынныя ласточки (Ptyonoprogne obsoleta), сѣрые сорокопуты (Lanius fallax), чеканы (Saxicola albonigra), бенгальскіе филины (Bubo bengalensis), пустельги (Tinnunculus alaudarius var.), стервятники обыкновенные (Percnopterus stercorarius) и рѣже индійскіе (P. ginginianus).

Наиболѣе высокія части хребта *Кухъ-и-Каскинъ* располагаются отъ стойбища въ ССЗ. направленіи. Мѣстность, лежащая къ востоку отъ него, по существу дѣла представляетъ высокое плоскогоріе, волнистое, пересѣченное относительно невысокими холмами и глубоко прорѣзанное рѣсломъ *Рудъ-и-Каскинъ* съ водостоками, въ него впадающими. Отъ мѣста стоянки ведетъ тропа къ ВСВ. въ урочище *Дарекіанъ* (4½—5 фарсанговъ), въ которомъ имѣется вода и нѣсколько финиковыхъ пальмъ, и далѣе къ урочищу *Дамэ* (*Дамин*ъ), въ которомъ есть небольшое селеніе и много тѣхъ-же пальмъ (1½—2 фарсанга за *Дарекіанъ*).

Незадолго до солнечнаго заката 7 іюля мы покидаемъ *Каскинъ* и перебираемся верстъ на одиннадцать по бампурской дорогѣ. Дорога сначала спускается по руслу, благодаря чему я имѣю возможность осмотрѣть новыя его части. Берега русла составлены изъ чередующихся пластовъ конгломератовъ и песчаниковъ, мѣстами поставленныхъ совершенно вертикально. Иногда эти пласты поднимаются прямо изъ русла, при чемъ вода часто смываетъ песчаникъ такъ, что остаются одни лишь конгломератовые слои, торчащіе то миніатюрными пиками, то тонкими отвѣсными стѣнами. Въ берегахъ промыты тѣнистые коридоры и разсѣлины — притонъ разнаго хищнаго звѣря, какъ это видно по слѣдамъ.

Вскорѣ мы оставляемъ *Рудъ-и-Каскинъ* и, поднявшись на высоты его лѣваго берега, вступаемъ на высокую волнистую равнину, по которой идемъ почти прямо на югъ. Эта равнина представляетъ высокую каменистую степь, направляющуюся къ городу *Фарра*, на юго-востокъ; она понижается къ югу и, въ особенности, къ юго-западу, мѣняя свой каменистый грунтъ на болѣе мягкія глинистыя и песчаныя почвы бампурскихъ низинъ. Сѣверо-восточныя ея границы составляются относительно невысокими гористыми цѣпями, изъ которыхъ хорошо замѣтна одна, именно *Кухъ-и-Каттаканъ*; за этою послѣднею поднимается другая, подъ названіемъ *Кухъ-и-Даминъ*. На ССЗ. виднѣются высокая, остроконечная вершина *Кухъ-и-Базманъ* (*Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ*) и высокіе горные хребты страны *Нармеширъ*. Пройдя около 9 верстъ, мы пересѣкаемъ широкій водостокъ (не уже полуверсты)[1]) *Лябъ-Гязанъ*; невдалекѣ вверхъ по нему виднѣются тамариксовыя заросли, около которыхъ располагаются колодцы *Чахъ-и-Лябъ-Гязанъ*. Въ двухъ верстахъ дальше мы дѣлаемъ остановку, чтобы позднею ночью идти въ *Бампуръ*. Мѣсто остановки — широкій водостокъ, называемый *Будданъ*; верстахъ въ

---

1) По пути къ нему дорога пересѣкаетъ частые, но неширокіе водостоки.

семи вверхъ по его склону имѣются колодцы съ слегка солоноватою водою — *Чахъ-и-Будданъ*; они располагаются у подножія невысокой горной цѣпи (того-же названія), которая виднѣется нѣсколько западнѣе вышеупомянутой *Кухъ-и-Каттаканъ*. Растительность мѣстности, пройденной отъ *Каскинъ*, довольно богатая, кустарная, но въ настоящее время года представляющая самый печальный видъ, такъ какъ кустарники бо̀льшею частью стоятъ безъ зелени и кажутся полузасохшими и даже совсѣмъ засохшими. Изрѣдка попадаются одиночно стоящія невысокія деревья акаціи (кягуръ) и кунара. Обращаютъ на себя вниманіе высокіе кусты (до $1\frac{1}{2}$ сажени) какого-то деревянистаго растенія, не наблюдавшагося въ сѣверныхъ пустыняхъ. Оно имѣетъ тонкія, длинныя, прямыя и очень жесткія вѣточки зеленаго цвѣта, которыя уже осыпали свои листья и одновременно покрыты цвѣтами и поспѣвшими плодами; цвѣты мелкіе, желтоватые, пахнутъ какъ у джидды (Elaeagnus), но не такъ сильно; плоды имѣютъ видъ крупныхъ бобовъ, растрескивающихся только по одному шву и освобождающихъ массу крупныхъ, пушистыхъ летучекъ. Любопытны также кусты высокаго молочая съ ярко-зелеными свѣжими и ярко-желтыми сухими листьями. Изъ птицъ намъ встрѣчались только пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides), да изрѣдка скотоцерки (Scotocerca inquieta). Съ наступленіемъ ночи я по обыкновенію зажегъ фонарь, но насѣкомыхъ на огонь летѣло очень мало.

Въ полночь съ 7 на 8 іюля идемъ уже прямо въ *Бампуръ*. Вскорѣ за мѣстомъ ночлега мы проходимъ мимо двухъ высокихъ кучъ камня, — одна вправо отъ дороги, другая — влѣво; онѣ извѣстны подъ названіемъ *Чидэ-и-Гоуди* и, по преданію, насыпаны воинами Александра Македонскаго, стоявшими здѣсь лагеремъ. Какъ можно разобраться въ темнотѣ ночи, дорога проходитъ сначала вышеописанною мѣстностью, пересѣкая небольшіе плоскоберегіе водостоки. Растительность то сильно рѣдѣетъ, и равнина становится настоящею пустынею, то снова становится болѣе или менѣе пышною. Изрѣдка темными и массивными си-

луэтами по сторонамъ дороги выдѣляются высокія деревья акаціи («кягуръ»). Съ разсвѣтомъ, вдали и почти прямо на югъ, я вижу бугоръ, на вершинѣ котораго въ бинокль различаю укрѣпленіе. Это цитадель *Бампура*. Съ разсвѣтомъ же оказывается, что мы находимся среди обширной безводной равнины, заросшей кустами различныхъ растеній и одиночными, широко разсѣянными, деревьями «кягуръ». Вдали, на западѣ и юго-западѣ, въ глубокихъ частяхъ равнины виднѣются большія и малыя площади бугристыхъ песковъ, а дальнѣйшій горизонтъ скрываетъ свои подробности въ пыли, поднятой вчерашнимъ вѣтромъ и еще не успѣвшей осѣсть. За тою-же пылью не видно ни гиганта *Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ* на сѣверо-западѣ, ни какихъ-бы то ни было горъ на востокѣ. Около дороги, то тамъ, то здѣсь, встрѣчаемъ небольшія четырехугольныя площадки, расчищенныя отъ камня, который убранъ валикомъ на ихъ окраинахъ. Онѣ служатъ для намаза, устраиваются благочестивыми людьми и составляютъ одну изъ особенностей большихъ дорогъ здѣшней страны. По пути, пройденному изъ Сеистана въ *Базманъ*, я ихъ нигдѣ не видѣлъ. Пройдя около 18 верстъ, считая отъ послѣдней стоянки, мы вступаемъ въ бугристые пески, изобильно поросшіе незнакомыми, пышными, высокими кустарниками и акаціею. Эта послѣдняя образуетъ здѣсь уже настоящій лѣсъ, — первый послѣ лѣсовъ *Герри-Руда*. Я останавливаюсь въ тѣни и, дождавшись отставшаго каравана, дѣлаю нѣсколько глотковъ воды. Усталость проходитъ и чувствуется приливъ новой бодрости. «Ну», думаю: «здѣсь уже должны встрѣчаться южныя, индійскія птицы», и снимаю ружье изъ-за плечъ. И точно: въ тотъ-же моментъ слышу хлопанье крыльевъ у вершины дерева, вижу какого-то незнакомаго ястреба, стремительно вылетающаго изъ чащи, и валю его мѣткимъ выстрѣломъ. Бѣгу къ своей добычѣ и съ восторгомъ узнаю въ ней индо-малайскаго Butastur teesa. Вслѣдъ за громомъ выстрѣла слышу рѣзкіе, незнакомые крики; поспѣшно подобравъ убитую птицу, я мчусь туда, откуда они раздаются, какъ-то неожиданно выпугиваю какую-то куропатку и, застрѣливъ ее, признаю въ

ней Ortygornis ponticeriana, которую до сихъ поръ еще никогда не держалъ въ рукахъ. Радости моей нѣтъ границъ, и я торжествую... Вдругъ, совсѣмъ близко, раздается странный свистъ; я оглядываюсь и замѣчаю крошечную птичку, кажущуюся совершенно черною; вкладываю въ ружье мелкодробный патронъ и, нѣсколько секундъ спустя, первый разъ въ жизни разсматриваю великолѣпнаго медососа (Nectarinia brevirostris). Чувствую, что глаза мои смѣются отъ удовольствія, что лицо складывается въ улыбку и что видъ мой для посторонняго наблюдателя, какимъ въ данномъ случаѣ является одинъ изъ моихъ людей, смотрящій на меня весьма подозрительно, становится совсѣмъ глупый. Однако надо догонять караванъ и торопиться въ *Бампуръ*: становится жарко, а песокъ, засыпающійся въ туфли («гивэ»), жжетъ ноги какъ огнемъ. Переходимъ рядъ водостоковъ, ложе которыхъ замулено мягкою глиною; повидимому, еще недавно по нимъ бѣжала вода. Лѣсъ рѣдѣетъ, и мы, сдѣлавъ отъ начала песковъ 10—12 верстъ, подходимъ къ *Бампуру*. Благодаря любезности начальника мѣстнаго гарнизона («Али-Ханъ-Султанъ, Ибрагимъ-Ханъ-Доулэ, Богадуръ, герсари белючьистани»), я имѣю возможность разбить свой станъ около цитадели въ единственномъ здѣсь и довольно-таки плохомъ саду, подъ тѣнью нѣсколькихъ пальмъ и развѣсистыхъ высокихъ деревьевъ «кунара» (одно изъ нихъ не ниже 5 саженей).

Бампуръ, Фарра и Бампурская рѣка

(8—27 іюля).

Въ *Бампурѣ* меня ожидаетъ масса хлопотъ, съ которыми я спѣшу раздѣлаться какъ можно скорѣе, чтобы на слѣдующій день уже можно было бы приняться за свое прямое дѣло.

Прежде всего я разсчитываюсь съ шотурдаромъ за верблюдовъ, взятыхъ изъ *Базмана*. Затѣмъ узнаю, что въ настоящее время я могу найти верблюдовъ только въ *Фарра*, теперешней

резиденціи губернатора Бампурскаго округа, и что, слѣдовательно, мнѣ надлежитъ перебираться туда. Кромѣ того, мнѣ сообщаютъ, что вслѣдствіе недавно прекратившагося белуджскаго мятежа, поднятаго еще въ 1896 году Гюссейнъ-ханомъ, поля не убирались въ теченіе двухъ лѣтъ и что цѣны на хлѣбъ, а равно на перевозочныя средства, стоятъ чрезвычайно высокія; сообщаютъ о томъ, что въ окрестной странѣ еще бродятъ разбойничьи шайки изъ разсѣявшихся скопищъ Гюссейнъ-хана, и что потому будетъ трудно найти людей, которые рискнули бы сопровождать меня къ берегу моря. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ меня провѣрить свою кассу, при чемъ я убѣждаюсь въ недостаточности наличныхъ денегъ и въ необходимости прибѣгнуть къ резерву, который, согласно сдѣланному мною въ Россіи распоряженію, долженъ былъ ждать въ Сеистанѣ. Надо замѣтить, что, уѣзжая въ Персію, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи только деньги, выданныя мнѣ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, изъ которыхъ сравнительно немалую сумму пришлось затратить на предварительное снаряженіе и на дорогу до Мешеда. Содержаніе же сохраненное мнѣ на время командировки по мѣсту служенія въ Псковскомъ кадетскомъ корпусѣ я просилъ высылать помѣсячно въ Сеистанъ на имя его правителя, Миръ-Масумъ-Хана, до моего востребованія. По разсчету къ настоящему времени должны были выслать уже четырехъ-мѣсячное содержаніе, за которымъ я и рѣшилъ послать гонца. Таковой нашелся скоро; онъ взялся за вознагражденіе въ 125 кальвадаровъ (около 50 рублей) съѣздить на своемъ бѣговомъ верблюдѣ «шотуръ-бадъ» за этими деньгами и къ концу мѣсяца доставить ихъ въ Бампуръ. Утромъ слѣдующаго дня онъ долженъ былъ отправиться въ путь. На завтра же я приказалъ своему переводчику съѣздить въ Фарра, чтобы передать губернатору мой салямъ и спросить у него хукму[1]), нанять скотъ для перевозки туда багажа и, если оказались бы въ городѣ купцы,

1) Хукма — родъ открытаго листа для свободнаго проѣзда.

купить кое-какія вещи, такъ какъ вотъ уже больше недѣли, какъ у меня нѣтъ, напримѣръ, мало-мальски сносной обуви и спичекъ.

Къ вечеру всѣ дѣла оказались законченными, планъ дальнѣйшихъ дѣйствій выработанъ, и я, выпроводивъ многочисленныхъ гостей, съ утра толпившихся въ палаткѣ, могъ уже вздохнуть болѣе или менѣе свободно. Съ солнечнымъ закатомъ подулъ обычный здѣсь въ это время года жаркій южный вѣтеръ, закаркали индійскія сиворакушки (Coracias indica), усаживаясь на ночлегъ въ сосѣднихъ пальмахъ, стали перекликаться проснувшіеся индійскіе сычики (Athene brama), а на фонѣ потускнѣвшаго знойнаго неба замелькали летучія мыши, порою останавливаясь на мѣстѣ и словно купаясь въ горячемъ воздухѣ. Изъ цитадели донеслись звуки рожка вечерней зари и голосъ муллы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ, а совсѣмъ близко закричала, завыла, захохотала и заплакала большая стая шакаловъ. Потомъ все стихаетъ. У меня проходитъ сонъ, но я не сожалѣю о немъ, такъ какъ чувствую, что и безъ него хорошо отдыхаю въ наступившей тишинѣ. Сидя у фонаря, я набиваю ружейные патроны на завтрашній день, потомъ заношу въ записную книжку дневныя наблюденія и одновременно ловлю насѣкомыхъ, прилетающихъ на свѣтъ огня. Душою моею овладѣваетъ безпричинный восторгъ; я любуюсь на блестящія звѣзды, прислушиваюсь къ неяснымъ звукамъ горячей южной ночи, наслаждаюсь одиночествомъ и восхищаюсь тишиною. Въ это время ко мнѣ подходитъ нашъ базманскій знакомый, афганецъ Пиръ-Магометъ, который идетъ изъ Кабула въ Курачи, чтобы отсюда ѣхать на богомолье въ Мекку (онъ пришелъ въ Бампуръ съ моимъ караваномъ); онъ произноситъ цѣлую рѣчь, но изъ нея я понимаю лишь то, что онъ хочетъ служить мнѣ и помогать въ коллектированіи разныхъ животныхъ. Я соглашаюсь на его предложеніе и нахожу въ немъ со-временемъ весьма полезнаго человѣка. Онъ прослужилъ у меня болѣе двухъ мѣсяцевъ, и не безъ сожалѣнія я разстался съ нимъ уже въ Сеистанѣ.

Слѣдующіе четыре дня (9—12 іюля) были посвящены изслѣдованію окрестностей *Бампура*, преимущественно его рѣки, по которой вмѣстѣ съ Литвиновымъ и Пиръ-Магометомъ я спускался внизъ по теченію верстъ на 35. Мы шли пѣшкомъ, имѣя всѣ необходимыя вещи на рукахъ. Коллекція, собранная въ первые два дня, была отправлена на станъ съ попавшимся намъ белуджемъ.

Бампуръ, собственно говоря, не есть городъ. Онъ представляетъ нѣсколько сотъ шалашей, выстроенныхъ изъ жердей, камыша, пальмовыхъ вай и цыновокъ; они располагаются въ лѣсу по рѣкѣ и оросительнымъ каналамъ небольшими группами или одиноко, въ нѣсколькихъ стахъ и даже тысячахъ шаговъ одинъ отъ другого, болѣе или менѣе поближе къ цитадели, и въ извѣстномъ районѣ переносятся съ мѣста на мѣсто. Цитадель выстроена на вершинѣ одинокаго крутого бугра и снабжается тремя очень глубокими колодцами съ весьма хорошею водою. Въ настоящее время въ ней имѣется четыре пушки и содержится двѣсти сарбазовъ, вооруженныхъ скорострѣльными ружьями одной изъ англійскихъ системъ, называемой здѣсь «маккензія»; ружья эти запущены до чрезвычайности. Около цитадели располагается нѣсколько жалкихъ садовъ и глинобитный одноэтажный домъ, въ которомъ прежде жили бампурскіе губернаторы. Сады составляются гранатовыми кустарниками, кунаровыми деревьями и главнымъ образомъ пальмами; во время белуджскаго возстанія они большею частью были порублены осажденнымъ гарнизономъ на топливо. Мѣста, удобныя для земледѣлія, занимаютъ въ *Бампурѣ* весьма значительный районъ, особенно по правому берегу рѣки; воздѣлывается лишь сравнительно небольшая часть ихъ поверхности. Благодаря возстанію, главная масса полей въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ оставалась подъ паромъ. Я засталъ лишь небольшіе посѣвы хлѣба, джугары, хлопка, арбузовъ и дынь (арбузы очень хороши, дыни же хуже многихъ южно-русскихъ сортовъ, не говоря уже о закаспійскихъ, хивинскихъ и бухарскихъ). Скотъ вообще содержится въ большомъ количествѣ;

онъ представленъ овцами, баранами, зебу и верблюдами; лошадей и ишаковъ очень мало, а катера (мулы) составляютъ рѣдкость. Что касается до населенія, я не могъ собрать положительныхъ свѣдѣній. Оно составлено главнымъ образомъ белуджами различныхъ родовъ и суннитскаго вѣроисповѣданія и по своей численности во всякомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ замѣчательному плодородію страны[1]). *Бампуръ* и вообще глубокія части бампурской долины, на всемъ сдѣланномъ мною пути отъ русской границы черезъ восточный Хорасанъ, Сеистанъ и Саргадъ, кажутся чѣмъ-то необыкновеннымъ, благодаря своему обширному лѣсу и сравнительно большой рѣкѣ. Кстати, чѣмъ-то необыкновеннымъ кажется онъ и по многимъ чертамъ своей фаунистической физіономіи, о которой, однако, ниже. Вмѣстѣ съ Сеистаномъ и сравнительно богатымъ водою Саргадомъ Бампурскій округъ соединяетъ восточный Хорасанъ съ побережьемъ Оманскаго залива и представляетъ какъ-бы исполинскую гать, меридіонально брошенную поперекъ обширныхъ, безводныхъ, трудно проходимыхъ пустынь центральной части Иранскаго плоскогорія. По этой-то гати пролегаетъ кратчайшій и удобнѣйшій путь изъ восточнаго Хорасана и Закаспійской области къ берегамъ Индійскаго океана. Спеціально для Россіи было бы крайне невыгодно допустить англичанъ къ замышляемому ими захвату Сеистана и странъ, лежащихъ отъ него къ югу.

Бампурская рѣка — для Персіи довольно большая рѣка. Быстро бѣжитъ она своею вкусною, прѣсною, но къ сожалѣнію теплою водою, среди крутыхъ глинистыхъ береговъ заливной долины и среди отмелей, мѣстами разбиваясь на болѣе или менѣе узкіе протоки. Ширина ея достигаетъ до 50 шаговъ и больше. Глубина незначительна: по колѣно и немного больше; только мѣстами, гдѣ рѣка непосредственно подходитъ къ ярамъ своей

1) При раціональномъ веденіи полевого хозяйства и болѣе совершенномъ устройствѣ ирригаціи она могла бы довольствовать сравнительно весьма плотное населеніе.

долины, она увеличивается футовъ до 6 и даже до одной сажени. Ширина рѣчной долины доходитъ до 350 шаговъ и больше. Берега этой послѣдней въ высоту поднимаются иногда сажений до пяти и часто на нѣсколько верстъ имѣютъ видъ отвѣсныхъ кручъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ *Бампура* лѣвый берегъ и прилежащая къ нему равнина сильнѣе и дальше размыты потоками дождевой воды, стекающей съ ближайшихъ горъ, чѣмъ съ правой стороны. Здѣсь много глубокихъ овраговъ, идущихъ часто на нѣсколько верстъ, водомоинъ, глубокихъ, темныхъ и тѣнистыхъ трещинъ. Вслѣдствіе этого культурныя части *Бампура* располагаются вблизи праваго берега, куда безъ затрудненія можно было провести оросительные каналы. Бампурская рѣка сливаетъ свои воды въ лѣтомъ осыхающее обширное болото *Миланги-и-Джехунъ-Хамунъ* (*Джасъ-Маріанъ-Хамунъ*), до котораго отъ *Бампура* можно считать около 80 или 90 верстъ. Оно представляетъ обширную низину, заключенную между странами: *Рудбаръ* на сѣверѣ и *Бешагердъ* на югѣ. По устнымъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время это болото находится на пути къ окончательному усыханію, и съ каждымъ годомъ площадь водъ, въ немъ разливающихся, уменьшается. Прежде же оно не только наводнялось обильнѣе, но будто-бы даже сливало часть своихъ водъ въ Оманскій заливъ по какому-то руслу *Габъ-и-Рикъ*. Среди многочисленныхъ водостоковъ, впадающихъ съ южной стороны въ Бампурскую рѣку, ниже *Бампура*, слѣдуетъ упомянуть о трехъ, наиболѣе крупныхъ, именно (считая съ востока на западъ): *Шагабъ, Нашунъ* и *Анзеранъ*. Въ верховыхъ ихъ частяхъ имѣются прѣсныя воды въ теченіе цѣлаго года; въ лѣтнее время эти воды имѣютъ видъ небольшихъ родниковъ и плесовъ, соединяющихся другъ съ другомъ подъ поверхностью руселъ. Ниже *Бампура*, по рѣкѣ или около нея, располагаются слѣдующія мѣста, имѣющія постоянное населеніе:

Касымъ-абадъ, на правомъ берегу; по населенію, вмѣстѣ съ *Кушъ-Гардунъ*, значительнѣе другихъ; маленькая глинобитная крѣпостенка.

Чахъ-Сарду (холодный колодезь), на лѣвомъ берегу.

Кушъ-Гардунъ (Кушъ-Гарданъ), на правомъ берегу, въ полуторыхъ верстахъ отъ него.

Тахты, на правомъ берегу.

Багештабадъ, на лѣвомъ берегу.

Ноуксанъ, на правомъ берегу.

Жилища, какъ и въ *Бампурѣ*, состоятъ изъ простыхъ шалашей.

Мы проходили на нѣсколько верстъ ниже *Тахты*, при чемъ убыли воды въ рѣкѣ еще не было замѣтно: она оставалась такою-же, какъ и подъ *Бампуромъ*.

Берега рѣки въ изслѣдованномъ мною районѣ отличаются весьма пышною растительностью. У урѣза воды во многихъ мѣстахъ густыя заросли камыша и чакана съ уже распушившимися стрѣлками и тамариксовыя чащи, въ которыхъ ютятся необыкновенно многочисленные кабаны (Sus indicus?); ихъ можно настрѣлять сколько угодно. Затѣмъ, береговая растительность составляется одиночными деревьями и маленькими рощами разнолистнаго тополя («подагъ»), кустами вышеописаннаго «каркъ» и непролазными зарослями мелкорослой колючей акаціи. На равнинѣ, прилегающей къ рѣчной долинѣ, разстилается лѣсъ, состоящій изъ крупноствольной высокой акаціи (до $1\frac{1}{2}$ обхватовъ руками) и деревьевъ тамарикса «куръ-гязь»; стволы этихъ послѣднихъ достигаютъ весьма большихъ размѣровъ, имѣя у корня до $3\frac{1}{2}$ обхватовъ. Акація и «куръ-гязь» составляютъ главные элементы Бампурскаго лѣса, который къ сѣверу отъ рѣки развивается гораздо дальше и пышнѣе, чѣмъ къ югу. Кромѣ того въ составъ этого лѣса входятъ густѣйшія заросли мелкорослой акаціи и цѣлый рядъ кустарниковъ, не встрѣчавшихся мнѣ подъ болѣе высокими широтами. У оросительныхъ каналовъ образуются мѣстами густѣйшія заросли камыша и высокой жесткой травы съ настолько острыми краями листьевъ, что они рѣжутъ платье и тѣло. То тамъ, то здѣсь, на глинистой мягкой почвѣ

лѣса разбросаны острова бугристыхъ песковъ, поросшихъ незнакомою кустарною растительностью и испещренныхъ слѣдами ночныхъ и дневныхъ ящерицъ, змѣй и разныхъ звѣрушекъ. Животный міръ описываемой мѣстности отличается большимъ разнообразіемъ, но я поговорю о немъ немного позднѣе. Замѣчу только, что сборъ насѣкомыхъ давалъ бо̀льшею частью печальные результаты, особенно среди жесткокрылыхъ (Coleoptera), пора массоваго появленія которыхъ, вмѣстѣ со многими другими, къ нашему пріѣзду въ Бампуръ уже миновала, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы снова сказаться въ осеннее время. По крайней мѣрѣ мнѣ весьма часто случалось встрѣчать высохшіе и вывѣтрившіеся остатки жуковъ, наколотыхъ сорокопутами на колючки кустовъ, находить тѣ-же остатки въ рѣчныхъ наносахъ, въ старой паутинѣ и въ птичьихъ гнѣздахъ, при чемъ они принадлежали крупнымъ, красивымъ и порою весьма оригинальнымъ видамъ, которыхъ, несмотря на самыя тщательныя изслѣдованія, мы не могли лѣтомъ разыскать въ живомъ состояніи. Въ гнѣздахъ медососа (Nectarinia brevirostris), именно въ паутинѣ, обволакивающей ихъ наружный слой, я часто, между прочимъ, находилъ остатки лѣтомъ не наблюдавшихся насѣкомыхъ изъ отряда сѣтчатокрылыхъ (Neuroptera), имѣвшихъ весьма длинныя и узкія нижнія крылья въ видѣ стебельковъ, на вершинѣ расширенныхъ въ широко-ланцетовидныя пластинки, которыя были окрашены въ черный и бѣлый цвѣта.

Вечеромъ 12 іюля мы вернулись въ *Бампуръ*, въ которомъ нашли лошадей и верблюдовъ, высланныхъ за мною бампурскимъ губернаторомъ изъ *Фарра*. Утромъ слѣдующаго дня мы перебираемся въ этотъ городъ и располагаемся въ отведенномъ мнѣ домѣ.

Отъ *Бампура* до *Фарра* мы сдѣлали около 32 верстъ, значительно уклонившись въ сторону ради охоты за индійскими куропатками (Ortygornis ponticeriana). На самомъ дѣлѣ разстояніе между этими мѣстами меньше. Дорога почти все время идетъ высокоствольнымъ лѣсомъ акаціи, мѣстами перемѣшанной съ дре-

вовиднымъ тамариксомъ «куръ-гязь», мѣстами болѣе или менѣе смѣняющейся этимъ послѣднимъ.

Ближе къ *Фарра*, гдѣ мягкая глинистая почва переходитъ въ твердый каменистый грунтъ, этотъ лѣсъ сильно рѣдѣетъ и уже представляется широко разбросанными группами или одиночными деревьями. На первыхъ верстахъ отъ *Бампура*, къ сѣверу отъ дороги и невдалекѣ, возвышаются высокіе песчаные барханы, частью совершенно оголенные и сыпучіе, частью поросшіе пышными и оригинальными кустарниками. По пути мы пересѣкаемъ нѣсколько водостоковъ, прибѣжавшихъ изъ горъ страны *Саргадъ*. Изъ нихъ два особенно широки и глубоки, съ хорошо выработанными крутыми берегами; это русла: *Каттаканъ* и *Бульбуля*; вверхъ по послѣднему имѣется жилое мѣсто того-же названія и колодцы съ прѣсною водою. На первой половинѣ дороги мы слѣдуемъ вблизи капитальнаго оросительнаго канала и главныхъ его побочныхъ вѣтвей, оставляя эти воды съ правой стороны. Растительность, ихъ сопровождающая, отличается особенною пышностью. Къ югу отъ дороги, то вдали, то сравнительно невдалекѣ, виднѣются среди лѣса яры заливной долины Бампурской рѣки.

Прибывъ въ *Фарра* и управившись съ размѣщеніемъ багажа, я сдѣлалъ визитъ Бампурскому губернатору[1]) Гашимъ-хану, чтобы кстати поблагодарить его за любезную доставку перевозочныхъ средствъ изъ *Бампура*. Гашимъ-ханъ пользуется большою популярностью у Ассуфетъ-Доулэ, вàли провинціи *Керманъ*, да и не мудрено: въ короткое время своего управленія Бампурскимъ округомъ — всего нѣсколько мѣсяцевъ — этотъ рѣшительный человѣкъ съумѣлъ ввести прежнюю систему взимапія сборовъ и пополнить почти всѣ недочеты, которые числились за этою страною въ послѣдніе два года, когда она, по случаю возстанія, не платила никакихъ податей и налоговъ. Между прочимъ онъ

1) Согласно послѣднему административному раздѣленію, въ его вѣдѣніи находятся земли: *Худіанъ*, *Бампуръ*, *Мегасъ*, *Дизакъ*, *Бампуштъ*, *Ирафшанъ*, *Лошаръ*, *Сербазъ*, *Куги* и *Бату-Дештіаръ*.

показывалъ мнѣ довольно обширную (въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ) коллекцію принятыхъ въ счетъ податей всевозможныхъ серебряныхъ вещей: ножные и ручные браслеты, обыкновенныя и носовыя кольца, серьги, цѣпочки, бляхи и насѣчки съ конской и верблюжьей сбруи, кальянные чубуки и т. п. Кромѣ того у него имѣются пріобрѣтенныя тѣмъ-же способомъ ружья, съ золотыми и серебряными уборами, и шашки съ серебряными ножнами.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшій разсказъ о географіи и природѣ Бампурскаго округа, я скажу нѣсколько словъ объ уже нѣсколько разъ упомянутомъ белуджскомъ возстаніи, о которомъ въ Россіи до сихъ поръ еще не было извѣстно.

Оно имѣло мѣсто преимущественно въ округахъ *Бампуръ*, *Худіанъ*, *Дизакъ*, *Сарбазъ*, *Лошаръ* и *Бампуштъ*. Причинами, его вызвавшими, были: во первыхъ — непомѣрно большіе и жестокіе поборы персидскихъ правителей (въ уплату податей нерѣдко брались дѣвочки, что, впрочемъ, иногда практикуется и теперь); во вторыхъ — убійство Насръ-Эддинъ-Шаха и тѣ смуты, которыя повсемѣстно ожидались въ Персіи со смертью этого государя и которыя, какъ думали, должны были быть подняты старшимъ сыномъ его Зелли-Султаномъ; въ третьихъ — англійскія интриги.

Вожакомъ возстанія былъ Гюссейнъ-Ханъ (изъ племени Наруи), одинъ изъ прежнихъ самостоятельныхъ белуджскихъ сардаровъ, человѣкъ весьма вліятельный не только въ юго-восточной Персіи, но также во многихъ мѣстахъ англійскаго Белуджистана. Изъ другихъ вождей слѣдуетъ упомянуть: о Рустемъ-ханѣ (изъ Наруи-Баранзаи), о Хадыръ-Бакшѣ (изъ Сурани), о Джиганъ-ханѣ (изъ Яръ-Ахмедзаи)[1], и Мурадъ-ханѣ (изъ Миръ-Белудзаи). Когда въ предѣлы персидскаго Белуджистана прибыли вѣсти о смерти Насръ-Эддинъ-Шаха и когда вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь появился какой-то англійскій агентъ, Гюссейнъ-Ханъ отъ

1) На картахъ и въ описаніяхъ этотъ родъ неправильно называется «Арахмадзаи».

лица своихъ людей и отъ имени вышепоименованныхъ владѣтельныхъ лицъ заявилъ тогдашнему вали *Кермана*, что народъ не въ состояніи уплачивать въ государственную казну третью часть своихъ доходовъ, какъ это практикуется, и можетъ давать только десятую. Получивъ отказъ на это предложеніе, онъ будтобы сказалъ: «Хорошо! у белуджей есть сильные друзья, есть ружья, сабли и верблюды; они съумѣютъ жить не для каджаровъ[1]), а для себя», и осадилъ 4.000-мъ отрядомъ *Бампуръ*, *Фарра*, *Базманъ* и многія другія менѣе значительныя селенія, въ которыхъ стояли персидскія войска. Въ короткое время белуджи завладѣли бо̀льшею частью страны и привлекли на свою сторону тѣ роды, которые до того занимали нейтральное положеніе. Сильный отрядъ, посланный сюда изъ *Кермана*, былъ разбитъ на̀-голову въ концѣ прошлаго 1897 года. Подъ стѣнами цитаделей *Бампура* и *Фарра* предпріимчивость и энергія Гюссейнъ-Хана смѣнились выжидательнымъ спокойствіемъ: онъ ожидалъ обѣщанныхъ пушекъ... Дѣло стало ограничиваться убійствами исподтишка, угономъ барановъ, поджогами шалашей, уничтоженіемъ пальмъ; собственно же масса людей бездѣйствовала. Тѣмъ временемъ среди белуджскихъ вождей началось броженіе.

Путемъ интригъ, подкуповъ, обѣщанія не только помилованія, но и различныхъ льготъ, нынѣшнему вали *Кермана* Ассуфетъ-Доулэ удалось не только посѣять среди нихъ недовѣріе и вражду другъ къ другу, а въ частности къ Гюссейнъ-Хану, но и сдѣлать такъ, что этотъ послѣдній остался вмѣстѣ со своими людьми вполнѣ одинокимъ. Возстаніе прекратилось само собою, Гюссейнъ-Ханъ скрылся въ малодоступныхъ горахъ *Миганъ-Кухъ*, и въ странѣ водворился прежній режимъ. Во время моего странствованія на истокахъ Бампурской рѣки, ко мнѣ явилось нѣсколько наруинцевъ и отъ лица Гюссейнъ-Хана просили прі-

---

1) «Каджаръ» есть презрительное названіе, которое во многихъ мѣстахъ восточной Персіи дается для собственно персіянъ.

ѣхать къ нему для какихъ-то весьма важныхъ переговоровъ. Получивъ весьма понятный отказъ, белуджи разсыпались въ горькихъ жалобахъ на англичанъ, которые будто-бы подстрекали ихъ къ смутамъ и, обѣщавъ помощь оружіемъ, патронами, деньгами и собственнымъ вмѣшательствомъ, не выполнили своихъ обѣщаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они сѣтовали на дальность Россіи и убѣдительно просили, по возвращеніи моемъ на родину, хлопотать черезъ русскія власти о помилованіи Гюссейнъ-Хана. Объ англійскомъ вліяніи, какъ объ одной изъ причинъ возстанія, я слышалъ также въ *Лядисъ*, при чемъ мнѣ сообщали, что англичане исполнили бы обѣщанное, если-бы не война на индійскихъ границахъ и не замѣшательства въ собственныхъ белуджскихъ владѣніяхъ.

Фарра (*Ферараджъ*, *Пурра*) считается за «шаръ», т. е. городъ. Онъ располагается на хрящеватой равнинѣ подъ высокою, безплодною, каменистою степью, которая составляетъ окраину возвышенностей, ограничивающихъ Бампурскую котловину съ сѣверо-восточной стороны. Непосредственно къ востоку отъ него находится хорошо выработанное русло, впадающее въ верхнюю часть Бампурской рѣки; по устнымъ свѣдѣніямъ, именно на немъ находится вышеупомянутое мѣсто *Дамэ* (*Даминъ*). *Фарра* состоитъ изъ небольшого укрѣпленія, развалинъ городка, основаніе котораго приписывается Александру Македонскому, и изъ весьма обширнаго парка финиковыхъ пальмъ, въ которомъ разбросаны людскія жилища. Глинобитныхъ построекъ всего нѣсколько, всѣ же остальныя представляютъ либо шалаши, выстроенные изъ шестовъ, пальмовыхъ вай и камыша, либо просто горизонтальныя крыши, утвержденныя на шестахъ, при чемъ, въ случаѣ надобности, боковыя стороны загораживаются цыновками, сплетенными изъ пальмовыхъ листьевъ. Въ укрѣпленіи помѣщаются глинобитные дома и тѣ-же шалаши, служащіе казармами для пятисотъ сарбазовъ; въ мирное время частныя лица въ немъ не живутъ. Мнѣ былъ отведенъ обширный шалашъ, рядомъ съ такимъ-же помѣщеніемъ Гашимъ-хана. Въ жаркіе часы дня, поли-

вая водою стѣны этихъ шалашей снаружи, можно достигнуть внутри помѣщенія весьма чувствительной прохлады. Около моей квартиры имѣлось старинное, полуобвалившееся жилье, состоявшее изъ двухъ комнатъ, искусно вырытыхъ въ землѣ, и снабженное весьма глубокимъ, теперь завалившимся, колодцемъ. Благодаря многочисленнымъ жилищамъ въ паркѣ, онъ страшно загаженъ. Финиковыя грозди въ настоящее время уже быстро поспѣвали и потому, для предохраненія отъ осыпанія, увязывались въ обычныя корзинки. Внутри парка разработаны поля, на которыхъ теперь растетъ низкорослая джугара и хлопокъ (весною пшеница и ячмень).

Фарра орошается нѣсколькими кяризами съ прѣсною и вкусною, но къ сожалѣнію не особенно холодною водою. На каменистой почвѣ у кяризныхъ бугровъ, кромѣ древовиднаго тамарикса «куръ-гязь», акаціи и купара, во множествѣ растутъ деревья, принадлежащія къ до сихъ поръ еще не встрѣчавшемуся виду. Они достигаютъ до двухъ саженей въ высоту и отличаются массивными стволами и вѣтвями; листья вродѣ ивовыхъ, но съ незазубренными краями и свѣтло-зеленаго цвѣта; вѣтви, даже толстыя, начинающіяся невдалекѣ отъ корня, плакучія, склоняющіяся до земли, благодаря чему издали эти любопытныя деревья похожи на пышные, густые и высокіе кусты.

Въ *Фарра* мнѣ не удалось нанять верблюдовъ, такъ какъ за нихъ просили непомѣрно дорого. Пришлось послать одного изъ моихъ людей въ г. *Сербазъ*, въ которомъ, по слухамъ, наемъ этихъ животныхъ долженъ былъ обойтись гораздо дешевле. Расходы за послѣдніе дни были настолько велики, что слѣдовало соблюдать большую осторожность въ денежныхъ тратахъ. Между тѣмъ я былъ, такъ сказать, представителемъ Россіи въ этомъ отдаленномъ углу Персіи, мнѣ надлежало поддерживать ея достоинство въ глазахъ здѣшняго населенія и, слѣдовательно, не скупиться на всевозможные подарки. Конечно эти траты были непроизводительны для моихъ спеціальныхъ, чисто научныхъ цѣлей и приносили ихъ успѣшному выполненію прямой и крупный убытокъ,

но поступить иначе я не находилъ возможнымъ. Пришлось также послать переводчика въ *Базманъ* за мукою, которую не удалось достать въ *Фарра*; кстати поручаю ему купить у таджира (купецъ), по слухамъ прибывшаго туда изъ *Кермана*, матеріи на бѣлье и готовой обуви (ни въ *Базманѣ*, ни въ *Бампурѣ*, ни въ *Фарра* лавокъ въ мое время не имѣлось). Затѣмъ оставляю при вещахъ одного изъ своихъ людей и, взявъ съ собою Литвинова и Пиръ-Магомеда, утромъ 15 іюля ухожу на верховья Бампурской рѣки, чтобы, познакомившись съ ними, двинуться внизъ по ея теченію.

Экскурсія по Бампурской рѣкѣ и вообще въ области ея теченія продолжалась до 24 іюля. Къ полудню этого дня мы возвратились въ *Фарра* съ богатою, преимущественно орнитологическою и ихтіологическою, добычею. Въ общемъ прошли по рѣкѣ только 88 верстъ, такъ какъ и я, и Литвиновъ заболѣли сильнѣйшею лихорадкою и не могли дѣлать большихъ переходовъ.

Истоки рѣки находятся въ $6\frac{1}{2}$—7 верстахъ отъ *Фарра*, въ юго-юго-западномъ направленіи. Ихъ мѣстоположеніе опредѣляется уже виднымъ изъ *Фарра* необыкновенно высокимъ и густымъ деревомъ кягура, стоящимъ по ту сторону рѣчной долины, невдалекѣ отъ ея крутого берега. По дорогѣ къ нимъ пересѣкаемъ большой Даминскій водостокъ и встрѣчаемъ еще одно русло, спускающееся съ хребта *Кухъ-и-Ляскари*; именно оно приводитъ насъ въ ту мѣстность, въ которой располагаются рѣчные источники. Къ сѣверо-сѣверо-востоку отъ этой послѣдней виднѣется за *Фарра* невысокій горный хребетъ *Кухъ-и-Даминъ*; прямо къ сѣверу и къ сѣверо-сѣверо-западу—болѣе низкій, *Кухъ-и-Каттаканъ*; къ востоко-сѣверо-востоку — *Кухъ-и-Ляскари*; на юго-юго-востокѣ и на юго-востокѣ — горы *Кухъ-и-Агуранъ* со своею передовою цѣпью *Кухъ-и-Палямъ*. Судя по существующимъ картамъ, Бампурская рѣка начинается въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ далѣе къ юго-востоку, за мѣстомъ *Кухари*, слѣдовательно значительно дальше того пункта, въ которомъ нашелъ ея начало я. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что

русло, идущее черезъ *Кухари*, какъ и многія другія, впадающія въ область верховьевъ рѣки, на самомъ дѣлѣ представляетъ простой водостокъ, въ которомъ вода появляется только въ періодъ дождей. Почва мѣстности, прилегающей къ мѣсту расположенія рѣчного верховья съ восточной и южной стороны, состоитъ изъ мягкихъ, нѣжно-песчаныхъ глинъ, на поверхности во многихъ мѣстахъ какъ-бы вспученныхъ, или накипѣвшихъ, и хрустящихъ подъ ногами, т. е. изъ такихъ земель, которыя повсемѣстно въ Персіи свидѣтельствуютъ о присутствіи воды уже на небольшой глубинѣ. Эта мѣстность образуетъ низину вродѣ плоской воронки, принимающей въ себя многочисленные водостоки и открывающейся въ рѣчную долину; лѣвые, т. е. южные, ея берега выражены яснѣе, чѣмъ правые, сѣверные, и непосредственно переходятъ въ лѣвые крутые берега этой долины. Растительность низины составляется главнымъ образомъ изъ болѣе или менѣе крупноствольнаго тамарикса, какъ обыкновеннаго, такъ и «куръ-гязя». Въ одномъ мѣстѣ, именно на засыпанной пескомъ террасѣ въ началѣ рѣчной долины, «куръ-гязь» образуетъ великолѣпную тѣнистую рощу, которая состоитъ изъ весьма высокихъ и чрезвычайно массивныхъ деревьевъ.

Родники, дающіе начало рѣкѣ, находятся въ вершинѣ ея долины. Ихъ нѣсколько и они, сливаясь другъ съ другомъ, тутъже образуютъ быстро-текущую, прозрачноводную рѣчку, которая то разбивается на отдѣльные рукава, то бѣжитъ однимъ русломъ. Много родниковъ имѣется и въ самомъ руслѣ, особенно на первыхъ пяти верстахъ. Вода теплая, даже въ мѣстахъ выхода ея изъ земли. Температура неодинаковая. Измѣренія, произведенныя мною передъ солнечнымъ закатомъ 23 іюля въ трехъ самыхъ крупныхъ родникахъ, дали: 22° Ц., 27½° Ц. и 29° Ц. при 33½—32½° въ воздухѣ.

Мѣстность здѣсь красивая и живописная. У урѣзовъ воды высокія и густыя заросли чакана, а вблизи — небольшіе луга съ мягкою, невысокою, ярко-зеленою травкою, которая ласкаетъ взоръ и кажется въ этой странѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ.

Растительность долины рѣки составляется преимущественно тамариксомъ, образующимъ мѣстами весьма трудно проходимыя чащи. Ходьба по этимъ послѣднимъ въ утреннее время, благодаря сильнымъ росамъ, представляетъ мало пріятнаго, такъ какъ и ружье, и платье скоро покрываются цѣлымъ слоемъ мокрой пыли. Кромѣ тамарикса весьма обыкновененъ разнолистный тополь («подагъ»), который встрѣчается то небольшими группами, то тѣнистыми и прохладными рощами. Эти рощи ближе къ *Бампуру* исчезаютъ и замѣняются одинокими деревьями или болѣе или менѣе незначительными насажденіями. Онѣ располагаются обыкновенно на заливныхъ террасахъ долины подъ ея крутыми берегами; отдѣльныя деревья достигаютъ до 7 саженей въ высоту и даже больше. Глубина рѣчки въ общемъ весьма незначительна и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ 6 футовъ или около. Въ нѣсколькихъ верстахъ внизъ по теченію (отъ *Фарра* верстахъ въ 12) рѣка запружена плотиною, выстроенною изъ свай и фашинъ. Отсюда идетъ капитальный арыкъ, своими развѣтвленіями орошающій ниже лежащія мѣстности до *Бампура* и дальше за селеніе *Кушгарданъ*. Первыя версты онъ слѣдуетъ, постепенно поднимаясь надъ уровнемъ рѣки, подъ ярами праваго берега рѣчной долины, которая съ этого мѣста, сравнительно со своею шириною въ области источниковъ, уже значительно съуживается; затѣмъ онъ выходитъ на равнину и, сдѣлавъ длинную петлю въ устьѣ водостока *Каттаканъ*, разбирается второстепенными оросительными каналами. Вблизи береговъ онъ сопровождается чрезвычайно пышною растительностью изъ густыхъ зарослей мелкой, непролазной акаціи, высокой, узколистной, сильно рѣжущейся травы и разнолистнаго тополя; этотъ послѣдній болѣе или менѣе мелокъ и производитъ впечатлѣніе волжскихъ или уральскихъ таловъ.

Въ разныхъ мѣстахъ въ лѣсу по берегамъ рѣки разбросаны белуджскіе шалаши. Бѣднота здѣсь ужасная. Ободранное туловище шакала, выброшенное мною послѣ препарированія, было тутъ-же поднято, выпотрошено, раздѣлено на части и унесено.

Та-же участь постигала птичьи тушки. Не особенно стѣсняясь ѣдятъ даже свиней. Случилось мнѣ застрѣлить кабана. Вытащивъ его на примѣтное мѣсто, я продолжалъ свою экскурсію съ тѣмъ, чтобы на возвратномъ пути снять съ него шкуру и отнести на станъ. Возвратившись къ нему спустя нѣкоторое время, я застаю двухъ белуджей, которые раздѣлываютъ мою добычу на куски. Замѣтивъ мое изумленіе, бѣдняки не то улыбаются, не то хотятъ плакать и, говоря что-то въ свое оправданіе, одною рукою показываютъ на небо, а другою — на свои пустые животы. Неразъ на вечернія наши стойбища приходили женщины и предлагали купить ихъ прелести...

Животное населеніе долины Бампурской рѣки отличается необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ, особенно между птицами. На всемъ пути отъ культурнаго Сеистана я нигдѣ не видѣлъ столько птицъ, какъ здѣсь, и, какъ здѣсь-же, нигдѣ такъ сильно не уставалъ, гоняясь за ними и препарируя добытые экземпляры. Хищниковъ, однако, немного. Можно упомянуть объ оригинальномъ ястребѣ (Butastur teesa), имѣющемъ индо-малайское происхожденіе, объ весьма обыкновенномъ ястребѣ (Astur badius), долгохвостомъ орлѣ (Aquila fasciata) и степномъ сарычѣ (Buteo ferox); изъ ночныхъ хищниковъ здѣсь весьма обыкновенны индійскіе сычики (Athene brama) и зорьки (Scops brucei), а по трещинамъ береговыхъ яровъ — бенгальскіе филины (Bubo bengalensis). Изъ голубей въ громадномъ количествѣ встрѣчаются два вида горличекъ (Turtur cambayensis и T. risorius). Изъ куриныхъ птицъ можно въ несмѣтномъ числѣ видѣть: на водопояхъ — рябковъ (Pterocles coronatus, Pt. senegallus, рѣже Pt. alchata sewertzowi), а въ кустарныхъ заросляхъ — индійскихъ турачей (Attagen indicus) и индійскихъ куропатокъ (Ortygornis ponticeriana). Изъ другихъ птицъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: ласточки обыкновенныя (Hirundo rustica), рыжія (H. alpestris) и пустынныя (Ptyonoprogne obsoleta), стрижи двухъ видовъ (Cypselus apus var. и C. affinis), щурки персидскія (Merops persica) и малыя (M. viridis); въ камышахъ снуютъ

камышевки (Lusciniola melanopogon, Acrocephalus stentoreus), порою сгоняя изъ нихъ крошечныхъ цапелекъ (Ardeola minuta); по лугамъ пасутся индійскія пигалицы (Lobivanellus indicus); кустарныя чащи кишатъ суями (Chatorhea huttoni), рыжехвостыми соловьями (Aëdon familiaris), дримойками (Drymoica lepida); проходя вдоль арыковъ или вообще около воды, часто видишь чеканчиковъ (Pratincola caprata) и вспугиваешь козодоевъ (Caprimulgus aegyptius и C. unwini) и авдотокъ (Oedicnemus crepitans); повсюду въ лѣсу въ великомъ множествѣ встрѣчаются буль-були (Ixus leucotis), индійскіе жуланы (Collurio vittatus) и синдскіе дятлы (Picus sindianus), а поближе къ рѣкѣ можно любоваться черными хохлатыми кукушками (Coccystes jacolinus), индійскими сиворакушками (Coracias indica), оригинальными мухоловковыми сорокопутами (Dicrourus ater); по деревьямъ, около воды, сверкаютъ яркими тропическими красками крупные зимородки (Halcyon smyrnensis) и великолѣпные медососы (Nectarinia brevirostris).

Судя по слѣдамъ, здѣсь немало звѣрей, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о кабанахъ, охота за которыми не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ они весьма многочисленны и притомъ совсѣмъ не напуганы. Во время своихъ странствованій я часто встрѣчалъ ихъ небольшими обществами, отдыхавшими или жировавшими по лужайкамъ среди тамариксовъ, при чемъ шелъ, не соблюдая особенной осторожности и по пути стрѣляя птицъ. Однажды, наткнувшись на такое общество и замѣтивъ въ немъ здоровеннаго кабана, я рѣшилъ его добыть для своей коллекціи. Присѣвъ за кустъ и пересмотрѣвъ имѣвшіяся въ патронташѣ гильзы, я не нашелъ въ нихъ ни пуль, ни крупныхъ номеровъ дроби. Досада была страшная: кабанъ лежалъ отъ меня шагахъ въ двадцати и, ничего не подозрѣвая, терся головою о землю. Къ счастью, шаря въ ягдташѣ, я нашелъ старый патронъ отъ револьвера Смитъ-и-Вессонъ. Живо вытрясаю дробь изъ гильзы, вставляю въ нее патронъ, предварительно туго, по калибру гильзы обкрутивъ его

бумагою, и заряжаю этимъ снарядомъ ружье; въ другой стволъ, на всякій случай, кладу гильзу, снаряженную пятымъ номеромъ дроби. Тогда я приподнимаюсь изъ-за куста, выцѣливаю звѣря, какъ нельзя лучше, въ лѣвый бокъ и спускаю курокъ; онъ остается на мѣстѣ, а остальная компанія фейерверкомъ разсыпается по сторонамъ, при чемъ одна злополучная свинка нарывается на меня такъ близко, что я укладываю ее дробью. Затѣмъ въ величайшемъ множествѣ живутъ въ здѣшнихъ лѣсахъ шакалы (Canis aureus). Каждый вечеръ въ разныхъ сторонахъ слышатся ихъ громогласные, странные концерты, полные самыхъ разнообразныхъ звуковъ: въ однихъ слышится отчаяніе, скорбь величайшая, тоска и горькая жалоба, въ другихъ — радость и безмятежность; впрочемъ, скорбные звуки преобладаютъ. И хотя я отъ души проклиналъ этихъ звѣрей, такъ какъ они систематически растаскивали мои капканы или, по крайней мѣрѣ, поѣдали пойманную ими добычу, тѣмъ не менѣе съ величайшимъ удовольствіемъ выслушивалъ ихъ вечернія пѣсни. Нерѣдко встрѣчаются дикія кошки (Felis chaus?), гіены (Hyaena striata) и мангусты (Herpestes auropunctatus). Однажды вечеромъ, вслѣдъ за обычнымъ шакальимъ концертомъ, я услышалъ странные звѣриные крики, отрывистые и жалобные; шагахъ въ сотнѣ отъ нашего стана они усилились и смѣшались со свинымъ хрюканьемъ и сопѣніемъ; послышалось что-то вродѣ драки. Я хватаю ружье и поспѣшно бѣгу туда, но застаю уже только однѣхъ свиней, которыя при видѣ моей фигуры смѣшнымъ галопомъ улепетываютъ въ камыши. Эти крики были совершенно тождественны съ тѣми, которые я слышалъ въ Базманскихъ горахъ и которые сопровождавшимъ меня охотникомъ приписывались дикой собакѣ «сагъ-и-куги». Утромъ слѣдующаго дня я разсмотрѣлъ слѣды, оставшіеся на сырой землѣ, и нашелъ, что они были совершенно похожи на волчьи. Весьма многочисленны зайцы (Lepus craspedotis) и ежи (Erinaceus sp.?); нерѣдко попадаются дикобразы (Hystrix sp.?). Судя по слѣдамъ, въ районѣ Бампурской рѣки встрѣчается не меньше 8 видовъ мелкихъ звѣрьковъ, не встрѣчавшихся мнѣ

подъ болѣе сѣверными широтами. Они часто попадались въ капканы, но съѣдались шакалами.

Изъ пресмыкающихся, о которыхъ я буду подробно говорить въ специальной статьѣ, пока упомяну о водяномъ варанѣ (Varanus dracaena), который довольно обыкновененъ какъ собственно по рѣкѣ, такъ и по арыкамъ, изъ нея выведеннымъ. Нашелъ я эту ящерицу также въ *Фарра*, именно въ его канатахъ (кяризахъ) и арыкахъ. Въ пескахъ встрѣчаются какія-то змѣеподобныя ящерицы, вродѣ Zygnopsis или Sphenocephalus, но, судя по слѣдамъ, оставляемымъ ими на поверхности, отличающіяся весьма крупными размѣрами.

Рыбы пойманы нами въ количествѣ 6 видовъ, изъ которыхъ три, во главѣ съ однимъ, похожимъ на сома, принадлежатъ тропическимъ формамъ.

Возвратившись 24 іюля въ *Фарра*, я засталъ человѣка, посылавшагося мною за верблюдами въ *Сербазъ* и только ночью вернувшагося изъ своей поѣздки. Онъ побывалъ не только въ *Сербазъ* (черезъ *Синкуранъ* и *Кухари*), но успѣлъ за время моего отсутствія проѣхать изъ него въ *Тангъ*, *Гихъ*, *Кучанъ*, *Сорхи*, *Пёбъ*, *Гордоръ* и уже отсюда обратно въ *Фарра*. Результатъ этого большого разъѣзда оказался въ высшей степени печальный: изъ боязни воровскихъ шаекъ, образовавшихся изъ разсѣявшихся скопищъ Гюссейнъ-Хана, никто изъ владѣльцевъ верблюдовъ не соглашался отпускать намъ своихъ животныхъ за ту плату, которую я имѣлъ возможность предложить. Обзаводиться же собственнымъ скотомъ я не рисковалъ, такъ какъ моя касса уже изрядно опустѣла. Оставалось возвратиться въ *Базманъ*, дождаться тамъ денегъ изъ Сеистана, которыя должны были прійти черезъ нѣсколько дней, и, отказавшись отъ намѣренія посѣтить берегà Оманскаго залива, заняться изслѣдованіемъ Керманскихъ горъ. Утѣшеніемъ для меня служило то обстоятельство, что въ области Бампурской рѣки мнѣ удалось связать англійскія изслѣдованія фауны южной Персіи съ русскими, бòльшею частью моими собственными, — сѣверной части этого государства.

26 іюля, поручивъ переводчику доставить багажъ въ *Бампуръ*, я съ Литвиновымъ и Пиръ-Магомедомъ отправился туда пѣшкомъ, слѣдуя бòльшею частью рѣкою. Сильно уставшіе, но зато съ богатою добычею, мы прибыли къ мѣсту назначенія вечеромъ того-же дня, сдѣлавъ въ общемъ не меньше 48 верстъ.

Изъ Бампура въ Базманъ и дальше въ урочище Подаги

(27 іюля — 15 августа).

Только 30 іюля мнѣ удалось уладиться съ наймомъ верблюдовъ до *Базмана*. Къ вечеру того-же дня мы прошли около 16 верстъ по дорогѣ въ *Каскинъ*. Съ высокихъ песчаныхъ бархановъ, прилегающихъ къ *Бампуру* съ сѣверной стороны, отлично видны на сѣверо-сѣверо-западѣ: высокая остроконечная гора *Кухъ-и-Базманъ* (*Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ*), хребетъ *Кухъ-и-Каскинъ* и раздѣляющая ихъ долина *Тагабъ*. Остановились на отдыхъ въ безводномъ мѣстѣ риксара. Къ разсвѣту слѣдующаго дня мы сдѣлали переходъ въ 15 верстъ. Свернувъ вправо съ большой дороги, мы поднимаемся по вышеупомянутому водостоку *Лябъ-Гязанъ* и разбиваемъ свой лагерь въ урочищѣ того-же наименованія. Урочище *Лябъ-Гязанъ* представляетъ долину, прорѣзанную нѣсколькими водостоками, изъ которыхъ одинъ особенно великъ, и расположенную между невысокими, бòльшею частью степеподобными возвышенностями. Устье долины отчасти занесено пескомъ, надутымъ частыми въ этой странѣ южными вѣтрами и поросшимъ тѣми-же кустарниками, какъ по барханамъ *Бампура*. По руслу частыя заросли тамарикса, преимущественно «куръ-гязя», и одиночныя деревья, рѣже группы, акаціи и кунара. Здѣсь имѣется три колодца, изъ которыхъ только два даютъ воду. Они очень глубоки; вода холодная, но весьма солоноватая. Выше мѣста расположенія колодцевъ долина сильно расширяется и, среди тѣхъ-же невысокихъ возвышенностей, получаетъ частыя боковыя вѣтви. Птицъ видно мало, но зато по кустарникамъ окрестной

пустыни мнѣ удалось собрать цѣлый рядъ цикадъ, вродѣ свѣтоносокъ (Fulgora), съ ясно выраженнымъ тропическимъ обликомъ.

Нѣсколько верстъ не доходя до водостока *Лябъ-Гязанъ*, мы пересѣкли большую тропу, идущую отъ урочища *Будданъ* (колодцы, 3—4 пальмы, заросли тамарикса «куръ-гязя») къ юго-западу, въ глубокія части Бампурской долины, гдѣ имѣется урочище съ колодцами и зимою удобными скотскими толоками. Лѣтомъ вода въ этихъ колодцахъ становится почти негодною для питья. По дорогѣ изъ *Будданъ* въ *Даминъ* лежитъ мѣсто *Пискаканъ* съ колодцами, содержащими порядочную воду.

Къ вечеру перебираемся въ *Каскинъ*. Растительность попутнаго риксара кажется совершенно выгорѣвшею, а вода въ каскинскомъ руслѣ во многихъ мѣстахъ уже исчезла. Коллектированіе, которому былъ посвященъ почти весь слѣдующій день, 1-го августа, дало скудные результаты, особенно среди насѣкомыхъ; очевидно, что время ихъ массоваго появленія уже давно прошло.

Вечеромъ 1-го августа мы проходимъ половину разстоянія до *Рудъ-и-Кягуръ*. Вскорѣ за спускомъ съ каскинскихъ возвышенностей въ низкія части долины *Тагабъ* отъ нашей дороги отдѣляется къ юго-западу менѣе торная тропа, ведущая къ прѣснымъ колодцамъ *Чахъ-и-Захъ* (ихъ три, но только одинъ съ водою). Черезъ нихъ проходитъ дорога изъ страны *Нармеширъ* въ *Бампуръ*; отъ нихъ-же идетъ вѣтвь въ *Базманъ*. Эти колодцы находятся въ ниже упоминаемомъ руслѣ *Гярукъ*, которое беретъ начало изъ мѣста *Шейхъ-Ханъ-Рангени* (къ западу отъ Базмана и русла *Рудъ-и-Кягуръ*) и впадаетъ въ болото *Хамунъ-Милани-и-Джехунъ* близь устья Бампурской рѣки. Въ мѣстѣ расположенія колодцевъ имѣются тамариксовыя заросли на сырыхъ мѣстахъ, въ которыхъ можно получить воду уже съ небольшой глубины. Эти свѣдѣнія разспросны.

Рано утромъ 2-го августа мы прибываемъ къ старому нашему стойбищу на *Рудъ-и-Кягуръ* (*Рудъ-хане-и-Кягуръ*). Во время ночного движенія одинъ изъ двухъ моихъ шотурдаровъ отсталъ, и теперь я посылаю его искать. Вечеромъ вернулись посланные люди

и объявили, что не могли отъискать отставшаго и что, судя по слѣдамъ, онъ заблудился. Отпустивъ ихъ на новые поиски, мы ночью перешли въ *Базманъ*. Вечеромъ слѣдующаго дня возвратились мои люди и донесли, что они нашли пропавшаго шотурдара уже мертвымъ и растерзаннымъ гіеною. Вѣроятно несчастный выбился изъ силъ и умеръ отъ солнечнаго удара или отъ жажды.

Въ ожиданіи извѣстій изъ Сеистана я предпринялъ въ окрестностяхъ *Базмана* цѣлый рядъ экскурсій, имѣвшихъ цѣлью пополненіе моихъ зоологическихъ коллекцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ удалось собрать кое-какія новыя свѣдѣнія географическаго характера и главнымъ образомъ разспросныя.

Къ западу отъ истоковъ *Рудъ-и-Кягуръ* лежатъ истоки русла *Гярукъ*. Это послѣднее обильно водою и имѣетъ густую кустарную, а мѣстами древесную растительность. Въ области его теченія имѣются слѣдующіе пункты:

Браги (вода).
Миръ-абадъ (вода и развалины).
Мадеръ-Мексанъ (имѣется жилье).
Пашъ-Ремекъ (селеніе).
Джяганъ (селеніе).
Серъ-и-Кука (селеніе).
Гярукъ (значительное селеніе).
Кале-и-Сари (селеніе).
Гехнакъ (селеніе).
Кясорданъ (селеніе).
Эспедесъ (селеніе).
Таштъ (селеніе).
Гуабчъ (селеніе).
Мексанъ (шаръ, т. е. городъ; 35—40 домовъ; въ остальныхъ селеніяхъ всего по нѣскольку домовъ).

Между *Мадеръ-Мексанъ* и *Сорабукъ* есть зіаретъ (священное мѣсто) *Пиръ-и-Гумбезанъ*, около котораго добывается соль. *Сорабукъ* находится въ разстояніи около 6 верстъ къ юго-западу отъ

Базмана; въ немъ болѣе 20 домовъ. Около него располагается три маленькихъ селенія: *Тагондакъ*, *Лютэкъ* и *Дехъ-и-Мурадъ*.

Въ томъ-же направленіи и въ верстѣ отъ *Базмана* лежитъ маленькое селеніе *Гіима* (*Гима*) съ пальмовою рощею и родниками, водостокъ которыхъ впадаетъ въ *Рудъ-и-Кягуръ*. Затѣмъ изъ окрестностей *Базмана* мнѣ называли *Гязкъ* (вѣроятно именно онъ на картахъ обозначенъ, какъ «*Гязакъ*»); это — значительное селеніе съ хорошею водою, пальмовою рощею и садами; потомъ: *Руста* (селеніе), *Поляранъ* (селеніе) и *Али-абадъ* (селеніе).

На картахъ этихъ селеній не имѣется. Съ другой стороны нѣкоторыя названія, приведенныя на картахъ для обозначенія мѣстъ, находящихся въ извѣстномъ мнѣ районѣ отъ *Фарра* и включительно до окрестностей *Базмана*, либо никому здѣсь не знакомы, либо должны называться иначе.

«*Шахъ-Шуръ*» (по дорогѣ изъ *Бампура* черезъ *Кушгарданъ* въ *Каланзау* и *Ладй*) долженъ называться *Чахъ-Шуръ* (соленый колодезь). Мѣста «*Талабъ*» (къ сѣверо-сѣверо-западу отъ *Бампура*) нигдѣ не имѣется; повидимому въ данномъ случаѣ это названіе однозначуще съ *Тагабъ*, т. е. тою мною описанною долиною, которая лежитъ между болотомъ *Хамунъ-и-Самысуръ* и Бампурскою низиною и ни на одной картѣ не обозначена. Мѣсто «Талабъ» существуетъ въ *Ляадисскомъ округѣ*. «*Чармагъ-и-Кашкинъ*» картъ (къ югу отъ «*Талабъ*» тѣхъ-же картъ) никому не извѣстенъ (въ Базманѣ, Бампурѣ и Фарра). Мѣсто «*Карвинда*» карты (къ югу отъ мифическаго болота «*Хамукъ-и-Саби*» той-же карты) должно называться *Карвандаръ*. «*Тафтабадъ*» долженъ быть однозначущъ съ *Тафтабъ* настоящимъ, а «*Ганегъ*» (къ востоку отъ «*Талабъ*») съ *Гуничъ*, котораго въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ карты, однако, не имѣется. «*Тезафъ*» (къ сѣверу отъ *Даминъ*) долженъ называться *Тигабъ*.

Поздно вечеромъ 7 августа вернулся изъ Сеистана мой посланный и привезъ крайне непріятное извѣстіе, гласившее о томъ, что денегъ на мое имя въ *Нусретъ-абадѣ* пока еще не имѣется... Какъ выяснилось со временемъ, въ высылкѣ этихъ

денегъ изъ Россіи оказалась непредвидѣнная задержка, и первая ихъ посылка прибыла къ мѣсту назначенія только въ началѣ сентября. Такъ какъ въ моемъ распоряженіи оставалась лишь сумма, на которую съ грѣхомъ пополамъ можно было пройти только въ Сеистанъ, то мнѣ приходилось возвращаться назадъ, отказавшись отъ изслѣдованія и горъ *Кермана.*

Въ *Базманъ* я нанялъ четырехъ верблюдовъ (больше не было) у его правителя Ассадула-бэка, который, воспользовавшись моимъ безвыходнымъ положеніемъ, содралъ съ меня почтенную плату по три крана посуточно съ каждой головы; кромѣ того я нанялъ здѣсь 6 ишаковъ съ платою по одному крану за каждаго въ сутки. Прислуга, не считая Литвинова, Пиръ-Магомеда и переводчика, была взята въ количествѣ четырехъ человѣкъ: одинъ шотурдаръ, два червадара и одинъ караванъ-баши, который долженъ былъ вести караванъ и отвѣчать за его порядокъ. Выбранный путь проходилъ болѣе или менѣе старою дорогою до урочища *Подаги,* а отсюда черезъ *Ляадисъ* до урочища *Дузъ-абъ* — новою.

Посвятивъ одинъ день на необходимое снаряженіе, мы 9 августа, часа въ четыре пополудни, покинули *Базманъ,* который изрядно-таки мнѣ надоѣлъ. Къ вечеру сдѣлали переходъ въ 10½ верстъ и остановились невдалекѣ отъ знакомаго намъ перевала *Годаръ-и-Гуальгиръ.* Рано утромъ 10 августа переходимъ черезъ этотъ послѣдній и спускаемся по водостоку до того мѣста, гдѣ онъ открывается въ другой, широкій водостокъ, извѣстный подъ названіемъ *Рудъ-и-Захань* и въ нѣсколькихъ мѣстахъ содержащій воду въ теченіе цѣлаго года. Поднимаемся вверхъ по нему и останавливаемся около первой воды, окрестности которой составляютъ урочище *Заханъ.* Русло *Рудъ-и-Заханъ* прорыто въ неширокой долинѣ, основаніе которой состоитъ изъ мощнаго пласта, сложеннаго изъ камней и крупныхъ каменныхъ глыбъ; быть можетъ этотъ камень представляетъ древнюю морену, спустившуюся съ *Кухъ-и-Базманъ* (*Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ*), который, кстати сказать, хорошо виденъ съ разныхъ мѣстъ долины, то въ западной, то въ сѣверо-западной сторонѣ. По дну русла много

тамариксовыхъ кустовъ, цвѣтущихъ и разцвѣтающихъ[1]), и отдѣльно стоящихъ деревьевъ кунара. Идя по обыкновенію впереди каравана, я выпугнулъ изъ тамариксовой заросли большого, совершенно чернаго, какъ показалось въ 40 шагахъ, насъ раздѣлявшихъ, медвѣдя, но къ сожалѣнію не имѣлъ съ собою винтовки, и звѣрь убѣжалъ здравымъ и невредимымъ.

Вода урочища *Захань*, въ низовой его части, составляется въ настоящее время года слабою струею, какъ-бы выжимающеюся на поверхность русла и здѣсь-же испаряющеюся. Если раскопать песокъ, покрывающій дно русла, она набѣгаетъ въ вырытую ямку скоро и въ достаточномъ количествѣ. Выше мѣста расположенія этой воды находится въ томъ-же руслѣ маленькое болото, заросшее густою и высокою, жесткою и желтою травою, въ которой во множествѣ обитаетъ нѣсколько видовъ оригинальныхъ кобылокъ (Acrididae); въ немъ имѣется довольно сильный родникъ, вода котораго тутъ-же невдалекѣ исчезаетъ въ почвѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ выше располагается мѣсто *Чогокъ* съ родниками и маленькою пальмовою рощею; жилья около не имѣется. На вкусъ воды *Захань* совершенно прѣсныя.

Къ вечеру перебираемся въ урочище *Пэнджъ-Сара*, до котораго $6\frac{1}{2}$—7 верстъ (переходъ черезъ *Годаръ-и-Гуальгиръ* въ *Захань* равняется 12 верстамъ по пути, сдѣланному мною; на самомъ дѣлѣ онъ значительно короче)[2]). Общее направленіе дороги сѣверо-западное. Она образуетъ четыре перевала черезъ невысокія каменистыя цѣпи, идущія отъ *Кухъ-и-Базманъ* къ долинѣ *Тагабъ*, и пересѣкаетъ три водостока, изобильно поросшіе вышеупомянутымъ высокимъ и жесткимъ злакомъ. На послѣднемъ перевалѣ старинная низенькая башня («никто не помнитъ ея основанія», говорили мнѣ), сложенная изъ камня; это — *Чидэ-и-Каркидаръ*. По пути нерѣдко попадались дикіе бараны (Ovis cycloceros)

---

1) Не второе-ли это цвѣтеніе?

2) Передъ *Годаръ-и-Гуальгиръ* базманская дорога даетъ влѣво тропу, которая идетъ горами прямо на *Захань*; до этого послѣдняго по ней всего нѣсколько верстъ, но для верблюдовъ она, однако, непроходима.

и антилопы (Gazella bennetti). Сдѣлавъ послѣдній перевалъ, спускаемся къ короткой долинѣ, широкимъ устьемъ открывающейся къ востоку, въ долину *Тагабъ*. Въ верхней ея части располагается урочище или, лучше сказать, мѣсто *Пэнджъ-Сара*. Въ немъ 3—4 дома-шалаша (белучи-наруи), нѣсколько пальмовыхъ деревьевъ и крошечныя поля, на которыхъ поспѣваетъ ячмень, джугара и хлопокъ; орошеніе составляется маленькимъ родникомъ съ прѣсною и вкусною водою. У вершины родника находится зіаретъ (святыня) *Пиръ-и-Дюшамбэ* въ видѣ кучки камней, окруженной каменной загородкой и снабженной шестомъ, къ которому привязаны тряпочки и лоскутки. Кромѣ пальмъ въ *Пэнджъ-Сара* есть нѣсколько гранатовыхъ кустовъ, тамариксъ и довольно много вышеописанныхъ кустарниковъ «каркъ», еще продолжающихъ цвѣсти. Черезъ *Пэнджъ-Сара* проходитъ одна изъ дорогъ отъ *Бампура* въ страну *Нармеширъ*.

Изъ *Пэнджъ-Сара* мы вышли 11 августа по дорогѣ въ *Шуръ-абъ* и, сдѣлавъ около 12 верстъ, остановились ночевать въ долинѣ *Тагабъ* около водостока, направляющагося въ русло *Дарызабъ*, и невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли на пути въ Базманъ. Дно пэнджъ-саринской долины, какъ видно по береговымъ обнаженіямъ мѣстнаго водостока, состоитъ изъ мощнаго пласта (иногда свыше четырехъ саженей въ толщину) округлыхъ каменныхъ глыбъ и такихъ-же крупныхъ камней. Въ устьѣ долины переходимъ черезъ глубокій водостокъ, идущій съ сѣвера на югъ черезъ высокую юго-западную каменистую часть *Тагаба* и пересѣкаемъ дорогу, ведущую по нему изъ Бампура въ *Нармеширъ*.

Уже изъ *Пэнджъ-Сара*, сквозь широкое устье долины, видны за-тагабскіе горные хребты, за которыми въ сѣверо-восточной сторонѣ возвышаются остроконечные, смѣлые шпили горъ *Гуаръ-Кухъ*. Отъ мѣста остановки въ Тагабѣ видны горныя цѣпи, отходящія къ ССВ. отъ *Кухъ-и-Базманъ*, именно: *Кухъ-и-Гердъ-Зердъ* и *Кухъ-и-Анджери*. Отсюда же, по ту сторону *Тагаба* отлично замѣтны слѣдующіе хребты, считая съ юга на сѣверъ: *Кухъ-и-Шуръ-абъ*, *Кухъ-и-Лябъ-Тери*, *Кухъ-и-Рикешöлъ* (подъ

болѣе высокимъ *Кухъ-и-Гаджери*), очень высокіе *Кухъ-и-Самысуръ* и *Кухъ-и-Арзентакъ*; эти два послѣднихъ хребта закрываютъ сѣверо-западный горизонтъ долины *Мургакъ* при наблюденіи изъ среднихъ и низовыхъ ея частей. Сѣвернѣе *Кухъ-и-Арзентакъ*, съ горъ, находящихся у *Пэнджъ-Сара*, виднѣется высокая гора *Кухъ-и-Серкаль*, за которою лежатъ дороги изъ *Нармеширъ* въ *Куринъ-и-Гургъ*. Всѣ эти горы, кромѣ *Кухъ-и-Базманъ*, ни на одной картѣ не обозначены. Южный горизонтъ долины *Тагабъ* кажется закрытымъ западными отрогами хребта *Кухъ-и-Шуру*.

Въ два часа ночи 12 августа мы поднимаемся съ мѣста и дѣлаемъ переходъ въ 18 верстъ къ урочищу *Шуръ-абъ*. Растительность *Тагаба* кажется окончательно засохшею, кромѣ саксаула, который, впрочемъ, тоже имѣетъ самый печальный видъ. На всемъ переходѣ изъ *Пэнджъ-Сара* я не встрѣтилъ ни одной птицы и изъ позвоночныхъ животныхъ замѣтилъ лишь нѣсколько ящерицъ. Весьма мало было видно даже насѣкомыхъ. Количество воды въ *Шуръ-абѣ* убыло въ колодцахъ и замѣтно прибыло въ родникѣ, располагающемся выше ихъ по ущелью. Бо̀льшая часть мѣстныхъ птицъ, наблюдавшихся здѣсь въ первый нашъ пріѣздъ, куда-то откочевала; зато появилось нѣсколько пролетныхъ видовъ, какъ черноголовая овсянка (Euspiza melanocephala), степная щеврица (Anthus campestris) и немногіе другіе. Экскурсируя въ сосѣднихъ горахъ, я видѣлъ гепарда (Cynaelurus jubatus). Въ два перехода: вечеромъ 12 августа и утромъ слѣдующаго дня мы проходимъ старою дорогою въ урочище *Кухъ-и-Мургакъ*, т. е. высокимъ волнистымъ риксаромъ (огибая южное окончаніе хребта *Кухъ-и-Шуръ-абъ*) до водостока, отдѣляющаго эти горы отъ *Кухъ-и-Лябъ-Тери*, затѣмъ переваломъ черезъ этотъ послѣдній, поперекъ русла *Рудъ-и-Маджедокъ* и, наконецъ, мимо угла, образуемаго горами *Кухъ-и-Рикешоль*. Эти переходы оказались весьма скучными. Скудная растительность окончательно посохла, а животное населеніе почти не замѣтно. На всемъ пути наблюдалось лишь нѣсколько штукъ скотоцерокъ (Scotocerca inquieta)

и пустынныхъ жаворонковъ (Ammomanes phoenicuroides), небольшая группа антилопъ (Gazella bennetti) и заяцъ; замѣчены слѣды дикобраза и волка; изъ ящерицъ примѣчена единственная Eremias guttulata. Ночная ловля насѣкомыхъ дала изъ ряда вонъ мало: по причинѣ безсонницы я просидѣлъ у фонаря всю ночь напролетъ и поймалъ всего лишь нѣсколько экземпляровъ. Слѣдуетъ замѣтить, что тамариксовые кусты, которыми поростаютъ водостоки перевала черезъ *Кухъ-и-Лябъ-Тери* на солонцеватыхъ мѣстахъ, покрылись въ своихъ зеленыхъ частяхъ цѣлымъ слоемъ горькой соли, легко осыпающейся въ порошокъ. Это явленіе, незамѣченное весною и въ началѣ лѣта, наблюдалось мною и во многихъ другихъ солонцеватыхъ мѣстностяхъ по пути дальнѣйшаго нашего движенія на сѣверъ. Всасывая горькосоленую грунтовую воду и выпаривая соль своими зелеными частями, эти тамариксы становятся непригодными для корма верблюдовъ.

Передъ русломъ *Маджедокъ* наша дорога пересѣкаетъ почти подъ прямымъ угломъ другую. Эта послѣдняя ведетъ изъ *Нармешира*, мимо *Хамунъ-и-Самысуръ*, вдоль руселъ *Дарызабъ* и *Маджедокъ* къ южной окраинѣ *Хамунъ-и-Джаори*, а отсюда въ городъ *Хоашъ* (*Хошъ*; на картахъ — «*Ваштъ*»); считая отъ *Хамунъ-и-Самысуръ* къ *Хоашъ*, на ней имѣются слѣдующіе станціи и колодцы: *Самыраджи*, *Чахъ-и-Хашеи* и *Чахъ-и-Габи*. Водостокъ *Рудъ-и-Маджедокъ* (между горами *Кухъ-и-Рикешоль* на сѣверѣ и *Кухъ-и-Лябъ-Тери* на югѣ) беретъ начало изъ *Хамунъ-и-Джаори*; по выходѣ на равнину *Тагабъ* онъ принимаетъ общій сѣверо-тагабскій водостокъ и подъ названіемъ *Рудъ-и-Дарызабъ* впадаетъ въ болото *Хамунъ-и-Самысуръ*. Это послѣднее, какъ говорятъ, изобилуетъ камышомъ и держитъ воду въ теченіе цѣлаго года; въ окрестностяхъ содержится много скота. Къ сѣверо-западу отъ него долина *Тагабъ* стѣсняется горами и, разсыпавшись между ними на второстепенныя долины, открывается ими въ большую пустыню *Лутъ*. Въ годы, изобильные атмосферными осадками, избытокъ водъ названнаго болота стекаетъ въ томъ-же направленіи.

Прибывъ къ солнечному восходу 13 августа въ урочище *Мургакъ*, я сдѣлалъ экскурсію въ его предѣлахъ и остался доволенъ ея результатами, такъ какъ, кромѣ довольно удачнаго зоологическаго сбора, мнѣ удалось сдѣлать много наблюденій надъ пролетными птицами, для которыхъ *Мургакъ*, благодаря своему многоводію, является важнымъ этапомъ по пути движенія ихъ къ мѣстамъ зимовья. Этотъ день ознаменовался для меня приключеніемъ, отъ котораго я отдѣлался, однако, вполнѣ благополучно. Еще въ *Шуръ-абѣ* люди мои замѣтили какихъ-то подозрительныхъ белуджей, которые издали слѣдили за караваномъ; ради этого вьючный скотъ не отпускался на дальнія пастбища и долженъ былъ довольствоваться побитымъ кормомъ около самыхъ колодцевъ. Тѣхъ-же людей мы увидѣли по прибытіи въ *Мургакъ*; трое было съ ружьями, человѣкъ пять съ пиками; кромѣ того всѣ были вооружены саблями, а нѣкоторые — пистолетами. Они отрекомендовались прислугою какого-то хана, который былъ извѣстенъ моему караванъ-баши и который будто-бы послалъ ихъ искать пропавшихъ верблюдовъ. Страннымъ только мнѣ показалось поразительное сходство одного изъ нихъ съ человѣкомъ, принадлежавшимъ къ той шайкѣ, которую мы встрѣтили въ этихъ мѣстахъ въ концѣ іюня и которая была признана Нукъ-Бэнданомъ за воровскую. Я приказалъ напоить ихъ чаемъ, и они скоро ушли, по ихъ словамъ, назадъ въ *Шуръ-абъ*. Пока вьючился караванъ къ вечернему переходу, я по обыкновенію пошелъ впередъ, взявъ съ собою одного человѣка, который несъ воду и мой тяжелый ягдташъ. Дорога шла старымъ путемъ по Мургакской долинѣ въ урочище *Подаги*. Не успѣли мы пройти 4—5 верстъ, какъ насъ обгоняютъ двое белуджей, въ которыхъ мы къ своему удивленію узнаемъ недавнихъ знакомцевъ, а я, кромѣ того, въ одномъ изъ нихъ признаю упомянутаго особенно подозрительнаго человѣка. Они дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ насъ, быстро проходятъ впередъ и скрываются невдалекѣ за кустами и ярами водостока. Тогда мы садимся на камни и рѣшаемъ за лучшее подождать караванъ, который по разсчету долженъ

быть невдалекѣ. Толькочто закурилъ я папиросу, какъ изъ кустовъ, куда скрылись белуджи, вылетаютъ одинъ за другимъ два клуба дыма, гремятъ два выстрѣла, почти сливающіеся въ одинъ, и двѣ пули щелкаютъ объ камни, на которыхъ мы сидимъ. Идти на разбойниковъ не представляетъ смысла: изъ-за прикрытія берегового яра и густыхъ кустовъ они все равно перестрѣляли бы насъ изъ пистолетовъ. Къ тому-же слѣдуетъ торопиться въ каравану и узнать о его судьбѣ. Тогда я вкладываю въ свой дробовикъ два картечныхъ патрона и тихо, такъ какъ бѣжать стыдно и не позволяетъ чувство достоинства, иду навстрѣчу каравану, при чемъ спутникъ мой держитъ себя молодцомъ. Впрочемъ, зайдя за увалъ, изъ-за котораго насъ уже не видно, мы пускаемся, что называется, во всѣ лопатки и вскорѣ встрѣчаемъ караванъ, идущій какъ ни въ чемъ не бывало. Вѣроятно разбойники, зная мое обыкновеніе уходить впередъ, рѣшили покончить сначала со мною и съ моимъ спутникомъ, а потомъ, кстати завладѣвъ двумя лишними ружьями, произвести нападеніе на остальныхъ людей.

На разсвѣтѣ 14 августа мы дѣлаемъ переходъ въ урочище *Подаги* старою дорогою. Какъ видно съ высоты перевала черезъ хребетъ *Кухъ-и-Мургакъ*, Мургакская долина сильно расширяется къ сѣверо-западу и сѣверу, образуетъ широкую волну и затѣмъ, по направленію къ высокимъ хребтамъ *Кухъ-и-Самысуръ* и *Кухъ-и-Арзентакъ*, все время опускается, по пути разбиваясь на цѣлую систему большихъ и малыхъ долинъ; водостоки этихъ послѣднихъ, по справкамъ, соединившись подъ *Кухъ-и-Самысуръ* въ одно общее русло, сливаютъ свои зимнія воды въ болото *Хамунъ-и-Самысуръ* (иначе *Хамунъ-и-Дарызабъ*). Хребетъ *Кухъ-и-Самысуръ*, насколько это можно опредѣлить сквозь пыль, плавающую въ воздухѣ, лежитъ верстахъ въ 20 отъ перевала. По дальнѣйшему пути въ *Подаги* слѣдуетъ отмѣтить исчезновеніе водъ, наблюдавшихся здѣсь въ первый путь. Количество воды въ родникѣ собственно урочища, однако, не убыло. Въ *Подаги* мы пробыли болѣе сутокъ, ради обилія подножнаго корма для нашего скота и ради охоты. Птицъ и насѣкомыхъ замѣчено удивительно

мало, не говоря уже о другихъ животныхъ; очень мало наблюдалось и ящерицъ: гораздо меньше, чѣмъ раньше.

Отъ *Подаги* до урочища *Дузъ-абъ* мы прошли новою дорогою, черезъ *Ляадисъ*, который вмѣстѣ съ городомъ *Хоашъ* (на картахъ «*Ваштъ*») составляетъ главнѣйшій пунктъ страны *Саргадъ*.

Изъ урочища Подаги въ Ляадисъ

(15—22 августа).

Къ вечеру 15 августа мы прошли 12—15 верстъ и остановились невдалекѣ отъ болота *Хамунъ-и-Джаори*. Въ общемъ, отодвинувшись къ востоку, мы лишь незначительно отошли къ сѣверу. Переваливаемъ черезъ незначительную возвышенность, отдѣляющую подагинскую долину отъ сосѣдняго русла, которое находится непосредственно къ востоку и впадаетъ въ названную долину сейчасъ-же ниже урочища, спускаемся къ нему и направляемся вверхъ по его склону, оставляя вправо сравнительно высокія горы. Оно вскорѣ развѣтвляется, и мы идемъ вверхъ по правой его вѣтви, которая огибаетъ сѣверное окончаніе упомянутыхъ горъ, поднимается къ востоку и юго-востоку и оканчивается подъ плоскимъ переваломъ. Это русло изобильно поросло тамариксомъ и во многихъ мѣстахъ имѣетъ видъ сухихъ болотцевъ, покрытыхъ колючимъ и кустарнымъ камышами, а также высокою, жесткою травою, уже давнымъ-давно высохшею; весною, очевидно, здѣсь много бываетъ воды. За переваломъ спускаемся по водостоку, склоняющемуся къ юго-юго-востоку, но вскорѣ оставляемъ его и, сдѣлавъ новый перевалъ, плоскій и вообще мало замѣтный, выходимъ къ новому водостоку, густо заросшему тамариксомъ и такъ-же склоняющемуся къ юго-юго-востоку. Пройдя по нему около трехъ верстъ, встрѣчаемъ боковую вѣтвь, идущую съ сѣвера и сѣверо-востока, и направляемся по ней. Она изобилуетъ тамариксовыми зарослями и сухими болотцами; дно ея то каменистое, то глинисто-солонце-

ватое, покрытое корою, которая хруститъ подъ ногами, то, наконецъ, пыльно-солонцеватое. Отсюда, черезъ сѣдловины горъ, на юго-западѣ виднѣется громада потухшаго вулкана *Кухъ-и-Базманъ* (*Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ*). Со всѣхъ-же переваловъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ, видны на юго-востокѣ горы *Гуаръ-Кухъ*. Водостоки, которые были пересѣчены дорогою, склоняются въ русло *Рудъ-и-Маджедокъ*. Пройдя немного вверхъ по послѣднему водостоку, мы покидаемъ его и, держась сѣверо-восточнаго направленія, входимъ въ широкій прорывъ среди горъ *Кале-и-Мазаръ-Кухъ*, по которому дѣлаемъ плоскій перевалъ. Вскорѣ за этимъ послѣднимъ открывается видъ на обширную, сравнительно низменную равнину, разстилающуюся къ востоку, сѣверу и сѣверо-востоку. Сравнительно невдалекѣ отъ насъ поднимаются съ нея скалистыя и безплодныя горы *Гуаръ-Кухъ*, передъ которыми на общемъ сѣроватомъ и буроватомъ фонѣ разстилается огромное желтовато-зеленое пятно — болото *Хамунъ-и-Джаори*, сухое въ настоящее время года. Оставивъ позади себя горы *Кале-и-Мазаръ-Кухъ*, мы вскорѣ подходимъ къ вершинѣ глубокой трещины, начинающейся прямо съ ровнаго мѣста, и спускаемся на сѣверъ, среди живописныхъ кручъ, по ея дну, густо поросшему высокимъ тамариксомъ, который мѣстами образуетъ тѣнистыя рощицы. Эта трещина[1]) выводитъ насъ на рикзаръ, разстилающійся у подножія пройденной возвышенности, и на немъ мы заканчиваемъ переходъ.

Мѣстность, пройденная отъ *Подаги*, представляетъ волнистое, каменистое и пустынное плоскогоріе, склоняющееся къ юго-востоку, югу и юго-западу и пересѣченное относительно невысокими, холмистыми и горными цѣпями. Высота сдѣланныхъ нами переваловъ не возвышается надъ *Подаги* болѣе чѣмъ на 200—250 футовъ. По пути во многихъ мѣстахъ по плоскогорію наблюдались выступы мелкослоистыхъ разноцвѣтныхъ сланцевъ, часто

---

1) Такая-же трещина, только болѣе вѣтвистая, начинается невдалекѣ отъ упоминаемой и направляется на югъ.

поставленныхъ совершенно вертикально и вообще находившихся въ сильнѣйшей степени разрушенія. Нѣкоторые изъ этихъ выступовъ безъ всякаго сомнѣнія представляютъ фундаменты уже давнымъ-давно разрушившихся и нивеллировавшихся горъ. Площадь, находящаяся по восточную сторону горъ *Кале-и-Мазаръ-Кухъ*, круто спускается къ низинѣ, на которой лежитъ *Хамунъ-и-Джаори*, и образуетъ безплодныя возвышенности, извѣстныя подъ названіемъ *Кале-и-Шагу*. Кручи лѣвой стороны той трещины, по которой мы спустились къ мѣсту стоянки, въ нижней ея части, смѣшиваются съ восточными склонами *Кале-и-Мазаръ-Кухъ*. У подножія этого послѣдняго, въ полуверстѣ отъ устья трещины и мѣста нашей стоянки, имѣется нѣсколько сухихъ камышевыхъ болотцевъ и родникъ съ прѣсною водою. Эта послѣдняя бѣжитъ на сотню шаговъ или немного больше. Изъ ямки, которою родникъ разработанъ, можно сразу получить около 15 ведеръ воды. Невдалекѣ отсюда, именно въ боковой вѣтви спусковой трещины (эта вѣтвь спускается съ *Кале-и-Мазаръ-Кухъ*), въ густомъ и сухомъ камышевомъ болотѣ есть еще родникъ, но онъ въ настоящее время года даетъ ничтожное количество воды, еле хватающее для утоленія жажды одного человѣка.

Бо̀льшая часть слѣдующаго дня, 16 августа, была израсходована на экскурсію по окрестностямъ. Литвинова я отправилъ въ болото *Хамунъ-и-Джаори*, лежащее сейчасъ-же за риказаромъ, а самъ направился въ горы. Растительность этихъ послѣднихъ, такъ-же какъ и прилегающихъ къ нимъ высокихъ степей, весьма скудная: полынь и приземистые кустики; все посохло, побурѣло, и лишь изрѣдка мелькнетъ тамъ или здѣсь какое-нибудь растеньице, еще сохранившее свой зеленый цвѣтъ. По водостокамъ и лощинамъ она конечно болѣе пышная: здѣсь попадаются даже фисташковыя деревья. Изъ звѣрей я видѣлъ нѣсколько штукъ горныхъ барановъ (Ovis cycloceros) и застрѣлилъ оригинальную лисицу съ совершенно черными брюхомъ, ногами и боками туловища и съ буровато-сѣрою спиною; судя по игламъ,

разбросаннымъ во многихъ мѣстахъ, здѣсь должны быть обыкновенны дикобразы, а судя по слѣдамъ, дикіе ослы (Equus indicus) и свиньи. Изъ птицъ я наблюдалъ: поползней (Sitta tephronota var.), скотоцерокъ (Scotocerca inquieta), чекановъ двухъ видовъ (Saxicola albonigra и S. deserti), въ большомъ числѣ пустынныхъ ласточекъ (Ptyonoprogne obsoleta), пустынныхъ жаворонковъ (Ammomanes phoenicuroides) и въ громадномъ количествѣ — звонкоголосыхъ суевъ (Chatorhea huttoni); замѣчены кромѣ того пролетныя: сѣрыя мухоловки (Butalis grisola et var.), черноголовыя овсянки (Euspiza melanocephala), степныя щеврицы (Anthus campestris и A. similis) и кое-какія другія. Ящерицъ и змѣй было видно очень мало, а сборъ насѣкомыхъ далъ скудные результаты.

Болото *Хамунъ-и-Джаори* (часто его называютъ *Хамунъ-и-Гуаръ-Кухъ*) на картахъ обозначено подъ названіемъ «*Саби-Хамунъ*». Въ настоящее время года оно не имѣетъ воды и заросло высокимъ, густымъ колючимъ камышомъ на мягкой, глинистой, во многихъ мѣстахъ солонцеватой почвѣ. Темными лентами проходятъ по его общему желтовато-зеленому фону питающіе его зимою и весною водостоки съ присущею имъ растительностью. Количество во́ды, стекающей въ это болото во время дождей, должно быть весьма значительно. Въ давно прошедшіе годы, когда горы его бассейна были гораздо выше и когда, слѣдовательно, было больше и количество атмосферныхъ осадковъ, оно принимало въ себя громадную массу воды и вѣроятно представляло закрытое горное озеро, выходъ изъ котораго образовался позднѣе, съ накопленіемъ на днѣ продуктовъ разрушенія горъ. Судя по моимъ изслѣдованіямъ, число водостоковъ, впадающихъ и вообще сносящихъ воду въ этотъ хамунъ, весьма значительно, при чемъ они идутъ съ обширнаго района, какъ это видно изъ предшествовавшаго и послѣдующаго изложенія. Котловина этого болота ограничена на востокѣ тремя хребтами горъ *Гуаръ-Кухъ*, на западѣ—горами *Кале-и-Мазаръ-Кухъ* и волнистымъ плоскогоріемъ, высокій край котораго образуетъ горы *Кале-и-Шагу*, на югѣ — подгорными

возвышенностями хребта *Кухъ-и-Джаори*. Въ годы, особенно богатые атмосферными осадками, избытокъ его водъ, какъ говорилъ я раньше, сливается въ русло *Рудъ-и-Маджедокъ*, начинающееся въ юго-западномъ его углу и проходящее между хребтами *Кухъ-и-Лябъ-Тери*, чтобы черезъ русло *Дарызабъ* пройти въ болото *Хамунъ-и-Самысуръ*. Къ сѣверу отъ котловины залегаетъ постепенно расширяющаяся равнина, называемая *Тагуръ* (иногда *Тагабъ-и-Гуаркухъ* или *Тагабъ-и-Джаори*)[1]) и съ сѣверной стороны ограниченная хребтами: *Кухъ-Дехъ-и-Пабидъ*, *Кухъ-и-Нарюкъ*, *Кухъ-и-Чахъ-Шуръ* (эти горы видны съ мѣста стоянки у *Кале-и-Мазаръ* къ сѣверо-востоку) и тою высокою степью, къ сѣверу отъ которой лежатъ урочища *Куринъ* и *Кули-Каргаи*. Западныя границы этой равнины составляются отрогами вышеупомянутаго хребта *Магини-Кухъ* и тѣми горами, которыми мы шли отъ колодцевъ *Ризъ-абадъ* къ урочищу *Подаги*. Въ восточную сторону она разстилается дальше, чѣмъ къ сѣверу и къ западу, вѣроятно до тѣхъ возвышенностей, которыя составляютъ водораздѣлъ къ обширному бассейну болотъ и озеръ *Хамунъ-Киндъ* и *Хамунъ-и-Машкиль*. Ширина камышовой плавни описаннаго болота, по словамъ Литвинова, не меньше 8 верстъ. Птицъ никакихъ въ ней онъ не видѣлъ, но замѣтилъ много старыхъ кабаньихъ слѣдовъ. Высота хамуна на сотню футовъ, или около, ниже мѣста нашей стоянки (у подножія *Кале-и-Мазаръ*), высота которой опредѣлена мною барометрически и гипсометрически.

Подъ хребтомъ *Кухъ-и-Джаори*, непосредственно къ югу отъ хамуна, проходитъ уже упомянутая дорога изъ *Нармешира* въ городъ *Хоашъ* и располагаются колодцы: *Чахъ-Гашеи* и *Чахъ-Габи*. Людей въ этой мѣстности мы нигдѣ не видѣли.

На всѣхъ картахъ, имѣвшихся въ моемъ распоряженіи, описываемая страна изображена поразительно невѣрно, невѣрно на-

---

1) Повидимому слово «Тагабъ» есть нарицательное названіе, которымъ въ южной Персіи обозначаютъ широкія равнины, поросшія кустарниками и преимущественно саксауломъ.

столько, что пользоваться ими совершенно не представляется возможнымъ. На этихъ картахъ напримѣръ сейчасъ-же къ западу отъ «*Саби-Хамунъ*» (или «*Чахъ-Саби-Хамунъ*»), который навѣрное долженъ быть однозначущъ съ *Хамунъ-и-Джаори* (*Хамунъ-и-Гуаръ-Кухъ*) дѣйствительнымъ, нанесена гора «*Кухъ-и-Наушади* (*потухшій вулканъ*)»... Подъ этимъ названіемъ (собственно *Кухъ-и-Наушадыръ*, т. е. нашатырная гора), какъ синонимомъ, вездѣ въ персидскомъ Белуджистанѣ разумѣютъ потухшій вулканъ *Кухъ-и-Туфтанъ*, располагающійся отъ *Хамунъ-и-Джаори* во многихъ верстахъ къ сѣверо-востоку. Сравнительно рѣже имъ обозначаютъ гору *Кухъ-и-Базманъ* (*Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ*), тоже потухшій вулканъ, которая находится отъ *Хамунъ-и-Джаори* далеко къ юго-западу. Въ дѣйствительности же, какъ видно изъ вышеизложеннаго, къ западу отъ этого болота лежатъ сравнительно невысокія горы *Кухъ-Кале-и-Мазаръ* и *Кухъ-Келе-и-Шагу*. Затѣмъ на тѣхъ-же картахъ *изображены водостоки, направляющіеся изъ Хамуна къ сѣверо-западу*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ существуетъ лишь одно выходящее изъ него русло, именно *Рудъ-и-Маджедокъ*, которое направляется на западъ; водостоки же сѣверо-западной стороны не выходятъ изъ болота, а въ него впадаютъ. Но что страннѣе всего, это то, что около хамуна на картахъ нанесены нѣкоторые пункты съ обозначеніемъ ихъ абсолютныхъ высотъ, именно: къ востоку — городъ «*Ваштъ*» (3.540′), къ сѣверу — «*Чета-Даръ*» (4.800′), къ западу и притомъ западнѣе мифическаго «*Кухъ-и-Наушади*» — «*Джаори*» (5.285′), слѣдовательно тотъ путешественникъ, который доставилъ данныя для указываемыхъ нанесеній на карту, долженъ былъ быть хорошо освѣдомленъ о дѣйствительномъ положеніи вещей.

Къ глубокимъ сумеркамъ описываемаго дня, придерживаясь ВСВ. направленія, мы дѣлаемъ переходъ въ 15 верстъ и останавливаемся въ безводномъ мѣстѣ. Дорога идетъ равниною *Тагуръ*, послѣ первыхъ пяти верстъ постепенно и медленно поднимаясь. Ширина равнины въ мѣстѣ остановки (между горами *Гуаръ-Кухъ*

на югѣ и *Кухъ-и-Нарюкъ* на сѣверѣ) равняется приблизительно 25 верстамъ. На ССЗ. отъ того-же мѣста виднѣется широкій прорывъ между горами и открытый горизонтъ по направленію къ урочищу *Куринъ*, а на ЮЗ.—остроконечный *Кухъ-и-Базманъ*. Спустившись съ рикзаровъ *Кале-Мазаръ* и *Кале-Шагу*, встрѣчаемъ грубыя, тяжелыя, песчаныя почвы, скоро переходящія въ мягкія глинистыя, тѣмъ болѣе удобныя для воздѣлыванія, что изъ сосѣднихъ горъ возможно провести къ нимъ кяризы. Здѣсь много низкорослыхъ кустиковъ какого-то, противъ обыкновенія, нежесткаго и неколючаго растенія и цѣлыя заросли верблюжьей травы (Alhagi sp.?). Въ немногихъ мѣстахъ почва солонцеватая и какъ-бы вскипѣвшая. Вскорѣ вступаемъ въ довольно густой саксауловый лѣсъ, деревья котораго достигаютъ до сажени, рѣдко до полуторыхъ саженей въ высоту, при обхватѣ равномъ пальцамъ обѣихъ рукъ или немного больше. Онъ протянулся издалека съ сѣверо-сѣверо-запада и оканчивается въ камышевыхъ урѣзахъ болота *Хамунъ-и-Джаори*. На первыхъ полуторыхъ верстахъ онъ кажется особенно пышнымъ, затѣмъ рѣдѣетъ и производитъ впечатлѣніе засыхающаго, но вскорѣ, на версту или около, снова становится густымъ и свѣжимъ. Въ предѣлахъ этого лѣса глинистая почва сильно размыта водостоками, идущими главнымъ образомъ съ сѣверо-запада и съ запада; главный водостокъ имѣетъ около 50 шаговъ въ ширину и крутые берега, представляющіе затрудненіе для спуска и подъема вьючнаго скота. Этотъ лѣсъ пустынный, тихій и безмолвный; на цѣлыя версты порою не встрѣтишь въ нёмъ ни птицы, ни ящерицы, ни даже какого-нибудь пролетающаго насѣкомаго. Вѣроятно мало забѣгаетъ въ него хищнаго звѣря и залетаетъ плотоядной птицы, такъ какъ по дорогѣ мы нашли высохшій и совершенно цѣлый трупъ человѣка, сохранившійся настолько, что можно было различить огнестрѣльную рану на затылкѣ. Лѣсъ располагается въ глубокихъ частяхъ равнины, рѣдѣетъ съ ея поднятіемъ и наконецъ исчезаетъ. Почва становится песчанистою и, постепенно грубѣя, переходитъ въ рикзаръ, который довольно густо поросъ различ-

ными кустарниками здѣшнихъ пустынь; эта растительность кажется засохшею или полузасохшею и представляетъ самый тоскливый видъ.

Я сильно отсталъ отъ каравана и прибылъ къ мѣсту стоянки поздно вечеромъ на яркій свѣтъ костровъ, разведенныхъ въ качествѣ сигнала моими людьми, которые были серьезно обезпокоены моимъ долгимъ отсутствіемъ и частью разошлись на поиски.—Вечера кажутся уже замѣтно прохладными, и я на ночь забираюсь подъ коверъ.

До урочища *Хунъ-и-Ка̀ка̀* («кровь племянника»)—мѣста слѣдующей нашей остановки, въ которое мы пришли утромъ 17 августа,—можно считать около 15 верстъ. Общее направленіе пути востоко-сѣверо-восточное. Мѣстность представляетъ равнину, постепенно поднимающуюся и расширяющуюся. Дорога пролегаетъ риксаромъ съ тою-же, какъ и наканунѣ, довольно пышною, но засохшею, кустарною растительностью; встрѣчаются одиночныя деревца саксаула, мѣстами скопляющіяся въ свѣтлыя рощицы. Проходимъ мимо невысокаго бугра, одиноко затерявшагося на риксарѣ. Около него располагаются колодцы *Чахъ-и-Нуръ-Магомедъ*; къ нимъ подходитъ дорога изъ г. *Хоашъ* (черезъ урочище *Хунъ-и-Ка̀ка̀*) и тутъ-же развѣтвляется: одна вѣтвь, черезъ колодцы *Чахъ-Шуръ*, направляется въ урочище *Куринъ*, а другая идетъ черезъ колодцы *Чахъ-Ахмедъ* къ той дорогѣ, которую мы сдѣлали изъ *Куринъ* въ *Подаги*. Всѣ эти дороги на самомъ дѣлѣ представляютъ лишь едва замѣтныя тропы, сойти съ которыхъ въ жаркое время года рискованно, такъ какъ легко заблудиться; при пользованіи ими обращаютъ главное вниманіе не на нихъ самихъ, а на различныя примѣтныя мѣста. Идя, напримѣръ, отъ манзели у *Кале-и-Мазаръ* въ *Хунъ-и-Ка̀ка̀*, мы держались все время на высокій холмъ *Ходже-Сильмэндъ*, передъ которымъ располагается это урочище, и который вмѣстѣ съ одинокими холмами *Сорхъ-Міанъ* (красная середина) и *Сорхъ-Джамамъ* [1]),

1) Форма этихъ холмовъ остроконечная, коническая.

лежащими отъ него къ югу, отлично былъ видѣнъ съ точки нашего отправленія на ВСВ. горизонтѣ равнины *Тагуръ*.

Урочище *Хунъ-и-Кака* представляетъ высокій риказръ, прорѣзанный съ сѣверо-востока на юго-западъ нѣсколькими водостоками. Изъ нихъ три особенно большихъ; ближайшій къ горѣ *Ходже-Сильмэндъ* имѣетъ въ своемъ руслѣ ручей вкусной холодной воды среди зарослей камыша и тамарикса; верстахъ въ двухъ, ниже урочища, воды уже нѣтъ. Въ остальныхъ двухъ по руслу много сухихъ камышовыхъ болотцевъ и тамариксовыхъ зарослей, въ которыхъ имѣется нѣсколько, въ настоящее время года совсѣмъ незначительныхъ, родничковъ прѣсной воды. Узкая долина перваго водостока въ своихъ расширенныхъ частяхъ воздѣлывается подъ ячмень и пшеницу, поля которыхъ орошаются арыкомъ, выведеннымъ выше изъ ручья, и кромѣ того двумя маленькими кяризами. Населеніе урочища составляется белуджами изъ племени Миръ-белудзаи; всего ихъ здѣсь 7 палатокъ. На всемъ пути отъ *Пэнджъ-Сара* мы только здѣсь увидѣли людей, не считая воровъ, сдѣлавшихъ нападеніе въ Мургакской долинѣ.

Въ водахъ ручья очень много маринки (Schizothorax sp.), достигающей вѣсомъ до одного фунта и больше. Птицы встрѣчаются часто. Изъ нихъ можно отмѣтить пролетныхъ: черноголовыхъ овсянокъ (Euspiza melanocephala), степныхъ щеврицъ (Anthus campestris и A. similis), щурокъ золотистыхъ (Merops apiaster) и пѣночекъ (Iduna rama и I. caligata). Изъ ящерицъ довольно часто попадались: стелліоны (Stellio nuptus var.), круглоголовки (Phrynocephalus olivieri), ящерки (Eremias guttulata) и аблефары (Ablepharus sp.?).

Горы *Ходже-Сильмэндъ*, непосредственно къ западу отъ которыхъ располагается урочище *Хунъ-и-Кака*, представляютъ не одинъ холмъ, какъ это кажется со стороны *Кале-и-Мазаръ*, а цѣлую ихъ группу, при чемъ они соединены другъ съ другомъ своими нижними зонами; вершины ихъ увѣнчаны громадными, отвѣсными и высокими утесами. Почти прямо къ югу отъ *Ходже-Сильмэндъ* и урочища лежитъ одиноко возвышающійся на степи

холмъ *Сорхъ-Міанъ*. Быть можетъ именно онъ обозначенъ на картахъ какъ мѣсто «*Сорабукъ*»; во всякомъ случаѣ это названіе въ *Хунъ-и-Какà* не было извѣстно. Южнѣе и восточнѣе поднимается такой-же холмъ *Сорхъ-Джамамъ*, за которымъ виднѣется невысокая холмистая цѣпь. Къ юго-западу, по ту сторону равнины *Тагуръ*, поднимаются горы *Гуаръ-Кухъ*. Передъ сѣвернымъ передовымъ хребтомъ этихъ горъ протягивается невысокая каменистая цѣпь *Кухъ-и-Испитокъ*, у сѣверо-восточнаго окончанія которой, къ юго-юго-западу отъ урочища, виднѣется скалистый холмъ *Сія-Решканъ*. Почти прямо къ югу, за восточными окончаніями высокаго горнаго хребта *Кухъ-и-Джаори*, поднимается высокій-же хребетъ *Кухъ-и-Гоудери*, за которымъ располагается селеніе *Карвандаръ* (на картахъ *Карвинда*), а къ юго-юго-востоку — невысокій хребетъ *Кухъ-и-Галянгуръ* съ двумя широкими и высокими поднятіями. Горы, лежащія между *Кухъ-и-Испіава* на западѣ и *Кухъ-и-Галянгуръ* на востокѣ, составляютъ водораздѣльную линію между бассейномъ болотъ *Хамунъ-и-Самысуръ* и *Хамунъ-и-Джаори* съ одной стороны и бассейномъ Бампурской рѣки съ другой. Почти прямо къ сѣверу отъ урочища виднѣется хребетъ *Кухъ-Дехъ-и-Пабидъ*, къ сѣверо-западу — *Кухъ-и-Тигабъ* и, нѣсколько восточнѣе, — *Кухъ-и-Чахъ-Шуръ*; передъ первыми двумя хребтами протягиваются невысокія горы *Кухъ-и-Нарюкъ*. Ширина равнины *Тагуръ* между этими послѣдними и сѣвернымъ хребтомъ *Гуаръ-Кухъ*, какъ мнѣ показалось, не меньше 35—40 верстъ. Восточная граница этой равнины ни отъ урочища *Хунъ-и-Какà*, ни съ дороги, сдѣланной нами отъ *Кале-и-Мазаръ*, не замѣтна. Повидимому она составляется относительно невысокими возвышенностями, отходящими отъ горы *Кухъ-и-Туфтанъ* на югъ и образующими водораздѣлъ между *Хамунъ-и-Джаори* и *Хамунъ-Киндъ* съ *Хамунъ-и-Машкилъ*. Городъ *Хоашъ* («*Вашть*» картъ), судя по указанному мнѣ направленію, долженъ лежать къ юго-востоку отъ урочища *Хунъ-и-Какà*.

Передъ вечеромъ, когда наступило время собираться въ дальнѣйшій путь, ко мнѣ подходитъ мой караванъ-баши, бросается

на колѣни, цѣлуетъ ноги и объявляетъ, что не знаетъ дороги не только въ Сеистанъ, но даже въ *Ляадисъ*. «*Ассадула-бэкъ*», говоритъ онъ: «приказалъ мнѣ увѣрить васъ, саибъ, что я знаю дорогу, чтобы вы приняли меня къ себѣ на службу и дали бы возможность заработать для уплаты ему моего долга». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умоляетъ меня не отпускать его домой и держать хотя-бы за самое ничтожное вознагражденіе. Жаль мнѣ стало бѣдняка, который изъ-за какихъ-то трехъ тумановъ (6 рублей) долженъ былъ предпринимать цѣлое путешествіе, и я согласился оставить его при себѣ, тѣмъ болѣе, что лишняя пара рукъ и глазъ могла быть всегда полезною. Пока переводчикъ нашелъ новаго проводника, уже сильно свечерѣло, и я рѣшилъ отложить нашъ отъѣздъ до утра.

Утромъ 18 августа мы прошли около 10 верстъ и остановились въ урочищѣ *Дехъ-и-Пабидъ*, чтобы къ вечеру перебраться на мѣсто *Биданъ-и-Сардзе*, верстахъ въ 8 дальше. Общее направленіе дороги сѣверное, съ легкимъ уклоненіемъ къ востоку. Она проходитъ риксаромъ, поросшимъ скудною растительностью, главнымъ образомъ полынью, и все время поднимается. За горою *Ходже-и-Сильмэндъ*, къ востоку отъ дороги, виднѣется широкая равнина, спускающаяся къ юго-западу, на равнину *Тагуръ*. Она прорѣзана двумя маленькими рѣчками, теперь осохшими и лишь мѣстами имѣющими воду. Темно-зелеными и желтыми лентами вырисовываются онѣ на общемъ буроватомъ фонѣ выгорѣвшей на солнцѣ степи своими тамариксовыми и камышевыми зарослями. Болѣе восточная рѣчка прорывается между *Ходже-Сильмэндъ*, который, какъ видно съ новой точки зрѣнія, представляетъ юго-западное высокое и скалистое окончаніе невысокой горной цѣпи, и цѣпью *Кухъ-и-Ноукабадъ*; эта послѣдняя, вмѣстѣ съ лежащею отъ нея къ сѣверу и нѣсколько къ востоку невысокою цѣпью, съ кажущимся совершенно отвѣснымъ пикомъ *Кухъ-и-Гердалъ*, ограничиваетъ эту равнину съ юго-восточной стороны. Затѣмъ упоминаемая рѣчка проходитъ между холмами *Сорхъ-Міанъ* и *Сорхъ-Джамамъ* и бѣжитъ сухимъ русломъ въ *Хамунъ-и-Джаори*,

какъ и всѣ здѣшніе водостоки. Верстахъ въ 6—7 отъ дороги на ней виднѣется жалкая крѣпостенка, сложенная изъ камня, и группа палатокъ белуджей Миръ-белудзаи; это мѣсто называется *Ноукабадъ*. Вторая рѣчка проходитъ западнѣе *Ходже-Сильмэндъ*, между этимъ послѣднимъ и тою степною волною, по которой идетъ дорога въ *Дехъ-и-Пабидъ*; именно на ней располагается урочище *Хунъ-и-Какà*. Какъ видно съ нашей дороги, невдалекѣ отъ лѣваго берега этой рѣчки и невдалекѣ къ сѣверу отъ *Ноукабада* находятся еще крѣпостенка и палатки тѣхъ-же белуджей; это мѣсто называется *Зіаты*. Къ западу отъ дороги, за степеподобными холмами, у подошвы которыхъ тамъ и здѣсь располагаются сухія камышевыя болотца[1]), имѣется два большихъ водостока. Болѣе крупный, восточный, прорывается сквозь горы *Кухъ-и-Дехъ-Пабидъ*; наша дорога вступаетъ на него въ мѣстѣ этого прорыва, верстахъ въ 9 отъ урочища *Хунъ-и-Какà*. Этотъ прорывъ имѣетъ видъ короткаго каменистаго ущелья и приводитъ насъ въ просторную котловину, въ которой располагается урочище *Дехъ-и-Пабидъ*.

Пройдя урочищемъ около одной версты, мы останавливаемся на берегу кяризнаго ручейка, выведеннаго изъ плоскаго мягкоглинистаго бугра, который окруженъ сухими, поросшими камышемъ болотцами. Кяризъ имѣетъ прѣсную воду и орошаетъ небольшія поля и бакши. Невдалекѣ отсюда къ сѣверу есть крѣпостенка, сложенная изъ каменныхъ глыбъ, и довольно сильный кяризъ, орошающій главную массу здѣшнихъ полей, которыхъ въ общемъ весьма немного.

Теперешнее населеніе урочища составляется 15 палатками белуджей Миръ-белудзаи; все остальное, въ количествѣ также около 15 палатокъ, кочуетъ теперь по горнымъ пастбищамъ.

Достопримѣчательность *Дехъ-и-Пабидъ* представляетъ мѣстный зіаретъ, называемый «*Кадамга-Муртеза-Али*», т. е. «мѣсто, въ которомъ останавливался Али» (имамъ). Онъ находится на сѣ-

1) Ихъ водостоки прорѣзаютъ урочище *Хунъ-и-Кака*.

верномъ склонѣ хребта *Кухъ-Дехъ-и-Пабидъ* и состоитъ изъ крошечнаго родничка съ вкусною водою и небольшого садика, занятаго главнымъ образомъ исполинскимъ, поваленнымъ и частью развалившимся деревомъ кипариса (листва какъ у туи; шишки маленькія съ немногочисленными и непропорціонально крупными чешуйками), еще живымъ и, повидимому, просуществовавшимъ не одну сотню лѣтъ. Въ основаніи это дерево имѣетъ болѣе десяти обхватовъ руками и невдалекѣ отъ корня развѣтвляется на нѣсколько крупныхъ стволовъ, частью лежащихъ на поверхности земли, частью нависшихъ надъ нею. Главный стволъ дуплистый, растрескавшійся и сильно узловатый. У основанія онъ имѣетъ обширное дупло, въ которомъ хранится коранъ въ кожаномъ переплетѣ и находится нора, вырытая дикобразомъ; священная книга теперь читается только однимъ вѣтромъ, и прочитанныя имъ страницы въ изобиліи валяются около. Около этого чудовищно большого дерева растетъ еще два кипариса (одинъ изъ нихъ имѣетъ въ стволѣ два обхвата руками), затѣмъ нѣсколько массивныхъ фисташекъ, высокій иволистный тополь и нѣсколько гранатовыхъ кустовъ. Описанный зіаретъ для многихъ птицъ имѣетъ значеніе, какъ мѣсто отдыха и ловли птицъ. Въ жаркіе часы дня сюда во множествѣ собрались горлички (Turtur auritus), мухоловки (Butalis grisola var.), щурки (Merops apiaster), черноголовыя овсянки (Euspiza melanocephala), суи (Chatorhea huttoni), пѣночки (Iduna rama и I. caligata); всѣ эти птицы, кромѣ суевъ, были пролетными. Видѣлъ я здѣсь кромѣ того нѣсколько штукъ пустельги (Tinnunculus alaudarius) и выпугнулъ филина, за которымъ долго гонялся, но безуспѣшно.

Въ нижней области сосѣднихъ горъ, преимущественно по сѣвернымъ склонамъ, развивается мѣстами довольно пышная кустарная растительность, среди которой слѣдуетъ упомянуть объ одномъ растеніи съ плодами, какъ у Amygdalus, и съ тонкими, прямыми какъ стрѣлки, зелеными вѣточками, уже давно сбросившими листья, на мѣсто которыхъ объявились маленькія, красноватыя почки (у персіянъ «бадомъ-тальхъ», у белуджей «гоа-

тамъ»). Растительность дна урочища состоитъ изъ тамарикса и какихъ-то тщедушныхъ, полузасохшихъ кустиковъ; по кяризнымъ ручьямъ густыя заросли мяты и разныхъ травъ и, кромѣ того, одинокія деревья иволистнаго тополя (у белуджей «бидъ»). Въ общемъ же и урочище, и горы, непосредственно его окружающія, представляютъ изрядную пустыню.

Изъ мѣстныхъ птицъ можно замѣтить скалистыхъ куропатокъ (Caccabis chukar var.) и индійскихъ (Ortygornis ponticeriana), индійскихъ турачей (Attagen indicus) и крупныхъ горныхъ щеврицъ (Anthus jerdoni). Изъ ящерицъ въ большомъ числѣ встрѣчались только Eremias guttulata.

Въ сѣверо-сѣверо-восточной сторонѣ отъ урочища виднѣются весьма высокіе горные хребты, именно: *Кухъ-и-Гярукъ*, ограничивающій его своими отрогами съ сѣвера, *Ходжа-Силумъ-Кухъ*[1]) и самый высокій — *Кухъ-Шахъ-и-Суваранъ*. На сѣверо-востокѣ, изъ-за сравнительно болѣе низкихъ горъ, поднимается громада потухшаго вулкана *Кухъ-и-Туфтанъ* съ вершиною, курящеюся нашатырными и водяными парами. Эта гора называется также *Кухъ-и-Наушадыръ*, а вершина ея — *Чигельтанъ*.

Общее направленіе пути къ мѣсту остановки въ *Биданъ-и-Сардзе* сѣверо-западное съ легкимъ уклоненіемъ къ сѣверу. Дорога идетъ вверхъ по лѣвому берегу широкаго водостока, сбѣгающаго въ котловину *Дехъ-и-Пабидъ*; въ этой послѣдней онъ соединяется съ другимъ водостокомъ, также весьма широкимъ, который идетъ съ сѣверо-востока, вѣроятно съ *Кухъ-и-Туфтанъ*, и уже общимъ русломъ выходитъ черезъ вышеупомянутый прорывъ въ горахъ *Кухъ-и-Дехъ-Пабидъ* на равнину *Тагуръ*. Этотъ водостокъ располагается между холмами и вообще предгоріями *Кухъ-и-Гярукъ* на сѣверо-востокѣ и невысокими горами *Кухъ-и-Шотуранъ* на юго-западѣ. Вскорѣ онъ прорывается сквозь поперечную невысокую, но зато довольно широкую гряду и въ этомъ

---

1) Повидимому именно эти горы называются также *Кухъ-и-Пиръ-Годаръ-Зардъ*, по имени имѣющагося черезъ нихъ перевала.

мѣстѣ развиваетъ крутые, каменистые берега. Эти послѣдніе, а равно и дно, во многихъ мѣстахъ довольно изобильно поросли пышнымъ «бадомъ-тальхъ» и разными другими кустарниками вмѣстѣ съ одиночными деревьями фисташки. Затѣмъ яры береговъ понижаются, а по ту сторону упомянутой гряды открывается долина, изобилующая подножнымъ кормомъ для верблюдовъ и ишаковъ. Здѣсь мы останавливаемся на ночлегъ. И долина, богатая кормомъ, и находящаяся въ ней часть водостока называется *Биданъ-и-Сардзэ*.

Утромъ слѣдующаго дня, 19 августа, мы дѣлаемъ переходъ въ 7 верстъ къ мѣсту *Энариксъ*, составляющему собственность одного изъ пабидскихъ хановъ. Общее направленіе пути сѣверо-восточное. Дорога сначала пролегаетъ вдоль лѣваго берега вчерашняго водостока, пересѣкаетъ его два раза, затѣмъ оставляетъ его влѣво и направляется среди относительно невысокихъ горъ и холмовъ по горнымъ плоскостямъ, по пути пересѣкая нѣсколько водостоковъ, бѣгущихъ къ югу и въ своихъ верхнихъ частяхъ имѣющихъ сырыя мѣста, которыя лишь недавно перестали сочить воду. Въ горахъ довольно часто попадаются фисташковыя деревья, и однажды замѣченъ массивный, развѣсистый кипарисъ; по русламъ водостоковъ — нерѣдко сухія камышевыя болотца и тамариксовыя заросли. Подножный кормъ повсюду въ изобиліи, *даже для лошадей*. Выйдя къ послѣднему водостоку и немного поднявшись вверхъ по его склону, достигаемъ до мѣста *Энарикъ*. Это узенькая долина съ маленькимъ ручейкомъ холодной и вкусной воды, которая, пробѣжавъ нѣсколько сотъ шаговъ среди тамариксовыхъ кустовъ, камыша и зарослей ароматной мяты, исчезаетъ въ руслѣ. На лѣвомъ берегу долины, надъ ручейкомъ, имѣется болотце, со дна котораго бьетъ нѣсколько родниковъ. Воды *Энарикъ* утилизируются на орошеніе крошечнаго гранатоваго садика (гранатъ у персіянъ и белуджей называется «энаръ», отсюда названіе описываемаго мѣста) и миніатюрныхъ полей пшеницы. Никакого жилья въ настоящее время года здѣсь не имѣется.

Экскурсія, предпринятая мною въ окрестностяхъ, дала плачевные результаты. Птицъ я видѣлъ много, но всего лишь нѣсколькихъ, неинтересныхъ, видовъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть принадлежала пролетнымъ. Благодаря довольно пышной и разнообразной растительности (нерѣдко между прочимъ попадались деревца мелколистнаго инджира), сборъ насѣкомыхъ оказался удачнымъ.

Въ *Энарикъ* я отпустилъ проводника, взятаго изъ *Дехъ-и-Пабидъ*, воспользовавшись тѣмъ, что встрѣтилъ здѣсь белуджа, промышлявшаго сборомъ фисташки въ горахъ и согласившагося за весьма небольшое вознагражденіе провести насъ въ Сеистанъ. Его звали Регимдадъ.

Къ вечеру мы дѣлаемъ небольшой переходъ въ 6 верстъ. Дорога, благодаря весьма крутымъ и высокимъ перевaламъ, затруднительна и тяжела не только для верблюдовъ, но также и для ишаковъ. Общее ея направленіе — сѣверо-восточное. Останавливаемся въ узкой и глубокой долинѣ съ крошечнымъ ручейкомъ — *Зардыки*. Изъ *Энарикъ* направляемся вверхъ по мѣстному ущелью и вскорѣ сворачиваемъ въ лѣвую изъ тѣхъ двухъ вѣтвей, изъ которыхъ оно составляется. Поднявшись вверхъ до ея начала, дѣлаемъ два перевала (второй болѣе высокій), подъ названіемъ *Бэндыкъ-сія*, черезъ отроги хребта *Кухъ-и-Гярукъ* и спускаемся въ глубокую, узкую долину, по дну которой вьется ручей *Поштъ-и-Кури*; въ ней имѣется белуджское кочевье и небольшія пашни; много подножнаго корма для лошадей. Затѣмъ дѣлаемъ крутой перевалъ черезъ узкій и высокій хребетъ *Ходже-Силумъ-Кухъ* (этотъ перевалъ называется *Пиръ-Годаръ-Зардъ*; иногда, какъ упоминалъ я выше, это названіе пріурочивается къ самому хребту) и спускаемся въ такую-же узкую долину, какъ предъидущая, и съ такимъ-же ручьемъ, который называется *Зардыки*. Здѣсь мы останавливаемся на ночлегъ.

Зардыки соединяется съ *Поштъ-и-Кури* въ общее, уже сухое русло, которое направляется въ сѣверо-западную, а затѣмъ въ западную сторону и открывается въ вышеописанномъ урочищѣ

Куринъ. Зимою и весною названные ручьи несутъ въ это послѣднее много воды, которая изливается изъ него по руслу *Рудъ-и-Маги* въ пустыню *Лутъ*, именно въ соленое болото *Шуръ-Гёзъ-Хамунъ*. Ниже нашей стоянки имѣется на ручьѣ *Зардыки* мѣсто *Назэль* съ постояннымъ населеніемъ. Съ вершинъ пройденныхъ нами переваловъ виднѣется въ ВСВ. сторонѣ массивъ скалистыхъ вершинъ хребта Шахъ-и-Суваранъ-кухъ, возвышающійся надъ самымъ высокимъ изъ нихъ не меньше, чѣмъ на тысячу футовъ.

Утромъ 20 августа мы дѣлаемъ около 10 или 11 верстъ до мѣста *Кямэ-Зарчанъ*, въ которомъ даемъ отдохнуть и покормиться нашему вьючному скоту, и къ вечеру проходимъ еще около 7—8 верстъ, до мѣста *Хазыкъ*, гдѣ останавливаемся на ночлегъ.

Общее направленіе пути востоко-сѣверо-восточное. Дорога дѣлаетъ нѣсколько переваловъ черезъ отроги хребта *Шахъ-и-Суваранъ-кухъ*, огибая съ западной и сѣверо-западной стороны его высокій и утёсистый массивъ. Для верблюдовъ она весьма затруднительна. Поднявшись съ мѣста стоянки въ *Зардыки*, дѣлаемъ два относительно невысокихъ перевала и спускаемся въ узкую долину *Поданаи*, въ которой имѣется нѣсколько родниковъ съ хорошею водою и дно которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ воздѣлано подъ пашни. За этою долиною приходится дѣлать высокій и крутой перевалъ, спускъ съ котораго приводитъ насъ въ глубокую и узкую долину *Кутюнъ*, имѣющую родники прѣсной воды. Затѣмъ новый, еще болѣе высокій, перевалъ и новая долина того-же типа — *Сія-Ришанъ* (*Сія-Решанъ*). Зимою и весною по днищамъ этихъ трехъ долинъ бѣгутъ рѣчки, изливающія свои воды въ урочище *Куринъ* и далѣе, по руслу *Рудъ-и-Маги*, въ соленое болото *Шуръ-Гёзъ-Хамунъ* въ пустынѣ *Лутъ*. За *Сія-Ританъ* дѣлаемъ послѣдній перевалъ, который выше всѣхъ предшествовавшихъ. Отсюда отроги хребта *Шахъ-и-Суваранъ* направляются къ западо-сѣверо-западу и сѣверо-западу, образуя водораздѣлъ между Ляадисскимъ и Куринскимъ бассейнами. Спускаемся къ лощинѣ, въ которой въ настоящее время въ двухъ мѣстахъ имѣется вода; эта лощина называется *Кямэ-Зарчанъ*, и

воды ручья, образующагося въ ней въ холодные мѣсяцы года, бѣгутъ уже въ урочище *Ляадисъ.*

Скалистыхъ мѣстъ, по пройденному до *Кямэ-Зарчанъ* пути, мало: горные склоны, даже въ крутыхъ мѣстахъ, усыпаны щебнемъ. Растительность, особенно по ущельямъ и въ долинахъ, довольно богатая. Собственно въ горахъ весьма обыкновенна фисташка, крупноствольная и тѣнистая; мѣстами она образуетъ свѣтлыя рощи; затѣмъ много въ нихъ различныхъ кустарниковъ, большею частью полузасохшихъ, однако обильные здѣсь кусты бадомъ-тальха (гоатамъ) еще не осыпали, какъ въ нижнихъ областяхъ горъ, своихъ узкихъ, ланцетовидныхъ листьевъ. Среди растительности долинъ слѣдуетъ отмѣтить: кустарный камышъ, иволистный тополь (бидъ), часто образующій маленькія мелкоствольныя рощицы, и высокій шиповникъ.

Изъ звѣрей мы встрѣчали: барановъ (Ovis cycloceros) и какихъ-то антилопъ. Изъ птицъ часто наблюдались: сѣрыя мухоловки (Butalis grisola et var.), поползни (Sitta tephronota), скотоцерки (Scotocerca inquieta), каменные дрозды (Petrocincla saxatilis), крупныя горныя щеврицы (Anthus jerdoni), воробьи (Passer indicus), скалистыя куропатки (Caccabis chukar var.), ягнятники (Gypaëtos barbatus), ястреба (Astur badius), благородные орлы (Aquila fulva), орлы длиннохвостые (Aquila fasciata), совки (Athene sp.?); довольно часто встрѣчались также пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides), въ громадномъ количествѣ населяющіе нижнія жаркія области горъ; по фисташковымъ деревьямъ я нерѣдко видѣлъ пестрыхъ дятловъ (Picus sindianus), а въ рощицахъ иволистнаго тополя два раза замѣтилъ какого-то зеленаго дятла (Gecinus sp.?); изъ пролетныхъ птицъ въ очень большомъ числѣ встрѣчались: черноголовыя овсянки (Euspiza melanocephala), которыя также гнѣздятся въ здѣшнихъ горахъ, индійскіе жуланы (Collurio vittatus), пѣночки (Iduna rama, частью гнѣздящіяся, и I. caligata), сѣрыя славки (Sylvia fuscipilea), горные сорокопуты (Otomela karelini), золотистыя щурки (Merops apiaster) и т. п. Изъ рептилій попадались

лишь однѣ ящурки (Eremias guttulata) и аблефары (Ablepharus sp.?), а изъ амфибій — жабы (Bufo sp.?). Вòды лощины *Кямэ-Зарчанъ*, представлявшія простыя выбоины въ тѣнистыхъ мѣстахъ русла и по своему количеству не превышавшія объема нѣсколькихъ ведеръ, изображали нѣчто въ родѣ садковъ, набитыхъ мелкою рыбою (Nemachilus sp.?), пьявками, водяными жуками и водяными клопами.

Дорога къ мѣсту *Хазыкъ*, въ которое мы перебираемся къ вечеру, направляется внизъ по лощинѣ *Кямэ-Зарчанъ*, которая вскорѣ переходитъ въ ущелье; затѣмъ оставляетъ его (версты черезъ $4^1/_2$), вправо, сворачиваетъ къ сосѣднему водостоку, идетъ внизъ по его скату и приводитъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ впадаетъ въ сейчасъ упомянутое ущелье. Это мѣсто и есть *Хазыкъ*. Такимъ образомъ оно есть не что иное, какъ мѣсто сліянія сейчасъ названнаго водостока съ русломъ *Кямэ-Зарчанъ*. Сплошное движеніе по этому послѣднему невозможно по причинѣ каменныхъ глыбъ, загромождающихъ его дно, которое къ тому-же образуетъ цѣлый рядъ высокихъ, отвѣсныхъ уступовъ.

Хазыкъ занятъ цѣлою рощею тамариксовыхъ кустовъ и деревьевъ. Вверхъ по руслу *Кямэ-Зарчанъ* много сырыхъ мѣстъ и родничковъ, вода которыхъ скопляется въ выбоинахъ каменистаго ложа. Не особенно давно, быть можетъ мѣсяца полтора тому назадъ, здѣсь бѣжалъ сплошной ручей, теперь же текучая вода наблюдается лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ: изъ одной выбоины въ другую, ниже лежащую. Горныя породы русла, какъ губка, всасывали воду въ прохладный сезонъ года, и въ настоящее время она подъ вліяніемъ своей тяжести выдавливается наружу въ видѣ родничковъ. Наличной массы воды навѣрное хватитъ до осеннихъ дождей, и это несмотря на то, что нынѣшній годъ отличался особенною сухостью. Какъ въ самомъ урочищѣ, такъ и вверхъ по описываемому руслу, довольно много иволистнаго тополя, частью стоящаго одинокими деревцами, частью группирующагося въ рощицы. Возвышенности, непосредственно прилегающія къ урочищу, отличаются пустыннымъ характеромъ.

Къ юго-востоку отъ *Хазыкъ* виднѣется вершина потухшаго вулкана *Кухъ-и-Туфтанъ* (*Чигельтанъ*), а къ юго-юго западу — скалистый массивъ хребта *Шахъ-и-Суваранъ*.

Посвятивъ большую часть дня 21 августа изслѣдованію окрестностей *Хазыкъ*, я приказалъ передъ вечеромъ вьючить караванъ и отправляться въ дальнѣйшій путь. Къ ночи мы прошли 11 верстъ. Дорога идетъ внизъ вдоль водостока *Шахъ-Ахмедъ*, который составляетъ непосредственное за мѣстомъ *Хазыкъ* продолженіе русла *Кямэ-Зарчанъ*, и пролегаетъ частью по его дну, частью берегами, частью уклоняясь въ сторону и дѣлая перевалы черезъ высоты, къ нему надвинувшіяся. Водостокъ имѣетъ вообще крутые берега, поднимающіеся саженей до четырехъ въ высоту и больше. По руслу—часто тамариксъ и деревца иволистнаго тополя. Долина его вьется между безплодными, скучными горами, склоны которыхъ усыпаны щебнемъ; она камениста и довольно густо поросла кустами Zygophyllum, уже давно стоящими безъ листвы. Черезъ нѣсколько верстъ пути дѣлаемъ перевалъ черезъ возвышенность лѣвой стороны и спускаемся въ глубокую долину, обрамленную высокими утесистыми горами, въ которыхъ часто встрѣчаются дикіе козлы и бараны. Дно ея, сплошь занятое водостокомъ, покрыто одиночными кустами и небольшими группами тамарикса. Она называется *Булани*, имѣетъ въ верхней своей части родники прѣсной воды и начинается на возвышенности между урочищами *Куринъ* и *Ляадисъ*, которая является ихъ водораздѣломъ. Вскорѣ *Булани* и *Шахъ-Ахмедъ* соединяются въ общее русло, которое прорывается между относительно высокими и скалистыми горами и выбѣгаетъ въ сравнительно широкую, безводную долину, весною, повидимому, богатую подножнымъ кормомъ для лошадей. Здѣсь мы останавливаемся, сдѣлавъ отъ *Хазыкъ* около 11 верстъ.

Поднимаемся въ часъ пополуночи 22 августа и проходимъ около 20 верстъ. Торопимся въ *Ляадисъ*, такъ какъ у насъ, вотъ уже третьи сутки, нѣтъ хлѣба, и мы пробавляемся финиками, взятыми въ числѣ прочихъ припасовъ въ *Базманъ*, и куропат-

ками (Caccabis chukar), которыхъ я и Литвиновъ бьемъ по пути. Спускаемся по прежнему водостоку, который направляется почти прямо на востокъ. Вышеупомянутая долина вскорѣ съуживается въ широкое ущелье между скалистыми горами. Оно извѣстно подъ названіемъ *Дехъ-и-Магомедъ* и имѣетъ небольшой участокъ глинистой почвы, удобной для посѣва хлѣба; однако этотъ послѣдній сѣется только въ многоводные годы, когда есть возможность провести къ нему воду изъ верхнихъ частей водостока *Буланй*. Названное ущелье разсѣкаетъ скалистый горный хребетъ и выводитъ на высокія волнистыя равнины, взборожденныя невысокими горными и холмистыми цѣпями и съ юго-западной стороны прилегающія къ низменнымъ частямъ урочища *Ляадисъ*. И равнины, и возвышенности скучны и печальны. Ихъ почва камениста, безплодна, выжжена на солнцѣ и, мѣстами, на версту или больше лишена какого-бы то нибыло признака растительности. На 18-й верстѣ отъ мѣста ночлега, за послѣднимъ горнымъ хребтомъ и вскорѣ послѣ того, какъ мы оставили его позади себя, встрѣчаемъ очень широкое плоскоберегое русло *Саркагану̀*, усыпанное камнемъ и впадающее справа въ тотъ водостокъ, по которому мы идемъ изъ *Дехъ-и-Магомедъ*. Отсюда, пройдя двѣ версты по плоскому и невысокому водораздѣлу, мы прибываемъ къ руслу Таминской рѣки (*Рудъ-и-Таминъ*) и, немного поднявшись вверхъ по его уклону, останавливаемся у первой его воды. Эта послѣдняя имѣетъ видъ ручейка, бѣгущаго въ густой тамариксовой заросли; на вкусъ она прѣсная.

Мѣсто стоянки находится собственно говоря уже въ предѣлахъ урочища *Ляадисъ*, культурныя части котораго располагаются отъ него невдалекѣ: верстахъ въ 7—8 къ сѣверо-сѣверовостоку.

Провѣривъ свою кассу, я вижу, что могу съѣздить къ горѣ *Кухъ-и-Туфтанъ* (ея вершина отъ мѣста стоянки виднѣется на юго-юго-западѣ, въ 195°) и предпринять экскурсію на юго-востокъ отъ нея, къ болотамъ *Хамунъ-Киндъ*. Посылаю переводчика съ двумя изъ моихъ людей въ *Ляадисъ* за мукою, ово-

щами, баранами и другими покупками, а самъ съ обоими моими помощниками остальную часть дня экскурсирую по окрестностямъ.

Отъ урочища Ляадисъ къ горѣ Кухъ-и-Туфтанъ и обратно

(23—29 августа).

Ночью 22 августа прибыла изъ *Ляадиса* провизія, а на слѣдующій день мы направились въ селеніе *Таминъ*, лежащее верстахъ въ 25 выше, на рѣкѣ *Рудъ-и-Таминъ*, и прибыли въ него 24 числа. Дорога въ первой своей половинѣ пролегаетъ бо̀льшею частью по дну ея долины и оставляетъ ее лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы срѣзать изгибы. Ручеекъ, на которомъ мы останавливались, идетъ не болѣе, какъ на половину версты. Онъ беретъ начало изъ нѣсколькихъ родниковъ въ мягко-глинистыхъ буграхъ, лежащихъ у лѣваго берега русла и поросшихъ густымъ тамариксомъ, а также кустарнымъ и обыкновеннымъ камышомъ. Птицъ здѣсь было видно мало. Замѣчены пролетные: песочники (Tringa subarquata), улиты (Totanus ochropus и T. glareola), перепела̀ (Coturnix communis), желтыя трясогузки (Budytes beema), мухоловки (Butalis grisola et var.), чеканы (Saxicola leucomela), щеврицы лѣсныя (Anthus arboreus) и степныя (Anthus campestris и A. similis), сѣрыя славки (Sylvia fuscipilea) и другія; изъ мѣстныхъ птицъ попадались: скотоцерки (Scotocerca inquieta), чеканы (Saxicola albonigra), каменные дрозды (Petrocincla saxatilis), хохлатые жаворонки (Galerita magna) и, снова въ большомъ количествѣ, пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides), куропатки (Caccabis chukar var.) и суи (Chatorhea huttoni). За упомянутыми буграми русло становится безводнымъ, хотя остается еще довольно изобильно поросшимъ тамариксомъ (какъ обыкновеннымъ, такъ и «куръ-гяземъ», который теперь находится въ полномъ цвѣту). Черезъ нѣсколько верстъ пути встрѣчаемъ еще ручей. Онъ составляетъ окончаніе сплош-

ныхъ водъ Таминской рѣки и тутъ-же исчезаетъ въ руслѣ. Нѣсколько выше этотъ ручей орошаетъ урочище *Сія-Дженгалъ* (т. е. черный лѣсъ), занимающее всю ширину долины, во многихъ мѣстахъ болотистое и представляющее густѣйшую тамариксовую чащу, изъ которой то тамъ, то здѣсь поднимаются сравнительно высокія деревья разнолистнаго тополя («подагъ») и иволистнаго («бидъ»). Пройдя черезъ это урочище и сдѣлавъ вверхъ по ручью нѣсколько верстъ, мы оставляемъ его вмѣстѣ съ долиною вправо, а сами входимъ въ безводную боковую долину и слѣдуемъ вверхъ почти до самой ея вершины. Здѣсь дѣлаемъ невысокій каменистый перевалъ вправо и съ высоты его видимъ сады селенія Таминъ и его рѣку. Еще немного — и мы располагаемся лагеремъ около воды подъ тѣнистыми деревьями.

Пройденныя горы отличаются пустынньмъ характеромъ, весьма скудною растительностью и безжизненностью. Тѣмъ лучше чувствуешь себя въ этомъ благодатномъ мѣстѣ, гдѣ много тѣнистыхъ садовъ и зелени, гдѣ быстро и съ шумомъ бѣжитъ полноводный ручей съ прозрачною и великолѣпною водою, гдѣ видишь много птицъ и слышишь ихъ разнообразные голоса.

Первоначальное населеніе Тамина составлялось курдскими выходцами, поселенными здѣсь, какъ говорятъ, Шахъ-Абассомъ. Въ настоящее время въ немъ живетъ лишь нѣсколько семействъ, утратившихъ свой языкъ и обелуджившихся. Бо̀льшая же часть жителей, вслѣдствіе нападеній и безпрестанныхъ грабежей со стороны белуджей, особенно за послѣдніе два года, покинула это селеніе и переселилась частью въ Сеистанъ, частью въ Керманъ. Жилища частью выстроены изъ камня, частью вырыты въ мягкихъ породахъ тѣхъ возвышенностей, которыя прилегаютъ къ таминской долинѣ съ лѣвой стороны. Защищается *Таминъ* мизерною крѣпостенкою, сложенною изъ камня и расположенною на бугрѣ.

Сады тѣнисты, густы и въ общемъ занимаютъ около 25 десятинъ. Въ ихъ составъ входятъ слѣдующія породы: грецкій орѣшникъ, тутовникъ, миндаль, гранатъ, барбарисъ, абрикосовыя

и персиковыя деревья, джиддовникъ, иволистный и разнолистный тополь, шиповникъ, а также виноградъ, порою толстыми стволами вьющійся по деревьямъ и мѣстами образующій длинныя и красивыя гирлянды. Эти сады, а также довольно многочисленныя поля (ячмень и пшеница), разработаны террасами и лежатъ главнымъ образомъ на лѣвой сторонѣ отъ рѣчки. Выше мѣста расположенія садовъ и полей долина съуживается невысокими скалистыми горами въ живописное ущелье. Прямо изъ камня лѣвой стѣны этого послѣдняго бьетъ нѣсколько сильныхъ струй чудной, холодной и прозрачной воды, падающей невысокимъ, но шумнымъ каскадомъ. Эти ключи почитаются священными (зіаретъ) и называются «*Зіаретъ-Хазретъ-Муса*»; они составляютъ самый главный источникъ Таминской рѣчки. Выше ихъ, въ снова расширившейся долинѣ, есть еще нѣсколько болѣе слабыхъ родниковъ, которые въ сухое время года являются рѣчнымъ верховьемъ. Рѣчка кажется весьма красивою среди здѣшнихъ густыхъ садовъ, среди скользкихъ камней, которые то усыпаютъ ея русло, то составляютъ берега, среди кустарнаго камыша и высокой душистой мяты.

Изъ мѣстныхъ птицъ слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ видахъ: кашмирскихъ ласточкахъ (Chelidon caschmiriensis), стрижахъ двухъ видовъ (Cypselus apus var. и C. affinis), ласточкахъ скалистыхъ (Ptyonoprogne rupestris) и пустынныхъ (P. absoleta), горныхъ щеврицахъ (Anthus jerdoni), горныхъ трясогузкахъ (Colobates melanope), дримойкахъ (Drymoica lepida), суяхъ (Chatorhea huttoni), скалистыхъ куропаткахъ (Caccabis chukar var.), благородныхъ орлахъ (Aquila fulva var.) и орлахъ долгохвостыхъ (A. fasciata), ягнятникахъ (Gypaëtus barbatus) и филинахъ (Bubo sp.?). Изъ пролетныхъ видовъ наблюдались: желтыя трясогузки (Budytes beema), щеврицы лѣсныя (Anthus arboreus) и степныя (A. campestris), мухоловки (Butalis grisola var.), чеканы-плѣшанки (Saxicola leucomela), пѣночка (Iduna rama, которая также гнѣздится, и I. caligata), черноголовыя овсянки (Euspiza melanocephala), отчасти гнѣздящіяся; золотистыя щурки

(Merops apiaster), зуйки (Actitis hypoleucus). Изъ змѣй мнѣ попадались только одни пустынные ужи (Psammophys leythi), а изъ ящерицъ: стелліоны (Stellio nuptus var. fusca), гекконы (Gymnodactylus sp.?), аблефары (Ablepharus sp.?), змѣеподобныя ящерицы (Zygnopsis brevipes), Eremias guttulata и E. sp.?

Вечеромъ 24 августа, когда по обыкновенію я зажегъ фонарь и расположился ловить ночныхъ насѣкомыхъ, ко мнѣ явился какой-то господинъ, повидимому индусъ, и, отрекомендовавшись офицеромъ индійской службы, въ дерзкой формѣ сталъ спрашивать, кто я такой и на какомъ основаніи занимаюсь съемкой въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я показалъ ему свои бумаги, а также бывшую у меня въ рукахъ англійскую карту, на которой граница между персидскимъ и англійскимъ Белуджистаномъ была нанесена такъ, какъ она обозначается обыкновенно. Тогда онъ заявилъ, что эта граница «условна» и что на самомъ дѣлѣ она проходитъ «много западнѣе». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ совѣтовалъ мнѣ возвратиться въ *Ляадисъ*, въ противномъ случаѣ угрожая арестомъ и различными другими непріятностями... На его сторонѣ была сила, и мнѣ приходилось уступить. Однако я все-таки рѣшилъ съѣздить къ горѣ *Кухъ-и-Туфтанъ*, чтобы познакомиться съ этимъ высочайшимъ пунктомъ всей юго-восточной Персіи и измѣрить его высоту посредствомъ гипсотермометра.

Утромъ 25 августа я отправляюсь въ путь, взявъ съ собою *Регимдада*, *Пиръ-Магомеда* и еще одного человѣка изъ людей моего каравана, а также двухъ ишаковъ для нагрузки необходимыхъ вещей и припасовъ, главнымъ образомъ воды и теплаго платья, такъ какъ на пути къ *Кухъ-и-Туфтанъ*, какъ и на самой горѣ, воды въ настоящее время года нигдѣ не имѣется и, въ добавокъ, довольно холодно.

Дорога идетъ черезъ сады *Тамина* и вышеупомянутое ущелье. За зіаретомъ *Хазретъ-Муса* мы встрѣчаемъ группу небольшихъ садовъ, лежащихъ около верховыхъ водъ Таминской рѣчки, и наполняемъ здѣсь водою взятыя съ собою машки. Затѣмъ

дѣлаемъ крутой перевалъ влѣво, а за нимъ очень высокій, очень крутой и трудный для ишаковъ подъемъ среди камня и глыбъ на высокую, волнистую площадь, которая къ сѣверу и сѣверо-востоку разсыпается на горные отроги и ущелья; съ юго-западной стороны она ограничена кручами другой плоскости. Пройдя отъ Таминской долины около 5—6 верстъ, мы достигаемъ ущелья, стѣны котораго, мѣстами на нѣсколько саженей, спадаютъ совершенно отвѣсно. Найдя тропинку, мы спускаемся по ней къ его дну и здѣсь даемъ вздохнуть нашимъ бѣднымъ ишакамъ. Затѣмъ поднимаемся на противоположный край ущелья и, все время сильно поднимаясь, близко подходимъ къ тому мѣсту подошвы *Кухъ-и-Туфтанъ*, гдѣ онъ, какъ кажется издали, со стороны *Ляадиса*, въ верхней своей части какъ-бы разсѣченъ на-двое. Здѣсь мы останавливаемся съ тѣмъ, чтобы утромъ предпринять восхожденіе на вершину горы, а пока вмѣстѣ съ Пиръ-Магомедомъ я хожу по окрестностямъ и собираю насѣкомыхъ.

Отъ *Тамина* до мѣста стоянки около 16 верстъ. Общее направленіе пути юго-юго-западное. Дорога не только для ишаковъ, но даже для людей трудна: какъ по сильному своему поднятію, такъ и по обилію крупнаго камня. Она представляетъ тропинку, которая при нѣкоторомъ вниманіи кажется довольно хорошо обозначенною, такъ какъ лежащій на ней камень потертъ ногами людей и копытами ишаковъ. Пройденная мѣстность камениста и густо поросла приземистою кустарною растительностью, среди которой возвышаются болѣе высокіе кусты мелколистнаго, густовѣтвистаго и снабженнаго длинными колючками Amygdalus'а, во многихъ мѣстахъ образующаго небольшія заросли. Особенно много развѣсистой полыни и еще какого-то растенія изъ мотыльковыхъ. Это послѣднее имѣетъ видъ большихъ и весьма колючихъ подушекъ; крупные стволы и вѣтки его, снаружи сплошь замаскированные густымъ сплетеніемъ тонкихъ развѣтвленій, обладаютъ чрезвычайно оригинальною корою, похожею на полупрозрачное, весьма упругое и на солнцѣ не скоро высыхающее роговое вещество; эта кора сохраняется еще долгое время послѣ

того, какъ растенie замретъ и уже истлѣетъ, въ видѣ упругихъ и вѣтвистыхъ трубокъ, которыя горятъ какъ свѣчи, но даютъ много дыма. Въ качествѣ подсѣда между кустарниками, особенно ближе къ подошвѣ горы, много еще не посохшихъ злаковъ, могущихъ доставлять даже въ настоящее время года хорошiй кормъ для лошадей. Древесная растительность, именно фисташка, наблюдалась главнымъ образомъ только по ущельямъ, да и то въ небольшомъ количествѣ.

Съ мѣста нашей стоянки открывается весьма обширный видъ въ сѣверную сторону, такъ какъ она возвышается надъ всѣми горами, которыя имѣются въ этомъ направленiи; и горные хребты, и плоскогорiя кажутся лежащими у насъ подъ ногами. Изъ-за ближайшей къ намъ вершины горы порою показывается густой бѣлый паръ и словно таетъ въ воздухѣ. Солнце садится и наступаетъ прохладный тихiй вечеръ. Восточная и сѣверо-восточная стороны небосклона высоко затянуты пыльною мглою, надъ которою небо зажигается алыми огоньками, вскорѣ сливающимися въ широкую сплошную зарю. Горная страна, лежащая у насъ подъ ногами, заволакивается нѣжною, синеватою колеблющеюся дымкою. Заря восточной стороны неба дѣлается свѣтло-пурпуровою, затѣмъ пурпуровою и фiолетовою, и, по мѣрѣ того какъ она поднимается все выше и выше, изъ-подъ нея надвигается темная ночь, хотя на западѣ, гдѣ только недавно сѣло солнце, небо не утратило еще своего голубого цвѣта и разукрасилось въ свою очередь алыми и пунцовыми красками. Еще немного—и тѣни востока и запада сливаются другъ съ другомъ и густѣютъ; вспыхиваютъ блестящiя южныя звѣзды, и наступаетъ тихая ночь, не прерываемая ни малѣйшимъ звукомъ.

Я проснулся на разсвѣтѣ. Было довольно холодно: Цельсiй показывалъ всего только 5°. Разбудивъ людей и напившись чаю, я съ солнечнымъ восходомъ, при 9° тепла, могъ уже приступить къ восхожденiю на гору. Одинъ человѣкъ остался при вещахъ и ишакахъ, остальные двое пошли со мною. Путь нашъ проходитъ среди камней и громадныхъ каменныхъ глыбъ, скатившихся съ

горы. Версты черезъ двѣ подходимъ къ довольно широкой трещинѣ, раздѣляющей на-двое сѣверный склонъ горы и по мѣрѣ удаленія отъ нея переходящей въ глубокое ущелье, которое разсѣкаетъ горную подошву и далеко уходитъ къ сѣверо-востоку. Подъемъ на вершину горы находится въ этой трещинѣ. Онъ высокій и трудный, такъ какъ трещина поднята подъ угломъ почти въ 60°, мѣстами даже больше, и на значительную глубину, между неприступными скалистыми стѣнами, завалена крупными обломками лавы и тѣхъ горныхъ породъ, изъ которыхъ сложена горная масса; настоящее дно ея выступаетъ всего только въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Тамъ, гдѣ камни слежались и гдѣ на нихъ или между ними образовалась земля, попадаются густыя заросли какого-то непріятно пахнущаго, теперь цвѣтущаго, приземистаго зонтичнаго растенія, одиночные кустики цвѣтущей гвоздики и другихъ травъ. Уже изрядно поднявшись, встрѣчаемъ болѣе пологое мѣсто, отъ котораго начинается описанная трещина и которое, по направленію къ югу, переходитъ въ сѣдловину. Поверхность этого мѣста усыпана мелкими обломками лавы и пемзы и въ общемъ представляетъ влажныя, теплыя, мягкія земли, отдѣляющія легкіе клубы бѣлаго пара. Въ воздухѣ пахнетъ сѣрною двуокисью, а на поверхности почвы во многихъ мѣстахъ виднѣется кристаллическая сѣра[1]). Повидимому здѣсь когда-то существовалъ кратеръ. Дойдя до сѣдловины, мы дѣлаемъ очень крутой подъемъ влѣво и поднимаемся на вершину, которая съ сѣверной стороны загорожена восточною вершиною, а съ юга примѣтна уже издали, такъ какъ сплошь покрыта свѣтлыми минеральными обломками. На ней расположено круглое отверстіе, имѣющее аршина полтора въ діаметрѣ и ведущее въ яму, изъ которой съ шумомъ и свистомъ выбрасывается густой бѣлый паръ. Стѣны и края ямы покрыты мягкимъ слоемъ кристаллической сѣры и нашатыря. Разсмотрѣть ее подробно я отказался,

---

1) Именно здѣсь ее и добываютъ; правильнаго промысла, однако, не существуетъ.

такъ какъ чувствовалъ, что задыхался въ горячихъ парахъ. Подъ ногами слышно громкое клокотаніе и ощущаются быстрыя колебательныя движенія. Здѣсь производится главная добыча нашатыря, который вычерпывается желѣзными черпаками на длинныхъ деревянныхъ ручкахъ. Добываніе этого минерала, также какъ и сѣры, практикуется почти исключительно въ холодные мѣсяцы года и вообще тогда, когда на горѣ лежитъ снѣгъ. Какъ говорили мнѣ въ *Таминѣ*, послѣдній снѣгъ на *Кухъ-и-Туфтанѣ* стаялъ за мѣсяцъ до нашего пріѣзда. Описанная вершина горы отдѣляется отъ восточной вершины, лежащей отъ нея непосредственно къ сѣверу, плоскою воронкообразною впадиною, которая имѣетъ круглое очертаніе и безъ всякаго сомнѣнія когда-то представляла кратеръ. Эта впадина усыпана пемзою, какими-то свѣтлыми обломками и кусочками сѣры, частью свободными, частью вкрапленными въ эти обломки. Обѣ вершины къ востоку и къ юго-востоку обрушиваются абсолютно неприступными, глубочайшими пропастями, у подошвы которыхъ слышенъ шумъ и видны густые клубы бѣлаго пара. Высота южной вершины опредѣлена мною гипсометрически. Восточная вершина, немного болѣе высокая, чѣмъ западная, поднимается футовъ на 170—200 выше. Такимъ образомъ *Кухъ-и-Туфтанъ* имѣетъ три вершины: южную, западную и восточную; первая и третья отдѣляются другъ отъ друга кратерообразною впадиною, а обѣ вмѣстѣ отдѣляются отъ второй вышеупомянутыми сѣдловиною и трещиною, переходящею въ ущелье.

Съ высоты горы во всѣ стороны открывается обширнѣйшій горизонтъ, при чемъ высокіе горные хребты кажутся гривами и буграми, а широкія долины и котловины — узенькими трещинами и пятнами.

Вершина горы *Кухъ-и-Базманъ* (*Кухъ-и-Хезръ-Зэндэ*) видна на юго-западѣ въ 245°; урочище *Гарнэ* (*Харна*) — на северо-западѣ; горы *Ларъ-Кухъ* — на сѣверѣ, съ легкимъ уклоненіемъ къ западу; горы *Гуаръ-Кухъ* — на юго-западѣ. Къ востоку виднѣется два горныхъ хребта, протянувшихся съ ССЗ. на ЮЮВ.:

Кухъ-и-Горзъ, а за нимъ, сравнительно болѣе длинный, *Кухъ-и-Гязу*; между ними располагается широкая долина типа высокихъ частей равнины *Тагуръ*. За *Кухъ-и-Гязу*, къ ВСВ. отъ точки наблюденія, возвышается хребетъ *Кухъ-и-Нару*; водостоки этихъ хребтовъ направляются въ озера и болота *Хамунъ-Киндъ* и *Хамунъ-и-Машкиль* въ англійскомъ Белуджистанѣ. На ССВ. видны вышеупомянутые хребты *Кача-кухъ* и *Кухъ-и-Мирджава*. Невдалекѣ отъ горы, къ юго-западу, въ глубокой долинѣ темными пятнами выдѣляются сады селенія *Тамандинъ* (*Тиминдинъ*) и виднѣется рѣчное русло *Рудъ-и-Хоашъ*, около котораго, тамъ гдѣ оно выбѣжало изъ относительно высокихъ Тамандинскихъ горъ, можно различить сады селенія *Куугиа* и его маленькую крѣпостепку. Спустившись къ юго-востоку, это русло направляется прямо на востокъ и врывается въ долину между хребтами: *Кухъ-и-Гашъ-Ханъ* (*Кухъ-и-Хашъ-Ханъ*) на сѣверѣ и *Кухъ-и-Самъ* на югѣ; эти горы ограничиваютъ долину, въ которой находится городъ *Хоашъ* (*Хошъ*, на картахъ «Waштъ»), лежащій почти прямо къ юго-востоку отъ восточной вершины *Кухъ-и-Туфтанъ*. По устнымъ свѣдѣніямъ, русло *Рудъ-и-Хоашъ* сноситъ свои воды въ *Хамунъ-и-Машкиль*, минуя *Хамунъ-Киндъ*.

На всѣхъ существующихъ картахъ эта часть страны *Саргадъ* нанесена настолько невѣрно, что пользоваться ими не представляется никакой возможности. Считаю излишнимъ перечислять здѣсь всѣ ихъ неточности, такъ какъ онѣ сами собою обнаруживаются при сравненіи съ моею картою, правда отчасти схематическою, но зато гораздо болѣе вѣрною.

Растительность *Кухъ-и-Туфтана* исключительно травянистая и притомъ весьма жалкая. Изъ звѣрей я видѣлъ на немъ дикихъ барановъ (Ovis cycloceros) и козловъ (Capra aegagrus). Изъ птицъ обращали на себя вниманіе: ягнятники (Gypaëtos barbatus), благородные орлы (Aquila fulva var.), альпійскія галки (Fregilus graculus), ласточки кашмирскія (Chelidon caschmiriensis) и пустынныя (Ptyonoprogne obsoleta), корольковые вьюрки (Oraegithus pusillus) и еще одинъ видъ птицы, для науки совсѣмъ еще

новый и, вѣроятно, относящійся къ новому-же роду. Кромѣ того я видѣлъ здѣсь какихъ-то горихвостокъ (Ruticilla sp.?) и птицъ, похожихъ на Rhyacornis fuliginosa (синеватыхъ, съ рыжимъ хвостомъ), но онѣ остались недобытыми, такъ какъ я усталъ до невозможнаго. Изъ рептилій мнѣ попадались лишь стелліоны (Stellio noptus var.) и гекконы новаго вида (Gymnodactylus sp. nov.).

Благодаря своему весьма значительному поднятію, эта гора отличается порядочными холодами даже въ настоящее время года, что видно изъ нижеслѣдующей таблички.

	Таминъ.	Мѣсто стоянки у подошвы *Кухъ-и-Туфтанъ.*	Вершина *Кухъ-и-Туфтанъ.*
24. VIII.	11 ч. у. +29° Ц. 6 ч. попол. +33,5° Ц. На солн. зак. +25° Ц.		
25. VIII.	На солн. восх. +14° Ц.	6 ч. попол. +15° Ц На солн. закатѣ +13° Ц.	
26. VIII		На разсвѣтѣ +5° Ц. На солн. восходѣ +9° Ц. 2 ч. попол. +18,6° Ц.	11 ч. пополуночи +11° Ц.
27. VIII.	На солн. восх. +17° Ц. 2 ч. попол. +29° Ц.		

Окончивъ свои дѣла на *Кухъ-и-Туфтанъ*, мы спускаемся къ мѣсту стоянки. Непріятный запахъ вышеупомянутаго зонтичнаго растенія теперь, послѣ сѣрныхъ и нашатырныхъ удушливыхъ паровъ, которыми приходилось дышать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, кажется необычайно благовоннымъ. Къ вечеру мы при-

бываемъ въ *Таминъ*. Проходивъ два дня по жесткимъ остроконечнымъ камнямъ, положительно чувствуешь удовольствіе ступать по мягкимъ почвамъ его садовъ и полей.

Къ солнечному закату слѣдующаго дня, 27 августа, мы дѣлаемъ переходъ въ 10 верстъ старою дорогою. Не доходя до первой воды, встрѣчаемъ небольшую долину, открывающуюся съ лѣвой стороны въ ту, по которой пролегаетъ наша дорога, а также тропу; эта послѣдняя, не замѣченная мною въ первый путь, ведетъ къ рѣчкѣ *Рудъ-и-Таминъ*, переходитъ поперекъ нея, дѣлаетъ перевалъ черезъ невысокія горы и спускается въ вышеупомянутое русло *Саркагану* къ двумъ находящимся на немъ жилымъ мѣстамъ: *Чагунъ* и *Саркагану*.

28 августа въ два перехода дѣлаемъ дорогу въ урочище *Лядисъ* и останавливаемся у кяризнаго арыка съ хорошею водою, среди полей, имѣя передъ собою невысокую, пустынную горную цѣпь и два крошечныхъ укрѣпленія: *Барзіаръ* и *Бэнганъ*. Общее направленіе пути сѣверо-сѣверо-восточное. Оставивъ послѣднюю воду Таминской рѣчки, мы проходимъ на разстояніи 4—5 верстъ по пустынной, равнинной мѣстности, которая усыпана камнемъ, выжжена на солнцѣ, почти лишена растительности и имѣетъ въ высшей степени скучный и безотрадный видъ. Эта мѣстность есть не что иное, какъ сильно расширенное общее русло водостоковъ *Таминской рѣчки*, *Саркагану*, *Дехъ-и-Магомедъ* и другихъ, сбѣжавшихъ съ *Кухъ-и-Туфтанъ* и хребта *Шахъ-и-Суваранъ*, съ запада, юго-запада и западо-сѣверо-запада. Это русло проходитъ съ запада на востокъ черезъ урочище *Лядисъ*, забираетъ его воды, затѣмъ направляется къ юго-востоку и впадаетъ въ болото *Хамунъ-Киндъ*. Единственными живыми существами, примѣченными мною на этихъ 4—5 верстахъ, были вездѣсущіе муравьи и пустынные жаворонки (Ammomanes phoenicuroides). Затѣмъ мы проходимъ обширною тамариксовою зарослью, мягкоглинистыя поляны которой разработаны подъ пашни, и вступаемъ въ нэйзаръ, въ настоящее время года окончательно сухой и заросшій полуторасаженнымъ камышомъ, принадлежащимъ колю-

чему виду. За нэйзаромъ дно урочища повышается, именно по направленію къ невысокимъ каменистымъ возвышенностямъ, идущимъ параллельно вышеупомянутой горной цѣпи; онѣ протянулись приблизительно съ запада на востокъ. Между цѣпью и этими возвышенностями располагается глубокое русло, по дну котораго бѣжитъ *Ляадисская рѣчка*. Невдалекѣ отъ нея мы разбиваемъ свой стапъ. Вершина *Кухъ-и-Туфтанъ* находится отъ насъ на юго-юго-западѣ въ 195°.

Ляадисъ представляетъ урочище, расположенное среди относительно невысокихъ горъ, протянувшееся въ общемъ съ запада на востокъ и въ этомъ-же направленіи понижающееся. Сѣверную его границу составляютъ безплодныя горныя цѣпи, скорѣе имѣющія видъ холмовъ; южную — риксзары плоскостей, спускающихся съ *Кухъ-и-Туфтанъ*, съ хребта *Кухъ-и-Горзъ* и съ другихъ горъ; западную — отроги возвышенности, составляющей водораздѣлъ между восточно-Куринскими и западно-Ляадисскими водостоками. Къ востоку описываемое урочище открывается по направленію сѣдловины, лежащей между хребтомъ *Мирджава-кухъ* на сѣверѣ и *Кухъ-и-Гязу* съ *Кухъ-и-Нару* на югѣ. Его воды стекаютъ въ русло, лежащее въ этой сѣдловинѣ. Это русло принимаетъ водостоки, бѣгущіе съ перевала *Танкинидамъ* (о немъ ниже), т. е. съ сѣвера, и впадаетъ въ болота *Хамунъ-Киндъ* и *Хамунъ-и-Машкиль*. Сѣверная часть урочища прорѣзана мѣстною рѣчкою, начинающеюся нѣсколькими сильными родниками въ котловинѣ, которая находится въ предѣлахъ урочища и густо заросла тамариксомъ. Ея русло лежитъ значительно глубже плодородныхъ участковъ урочища и мѣстныхъ болотъ. Берега крутые, мѣстами скалистые и поднимающіеся холмами; они отдѣляютъ ее отъ главной массы урочища и, задерживая въ немъ воды Таминскаго и другихъ южныхъ водостоковъ, не пускаютъ ихъ въ рѣчное русло; это ведетъ къ образованію какъ мѣстныхъ болотъ, такъ и мягко-глинистыхъ почвъ, содержащихъ воду и дающихъ возможность выводить изъ себя кяризы. Теченіе сильное, мѣстами образующее невысокіе водопады. Вода прекрасная

на вкусъ, но не глубокая (футовъ до 3 въ глубину, бо̀льшею же частью и того меньше). У ея урѣзовъ располагаются небольшія плавни колючаго и кустарнаго камыша, тамариксовыя заросли и поросли высокихъ жесткихъ злаковъ. Къ правымъ берегамъ рѣчки прилегаютъ мягко-глинистыя почвы, удобныя для воздѣлыванія и мѣстами покрытыя камышевыми плавнями. Какъ бы тамъ ни было, но *Ляадисская рѣчка* вмѣстѣ съ рѣчками *Бампура* и *Тамина* представляетъ самыя значительныя воды въ лѣтнее время года на всемъ пути, сдѣланномъ мною изъ Сеистана въ Бампуръ и обратно. Средняя часть урочища, параллельно холмамъ праваго берега, прорѣзана небольшими, невысокими и безплодными каменистыми холмами. Въ урочищѣ имѣется нѣсколько маленькихъ укрѣпленій, изъ которыхъ всѣхъ больше *Ляадисъ*, дающій ему названіе; онъ располагается на правомъ берегу рѣчки, ниже остальныхъ; затѣмъ вышеупомянутые *Барзіаръ* и *Бэнганъ*, а также *Алинджанъ*, лежащій у южной подошвы одного изъ серединныхъ холмовъ. Орошеніе составляется какъ водами самой рѣчки, такъ и нѣсколькими кяризами[1]. Ниже *Ляадиса* (въ $2^1/_2$ фарсангахъ?) по той-же рѣчкѣ имѣется жилой пунктъ и укрѣпленіе *Мирджава* (*Мирджабадъ*).

Населеніе составляется белуджами нѣсколькихъ племенъ (измаилзаи, мирбелудзаи, яръ-ахмедзаи). Жилища — обыкновенныя черныя палатки. Въ административномъ отношеніи *Ляадисъ* подчиненъ городу *Хоагшъ* (*Вашть*). Занятія жителей прежде всего составляются скотоводствомъ (козы и бараны) и затѣмъ уже земледѣліемъ (пшеница, ячмень, джугара, дыни и хорошаго качества арбузы). Мнѣ неизвѣстно въ точныхъ числахъ количество воздѣлываемаго хлѣба, но оно должно быть довольно значительнымъ, такъ какъ *Ляадисъ* считается житницею страны Саргадъ. Колесное движеніе по пройденному нами пути изъ *Базмана* бо̀льшею частью невозможно, въ противоположность ниже описываемой дорогѣ изъ *Ляадиса* въ *Дузъ-абъ* и, судя по тому, что я

---

1) Во всѣхъ вода прѣсная и вкусная.

слышалъ, дорогѣ изъ него въ урочище *Куринъ* и къ колодцамъ *Дакъ-и-До*. Во всякомъ случаѣ *Ляадисъ* долженъ считаться весьма важнымъ этапомъ по пути движенія между *Сеистаномъ* и *Бампуромъ* съ одной стороны и англійскимъ Белуджистаномъ съ другой.

Животное населеніе урочища довольно богато. Изъ звѣрей въ немъ во множествѣ попадаются кабаны и шакалы; кабаны совсѣмъ не напуганы, и я безъ всякаго труда, во время экскурсіи, застрѣлилъ дробью свинью и крупнаго поросенка. Изъ птицъ встрѣчаются: скалистыя куропатки (Caccabis chukar var.) и рѣже куропатки индійскія (Ortygornis ponticeriana), турачи (Attagen indicus), горлички (Peristera cambayensis), пустынныя ласточки (Ptyonoprogne obsoleta), жаворонки хохлатые (Galerita magna) и пустынные (Ammomanes phoenicuroides), горныя щеврицы (Anthus jerdoni), желтыя трясогузки (Budytes melanocephala и B. citreoloides), бородатыя синицы (Panurus biarmicus), чеканчики (Pratincola indica), дримойки (Drymoica lepida), индійскіе воробьи (Passer indicus), щурки двухъ видовъ (Merops apiaster и M. persica), козодои (Caprimulgus unwini) и другія. Кромѣ того въ значительномъ числѣ наблюдались пролетные виды, особенно: мухоловки (Butalis grisola et var.), черноголовыя овсянки (Euspiza melanocephala), славки (Sylvia fuscipilea), камышевки (Acrocephalus stentoreus и другія), желтыя трясогузки (Budytes beema), улиты черныши (Totanus ochropus), прудовые (T. stagnatilis) и фифи (T. glareola). Въ водахъ рѣчки очень много маринокъ (Schizothorax sp.?), достигающихъ вѣсомъ до одного и даже до полуторыхъ фунтовъ.

Окончивъ описаніе *Ляадиса* и страны, лежащей отъ него къ югу и юго-западу, я долженъ замѣтить, что нашелъ невозможнымъ внести въ свою карту многочисленные пункты, обозначенные на картахъ, до сего времени существующихъ, такъ какъ эти пункты расположены на нихъ поразительно невѣрно, частью совершенно здѣсь неизвѣстны, частью находятся не тамъ, гдѣ обозначены.

Отъ урочища Ляадисъ въ Сеистанъ

(29 августа — 24 сентября).

Подъ вечеръ 29 августа мы покидаемъ урочище Ляадисъ и по пути въ Дузъ-абъ дѣлаемъ переходъ въ 15 верстъ или около. Останавливаемся въ маленькомъ урочищѣ *Шуръ-абъ* («соленая вода»), въ которомъ въ настоящее время воды нигдѣ не имѣется. Отъ мѣста стоянки въ *Ляадисъ* идемъ вверхъ по мѣстной рѣчкѣ, гдѣ забираемъ воду, такъ какъ весь путь до *Даре-и-біабунъ*, въ который мы должны пройти на слѣдующій день, безводный. Общее направленіе пути западо-сѣверо-западное, потомъ сѣверо-западное и сѣверо-сѣверо-западное. Пройдя нѣкоторое время вдоль цѣпи горъ, ограничивающихъ лѣвый берегъ рѣчного русла, вскорѣ входимъ въ широкую долину среди безжизненныхъ, осыпавшихся высотъ, почти совершенно лишенныхъ растительности: лишь кое-гдѣ увидишь чахлый кустикъ, либо совершенно засохшій, либо кажущійся таковымъ. Каменистое дно долины, по которому изрѣдка попадаются сочные, зеленые кусты какого-то растенія, постепенно поднимается и черезъ десять верстъ пути приводитъ къ легко доступному перевалу *Годаръ-и-Шуръ*. Съ высоты этого послѣдняго виднѣется на сѣверо-сѣверо-западѣ высокій хребетъ *Кале-и-бидъ* (иногда *Кухъ-и-бидъ*), подъ которымъ располагается два хребта значительно меньшей высоты; на сѣверо-сѣверо-востокѣ, между сѣдловинами окрестныхъ невысокихъ горъ, замѣчается хребетъ *Кухъ-и-Каачу* (*Качу-кухъ*), а на сѣверо-востокѣ — *Кухъ-и-Мирджава*. Спускъ съ перевала пологій и короткій. Пройдя около пяти верстъ дальше, мы достигаемъ до урочища *Шуръ-абъ*, представляющаго котловину, скудно поросшую засохшими кустиками и совсѣмъ не имѣющую подножнаго корма. Эта котловина связывается съ небольшими плоскостями, взборожденными холмами и ограниченными низенькими цѣпями. И плоскости, и ихъ водостоки склоняются къ востоку и

востоко-юго-востоку, изливая свои дождевыя воды въ *Ляадисскую рѣчку*, невдалекѣ отъ мѣста соединенія ея съ русломъ *Мирджава*. Скучно и тоскливо среди здѣшнихъ безжизненныхъ, безводныхъ, разрушившихся горъ, въ которыхъ не замѣтно никакого движенія и не слышно ни малѣйшаго звука. На всемъ пути отъ родниковъ Ляадисской рѣчки и до сихъ поръ я могъ замѣтить лишь парочку скотоцерокъ (Scotocerca inquieta), да три штуки пустынныхъ жаворонковъ (Ammomanes phoenicuroides). Ночь мы провели безъ спа, такъ какъ около стана бродили подозрительные белуджи, скрывавшіеся при нашемъ приближеніи и не отзывавшіеся на оклики.

Поднявшись съ мѣста незадолго до разсвѣта 30 августа, мы дѣлаемъ переходъ въ урочище *Даре-и-біабунъ* (*Даръ-и-біабанъ*), до котораго можно считать около четырнадцати верстъ. Общее направленіе пути сѣверное и сѣверо-сѣверо-западное. Дорога проходитъ пустынными равнинами среди пустынныхъ горъ, все время поднимаясь. Водостоки, которые ею пересѣкаются, попрежднему склоняются къ востоку и юго-востоку. Верстъ черезъ 8—9 пути подходимъ къ устью неглубокаго ущелья, имѣющаго видъ коридора среди сильно вывѣтрившихся сланцевъ. Дорога идетъ частью по его дну, частью оставляетъ его, чтобы подняться на прилежащія высоты. Такимъ образомъ мы достигаемъ до перевала *Годаръ-и-Сія-куги*, болѣе высокаго, сравнительно съ *Годаръ-и-Шуръ*, и находящагося верстахъ въ 10½ отъ урочища *Шуръ-абъ*. За переваломъ разстилается довольно широкая пустынная равнина, склоняющаяся къ хребту *Кухъ-и-бидъ* и покрытая широко разсѣянными, невысокими, осыпавшимися холмами и короткими холмистыми цѣпями; она сообщается со многими долинами, спускающимися съ сѣверо-западной стороны и раздѣляющими сравнительно высокія, но безплодныя горныя цѣпи. Въ юго-восточной своей части эта равнина сильно стѣсняетси южными окончаніями хребта *Кухъ-и-бидъ* и близко подходящими къ нимъ отрогами той возвышенности, на которой находится перевалъ *Годаръ-и-Сія-куги*, и переходитъ въ очень узкую долину.

Именно эта послѣдняя въ своей верховой части извѣстна подъ именемъ *Даре-и-біабунъ*. Послѣднимъ названіемъ («*Дар-и-Біабанъ*») на картахъ обозначенъ перевалъ *Годаръ-и-Сія-куги*; собственно же урочище на нихъ не нанесено. На тѣхъ-же картахъ для описываемой дороги между *Ляадисомъ* и переваломъ «*Дар-и-Біабанъ*» обозначенъ перевалъ *Чедагъ*, который, очевидно, соотвѣтствуетъ моему *Годаръ-и-Шуръ*.

Спускъ съ *Годаръ-и-Сія-куги* короче и въ то-же время гораздо положе, чѣмъ подъемъ. Каменистая почва равнины смѣняется въ урочищѣ мягко-глинистою и глинисто-песчаною, вспученною плоскими буграми и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, дающею воду. Эти бугры образуютъ пологіе скаты ко дну долины и у своей подошвы переходятъ въ лужайку, покрытую низенькою мягкою травою, которая можетъ служить хорошимъ кормомъ для ишаковъ и лошадей, и зарослями колючаго камыша. Здѣсь имѣется нѣсколько сильныхъ прѣсныхъ родниковъ, которые сливаютъ свои воды вмѣстѣ и образуютъ ручей, бѣгущій среди тамариксовыхъ зарослей и камышовыхъ плавней въ русло *Рудъ-и-Мирджава*, принадлежащее бассейнамъ *Хамунъ-Киндъ* и *Хамунъ-и-Машкиль*. Ручей бѣжитъ по общему водостоку, принимающему зимнія воды вышеупомянутой равнины; непосредственно передъ впаденіемъ въ этотъ водостокъ родниковъ ручья по нему располагается великолѣпная, тѣнистая и густая тамариксовая чаща, въ которой отлично можно укрыться отъ зноя.

Изъ урочища хорошо видны и гора *Кухъ-и-Туфтанъ*, и тѣ высокіе хребты, которые отходятъ отъ этого послѣдняго къ западу и къ западо-сѣверо-западу. Вершина *Кухъ-и-Туфтанъ* лежитъ отъ него на юго-юго-востокъ въ 175°.

Даре-и-біабунъ былъ безлюденъ во время нашего въ немъ пребыванія. Зимою-же, какъ мнѣ говорили, сюда прикочевываютъ до 15 белуджскихъ палатокъ съ многочисленными стадами мелкаго рогатаго скота.

Въ окрестныхъ горахъ я часто видѣлъ безоаровыхъ козловъ (Capra aegagrus) и дикихъ барановъ (Ovis cycloceros).

Птицъ въ урочищѣ я нашелъ довольно много, въ противоположность пути, сдѣланному сюда изъ *Шуръ-аба*, на 14 верстахъ котораго была замѣчена только пара пустынныхъ вороновъ (Corax umbrinus). Изъ мѣстныхъ видовъ наблюдались: пустынныя ласточки (Ptyonoprogne obsoleta), дримойки (Drymoica lepida), скотоцерки (Scotocerca inquieta), черноспинныя плиски (Budytes citreolloides), кустарные соловьи (Aëdon familiaris), сычики (Scops brucei), скалистыя куропатки (Caccabis chukar var.). Изъ пролетныхъ замѣчены: два вида желтыхъ трясогузокъ (Budytes beema и B. viridis), щеврицы лѣсныя (Anthus arboreus) и степныя (A. campestris), сѣрыя мухоловки (Butalis grisola var.), чеканы-плѣшанки (Saxicola leucomela), славки (Sylvia fuscipilea), пѣночки (Iduna caligata), щурки золотистыя (Merops apiaster) и персидскія (M. persica), деревенскія ласточки (Hirundo rustica) и зуйки (Aegialites curonicus); эти послѣдніе прибыли въ урочище цѣлою стайкою и, страннымъ образомъ, одновременно съ нами: только-что мы остановили караванъ, какъ высоко-высоко въ синемъ небѣ раздались ихъ звонкіе крики и вслѣдъ за тѣмъ, съ шумомъ, птички спустились къ водѣ.

Къ вечеру мы дѣлаемъ переходъ въ 7 верстъ и останавливаемся въ урочищѣ *Бохъ* (звукъ «х» въ этомъ словѣ переходный къ «г»). Общее направленіе дороги сѣверо-западное. Она пролегаетъ вверхъ по вышеописанной равнинѣ, придерживаясь предгорныхъ цѣпей хребта *Кухъ-и-бидъ* и все время имѣя его по близости съ правой руки. Коренной хребетъ дикъ, скалистъ и мало доступенъ; его предгорныя цѣпи находятся въ сильной степени разрушенія и представляютъ безотрадный, тоскливый видъ. Равнина довольно изобильно поросла кустами Zygophyllum, но они кажутся совершенно сухими; по водостокамъ немногочисленные кусты «котуръ», почти совсѣмъ осыпавшіе свои листья и уже не соблазняющіе верблюдовъ; подножнаго корма никакого не имѣется. Пройдя $5^1/_2$—6 верстъ, мы поднимаемся по одному изъ водостоковъ и на 7 верстѣ подходимъ къ маленькому урочищу *Бохъ*[1]).

1) Вѣроятно оно на картахъ обозначено какъ «*Бужъ*»

Это урочище представляетъ небольшую, высокую площадь, расположенную среди холмовъ и покрытую мягко-глинистыми буграми, которые заросли колючимъ камышомъ и окружены густыми тамариксовыми кустами. Здѣсь имѣется крошечный родничекъ съ прѣсною водою; весною и въ первую половину лѣта родниковъ нѣсколько. Разработавъ бугры какъ слѣдуетъ, можно имѣть воду въ теченіе цѣлаго года. Въ *Бохъ* мы ночуемъ, а нашъ скотъ наѣдается вдоволь: ишаки — камышомъ, верблюды — тамариксомъ.

Съ разсвѣтомъ 31 августа проходимъ только 4—4½ версты до мѣста *Кале-и-бидъ* (иногда просто *Бидъ*). Общее направленіе пути сѣверо-западное. Почти сейчасъ-же за *Бохъ* мы входимъ въ ущелье, которое ограничено съ правой стороны непосредственно кореннымъ хребтомъ *Кухъ-и-Бидъ*, а съ лѣвой — другимъ хребтомъ, не менѣе высокимъ. Дно его во всю ширину занято водостокомъ, засыпаннымъ камнемъ. Растительность прилежащихъ горъ самая скудная, и они кажутся совершенно обнаженными. Почти на половинѣ дороги по общему бурому фону скалистаго склона *Кухъ-и-Бидъ* рѣзко выдѣляется ярко-зеленое пятно, къ которому ведетъ весьма крутая тропинка: это лужайка, орошающаяся крохотнымъ родникомъ, дающимъ, однако, поистинѣ великолѣпнѣйшую воду. Къ концу перехода ущелье расширяется и образуетъ мѣсто *Кале-и-Бидъ*.

Кале-и-Бидъ располагается среди гранитныхъ холмовъ, горъ и осыпей. Изъ-подъ широкаго, плоскаго песчано-глинистаго бугра, лежащаго у лѣваго берега водостока, выбѣгаетъ прѣсноводный родникъ (весною нѣсколько) и наполняетъ неглубокую яму, изъ которой можно сразу получить до 15—18 ведеръ воды. Вода переливается черезъ край ямы маленькимъ ручейкомъ и тутъ-же скрывается въ почвѣ. Рядомъ съ родникомъ высится гранитный холмикъ, около котораго помѣщается могила какого-то святого, сложенная изъ разноцвѣтныхъ камней и украшенная дрекольями съ привязанными къ нимъ тряпочками и съ рогами дикихъ звѣрей. По ущелью, вблизи родника, довольно много

тамариксовыхъ кустовъ и деревьевъ, могущихъ служить кормомъ для верблюдовъ; для ишаковъ же кормовъ весьма мало, такъ какъ съѣдобная трава, растущая на поверхности водоноснаго бугра, частью посохла, частью потравлена.

Часа въ два пополудни я приказываю вьючиться, и мы отправляемся въ дальнѣйшій путь. За мѣстомъ *Кале-и-Бидъ* ущелье расширяется въ довольно просторную долину, которая верстахъ въ пяти образуетъ перевалъ *Танкинидамъ* (*Бидъ*), имѣющій видъ пологой волны. Передъ переваломъ хребетъ *Кухъ-и-Бидъ* круто заворачиваетъ къ востоку, хребетъ же лѣвой стороны — къ западу. Съ его вершины въ сѣверо-западной сторонѣ виднѣется довольно высокій хребетъ *Кухъ-и-Каргаръ*. *Танкинидамъ* располагается среди невысокихъ, осыпавшихся холмовъ, сложенныхъ изъ сѣраго гранита, и покрытъ, какъ и части долины, къ нему прилегающія, грубымъ и тяжелымъ гранитнымъ пескомъ. Мнѣ кажется, что эти граниты составляютъ выступы и обнажившіяся основанія разрушившихся горъ одного общаго поднятія, протянувшагося съ запада на востокъ, именно того, которое въ первый, западный нашъ путь мы пересѣкли переваломъ *Чахъ-Даги* (между *Харна* и *Галь-и-Чахъ*) и которое, сварачивая къ сѣверу и сѣверо-западу, обнаруживаетъ граниты урочища *Харна* и высокаго хребта *Кухъ-и-Бозъ-абъ*. Растительность перевала и мѣстности, къ нему прилегающей, кустарная и довольно пышная, но уже давно посохшая; весною и въ началѣ лѣта здѣсь въ изобиліи долженъ встрѣчаться подножный кормъ для лошадей. За переваломъ продолжается та-же долина, но она уже склоняется къ сѣверу и сѣверо-востоку. Эта долина вскорѣ съуживается холмистыми цѣпями и во всю ширину своего дна занимается водостокомъ, по которому пролегаетъ наша дорога и который изобильно поростаетъ тамариксомъ, составляющимъ единственную зелень всѣхъ видимыхъ окрестностей. Спустившись по водостоку верстъ на девять отъ перевала *Танкинидамъ*, мы останавливаемся на ночлегъ въ безводномъ мѣстѣ, гдѣ есть, однако, кормъ для нашего скота.

Этотъ водостокъ извѣстенъ подъ названіемъ *Каргаръ* и, по устнымъ свѣдѣніямъ, сливаетъ свои воды къ сѣверо-востоку, въ пустыню *Заминъ-и-Шилэ* (*Дештъ-и-Шилэ*) и далѣе въ сухое соленое болото *Гудъ-и-Зирэ*. Если это такъ, то та возвышенность, на которой находится перевалъ *Танкинидамъ*, должна являться въ странѣ *Саргадъ* водораздѣльною линіею между *Хамунъ-и-Машкиль* и сеистанскимъ *Хамуномъ*. На новѣйшихъ картахъ этотъ водостокъ обозначенъ, однако, поворачивающимъ къ юго-востоку и, подъ именемъ «Дозъ-абъ», текущимъ въ болота *Хамунъ-Киндъ* и *Хамунъ-и-Машкиль*. Названія «Дозъ-абъ» (по настоящему «*Дузъ-абъ*», т. е. «воровская вода» или «вода воровъ») ни для одного изъ водостоковъ, текущихъ къ югу, никто въ *Саргадѣ* не знаетъ. Имъ обозначаютъ только вышеописанное урочище, къ которому мы держимъ теперь свой путь и воды котораго сливаются въ *Гудъ-и-Зирэ*.

Поднимаемся передъ разсвѣтомъ 1-го сентября и, сдѣлавъ около 27—30 верстъ безводнаго пути, прибываемъ въ урочище *Дузъ-абъ*. Такимъ образомъ на 41—44 верстахъ между этимъ послѣднимъ и *Кале-и-Бидъ* въ настоящее время года воды нигдѣ не имѣется. Общее направленіе дороги западно-сѣверо-западное и сѣверо-западное. Снявшись съ мѣста ночлега, мы оставляемъ водостокъ *Каргаръ* и главную массу одноименнаго съ нимъ горнаго хребта вправо, дѣлаемъ рядъ невысокихъ переваловъ черезъ юго-западные отроги этого послѣдняго и идемъ среди относительно невысокихъ пустынныхъ горъ и холмовъ, выжженныхъ лѣтнимъ солнцемъ и почти совсѣмъ лишенныхъ растительности. Затѣмъ пологимъ переваломъ мы переходимъ черезъ невысокую горную гряду и вступаемъ на сухія, пустынныя и въ высшей степени печальныя равнины *Дузъ-аба*. Сдѣлавъ этотъ тоскливый переходъ, я съ восторгомъ привѣтствую дузъ-абскій прудикъ въ его тамариксовой рамкѣ, благодушествую въ тѣни кустовъ и наблюдаю птицъ, прилетающихъ на водопой.

Здѣсь замѣченъ цѣлый рядъ пролетныхъ видовъ птицъ, напримѣръ: луни степные (Circus pallidus), луговые (Circ. cinera-

ceus) и камышевые (Circ. rufus), сѣрыя мухоловки (Butalis grisola), желтыя трясогузки (Budytes beema и B. viridis), трясогузки бѣлыя (Motacilla alba), черноголовыя овсянки (Euspiza melanocephala), степныя щеврицы (Anthus campestris), славки (Sylvia fuscipilea, S. affinis, S. curruca, S. minuscula), камышовки (Acrocephalus agricola), водяные пастушки (Rallus aquaticus), каравайки (Falcinellus igneus), плавунчики (Phalaropus cinereus), улиты рѣчные (Totanus glottis), болотные (T. glareola) и прудовые (T. stagnatilis), турухтаны (Machetes pugnax), песочники (Tringa minuta), грязовики (Limicola pygmaea), нетигели (Limosa aegocephala) и т. д. Ящерицы стали встрѣчаться въ количествѣ замѣтно меньшемъ, чѣмъ во время перваго моего пріѣзда сюда.

Ради отдыха, необходимаго для нашего вьючнаго скота, и покупки разной провизіи (кстати, вслѣдствіе поздняго здѣсь посѣва арбузовъ и дынь, эти овощи должны были поспѣть еще только черезъ недѣлю) мы пробыли въ *Дузъ-абѣ* не только часть дня, оставшуюся отъ послѣдняго перехода, но и весь слѣдующій день 2 сентября.

Изъ *Дузъ-аба* началась старая, уже знакомая мнѣ дорога, на этотъ разъ представлявшая очень мало интереснаго, и то только въ зоологическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ. Пустынный характеръ страны принялъ еще болѣе непривѣтливый и угрожающій видъ. Скудная растительность, не считая тамариксовъ и саксаула, окончательно высохла или, по крайней мѣрѣ, сбросила свою листву и казалась сухою. Относительно подножнаго корма нашъ скотъ испытывалъ чувствительный недостатокъ, особенно ишаки.

5 сентября мы прибыли въ *Гурмукъ*, а на слѣдующій день, взявъ съ собою воды, пошли къ протоку *Шилэ*, чтобы остановиться на ночь по ту его сторону, около развалинъ *Гумбезъ-и-Терденрикъ*, около которыхъ имѣются колодцы. Въ полуденные часы дня мы остановились отдыхать на старомъ мѣстѣ, среди песковъ, въ саксауловомъ лѣсу. Возвратившись съ обычной экскурсіи, я узнаю, что люди издержали воду на печеніе хлѣба и

оставили лишь кипятокъ для чая; это немного страшно въ пустынѣ, и они получаютъ надлежащій выговоръ. Перейдя *Шилэ* на солнечномъ закатѣ, мы, за быстрыми здѣшними сумерками, только затемно подходимъ къ *Гумбезъ-и-Герденрикъ* (Регимдадъ и Мулла-Измаилъ называли ихъ — *Гумбезъ-и-Новаръ*); эти развалины отлично видны съ баргановъ саксауловаго лѣса, откуда онѣ кажутся плавающими въ воздухѣ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безуспѣшныхъ поисковъ находящихся около нихъ колодцевъ, мы рѣшаемъ искать ихъ утромъ. Пить хочется страшно: послѣдняя вода была выпита вскорѣ за полднемъ; послѣ жаркаго дня и безпрерывнаго движенія ждать еще нѣсколько часовъ кажется тяжелымъ.

Утромъ 6 сентября мы дѣйствительно находимъ колодцы (*Чахъ-и-Новаръ*), но вода ихъ для питья оказывается негодною: бурая, какъ шоколадъ, вонючая, горькая и, что печальнѣе всего, соленая.... Новая вода, набѣжавшая въ колодезныя ямы послѣ того, какъ изъ нихъ была вычерпана старая, оказалась лучшаго качества лишь въ отношеніи своей бо̀льшей прозрачности. Всѣ падаютъ духомъ, только Регимдадъ (мой проводникъ) не унываетъ и, въ знакъ клятвы показывая на свою сѣдую бороду, обѣщаетъ черезъ нѣсколько часовъ провести караванъ къ колодцамъ съ хорошею водою. Давъ немного отдохнуть нашему скоту (ишаки отказались отъ водопоя), мы вьючимъ его и направляемся къ сѣверо-востоку, гдѣ, по словамъ Регимдада, есть колодцы на болѣе близкомъ разстояніи, чѣмъ извѣстные мнѣ *Чахъ-и-Джану* и *Чахъ-и-Кечули*. Вскорѣ одинъ верблюдъ падаетъ; градомъ сыпятся на него удары, но онъ уже больше не встанетъ. Перевьючивъ баръ, мы идемъ дальше, по прежнему безъ дороги, и часъ проходитъ за часомъ. Среди своихъ людей я слышу звуки рыданія и возгласы: «зачѣмъ мучиться и идти дальше: мы все равно умремъ». Регимдадъ объявляетъ, что онъ спутался, что къ вечеру мы будемъ у воды, но на этотъ разъ онъ уже не трогаетъ своей бороды. Снова идутъ часы за часами, солнце скрывается за горизонтомъ и наступаетъ ночь. Ротъ и горло пересохли,

языкъ шуршитъ какъ бумажный, въ глазахъ стоятъ огненные круги и сыпятся искры. Пройдя еще нѣсколько часовъ, — всего мы сдѣлали за этотъ день 46 верстъ, — я изъ боязни, что вьючный скотъ откажется служить окончательно, приказываю остановиться и дать ему отдохнуть.

Пройденная мѣстность представляетъ глинистую равнину, поросшую тамариксовыми кустами; по ней разбросаны плосковерхіе бугры, на своей вершинѣ усыпанные галькою (рикъ); глина плотная, не оставляющая слѣдовъ. Изъ птицъ наблюдались большіе пустынные жаворонки (Certhilauda desertorum), пустынные вороны (Corax umbrinus) и пролетныя славки двухъ видовъ (Sylvia minuscula и S. fuscipilea). Изъ звѣрей мы замѣтили гіепу (Hyaena striata), а изъ ящерицъ я поймалъ нѣсколько штукъ тератосцинковъ (Teratoscincus), принадлежащихъ, повидимому, новому виду.

Я спрашиваю Регимдада, что̀ намъ дѣлать дальше. Онъ молчитъ и поднимаетъ руки къ небу. Тогда мы рѣшаемъ, давъ отдохнуть верблюдамъ и ишакамъ, идти на сѣверо-западъ, къ *Хамуну*. Наступили тяжелыя минуты: голова кажется налитою расплавленнымъ свинцомъ, виски сжимаются какъ тисками, въ мозгу что-то сверлитъ и ноетъ, губы трескаются, и изъ ранокъ вытекаетъ густая темная кровь, которая тутъ-же запекается. Всѣ мы почернѣли и страшно похудѣли. Я понимаю наше критическое положеніе, и мнѣ безумно жалко потраченнаго труда и собранныхъ коллекцій. Черезъ полчаса послѣ остановки я слышу хриплый отъ жажды крикъ Джангира: «дузъ! дузъ!» (воры! воры!), и при свѣтѣ звѣздъ вижу, какъ нѣсколько человѣкъ белуджей гонятъ нашихъ ишаковъ и верблюдовъ прочь отъ стана, при чемъ гулко слышатся въ ночной тишинѣ удары палокъ, которыми они ихъ погоняютъ. Одинъ изъ моихъ людей лежитъ безъ памяти, двое отстали еще днемъ, и для нихъ мы оставили примѣты; я остаюсь съ Пиръ-Магомедомъ и Регимдадомъ караулить багажъ, а препаратора Литвинова съ переводчикомъ и съ Джангиромъ посылаю отбивать нашъ скотъ. Вскорѣ раздаются уча-

щенные выстрѣлы берданокъ. Въ это-же время къ стану подлетаетъ всадникъ на верблюдѣ, но зарядомъ картечи изъ своего дробовика я заставляю его опрокинуться на верблюжій горбъ; животное пугается выстрѣла и скрывается со своей ношей въ тамариксовыхъ кустахъ. Все обходится благополучно: скотъ водворяется на мѣсто, а мы избавляемся отъ крупной опасности, такъ какъ, еслибы разбойникамъ удался ихъ планъ, мы врядъ-ли дошли бы до воды, а я во всякомъ случаѣ лишился бы всего экспедиціоннаго имущества. Надо замѣтить, что подъ вечеръ мы нѣсколько разъ издали замѣчали подозрительныхъ людей, слѣдившихъ за нашимъ караваномъ и вѣроятно знавшихъ о нашемъ тяжеломъ положеніи, но поймать кого-либо изъ нихъ, чтобы разспросить о водѣ, никакъ не удавалось. Описанный инцидентъ влилъ въ насъ изрядную дозу бодрости, и мы на время забыли о нашемъ ужасномъ состояніи.

Часа въ два пополуночи, 8 сентября, забравъ больного, который къ счастью скоро пришелъ въ себя, и оставляя для отставшихъ примѣтные знаки, мы двинулись дальше. Пройдя около тридцати трехъ верстъ въ западномъ и сѣверо-западномъ направленіи и потерявъ за дорогой еще одного верблюда, мы были принуждены остановиться, такъ какъ скотъ отказался идти дальше. Кое-какъ разставлена была палатка и расположенъ багажъ. Литвиновъ впалъ въ безпамятство и сталъ бредить; у людей, еще державшихся на ногахъ, въ глазахъ явилось растерянное и безумное выраженіе. Вѣроятно такое-же выраженіе было у меня, такъ какъ ко мнѣ вдругъ нагибается Пиръ-Магомедъ и говоритъ: «Сагибъ, не бойся: ты умираешь вмѣстѣ съ мусульманами, и я буду просить Бога и его пророковъ, чтобы ты попалъ въ рай; я сеидъ, и просьба моя будетъ исполнена». Ишаки собрались толпой у входа въ палатку, трогательно смотрятъ въ глаза людямъ и такъ-же, какъ люди, стонутъ и хрипятъ. Мѣстность, по которой мы шли съ ночи и до сихъ поръ, особенно ближе къ мѣсту остановки, изобилуетъ плоскими буграми и гривами, а также большими и малыми глинистыми площадями, усыпанными мелкою

галькою (рикъ). Тамариксовые кусты значительно порѣдѣли, такъ что равнина на значительныя пространства является совершенно обнаженною. Порою мы взбирались на бугры или на верблюжьи горбы, чтобы съ высоты ихъ замѣтить какіе-нибудь знакомые пункты, но, за пылью въ воздухѣ и вслѣдствіе крайняго утомленія глазъ, ничего не могли разсмотрѣть кромѣ глины и однообразнаго тамарикса. Изъ птицъ замѣчены только большіе пустынные жаворонки (Certhilauda desertorum) и пролетныя славки (Sylvia minuscula).

Наступили самые жаркіе часы дня, и я не берусь описывать муки, которыя всѣ мы испытывали. Черезъ нѣкоторое время притащились отставшіе люди, дрожащіе, почернѣвшіе и похудѣвшіе; не произнося ни слова и ни на кого не глядя, они бросаются на полъ палатки и затихаютъ. Я чувствую, что мною овладѣваютъ ужасъ и отчаяніе: умирать такимъ образомъ кажется нелѣпымъ, безсмысленнымъ. Изъ всѣхъ насъ только четверо могутъ двигаться и говорить: я, переводчикъ, Пиръ-Магомедъ и Мулла-Измаилъ. Мы всесторонне обсуждаемъ, что намъ дѣлать. Переговоры ведутся шепотомъ, и каждый почему-то боится говорить громко. Мулла-Измаилъ вызывается поискать колодцы. Въ случаѣ, если къ ночи эти поиски не увѣнчались бы успѣхомъ, мы рѣшаемъ оставить двухъ человѣкъ при больныхъ и при багажѣ, двумъ же остальнымъ съ парою верблюдовъ ѣхать на-легкѣ къ Хамуну, привезти воды и, если будетъ возможно, организовать помощь.

Сопутствуемые добрыми пожеланіями, Мулла-Измаилъ и Пиръ-Магомедъ уходятъ. — Уже стало темно, когда я увидѣлъ верстахъ въ двухъ отъ стана огонь костра... О чемъ говоритъ огонь? Призываетъ ли онъ къ водѣ и къ спасенію, или заблудившіеся люди просятъ указанія найти нашъ злополучный станъ? Я взбираюсь на бугоръ и зажигаю отвѣтный костеръ. Едва только пламя охватило сушнякъ и взвилось кверху, какъ до слуха моего долетаетъ звукъ отдаленнаго выстрѣла. Значитъ насъ зовутъ туда, значитъ вода найдена. Душа моя наполняется неописуемымъ восторгомъ, а глаза застилаются жгучими слезами.

Я посылаю переводчика къ огню и менѣе чѣмъ черезъ часъ получаю полную машку воды. Вмѣстѣ съ тѣмъ переводчикъ сообщаетъ, что воду получилъ отъ Пиръ-Магомеда, поддерживающаго теперь огонь, и что самъ Мулла-Измаилъ, ожидающій машки, находится дальше, у найденныхъ имъ колодцевъ, гдѣ также зажженъ костеръ, отъ насъ непримѣтный. Вода приводитъ больныхъ въ чувство, они плачутъ отъ радости и цѣлуются. Прежде всего отправляемъ нашъ скотъ на водопой; животныя вѣроятно догадываются, куда ихъ ведутъ: они идутъ ускореннымъ шагомъ, а ишаки ревутъ, какъ іерихонскія трубы, прыгаютъ, лягаются и всячески выражаютъ свое ликованіе. Эти колодцы располагаются въ $7^1/_2$ верстахъ отъ нашего стана, на глинистой площади среди тамариксовыхъ кустовъ. Точнаго названія ихъ я не узналъ. Мулла-Измаилъ разсказываетъ, что нашелъ эти колодцы уже на возвратномъ пути, когда потерялъ всякую надежду отыскать воду; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавляетъ, что съ того мѣста, гдѣ имъ было рѣшено возвращаться назадъ, вдали примѣтны развалины *Хоуздара*.

Не дожидаясь разсвѣта, мы вьючимъ скотъ, при чемъ, вслѣдствіе его усталости и недостатка мѣста, прячемъ въ кустахъ полтора верблюжьяго вьюка, заключавшаго небольшую часть коллекцій (звѣриныя шкуры, гербарій, немного спиртовыхъ препаратовъ, сушеная въ уксусно-кисломъ натрѣ рыба) и кое-что изъ вещей (дробь, порохъ, ковры и т. п.). и идемъ къ *Хоуздару*. Этотъ багажъ, когда я послалъ за нимъ на слѣдующій день изъ *Кендука*, оказался частью расхищеннымъ, частью окончательно испорченнымъ. Вѣроятно это было сдѣлано тѣми белуджами, которые пытались угнать у насъ скотъ и которые, зная наше ужасное положеніе, продолжали слѣдить за нами. Находясь на краю гибели, мы избѣгли ея, главнымъ образомъ благодаря своей выносливости. Безъ воды и при усиленномъ движеніи (шли все время пѣшкомъ и сдѣлали болѣе 90 верстъ) мы пробыли почти двое съ половиною сутокъ, при чемъ погода въ эти дни стояла довольно жаркая, именно:

6. IX. Рикзаръ по дорогѣ къ саксауловому лѣсу, на солнечномъ восходѣ, 25° Ц.
Саксауловый лѣсъ, 2 часа пополудни, 45,5°
» » 4½ » » 40°.
Протокъ Шилэ, на солнечномъ закатѣ, 36,5°.

7. IX. Въ 2 часа пополудни, 46°.
» 6 » » 39,5°.
На солнечномъ закатѣ, 34°.

8. IX. На солнечномъ восходѣ, 16°.
Въ 2 часа пополудни, 47,3°.
На солнечномъ закатѣ, 36,5°.

Къ 8 часамъ утра 9 сентября мы проходимъ около 30 верстъ и, держась сѣверо-западнаго направленія, прибываемъ къ развалинамъ города *Хоуздаръ*, въ которыхъ дѣлаемъ небольшую остановку. Еще далеко не доходя до этого мѣста, благодаря встрѣчному вѣтру, носъ пріятно щекочется запахомъ воды, камыша и разныхъ нэйзарскихъ травъ. Пройденная мѣстность представляетъ глинистую равнину, сначала довольно изобильно поросшую тамариксомъ, затѣмъ то совершенно обнаженную, то покрытую кустиками «шуръ». Въ нѣсколькихъ верстахъ передъ *Хоуздаромъ* нашъ путь пересѣкаетъ широкую и длинную гриву, протянувшуюся съ юго-юго-востока на сѣверо-сѣверо-западъ и сплошь усѣянную галькою (отдѣльные камешки лишь въ рѣдкихъ случаяхъ достигали до четверти фунта вѣсомъ). Во второй половинѣ пути часто попадались старинныя, сильно осѣвшія развалины и глинистые бугры, изъ которыхъ многіе, при ближайшемъ осмотрѣ, оказывались тѣми-же развалинами, но слежавшимися и замуленными. Съ башенъ *Хоуздара* еще до сихъ поръ видны воды *Хамуна*, которыя въ настоящее время заходятъ лишь немного южнѣе широты этого пункта. Эти воды представляютъ отдѣльные болотистые и мелководные бассейны, часто въ замѣтной степени осолонившіеся. По всему прежде наводненному, а

теперь осохшему пространству можно, какъ мнѣ говорили, получить воду съ небольшой глубины.

Слегка отдохнувъ, мы дѣлаемъ переходъ въ 12 верстъ, все время придерживаясь сѣверо-западнаго направленія. Останавливаемся близь устья вышеописаннаго урочища *Кендукъ* около белуджскаго кочевья и колодцевъ съ великолѣпною водою. Уже съ половины пройденнаго разстоянія дорога идетъ широкою полосою лугоподобной мѣстности, заросшею низенькою, но густою и довольно мягкою травою, а также отдѣльными кустами тамарикса. Развьюченные ишаки и верблюды пируютъ на этомъ богатомъ подножномъ кормѣ. Собираемся пировать и мы, купивъ жирнаго барана, арбузовъ, дынь, масла и молока, а пока распивая горячій чай, настоенный на мягкой прѣсной водѣ, валяясь на коврахъ, полною грудью втягивая сырой воздухъ и всячески благодушествуя. И просто не вѣрится, что всего какую-нибудь половину сутокъ назадъ надъ нашими головами висѣла такая страшная опасность!

Утромъ 10 сентября мы переходимъ въ селеніе *Вермалъ*, до котораго около 8 верстъ. Дорога пересѣкаетъ устье урочища *Кендукъ* и бòльшею частью проходитъ сухими лугоподобными мѣстами, которыя густо заросли низенькою, густою травою и чередуются съ солонцеватыми пространствами, скудно покрытыми растительностью, а то и совсѣмъ обнаженными. Съ западной стороны *Кендукъ* соединяется съ ложемъ *Хамуна* двумя прорывами: сѣвернымъ и южнымъ; между ними располагается широкая грива. Перейдя поперекъ урочища, дорога переваливаетъ черезъ высокую, мѣстами отвѣсно обрывистую возвышенность, которая отдѣляетъ его дно отъ низинъ *Вермаля* и которая усѣяна множествомъ округлой гальки, бòльшею частью мелкой и лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ достигающей до полуфунта, фунта и полутора фунта вѣсомъ. Оставивъ озеро, о которомъ я сообщалъ при описаніи нашего движенія изъ Сеистана, съ правой руки, мы выходимъ на старую дорогу, идущую подъ кручами возвышенности *Дештъ-и-Сенгъ-Бергъ*. Эти кручи

состоятъ изъ глинистыхъ пластовъ, лежащихъ на плотномъ, сильно слежавшемся, мелкомъ и свѣтломъ пескѣ.

Къ полудню пріѣзжаетъ къ нашему стану мой другъ Сердаръ-Сеидъ-Ханъ, снаряжавшій меня въ путешествіе на югъ отъ Сеистана, и служившіе мнѣ белуджи. Я радуюсь встрѣчѣ съ этими хорошими людьми и угощаю ихъ. Сердаръ проситъ не обидѣть его и посѣтить слѣдующимъ днемъ его стойбище, находящееся верстахъ въ 9 отъ *Вермаля*; мнѣ конечно только остается согласиться на эту любезную просьбу.

Дорога къ этому стойбищу проходитъ невдалекѣ отъ окрайныхъ яровъ и береговъ возвышенности *Дештъ-и-Сенгъ-Беръ*, по лугоподобнымъ пространствамъ, орошаемымъ разливами изъ того оросительнаго канала, который ведетъ къ *Вермалю*; въ нѣсколькихъ мѣстахъ замѣчены мелководныя озера. Съ лѣвой стороны дороги остаются маленькія селенія: *Пустъ-и-Дастъ*, *Дехъ-Али-Бэкъ* и *Лютэкъ*.

Въ гостяхъ у Сеидъ-Хана я между прочимъ условливаюсь относительно найма верблюдовъ и людей до *Мешеда*. Люди бòльшею частью все мои старые знакомые. Предварительно надо будетъ еще взять разрѣшительную хукму отъ правителя Сеистана Миръ-Масумъ-Хана, такъ какъ безъ нея они не имѣютъ права выѣхать изъ этой страны.

Утромъ 12 сентября мы покидаемъ своего гостепріимнаго хозяина, проходимъ около 35 верстъ и останавливаемся въ селеніи *Авселлабадъ*, гдѣ, на время нѣсколькихъ необходимыхъ зоологическихъ экскурсій и окончательнаго устройства своихъ дѣлъ по снаряженію въ *Мешедъ*, я устраиваю свою главную квартиру. По пріѣздѣ въ это селеніе у меня не только уже не было денегъ, но оказался еще довольно порядочный долгъ, на покрытіе котораго едва хватило той небольшой суммы, которая, какъ говорилъ я выше, ожидала меня въ *Нусретъ-абадѣ*. Благодаря любезности здѣшняго начальника таможни (раисъ-и-гомрикъ) Мирза-Магомедъ-Гюссейна, ссудившаго меня 200 туманами (около 400 руб.), денежный вопросъ былъ разрѣшенъ довольно скоро.

Окрестности *Авселлабада* въ настоящее время представляютъ пустыню. И мѣстныя воды, и тѣ озера, что лежатъ на пути къ Нусретъ-абаду, посохли.

По пріѣздѣ въ Сеистанъ я нашелъ въ немъ уже очень много пролетныхъ птицъ, главнымъ образомъ изъ отрядовъ Limicolae и Longipennes; очень часто, однако, встрѣчались представители другихъ группъ, напр.: камышевки (Acrocephalus), славки (Sylvia), пѣночки (Ficedula и Iduna), сорокопуты (Lanius), мухоловки (Butalis), трясогузки (Budytes и Motacilla), ласточки (Hirundo rustica), варакушки (Cyanecula) и т. п. Подробный перечень всѣхъ найденныхъ мною видовъ, вмѣстѣ съ описаніемъ миграцій птицъ въ восточной Персіи, для котораго я обладаю довольно богатымъ матеріаломъ, будетъ изложенъ мною въ специальной статьѣ по авифаунѣ изслѣдованной нынѣ страны.

20 сентября, отпустивъ базманскую прислугу и своего дѣятельнаго помощника Пиръ-Магомеда, я въ составѣ новаго каравана[1]) перебрался въ теперь осохшій Нэйзаръ къ тому мѣсту, гдѣ располагается западно-сеистанская таможня, и рѣшилъ ожидать здѣсь обѣщанныхъ мнѣ денегъ. Выбранное мѣсто было, правда, довольно безпокойно, такъ какъ и днемъ, и ночью здѣсь проходилъ караванъ за караваномъ изъ Сеистана съ мѣстнымъ хлѣбомъ и различными индійскими товарами въ Каинатъ, и обратно съ мѣстными издѣліями, зато по близости имѣлось нѣсколько болотъ, кишмя-кишѣвшихъ различною пернатою дичью, гдѣ я могъ вдоволь охотиться, пополнять свои коллекціи и, самое главное, отдыхать душою, не видя людей, не слыша ихъ говора и оставаясь наединѣ съ природою, которую я такъ безумно люблю. По этимъ болотамъ въ особенно великомъ множествѣ встрѣчались кроншнепы (Numenius arquatus), между которыми мнѣ однажды попался экземпляръ, вѣроятно залетнаго, восточно-сибирскаго вида (N. australis), турухтаны (Machetes pugnax), улиты 5 видовъ

1) 5 верблюдовъ, подаренныхъ мнѣ Миръ-Масумъ-Ханомъ, и 7 верблюдовъ наемныхъ (по два крана за каждаго въ сутки). Въ качествѣ прислуги, кромѣ Литвинова и переводчика, имѣлось 5 человѣкъ белуджей.

(Totanus ochropus, T. glareola, T. stagnatilis, T. glottis, T. calidris), зуйки (Actitis hypoleucus), песочники (Tringa minuta, Tr. temmincki, Tr. subarquata, Tr. cinclus) и бекасы (Gallinago coelestis). Бекасовъ и въ особенности кроншнеповъ я билъ въ такомъ большомъ количествѣ, что могъ свободно продовольствовать ими не только людей своего каравана, но также всѣхъ служащихъ при таможнѣ.

Наконецъ, 23 сентября, пріѣзжаетъ ко мнѣ Мирза-Магомедъ-Гюссейнъ, вручаетъ деньги и тѣмъ самымъ развязываетъ руки для послѣдней части моего путешествія: возвращенія въ Мешедъ и, черезъ Закаспійскій край, въ Россію.

Изъ Сеистана въ Мешедъ

(26 сентября — 31 октября).

Утромъ 24 сентября мы покинули материковый Сеистанъ и, пройдя гатью черезъ то мѣсто *Нэйзара*, гдѣ прежде, во время половодья, ходили тютины, вышли черезъ *Кянге-Эйдаръ* къ заливу *Баренгъ*. Посвятивъ слѣдующій день экскурсіи по берегамъ и болотамъ этого послѣдняго, мы 25 сентября покинули Сеистанскую котловину и двинулись къ *Мешеду*.

Тѣ части дороги между Сеистаномъ и Мешедомъ, которыя не совпадаютъ съ ранѣе описанными, разсматриваются мною по прежнему подробно; останавливаться же на подробностяхъ нашего движенія по старой мѣстности я не нахожу нужнымъ, такъ какъ эти подробности представляютъ интересъ лишь въ зоологическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ, которыя разбираются мною въ особыхъ статьяхъ.

Путь между колодцемъ Чахъ-и-Зиру и с. Теббесъ черезъ колодезь Чахъ-и-Бэна.

Мы возвратились къ колодцу *Чахъ-и-Зиру* 1 октября, когда мѣстныя фисташковыя деревья уже изрядно пожелтѣли, частью стояли совсѣмъ обнаженными и лишь въ сравнительно немногихъ экземплярахъ еще не утратили своей зелени; бо̀льшая часть горныхъ кустарниковъ сбросила или сбрасывала свои листья.

Къ колодцу *Чахъ-и-Бэна* дорога все время придерживается сѣверо-сѣверо-западнаго направленія и слѣдуетъ равниною *Тагъ-и-Дорохъ*[1]) невдалекѣ и вдоль предгорныхъ возвышенностей сначала хребтовъ *Кухъ-и-Барунъ* (го̀ры дождей) и *Кухъ-и-Чахъ-Иси*[2]), а потомъ *Кухъ-и-Чахъ-Бэна.*

Пройдя между высотами, прилегающими къ мѣсту расположенія колодца *Чахъ-и-Зиру*, мы дѣлаемъ переходъ въ 32½ версты и останавливаемся на большой дорогѣ, имѣя въ 3½ верстахъ къ западу отъ себя (въ 280°) колодезь *Чахъ-и-Иси*; этотъ послѣдній находится у подножія хребта того-же наименованія, который невысокъ, каменистъ и связывается системою *Кухъ-и-Барунъ*, именно съ сѣверными его частями. Отъ мѣста остановки и до города *Дорохъ* (на востокѣ въ 40°) можно считать около 25 верстъ, которыя опредѣляютъ въ этомъ мѣстѣ ширину равнины *Тагъ-и-Дорохъ.* Пройденная мѣстность представляетъ равнину, усыпанную грубымъ пескомъ, гравіемъ и щебнемъ на глинистой, сильно щебнистой почвѣ; нѣкоторые участки ея состоятъ изъ мягкихъ песковъ, но безъ растительности, для нихъ спеціальной. Она изобильно поросла зеленымъ низкорослымъ саксауломъ и кустами Zygophyllum, уже давно сбросившимъ свои листья, при чемъ тамъ или здѣсь преобладаетъ то одно изъ этихъ растеній, то другое, хотя въ общемъ господствуетъ саксаулъ. Часовъ въ 11½

---

1) Описана въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ выше.

2) Эти горы должны стоять тамъ, гдѣ на картахъ обозначенъ хребетъ *Кухъ-и-Гездезъ.*

утра на небѣ появляется нѣсколько облачковъ, и я привѣтствую ихъ какъ событіе: уже много дней прошло съ тѣхъ поръ, когда я видѣлъ послѣднія; за ними бѣгутъ новыя, болѣе густыя, и я испытываю удовольствіе, когда ихъ тѣнь покрываетъ меня. Этотъ переходъ былъ замѣчателенъ между прочимъ по удивительному множеству обыкновенныхъ мухъ (Musca domestica), всю дорогу, несмотря на обычный вѣтеръ, не дававшихъ намъ покою. Я помню такую-же ихъ массу только по дорогѣ изъ Акъ-Кала въ Ноукянды въ началѣ іюня 1885 года въ Астерабадской провинціи Сѣверной Персіи. Осень сказывается. Солнце уже не поднимается такъ высоко, какъ раньше, а наши тѣни, даже въ полдень, настолько длинны, что въ нихъ прячется моя борзая сука — подарокъ Сердаръ-Сеидъ-Хана.

На слѣдующій день, 3 октября, мы дѣлаемъ два перехода. Утромъ проходимъ къ колодцу *Чахъ-и-Бэна*, до котораго остается 21 верста. Отъ мѣста стоянки дорога оставляетъ низкія части равнины *Тагъ-и-Дорохъ* (позади и вправо) и постепенно поднимается на риказры западныхъ и сѣверныхъ горъ. Въ $10\frac{1}{2}$ верстахъ пути переходимъ черезъ ручей *Шуръ-и-Рудъ* (*Рудъ-и-Сіахъ-абъ*, на картахъ «*Сіахъ-Ау*»). Онъ течетъ сильнымъ, но мелководнымъ потокомъ, мѣстами разбивающимся на нѣсколько струй; русло имѣетъ 10—20 шаговъ въ ширину; берега пологіе; вода горько-соленая, но въ случаѣ нужды для питья пригодная. Этотъ ручей беретъ начало изъ соленаго болота, лежащаго между хребтами *Кухъ-и-Чахъ-Иси* (на югѣ) и высокимъ *Кухъ-и-Сія* (на сѣверѣ); послѣдній хребетъ со стороны *Тагъ-и-Дорохъ* загороженъ горами *Кухъ-и-Чахъ-и-Бэна*, который вмѣстѣ съ *Кухъ-и-Чахъ-Иси* и *Кухъ-и-Барунъ* составляетъ западную границу этой равнины. Названный ручей бѣжитъ къ риказру окрестностей города *Дорохъ*, въ настоящее время теряя свою воду верстахъ въ 8 не доходя до этого послѣдняго, и сливается съ при-Дорохскими водостоками въ одно ложе, которое въ районѣ вышеописаннаго урочища *Ширъ-Куганъ* распадается ровными глинистыми площадями и малозамѣтными руслами. Болото, изъ кото-

раго беретъ начало *Рудъ-и-Сіяхъ-абъ*, заростаетъ густымъ тамариксомъ, колючимъ камышемъ и высокими травами. Оно питается какъ собственными родниками, такъ и тѣми водами, которыя весною и зимою стекаютъ въ него частью съ равнинъ *Дештъ-и-Гюссейнабадъ*, частью съ равнинъ, лежащихъ по ту сторону горъ, ограничивающихъ *Дештъ-и-Гюссейнабадъ* съ запада. Быть можетъ къ его-же бассейну должна быть отнесена рѣчка, наблюдавшаяся мною въ 1896 г. къ сѣверу отъ селенія *Сехлъ-абадъ* и описанная въ статьѣ «Экскурсія по сѣверо-восточной Персіи и птицы этой страны».

За *Рудъ-и-Шуръ* (*Рудъ-и-Сіахъ-абъ*) равнина быстро поднимается и становится все болѣе и болѣе каменистою; саксаулъ смѣняется кустами эфедры, подножный кормъ (даже для верблюдовъ) исчезаетъ. Такою мѣстностью подходимъ къ колодцу *Чахъ-и-Бэна*, непосредственно передъ нимъ перейдя черезъ водостокъ, спускающійся съ перевала *Годаръ-и-Мишумъ*; ложе водостока усыпано крупными камнями, между которыми обращаютъ на себя вниманіе куски сѣраго гранита.

Колодезь *Чахъ-и-Бэна* находится на крутомъ каменистомъ подъемѣ у подножія скалистыхъ, безплодныхъ горъ, съ сѣверной стороны ограничивающихся равнину *Тагъ-и-Дорохъ* и находящихся въ связи съ сѣвернымъ окончаніемъ хребта *Кухъ-и-Чахъ-и-Бэна*. Онъ представляетъ неглубокую яму, обложенную камнемъ и наполненную прекрасною, холодною водою; около—полуживой кустъ горнаго инджира, красующагося множествомъ привязанныхъ къ нему разноцвѣтныхъ тряпочекъ и лоскутковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что вода колодца есть зіаретъ; нѣсколько выше — цѣлая группа этого растенія.

Дорога изъ *Чахъ-и-Зиру* къ *Чахъ-и-Бэна* идетъ все время равниною, сильно поднятою у этого послѣдняго; никакихъ, обозначенныхъ на картахъ, переваловъ она не дѣлаетъ; едва замѣтный перевалъ среди холмовъ, лежащихъ около *Чахъ-и-Зиру*, на картахъ не обозначенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта дорога пересѣкаетъ *Рудъ-и-Сіахъ-абъ* замѣтно сѣвернѣе широты города *Дорохъ*, что

опять-таки противорѣчитъ нанесенію и ея, и окрестной страны на картахъ.

Второй переходъ описываемаго дня имѣлъ 7 верстъ. Отъ *Чахъ-и-Бэна* мы идемъ вверхъ по водостоку, поднимающемуся по узкой долинѣ, изобильно поросшей различными, уже безлиственными, горными кустарниками и одиночно стоящими деревьями фисташки (бэна), еще сохранившими часть своей листвы. Долина развѣтвляется въ разныхъ направленіяхъ и по мѣрѣ поднятія развиваетъ все болѣе и болѣе пышную растительность. По руслу водостока встрѣчаемъ частыя тамариксовыя заросли. Уже на изрядной высотѣ, гдѣ окружающія насъ высоты принимаютъ видъ относительно невысокихъ холмовъ, дно водостока и его берега становятся глинистыми, получаютъ мѣстами какъ-бы вспученную или, лучше сказать, какъ-бы накипѣвшую поверхность и покрываются бѣлою, солоноватою выпариною; судя по этимъ даннымъ, здѣсь на небольшой глубинѣ можно получить воду, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что около растущія травы принадлежатъ къ такимъ видамъ, которые обыкновенно сопровождаютъ воду; во всякомъ же случаѣ, весною и, вѣроятно, въ началѣ лѣта тутъ долженъ существовать родникъ. Вскорѣ мы оставляемъ водостокъ вправо и поднимаемся среди глинистыхъ и глинисто-сланцеватыхъ, обмытыхъ водою, холмовъ, мѣстами изобильно поросшихъ саксауломъ и эфедрою, на перевалъ *Годаръ-и-Мишумъ*, до котораго отъ колодца *Чахъ-и-Бэна* можно считать $4^1/_2$—5 верстъ. Съ перевала спускаемся по новому водостоку, склоняющемуся въ западную сторону, среди невысокихъ горъ, имѣющихъ бо̀льшею частью степеподобные, не особенно крутые, склоны, изобильно поросшіе кустами саксаула. Вскорѣ этотъ водостокъ приводитъ насъ въ короткую долину, изъ верхней части которой открывается видъ на небольшой участокъ равнины *Дештъ-и-Гюссейнабадъ* (этимъ названіемъ, собственно говоря, обозначаютъ не только равнину, но и прилегающіе къ ней склоны окрестныхъ горъ), которая въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта долина на нее открывается, имѣетъ въ ширину отъ 18 и до 25 верстъ. И долина,

и водостокъ приводятъ насъ къ урочищу *Гоудъ-и-Дагаль-Гюссейнабадъ*, въ которомъ мы располагаемся на ночлегъ.

Названное урочище имѣетъ видъ просторной низины, покрытой мягкою намывною глиною и весьма нѣжнымъ слежавшимся пескомъ. Оно принимаетъ въ себя воды, текущія зимою и весною со всѣхъ верховыхъ частей *Дештъ-и-Гюссейнабада*; переполнивъ эту низину, названныя воды сливаются въ то болото, изъ котораго беретъ начало *Рудъ-и-Сіахъ-абъ*. Въ настоящее время, осенью, воды нигдѣ здѣсь не имѣется. Части равнины, прилегающія къ урочищу, довольно изобильно поросли саксауломъ. Южная часть равнины *Дештъ-и-Гюссейнабадъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ располагается описанное урочище, почти совпадаетъ по широтѣ съ сѣвернымъ окончаніемъ *Тагъ-и-Дорохъ*. Вообще эта равнина протягивается болѣе или менѣе меридіонально и спускается съ сѣвера на югъ. Сѣверная ея граница опредѣляется западными отрогами хребта *Кухъ-и-Махуникъ*, соединяющимися съ хребтомъ *Гундъ-и-Кухъ*; съ западной стороны, считая съ юга, виднѣется цѣлый рядъ хребтовъ, составляющихъ одно общее поднятіе, именно: *Кухъ-и-чель-Пэри* (горы сорока фей), *Кухъ-и-Тагандыкъ*, *Кухъ-и-Сехлабадъ*, *Кухъ-и-Гездизъ*, на широтѣ среднихъ частей котораго располагается урочище *Гоудъ-и-Дагаль-Гюссейнабадъ*, и наконецъ *Кухъ-и-Сэръ-и-Бишэхъ*; съ востока она ограничивается отрогами хребтовъ: *Кухъ-и-Чахъ-бэна* и *Кухъ-и-Махуникъ* (горы холоднаго мѣсяца); съ юга — хребтами: *Кухъ-и-Чахъ-бэна*, *Кухъ-и-Сія-абъ* (горы черной воды) и *Кухъ-и-Чахъ-Иси*.

На слѣдующій день, 4 октября, мы дѣлаемъ переходъ въ 22 версты и останавливаемся около крохотнаго селенія *Ратюкъ*. Около урочища *Гоудъ-и-Дагаль-Гюссейнабадъ* наша дорога развѣтвляется; одна вѣтвь идетъ къ сѣверо-сѣверо-западу на городъ *Сэръ-и-Бишэхъ*, другая, по которой мы должны слѣдовать, — прямо на сѣверъ. Оставивъ урочище, мы поднимаемся на возвышенность, отчасти загораживающую его съ сѣвера, и вступаемъ на высокую долину, идущую параллельно болѣе низкимъ

равнинамъ *Дештъ-и-Гюссейнабада*. Съ запада она ограничена невысокими горами, съ востока — болѣе значительными; и тѣ, и другія имѣютъ болѣе или менѣе мягкія очертанія своихъ склоновъ и степеподобный характеръ. Скучна, монотонна и безжизненна эта долина, поросшая уже совсѣмъ высохшею низкорослою полынью на своей сильно щебнистой и каменистой почвѣ. Сквозь сѣдловины западныхъ горъ сначала бѣлѣютъ глины *Гоудъ-и-Дагаль-Гюссейнабадъ*, потомъ онѣ становятся болѣе высокими и совсѣмъ загораживаютъ отъ насъ *Дештъ-и-Гюссейнабадъ*. Вскорѣ наша долина образуетъ перевалъ, за которымъ горы западной стороны оканчиваются и снова открываютъ видъ на равнины и, между прочимъ, на небольшое селеніе «новый» *Гюссейнъ-абадъ*. Этотъ послѣдній представляетъ жалкую четырехугольную глинобитную крѣпостенку съ башнями по угламъ; въ немъ считается только 7 домовъ; садовъ не имѣется. Старый, заброшенный *Гюссейнъ-абадъ* лежитъ верстахъ въ двухъ восточнѣе и далѣе къ сѣверу; мимо него проходитъ наша дорога; онъ имѣетъ такой-же видъ, какъ и новый. Около него пробѣгаетъ небольшой кяризный ручей, имѣющій сильно солоноватую, но для питья вполнѣ пригодную воду. Этотъ ручей выведенъ невдалекѣ къ востоку и бѣжитъ къ новому селенію, обозначая свой путь среди каменистой полынной степи одиночными кустами и небольшими группами тамарикса. Вправо отъ дороги, не доходя до сейчасъ упомянутыхъ мѣстъ, у подножія восточныхъ горъ виднѣется группа деревьевъ, среди которыхъ имѣется родникъ съ очень хорошею водою. Это сравнительно хорошенькое и отрадное мѣстечко находится менѣе чѣмъ въ 8 верстахъ отъ мѣста послѣдней стоянки нашей и называется *Гейно*, или *Гейноу*. Здѣсь мы встрѣтили табунъ антилопъ, штукъ въ 25 (Gazella subgutturosa; ни G. benetti, ни G. fuscifrons уже не встрѣчаются), но мнѣ не удалось подползти къ нимъ въ мѣру вѣрнаго выстрѣла. Невдалекѣ къ сѣверу отъ стараго *Гюссейнъ-абада* съ поверхности равнины, на которую открывается пройденная нами долина, поднимается безплодная горная цѣпь, направляющаяся къ сѣверо-востоку и вступающая въ связь

съ очень высокими горами *Кухъ-и-Махуникъ*. Она отрѣзаетъ широкую долину, верхняя (сѣверо-восточная) часть которой развѣтвляется на нѣсколько другихъ. Въ нижней части этой долины, какъ и на самой равнинѣ *Дештъ-и-Гюссейнабадъ*, виднѣются большія и малыя холмистыя цѣпи. Она скучна, уныла и печальна; каменистая почва ея поросла полынью и немногочисленными кустами нѣкоторыхъ горныхъ растеній. Перейдя ее поперекъ, мы подходимъ къ устью одной изъ ея сѣверныхъ вѣтвей и слѣдуемъ вверхъ по уклону. Въ $13^1/_2$ верстахъ отъ стараго *Гюссейнъ-абада* дѣлаемъ короткій, но довольно высокій подъемъ на перевалъ *Годаръ-и-Ратюкъ*. Съ высоты его, по направленію къ сѣверу, является видъ на каменистую долину, открывающуюся въ уже извѣстную намъ *Теббесскую котловину*. Съ западной стороны эта долина ограничена нѣсколькими цѣпями, идущими съ юго-запада на сѣверо-востокъ и отдѣленными одна отъ другой узкими низинами. Сквозь пыль, поднятую вѣтромъ, вдали, на западо-сѣверо-западѣ виднѣется высокій хребетъ *Моминъ-абадъ*. Въ полуверстѣ за переваломъ, у подножія восточныхъ горъ описанной долины, располагается селеніе *Ратюкъ* (собственно *Ратюкъ-бала*), въ которомъ насъ ждетъ отдыхъ, обѣдъ и ночлегъ.

Ратюкъ состоитъ только изъ двухъ домовъ. Орошается двумя родничками и маленькимъ кяризикомъ, выведеннымъ въ прудъ, изъ котораго, по мѣрѣ надобности, вода расходуется на поливку крошечнаго садика, миніатюрныхъ пашенъ, огородовъ и хлопчато-бумажныхъ плантацій, террасами разработанныхъ по горному склону. Вода превосходнаго вкуса. Пшеница конечно давно уже убрана, хлопокъ дозрѣваетъ, ячмень (второго посѣва) только-что выколосился, но, какъ говорятъ владѣльцы, поспѣетъ до первыхъ морозовъ; изъ огородныхъ продуктовъ имѣется лукъ, чеснокъ и недавно поспѣвшая свекла.

Снѣгъ въ здѣшнихъ горахъ, въ нѣкоторые годы, держится по цѣлому мѣсяцу. . . . .

Утромъ 5 октября мы покидаемъ *Ратюкъ* и дѣлаемъ переходъ въ 7—8 верстъ къ селенію *Дастъ-Гиртъ*, которое нахо-

дится уже въ *Теббесской котловинѣ*. Идемъ внизъ по водостоку, сбѣжавшему съ перевала *Годаръ-и-Ратюкъ* и принимающему многочисленныя вѣтви съ западной стороны. Немного спустившись, встрѣчаемъ селеньице *Ратюкъ-паинъ*; это четырехугольное глиняное загражденіе, въ которомъ одинъ домъ, маленькіе огороды, пашни и садикъ; орошается кяризомъ съ хорошею водою. Отсюда долина расширяется и, встрѣтивъ на сѣверѣ горы, уклоняется къ востоку и сѣверо-востоку, чтобы, обогнувъ ихъ, открыться вмѣстѣ съ своимъ водостокомъ въ *Теббесскую котловину*. Оставивъ влѣво *Ратюкъ-паинъ*, наша дорога идетъ сейчасъ упомянутою долиною до горъ, затѣмъ переваливаетъ черезъ эти послѣднія (съ высоты перевала, вправо, въ долинѣ виднѣется небольшое селеніе *Гюссейнъ-абадъ*, въ которомъ 6 домовъ) и кратчайшимъ путемъ спускается въ ту-же котловину, гдѣ мы останавливаемся около селенія *Дастъ-Гиртъ*.

Мѣстность, пройденная отъ *Ратюкъ*, представляетъ пустыню, скудно поросшую полынью, эфедрою и Ferula; по водостокамъ— заросли тамарикса.

Дастъ-Гиртъ принадлежитъ къ большимъ селеніямъ, такъ какъ въ немъ насчитывается 120 домовъ. Ему принадлежитъ нѣсколько окрестныхъ селеній, обширныя пашни и хлопчатобумажныя плантаціи (хлопокъ частью убранъ, частью убирается). Садовъ мало и они весьма незавидны. Самый лучшій конечно составляетъ собственность мѣстнаго правителя. Этотъ послѣдній—Сердаръ-Магомедъ-Юсуфъ-Ханъ (сынъ Сердаръ-Дервишъ-Магомедъ-Хана), выходецъ изъ Афганистана, именно изъ страны Лашъ-и-Джувейнъ, — весьма милый, любезный и знающій человѣкъ, хорошо освѣдомленный о Россіи и къ ней расположенный.

Пробывъ въ *Дастъ-Гиртѣ* 6-е октября, мы на слѣдующій день сдѣлали переходъ въ уже знакомое намъ селеніе *Теббесъ*, до котораго можно считать около 13—14 верстъ. Дорога проходитъ по совершенно ровной поверхности дна *Теббесской котловины*.

Что касается до этой послѣдней, то необходимо слѣдуетъ

замѣтить, что она принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ хлѣбороднѣйшихъ странъ восточной Персіи по пути въ Сеистанъ и, какъ таковая, должна имѣть значеніе весьма важнаго этапа при движеніи въ эту страну, особенно съ сѣвера и сѣверо-запада. Снѣгъ выпадаетъ въ ней въ небольшомъ количествѣ и держится обыкновенно не дольше двухъ-трехъ дней.

Дорога между *Теббесомъ* и *Гезикомъ* (8 октября) сдѣлана нами нѣсколько иначе, чѣмъ въ первый разъ, именно мы не огибали невысокихъ горъ, которыя отдѣляютъ *Авазскую котловину* отъ района гезикскихъ полей, а прошли къ этимъ послѣднимъ и къ *Гезику* болѣе прямымъ путемъ, переваливъ черезъ эти горы. За переваломъ встрѣчаемъ узкую долину, водостокъ которой, пробиваясь между горами, выбѣгаетъ къ *Авазской котловинѣ*. Въ нижней части долины находимъ сухое болото, поросшее колючею кугою и мелкимъ колючимъ камышомъ; оно питается нѣсколькими родничками съ прѣсною водою. Около него виднѣется келяте изъ 2—3 домовъ и имѣется маленькій кяризъ. Въ *Гезикѣ* мы застали ячмень второго посѣва, уже дозрѣвавшій; хлопокъ былъ только-что убранъ; масса поспѣвшей свеклы; въ небольшомъ количествѣ какая-то конопля, почти совсѣмъ поспѣвшая.

Дальнѣйшій путь на *Гульмирунъ* и къ *Ахангеруну* (9—12 октября) пролегалъ старою дорогою и представлялъ мало интереснаго. Насѣкомыхъ было видно весьма мало; пресмыкающіяся почти всѣ попрятались; только птицы встрѣчались въ большомъ числѣ пролетныхъ видовъ, между которыми слѣдуетъ упомянуть о горномъ дупелѣ (Scolopax solitaria!) и восточно-сибирскомъ бекасѣ (Scolopax stenura!). Около *Гульмируна* и на верховьяхъ *Ахангерунской рѣчки* насъ застали морозы. Нелишнимъ считаю замѣтить, что тамариксы верховьевъ Ахангерунской рѣчки, во время возвратнаго нашего по ней движенія, были покрыты густою соляною выпариною, иногда въ такой мѣрѣ, что эти кусты казались засыпанными инеемъ.

Разсматривая описанныя дороги между *Ахангеруномъ* и колодцемъ *Чахъ-и-Зиру* по степени ихъ пригодности для колес-

наго движенія, надо сказать, что участокъ между *Теббесъ* и *Дорохъ* абсолютно для него непригоденъ; зато путь отъ *Ахангеруна* на *Гульмирунъ*, *Гезикъ*, *Теббесъ*, *Дастъ-Гиртъ*, *Ратюкъ*, *Гюссейнъ-абадъ*, перевалъ *Годаръ-и-Мишумъ*, *Чахъ-и-бэна*, а отъ этого послѣдняго съ одной стороны на *Дорохъ*, а съ другой на *Чахъ-и-Зиру*, бо̀льшею частью, даже въ современномъ своемъ состояніи, не представляетъ для него серьезныхъ препятствій; если таковыя и встрѣчаются, какъ напр. кое-гдѣ по *Ахангерунской рѣчкѣ*, на перевалѣ между этою послѣднею и *Гульмируномъ*, въ *Годаръ-и-Ратюкъ* и въ *Годаръ-и-Мишумъ*, то они легко могутъ быть избѣгнуты, какъ возможностью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обходнаго движенія, такъ и простою, благодаря мягкости грунта, расчисткою пути.

Путь черезъ Зиркухъ отъ с. Магомедъ-абадъ къ с. Муджнабадъ

(13—15 октября).

Спустившись внизъ по *Ахангерунской рѣчкѣ* (*Рудъ-и-Ахангерунъ*), 12 октября мы вышли въ предгорія мѣстнаго хребта, гдѣ дорога развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ къ с. *Ахангерунъ*, виднѣющемуся невдалекѣ, другая — къ с. *Магомедъ-абадъ* (*Мамедъ-абадъ*), до котораго отъ мѣста развѣтвленія можно считать около 8 верстъ. Эта послѣдняя идетъ предгоріями, дѣлая частые перевалы, хотя невысокіе, но порою крутые и трудноватые для нашихъ верблюдовъ. По дорогѣ встрѣчаемъ отдѣльно стоящія фисташковыя деревья и частыя по̀росли Amygdalus'а вмѣстѣ съ другими горными кустарниками. За половиною пути мы спускаемся къ Мамедъ-абадскому водостоку, который приводитъ насъ къ селенію. Сады этого послѣдняго уже изрядно пожелтѣли и частью сбросили листву своихъ деревьевъ.

Съ утра слѣдующаго дня, 13 октября, дѣлаемъ переходъ въ 25 верстъ въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи и останавли-

ваемся въ тамариксахъ, сопровождающихъ Бамрудскій арыкъ, на половинѣ разстоянія между с. *Бамрудъ* и тою дорогою, которую мы дѣлали весною между *Ноу-Дехъ* и *Мамедъ-абадъ*; мѣсто стоянки располагается на глинистой равнинѣ, залегающей между с. *Бамрудъ* и тѣмъ промежуткомъ, который раздѣляетъ, какъ сказано было выше, *Ходжа-Кухъ* и *Кухъ-и-Аткуль*. Ширина этой равнины въ названномъ мѣстѣ не больше 25 верстъ.

Оставивъ *Мамедъ-абадъ*, мы идемъ его супесчаною и глинистою равниною, оставляя невдалекѣ вправо уже упомянутую окраину высокой песчаной гряды, которая ограничиваетъ ее съ востока. Верстъ черезъ 8—9 вступаемъ въ пески, гдѣ вскорѣ встрѣчаемъ водостокъ и слѣдуемъ по его глинистому руслу, частью засыпанному пескомъ, частью обнаженному и мѣстами покрытому мелкимъ камнемъ. Этотъ водостокъ черезъ нѣсколько верстъ мѣняетъ свое сѣверо-сѣверо-восточное направленіе на сѣверо-восточное и, оставляя с. *Бамрудъ* въ западной сторонѣ, выбѣгаетъ на глинистую и глинисто-супесчаную равнину, разстилающуюся у подошвы горъ *Кухъ-и-Бамрудъ*, и впадаетъ здѣсь въ общее восточное русло *Зиркуха*; около этого поворота дорога оставляетъ водостокъ и идетъ уже прямо песками, которые верстахъ въ семи не доходя до *Бамруда* смѣняются глинистою равниною. Во избѣжаніе крюка мой караванъ, выйдя изъ песковъ, оставляетъ бамрудскую дорогу вправо и уже цѣликомъ направляется къ указанному стойбищу.

Въ предѣлахъ песковъ, по дорогѣ, имѣется два развалившихся хоуза, весною всетаки наполняющихся водою. Путь песками въ общемъ проходитъ частью ими самими, частью разбросанными среди нихъ такырными площадями, разнообразнымъ способомъ соединяющимися какъ другъ съ другомъ, такъ и съ риказарами западныхъ горъ; иногда эти площади усыпаны рѣдкимъ щебнемъ. Растительность кустарная, богатая, но въ настоящее время зелеными остаются лишь саксаулъ, секумбуль и эфедра. Среди ящерицъ, которыхъ тутъ такъ много лѣтомъ и весною, я видѣлъ лишь одиночный экземпляръ Eremias guttulata.

Птицъ мало: на 8—9 верстахъ дороги черезъ пески замѣчено лишь нѣсколько штукъ саксаульной сойки (Podoces pleskei) и по нѣскольку экземпляровъ чекановъ четырехъ видовъ (Saxicola picata, S. finschi, S. leucomela и S. deserti); впрочемъ, замѣчена еще одна славочка (Sylvia fuscipilea), повидимому запоздавшая на пролетѣ.

Какъ видно отъ мѣста нашей стоянки, подгорная высокая степь, лежащая около с. *Авизъ*, сильно понижаясь къ востоку, идетъ къ хребту *Кухъ-и-Бамрудъ* и образуетъ водораздѣлъ между водостоками, бѣгущими съ одной стороны въ болото *Дакке-Петиргунъ*, а съ другой—въ соленое озеро *Нэмексаръ*; первая группа водостоковъ стекаетъ главнымъ образомъ на глинистую равнину, разстилающуюся у подошвы *Кухъ-и-Бамрудъ*, и изливаетъ свои воды въ пробѣгающій по ней главный Дакке-петиргунскій водостокъ; этотъ послѣдній, въ верхней своей части, составленъ русломъ *Рудъ-и-Дустъ-абадъ*.

14 октября мы дѣлаемъ нереходъ въ 25 верстъ. Отъ мѣста ночлега направляемся безъ дороги на сѣверо-сѣверо-западъ къ видимому отъ насъ сѣверному окончанію *Кухъ-и-Бамрудъ*. За бамрудскимъ арыкомъ равнина представляетъ мягкія, плодородныя глины, обильно воздѣланныя подъ пашни (онѣ принадлежатъ селенію *Бамрудъ*). Отсюда мы переходимъ черезъ русло *Рудъ-и-Дустъ-абадъ*, мѣстами засыпанное пескомъ, и поднимаемся на сейчасъ упомянутый водораздѣлъ, въ общемъ весьма мало замѣтный. Онъ занятъ плоско-волнистыми песками, довольно тяжелыми и лишь только мѣстами сыпучими; они изобилуютъ порослями высокорослой эфедры, образующей на нѣсколько верстъ что-то вродѣ приземистаго лѣса. Затѣмъ эфедра смѣняется различными кустарниками, свойственными пескамъ, а они, въ свою очередь, по мѣрѣ пониженія равнины и уменьшенія толщины песчанаго покрова, замѣняются довольно густою порослью уже давнымъ-давно безлиственнаго Zygophyllum съ подсѣдомъ изъ полыни. Въ такомъ видѣ равнина остается и у сѣвернаго окончанія *Кухъ-и-Бамрудъ*, къ которому мы подходимъ. Отъ этого окончанія, почти

подъ прямымъ угломъ, направляется къ востоку новый хребетъ; этотъ послѣдній идетъ въ указанномъ направленіи на разстояніе, какъ кажется, меньшее, чѣмъ *Кухъ-и-Бамрудъ* къ югу. Быть можетъ именно онъ обозначался мнѣ въ с. *Муджнабадъ* подъ названіемъ «*Ногуръ-Кухъ*» (см. описаніе Муджнабада). Эти горы круты, мѣстами имѣютъ почти совсѣмъ отвѣсные склоны и въ общемъ мало доступны; тамъ и здѣсь по ихъ безжизненнымъ, пустыннымъ бокамъ виднѣются фисташковыя деревья, то стоящія одиноко, то собирающіяся въ небольшія группы. Возвышенною, частью песчаною степью и холмами *Ногуръ-Кухъ*(?) соединяется съ относительно невысокимъ горнымъ массивомъ, лежащимъ отъ него къ сѣверо-востоку. *Кухъ-и-Бамрудъ* вмѣстѣ съ *Ногуръ-Кухъ*(?) понижаются и расширяются въ сторону болота *Дакке-Петиргунъ*. Сейчасъ упомянутый массивъ соединяется посредствомъ невысокихъ возвышенностей и плоско-вершинныхъ холмовъ, образующихъ широкую дугу, обращенную къ востоку, съ горами, лежащими отъ насъ на сѣверѣ, сѣверо-сѣверо-востокѣ и сѣверо-востокѣ и направляющимися съ юго-востока на сѣверо-западъ. Всѣ эти возвышенности составляютъ восточную границу пустыни *Зиркухъ*. Къ сѣверо-западу отъ того-же мѣста наблюденія (сѣверное окончаніе *Кухъ-и-Бамрудъ*), верстахъ въ пятнадцати, виднѣется небольшая, изолированная холмистая группа, брошенная на волнистую равнину; она протянулась съ юго-востока на сѣверо-западъ и образуетъ на равнинѣ два прохода: очень широкій западный, по которому мы прошли изъ *Муджнабада* въ южный *Зиркухъ*, и несравненно болѣе узкій восточный, черезъ который должны теперь идти на *Муджнабадъ* и около котораго должны остановиться на ночлегъ.

Перейдя черезъ неширокій, но довольно глубокій водостокъ, склоняющійся къ сѣверу и среди песковъ, мѣстами выбѣгающій на обнаженныя площади намывной глины, мы встрѣчаемъ хорошо обозначенную дорогу, ведущую изъ *Бамруда* въ *Муджнабадъ*[1]).

1) Здѣсь имѣется разрушившійся хоузъ, который наполняется водами, стекающими съ сѣверо-востока.

До сихъ поръ она шла у подножій хребта *Кухъ-и-Бамрудъ*, гдѣ по ней имѣется два хоуза, вода которыхъ сохраняется до начала іюля. Въ мѣстѣ нашей встрѣчи она развѣтвляется съ тѣмъ, чтобы, обогнувъ песками и такырами съ восточной и съ западной стороны высокую, волнистую, взборожденную барханами песчаную возвышенность, снова соединиться въ одну, около вышеупомянутой одинокой холмистой группы. Въ мѣстѣ этого соединенія мы кончаемъ переходъ описываемаго дня.

Такъ какъ сейчасъ упомянутыя дороги въ значительной степени занесены пескомъ и еще тѣмъ менѣе замѣтны, что движеніе, по нимъ совершающееся, весьма мало оживлено, то лучше при пользованіи ими брать проводника изъ *Муджнабада* или *Бамруда*. При поѣздкѣ же на-легкѣ проводникъ ненуженъ, такъ какъ можно ѣхать цѣликомъ, имѣя въ виду такіе хорошо обозначенные пункты, какъ сѣверное окончаніе *Кухъ-и-Бамруда* и «изолированную холмистую группу».

Растительность пройденной мѣстности довольно разнообразная и богатая. Песчаная возвышенность изобильно поросла кустами и деревьями саксаула, находящагося въ полномъ цвѣту [1]) и несущаго сочную, свѣжую зелень. Въ пескахъ южной ея части, гдѣ они нагромождаются на предгорія сѣверныхъ окончаній *Кухъ-и-Бамрудъ* и *Ногуръ-Кухъ*(?), замѣчаются весьма пышныя заросли высокорослой эфедры. Въ болѣе низкихъ частяхъ, гдѣ пески принимаютъ бугристый характеръ, въ великомъ изобиліи произрастаетъ секумбуль, находящійся въ полномъ цвѣту, но уже осыпавшій бо̀льшею частью свою зелень, и другіе кустарники, свойственные бугристымъ пескамъ и также стоящіе безъ листвы. По окраинамъ глинистыхъ обнаженныхъ площадей, сопровождающихъ съ обѣихъ сторонъ песчаную возвышенность, наблюдаются одинокія деревца и рощицы доудара, стоящаго уже совсѣмъ или почти совсѣмъ обнаженнымъ.

Птицъ въ этой мѣстности было видно немного и притомъ

1) Цвѣты саксаула составляютъ лакомство для верблюдовъ.

преимущественно осѣдлыхъ и кочующихъ видовъ. Обращали на себя вниманіе саксаульныя сойки (Podoces pleskei) и дрофы-красотки (Otis macqueeni). Пресмыкающихся замѣчалось поразительно мало: я видѣлъ штукъ съ десятокъ Eremias guttulata, пару Eremias sp.?, одного Zamenis karelini и кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ замѣтилъ слѣды степного удава (Eryx sp.?) и змѣевидной ящерицы (Zygnopsis brevipes). Несмѣтное множество ящерицъ и змѣй, оживляющихъ эту страну въ жаркіе мѣсяцы года, очевидно уже попряталось въ свои зимнія убѣжища. Такыръ, около котораго былъ разбитъ нашъ лагерь, располагается передъ вышеупомянутымъ узкимъ прорывомъ, лежащимъ между «одинокóю» холмистою группою на западѣ и сравнительно высокими горами (вѣроятно именно ихъ мнѣ обозначали въ *Муджнабадѣ* подъ названіемъ «*Кухъ-и-Думи*»). Онъ наводняется водостоками, идущими по восточной и западной окраинамъ пройденной нами песчаной возвышенности, и изливаетъ свои воды къ сѣверо-западу въ восточную вѣтвь вышеописаннаго русла *Бааза*. На немъ имѣется хоузъ, полуразвалившійся и занесенный пескомъ.

Отсюда до с. *Муджнабадъ* остается около 40 верстъ, которыя мы и проходимъ на слѣдующій день 15 октября. Поднимаемся на возвышенную равнину, склоняющуюся отъ хребта *Кухъ-и-Думй* (?) къ холмистой группѣ. По мѣрѣ нашего поднятія, ея песчаная почва, поросшая сочнымъ зеленымъ саксауломъ, смѣняется на тяжело-песчаную, на глинистую и глинисто-щебнистую; вмѣстѣ съ тѣмъ саксаулъ замѣняется густою зарослью Zygophyllum, къ которой онъ примѣшанъ рѣдкими одиночными кустами и деревцами. Дорога становится очень хорошею, плотно убитою и уже до самаго *Муджнабада* остается вездѣ отлично замѣтною. Сначала она проходитъ рикзаромъ невдалекѣ отъ подошвы восточныхъ горъ (*Кухъ-и-Думй?*) и верстахъ въ двухъ отъ покинутаго нами такыра даетъ тропу къ хоузу, лежащему у ихъ подножія; въ этомъ хоузѣ я нахожу небольшое количество воды, уцѣлѣвшей еще со времени зимнихъ и весеннихъ дождей. У сѣвернаго окончанія этихъ горъ откры-

вается видъ: къ востоку — на широкую долину, къ сѣверу — на невысокій, скалистый и короткій хребетъ *Кушъ-Кухъ*, располагающійся почти перпендикулярно къ направленію тѣхъ горъ, мимо которыхъ мы прошли, къ западу — на обширную Зиркухскую пустыню[1]) и отчасти на ограничивающій ее съ западной стороны высокій хребетъ *Кухъ-и-Хаджи*; темнымъ пятномъ у подошвы этого послѣдняго выдѣляется въ юго-западномъ направленіи селеніе *Фендуктъ* съ его садами. Упомянутая сейчасъ долина изобильно поросла безлиственными кустарниками, среди которыхъ зелеными рощицами выдѣляются группы высокорослыхъ кустовъ эфедры. Въ горахъ виднѣется много одиночныхъ фисташковыхъ деревьевъ. Отсюда и до самаго *Муджнабада* дорога проходитъ уже мѣстностью, покрытою пескомъ. Пересѣкаемъ устье долины, по пути дѣлая переходы черезъ частые водостоки, и, близко подойдя къ хребту *Кушъ-Кухъ*, сворачиваемъ вправо, между этими горами и холмистою грядою. Здѣсь мы вступаемъ въ долину, покрытую мягкимъ пескомъ и весьма изобильно поросшую буквально всѣми растеніями, которыя свойственны пустынѣ *Зиркухъ*. Эта страна пройдена мною въ разныхъ направленіяхъ, и другого подобнаго мѣста я нигдѣ не знаю. Нѣчто подобное наблюдалось мною въ 1896 году въ странѣ *Алькоръ* (въ Каинатѣ), именно въ узкой долинѣ около селенія *Келяте-Хаджи-Юсуфъ*, въ которой были собраны всѣ растенія мѣстной пустыни. Дорога поднимается среди этихъ интересныхъ зарослей, представляющихъ нѣчто вродѣ ботаническаго сада, и вскорѣ, оставляя всѣ горы позади насъ и вступая на высокую песчаную степь, достигаетъ на ней перевала. Этотъ послѣдній лежитъ верстахъ въ 18 отъ мѣста послѣдней нашей стоянки. Съ него открывается обширный горизонтъ къ сѣверу и къ сѣверо-востоку и просторный видъ на волнистыя равнины. За переваломъ, по направленію къ *Муджнабаду*, мѣстность постепенно

---

1) «Холмистая группа», остающаяся на западѣ, минуется нами уже на первыхъ верстахъ.

понижается и становится все болѣе и болѣе обнаженною, сохраняя все время характеръ волнистой песчаной степи. Верстахъ въ десяти не доходя до *Муджнабада*, имѣется развалившійся хоузъ, находящійся на такырной площадкѣ; эта послѣдняя наводняется довольно хорошо выработаннымъ водостокомъ, бѣгущимъ съ перевала и отъ такыра направляющимся въ соленое озеро *Нэмексаръ*. Въ *Муджнабадѣ* мы не нашли никакихъ новостей.

Птицъ по дорогѣ, если не считать многія тысячи дрофъ-красотокъ (Otis macqueeni), буквально надоѣвшихъ своимъ множествомъ[1]), я видѣлъ очень мало. Количество пресмыкающихся, попадавшихся на глаза, было еще меньше. Сверхъ видовъ, упомянутыхъ въ описаніи предшествовавшаго перехода, я на пройденныхъ нынѣ 40 верстахъ видѣлъ штукъ пять круглоголовокъ (Phrynocephalus olivieri), пару Eremias persica и одинъ маленькій экземпляръ песочной гадюки (Echys arenicola); по истинѣ немного для южной страны, которая лѣтомъ кишитъ этими животными!

Описанная дорога между *Мамедъ-абадомъ* и *Муджнабадомъ* для колеснаго движенія не только вообще пригоднѣе той, о которой я говорилъ раньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сама по себѣ, по крайней мѣрѣ въ сухое время года, не представляетъ особенныхъ затрудненій: 22 версты отъ *Муджнабада* до перевала проходятъ довольно плотными песками; слѣдующія 18 верстъ, бо̀льшею частью приходящіяся на рикзары хребта *Кушъ-Кухъ*, имѣютъ видъ естественнаго шоссе; дальнѣйшій путь до сѣвернаго окончанія хребта *Кухъ-и-Бамрудъ* можетъ быть въ весьма значительной степени облегченъ пользованіемъ глинистыми такырами, сопровождающими окраины вышеописанной песчаной возвышенности; далѣе до селенія *Бамрудъ* существуетъ хорошая подгорная дорога (вдоль подножій *Кухъ-и-Бамрудъ*); наконецъ изъ

---

1) По пути я убилъ 22 штуки и могъ бы, при охотѣ, убить не меньше такого-же количества.

с. *Бамрудъ* въ *Мамедъ-абадъ* можно пройти частью глинистою равниною, частью вышеописаннымъ водостокомъ; что касается до этого послѣдняго, то движеніе по нему должно быть особенно удобно позднею весною, когда зимними водами онъ очистится отъ навѣяннаго въ него лѣтомъ песка.

Отъ с. Кератъ до г. Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ

(20—24 октября).

Изъ с. *Муджнабадъ* въ с. *Кератъ* мы прошли старою дорогою въ четыре дня, сдѣлавъ за это время около семидесяти двухъ верстъ. Интереснаго почти ничего она не представляла.

Страна между *Кератомъ* и *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамомъ* теперь прорѣзается нами въ новомъ, болѣе западномъ, направленіи, именно черезъ селенія: *Мешедъ-Риза* и *Риза*, *Пульбэндъ* и *Мерденъ-абадъ*. По этой дорогѣ мы сдѣлали $83^1/_2$ версты въ 5 дней, изъ которыхъ одинъ день былъ употребленъ на дневку въ селеніи *Риза*.

Дорога въ с. *Мешедъ-Риза* и *Риза* предварительно проходитъ поперекъ вышеописанной долины *Керата* къ холмистымъ цѣпямъ, протянувшимся съ сѣверо-запада на юго-востокъ и понижающимся къ той, также описанной степной возвышенности, которая вмѣстѣ съ Хаштаданскими горами рѣзко ограничиваетъ съ сѣвера котловину *Хаштаданъ*. По пути пересѣкаемъ нѣсколько водостоковъ, склоняющихся къ юго-востоку, въ низкія части этой послѣдней. Холмистыя цѣпи, черезъ которыя мы дѣлаемъ нѣсколько переваловъ, имѣютъ степеподобный характеръ. Почва ихъ, какъ и пройденной равнины, состоитъ изъ сравнительно мягкой, мало хрящеватой глины. Растительность состоитъ главнымъ образомъ изъ полыни, мѣстами разнообразящейся порослями барбарисо-листной розы (Hultheimia berberifolia) и Zygophyllum, еще со времени жаркихъ мѣсяцевъ стоящихъ безъ листьевъ.

Переваливъ черезъ эти цѣпи, спускаемся въ широкую долину, протянувшуюся къ рѣкѣ *Герри-Рудъ*; ея водостоки направляются къ уже упомянутому урочищу *Мургъ-абъ*. Въ ея высокой части, налѣво отъ дороги (къ западу) виднѣется довольно-таки жалкое селеніе *Кале-Инду̀*. За нею поднимаемся въ новыя, низкія холмистыя цѣпи, идущія почти параллельно первымъ и представляющія тѣ-же унылыя картины. Съ наиболѣе высокаго перевала, къ сѣверу, открывается просторный видъ на обширную, возвышенную равнину, волнистую и мѣстами холмистую; вдали виднѣются селенія: *Риза* и *Мешедъ-Риза*. Съ этого перевала спускается водостокъ, по долинѣ котораго мы слѣдуемъ до впаденія его въ другой, идущій съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Въ долинѣ этого послѣдняго, вправо и въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ себя, мы неожиданно замѣчаемъ небольшое селеніе *Хіавунъ*; оно орошается кяризомъ съ совершенно прѣсною водою, кишащею маринками (Schizothorax sp.?)[1]. Оставивъ *Хіавунъ* и его долину, мы поднимаемся на вышеупомянутую волнистую равнину, которою подходимъ къ с. *Риза*. Почва ея состоитъ изъ мягкой, мало щебнистой глины и поросла полынью.

Риза вмѣстѣ съ *Мешедъ-Риза*, рядомъ съ нимъ находящимся, составляютъ большія селенія, въ которыхъ насчитывается болѣе 600 домовъ. Имъ принадлежатъ обширные сады и пашни, орошаемыя нѣсколькими кяризами. Воды окружной мѣстности не представляютъ внутренняго бассейна, какъ это обозначается на картахъ, а стекаютъ въ *Герри-Рудъ*. Главный водостокъ, который мы перешли непосредственно передъ названными селеніями, хорошо выработанъ, имѣетъ отъ 80 до 180 шаговъ въ ширину и, по устнымъ свѣдѣніямъ, впадаетъ въ уже описанное мною русло *Рудъ-и-Рявазъ*, ниже с. *Пульбэндъ*.

Дорога изъ *Риза* въ *Пульбэндъ* проходитъ ровною глинистою степью, заросшею полынью и постепенно понижающеюся; въ

---

1) Такого-же вида, какъ въ водахъ с. *Кератъ*. Въ *Хіавунъ* эта рыба достигаетъ довольно крупныхъ размѣровъ, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, напр., до 370 mm.

нѣсколькихъ мѣстахъ она пересѣкаетъ небольшіе водостоки, склоняющіеся къ ВСВ.

Пульбэндъ представляетъ селеніе въ 40 домовъ; оно орошается кяризными водами, приведенными къ нему изъ города *Шахръ-и-Ноу*. Менѣе чѣмъ въ половинѣ пути, вправо отъ дороги, была замѣчена небольшая келяте, названія которой мнѣ не удалось узнать. Вершина горы *Кухъ-и-Бэстъ*, видная все время по пути изъ *Керата* въ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ*, лежитъ отъ *Пульбэнда* на сѣверо-западѣ въ 325°.

Общее направленіе дороги изъ *Пульбэнда* въ с. *Мерденъ-абадъ* сѣверо-сѣверо-восточное. Перейдя поперекъ Пульбэндскую низину, она подходитъ къ низкимъ холмистымъ цѣпямъ, которыя, если смотрѣть изъ *Риза*, широкою дугою ограничиваютъ съ сѣвера и съ востока равнину, спускающуюся отъ мѣстности его расположенія въ тѣ-же стороны. За полосою холмовъ (переваловъ мало, такъ какъ дорога бо̀льшею частью слѣдуетъ долинами) мы выходимъ къ поперечной, относительно нашего пути, долинѣ рѣчки *Рудъ-и-Рявазъ* и подходимъ къ двумъ рядомъ стоящимъ селеніямъ: *Ахангеранъ* — по сю ея сторону и *Мерденъ-абадъ* — по ту. Первое, съ развалинами жалкой крѣпостенки, населено афганскими тюрками, второе — теймурійцами, также афганскими выходцами. Въ обоихъ селеніяхъ всего 40 домовъ. Земли, удобной для земледѣлія, здѣсь много, но не хватаетъ рукъ для ея обработки; по словамъ туземцевъ, можно было бы засѣвать до 120 хальваровъ зерна. Орошеніе составляется двумя кяризами и мѣстною рѣчкою. Садовъ не имѣется. Почва долины *Рудъ-и-Рявазъ* мягкая глинистая, мѣстами солонцеватая, и поросшая невысокимъ тамариксомъ. Собственно рѣчка въ настоящее время года имѣетъ видъ мелководныхъ плёсовъ и струекъ воды, ихъ соединяющихъ.

Идя къ г. *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ*, мы пересѣкаемъ русло *Рудъ-и-Рявазъ* и поднимаемся въ новый поясъ холмовъ, именно тотъ, который въ первый нашъ путь былъ пересѣченъ между с. *Курутъ* и *Гюссейнъ-Бай* и который съ южной стороны огра-

ничиваетъ равнины, окружающія сейчасъ названный городъ. На этотъ разъ мы дѣлаемъ цѣлый рядъ переваловъ черезъ холмистыя цѣпи и переходовъ черезъ водостоки. Эти цѣпи, какъ и тѣ, которыя были пройдены между *Пульбэндомъ* и *Мерденъ-абадомъ*, по направленію къ юго-востоку становятся все болѣе и болѣе высокими (относительно, но не абсолютно) и мѣстами теряютъ свой степеподобный характеръ. Съ высоты послѣдняго перевала мы видимъ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ* съ его, уже описанными мною, окрестностями.

Общій характеръ мѣстности, лежащей между *Кератомъ* и послѣднимъ переваломъ къ г. *Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ*, — это высокая, глинистая и степная равнина, спускающаяся къ востоку и къ юго-востоку по направленію къ *Герри-Руду* и взбороженная холмистыми цѣпями, частью на ней возникающими, частью же составляющими отроги хребтовъ: *Хафскаго* (на югѣ) и *Кухъ-и-Бэстъ* (на сѣверѣ). Высота этой равнины около *Риза* и *Мешедъ-Риза* если и меньше, сравнительно съ упомянутыми холмистыми цѣпями, то весьма незначительно. По своей растительности она представляетъ полынную степь съ порослями Zygophyllum, рѣже эфедры; по водостокамъ мѣстами частые кусты Atraphaxis, не достигающіе, однако, такого пышнаго развитія, какъ по болѣе каменистымъ мѣстамъ. Почва мягкая, только мѣстами хрящеватая.

По дорогѣ изъ *Турбетъ-Шейхъ-и-Джама* въ *Шахръ-и-Ноу* есть только два жилыхъ пункта, именно: с. *Бэстъ* (*Бяздъ*) и с. *Міанъ-Сара*. Отъ *Шахръ-и-Ноу* по дорогѣ къ *Пульбэнду* имѣются селенія: *Иштивалй* (въ 6 верстахъ, на верхнемъ теченіи *Рудъ-и-Рявазъ*), *Нусретъ-абадъ* и *Кале-Ага-Гюссейнъ* (въ четырехъ фарсангахъ); въ *Пульбэндѣ* эта дорога раздѣляется на три вѣтви: одна идетъ на с. *Хушкякъ*, другая къ с. *Кяризъ* и третья — къ *Мусынъ-абаду*.

Всѣ описанныя дороги пригодны для колеснаго движенія даже въ современномъ своемъ состояніи, хотя по свойствамъ грунта могутъ представлять кое-какія затрудненія во время дождей.

Путь изъ г. *Турбетъ-Шейхъ-и-Джама* до *Мешеда* былъ сдѣланъ въ 7 дней (25—31 октября). За исключеніемъ участка между с. *Гейдеръ-абадъ* и с. *Календэръ-абадъ*, описаннаго мною въ главѣ «*Путь изъ Мешеда въ г. Турбетъ-Шейхъ-и-Джамъ*», онъ за ничтожными уклоненіями совпадалъ со старою, уже подробно разсмотрѣнною, дорогою. Такъ какъ болѣе интересныя подробности нашего возвратнаго по ней движенія касаются исключительно зоологическихъ и метеорологическихъ данныхъ, разбираемыхъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, то я считаю умѣстнымъ въ этой работѣ обойти ихъ молчаніемъ.

Вечеромъ 31 октября мы прибыли въ Мешедъ, а 10 ноября, нанявъ фургонъ до Асхабада, я вмѣстѣ съ препараторомъ Литвиновымъ отправился въ Россію; 15 числа этого мѣсяца мы перешли границу у Гоуданскаго поста и закончили свое путешествіе по персидской территоріи.

Алфавитный указатель географическихъ названій.

Алфавитный указатель латинскихъ зоологическихъ названій.

(Въ выноскахъ приведены позднѣйшія, болѣе точныя опредѣленія).

1) *A. grayanus.*
2) *A. cantoris.*
3) 58—77 *A. sanguinolenta*; 139—169 *A. isolepis*?; 184—225 *A. kirmanensis* Nik.

1) *Schizothorax zarudnyi* Nik.
2) *Athene bactriana*, var.

1) *Bubo turcomanus?*
2) *Bufo viridis.*
3) 139 *Bufo viridis.*
4) 185 и 286 *Bufo viridis* var. *persica* Nik.
5) *Bunopus tuberculatus.*
6) *Butalis grisola pallida* Zarudny.
7) *Butalis grisola pallida* Zarudny.
8) *Capoeta fusca* Nik.
9) *Capoeta amir.*

1) Или *C. aegyptius* (синонимъ).
2) *Nemachilus* sp.
3) *Columba fusca.*
4) *Cyanecula coerulecula.*
5) *Cypselus apus pekinensis.*

1) 140 *Discognathus variabilis.*
2) 209—212 *Discognathus lamta.*
3) *Burnesia lepida.*
4) *Echis carinatus* (синонимъ).
5) 213 *Acanthodactylus micropholis* и *Acanthodactylus cantoris.*
6) 225 *Acanthodactylus micropholis.*
7) 169 *E.* sp.?
184, 206, 209 *Acanthodactylus micropholis.*
216, 292 *Acanthodactylus cantoris.*
335 *Scapteira persica* Nik.
8) *Scapteira persica* Nik., sp. n.
9) *Eryx jaculus.*

1) *Fulica atra.*
2) *Gecinus flavirostris* Zarudny.
3) *Gymnodactylus kirmanensis* Nik. sp. n.
4) 139 *Gymnodactylus zarudnyi* Nik., sp. n.
5) 209 *Gymnodactylus agamuroides* Nik., sp. n.
6) 292 *Gymnodactylus kirmanensis* Nik., sp. n.

1) *Gymnodactylus kirmanensis* Nik., sp. n.

1) *Megalochilus auritus*, оказавшійся по позднѣйшему опредѣленію болѣе или менѣе типичнымъ.
2) *Naja tripudians* var. *coeca*.
3) *Cinnyris brevirostris*.
4) 139 *Nemachilus* sp.
5) 227 *Nemachilus bampurensis* Nik., sp. n.
6) 286 *Nemachilus sargadensis* Nik., sp. n.

1) *Phalacrocorax phillippinus*.

1) *Podiceps albipennis*.
2) *Rana cyanophlyctis* var. *seistanica* Nik., n.
3) 56 *Scapteira lineolata* Nik.
4) 68 *Scapteira persica* Nik., sp. n.

1) 276, 302 } *Schizothorax* sp.
2) 339 *Schizothorax poelzami.*
3) *Scops bakkamoena grisea.*
4) *Scops bakkamoena grisea.*
5) *Teratoscincus bedriagai* Nik., sp. n.
6) *Teratoscincus microlepis* Nik., sp. n.

1) Или *Varanus scincus* (синонимъ).

Опечатки и другія погрѣшности.

Стран.:	*Строка:*	*Вмѣсто:*	*Слѣдуетъ читать:*
13	26	6. VI.	6. VII.
»	27	7. VI.	7. VII.
»	31	8. VI.	8. VII.
15	22	Годаръ-и-Сія-кучи	Годаръ-и-Сія-куги
32	21	*Хурамь-абадъ*	*Хурамъ-абадъ*
35	9	**Кератъ**	**Каризъ**
48	25	Eleagnus	Elaeagnus
56	12	Psammophys leythi	Psammophis leithi
»	»	Echys	Echis
58	29	Lithorrhynchus	Lytorrhynchus
68	30	Echys	Echis
»	31	Psammophys leythi	Psammophis leithi
»	34	Lithorrhynchus	Lytorrhynchus
70	32	*Немаксара*	*Немексара*
80	14	*Кямаръ-и-Шурку*	*Кямаръ-и-Шуркё*
93	6	Echys	Echis
»	»	Psammophys leythi	Psammophis leithi
106	»	трудѣ Blanford'a	изданіи Goldsmid'a
138	23	Merops viridis	Merops persicus
139	28—29	кроссобамоновъ (Crossobamon sp.?)	бунопусовъ (Bunopus sp.)
139	32	leythi	leithi
169	2—3	кроссобамоны (Crossobamon sp.?)	бунопусы (Bunopus sp.)
»	8	Psammophys	Psammophis
»	9	leythi	leithi
»	»	Echys	Echis
184	27	Scops brucei var.	Scops bakkamoena
185	2	leythi	leithi
195	31	*Кухъ-и-Тафтанъ*	*Кухъ-и-Туфтанъ*
198	8	*Кухъ-и-Тифтанъ*	*Кухъ-и-Туфтанъ*
202	21	*Кухъ-и-Тафтанъ*	*Кухъ-и-Туфтанъ*

24*

Стран.:	*Строка:*	*Вмѣсто:*	*Слѣдуетъ читать:*
206	11	brucei var.	bakkamoena
»	15	Histrix	Hystrix
»	19	leythi	leithi
209	18	Scops brucei var.	Scops bakkamoena
»	26	бенгальскаго	туркменскаго
»	»	bengalensis	turcomanus
213	20	leythi	leithi
224	12	Scops brucei vav.	Scops bakkamoena
»	»	бенгальскіе	туркменскіе
»	13	bengalensis	turcomanus
»	29	T. cambayensis	Peristera cambayensis
225	7	leythi	leithi
232	25	Antilope	Gazella
»	26	A. fuscifrons	G. fuscifrons
238	21	бенгальскіе	туркменскіе
»	22	bengalensis	turcomanus
253	22	Scops brucei	Scops bakkamoena
»	23	бенгальскіе	туркменскіе
»	23—24	bengalensis	turcomanus
»	25	Turtur	Peristera
273	15—16	*Кухъ-Келе-и-Шагу*	*Кухъ-Кале-и-Шагу*
282	11	*Энариксъ*	*Энарикъ*
294	29	*Ританъ*	*Ришанъ*
292	2	leythi	leithi
294	22	на	на-
298	6	noptus	nuptus
302	26	полуторыхъ	полутора
306	7	citreolloides	citreoloides
310	31	*Терденрикъ*	*Герденрикъ*
322	33	*Ширъ-Куганъ*	*Ширъ-Кугакъ*
337	16	Echys	Echis

КАРТА
МАРШРУТНО-ГЛАЗОМѢРНОЙ СЪЕМКИ И РАСПРОСНЫХЪ СВѢДѢНІЙ Н. А. ЗАРУДНАГО въ Восточной Персіи

примѣнительно къ новѣйшимъ картамъ этой страны.

(СЕИСТАНЪ, СТРАНА САРГАДЪ, БАМПУРСКІЙ ОКРУГЪ.)

Масштабъ 20 верстъ въ Англійскомъ дюймѣ.

1 : 840,000

Хамунъ-и-Фарахъ

Хамунъ-и-Сеиранъ

Пустыня Дештъ-и-Ленгъ-беръ

НАСРЕТЪ-АБАДЪ

ЧАХЪ-НАСУРЪ

Хаминъ-и-Шила

Гудъ-и-Зирэ

ГУРГЪ

г. БАЗМАНЪ

БАМПУРЪ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ.

- Городъ г.
- Мѣсто, Урочъ. Ур. Урочище.
- Кол. К-цы. Колодцы или вода.
- Родн. Роднд. Родники.
- Разв. Раз. Развалины.
- Фортъ или Укрѣпленіе.
- Гора, Бугоръ Буг.
- Перев. Пер. Перевалъ.
- Гробница.
- Сел. Селеніе.
- Вышка
- Плотина
- Путь Н. А. Зарудн.
- Большія дороги;
- Болѣе или менѣе хорошо извѣстныя
- Малая дорога.

ПРИМѢЧАНІЕ: Восточный путь изъ Зах... [illegible]

ПРИМѢЧАНІЕ: Названія приведенныя на ... [illegible] ... принадлежать обозначен... между соотвѣтствующими параллелями.

1 Водостокъ Бугани...
2 Шахъ-...
3 Русло Кяна ...
4 Рѣка ... Рииан...
5 ...
6 Подании
7 Зардыка
8 Перевалъ Бендыкан... -Сіа
9 ... Гд... дарь - Зарда
10 Мѣсто и рѣка ... - Кури
11 - Зварика
12 Бадонъ-и... Сарде
13 Боръ Кухъ Чахъ ... -и Шуръ
14 ... Кухъ
15 Кухъ и ...абъ
16 ...
17 Урочище Дехъ-и-...абадъ
18 Зіаретъ ... Куртеза-Али
19 Дорога изъ Кермешира ... къ Хамунъ-и-Самызуръ ... колодцы Самыраджи, Чахъ и Хаиеп и Чахъ-и-... Габи.
20 Дороги изъ Куринъ ... Задинъ

1 Участокъ, обильный водою въ которомъ находятся пункты ... названія:
Мекшинъ (городъ),
Сарабукъ (селеніе),
Ботака
Тасенабадъ
Сарь Кука
Дехъ-и-Мурадъ (селеніе),
Гирукъ
Гетнокъ
...
Калъ-и-... (городъ)
...
2 Дорога, на которой находятся колодцы Чахъ и Хаиъ

Картогр. завед. А. Ильина ...

Т. VIII, вып. 1, 1879 г., ц. 1 р. 50. к. — Общій очеркъ теоріи постоянныхъ морскихъ теченій (съ чертежами); барона Н. Г. Шиллинга. — Пояснительная записка къ картѣ Персіи (съ картою); І. И. Стебницкаго. — **Вып. 2, 1879 г., ц. 1 р. 50 к.** — Историческій очеркъ Уссурійскаго края, въ связи съ исторіей Манчжуріи: Палладія. — Наблюденія надъ замерзаніемъ соляного озера близъ г. Илецка, Оренбург. г. (съ картою) Ю. А. Листова. — Краткій топографическій очеркъ пути, пройденнаго русскою экспед. по Китаю въ 1875 г. отъ Ханькоу до Зайсанскаго поста; З. Матусовскаго. — Журналъ байдарной экспедиціи, назначенной для описи сѣв. берега Америки, съ 5-го іюля 1838 г. по 6-е сент. того-же года; Кашеварова. — О видѣ земли и уровнѣ океановъ (съ картою); Р. Э. Ленца.—Прибавленіе къ пояснительной запискѣ къ картѣ Персіи; І. И. Стебницкаго.

Т. IX, 1881 г., ц. 3 р.—Низовья Аму-Дарьи (съ картою); барона А. В. Каульбарса. Съ приложеніемъ атласа примѣровъ, произведенныхъ въ 1873 г. въ низовьяхъ р. Аму-Дарьи бар. А. В. Каульбарсомъ и полнаго списка примѣровъ. 1888 г. Ц. 5 р.

Т. X, 1883 г., ц. 2 р. 50 к.—Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю (съ картами).

Т. XI, 1888 г., ц. 3 р.—Очеркъ пути отъ Тзянь-цзина до Чжень-цзянь (съ картою). П. Ѳ. Унтербергера.—Путевыя замѣтки отъ Чень-дуфу до Чжея переводъ П. Попова. — Карта Джунгаріи, составл. шведомъ Ренатомъ во время его плѣна у Калмыковъ въ 1716—1733 г.; А. Макшеева.—Путешествіе на Алтай и за Саяны въ 1881 г. (съ чертежами); А. В. Адріанова.

Т. XII, вып. 1, 1882 г., ц. 75 к.—Поступательное движеніе циклоновъ и антициклоновъ въ Европѣ и преимущественно въ Россіи; П. Броунова.—**Вып. 2, 1882 г., ц. 20 к.**—Новѣйшія изслѣдованія ледниковъ и причинъ ихъ измѣненій; А. И. Воейкова.—**Вып. 3, 1882 г., ц. 30 к.**—Нѣкоторые результаты нивеллировочныхъ изслѣдованій между Оренбургомъ, Аральскимъ моремъ и Каратугаемъ; К. К. фонъ-Шульца. — **Вып. 4, 1884 г., ц. 1 р. 50 к.** Записки переводчика, составленныя переводчикомъ при окружномъ управленіи на островѣ Цусимѣ. Отано Кигоро; П. Дмитревскаго (очеркъ Кореи конца прошлаго столѣтія).

Т. XIII, 1886 г.; ц. 3 р.—Орографическій очеркъ Памирской горной системы Н. А. Сѣверцова.

Т. XIV*, 1885 г., ц. 2 р. Россія дальняго востока; Ф. Шперка.

Т. XV, вып. 1, 1885 г., ц. 1 р. Результаты сибирской нивеллировки; В. Фуса.—**Вып. 2*, 1885 г., ц. 20 к.**—Снѣжный покровъ, его вліяніе на климатъ и погоду; А. И. Воейкова (второе изданіе, дополненное, см. т. XVII, вып. 2.)—**Вып. 3, 1886 г. ц. 2 р.**—О результатахъ изслѣдованія озера Байкала; И. Д. Черскаго (съ картою на двухъ большихъ листахъ).—**Вып. 4, 1884 г., ц. 20 к.**—Верхнее и среднее теченіе судоходной Аму; Н. Н. Зубова.—**Вып. 5, 1886 г., ц. 60 к.**—О причинахъ обваловъ морскаго берега въ окрестностяхъ Одессы; Д. Ѳ. Жаринцова.—**Вып. 6, 1886 г., ц. 30 к.**—Объ установкѣ термометровъ для опредѣленія температуры и влажности воздуха; Р. Н. Савельева.—**Вып. 7, 1886 г., ц. 50 к.**—О поѣздкѣ въ сѣверо-восточную Персію и Закаспійскую Область; А. М. Никольскаго.—**Вып. 8, 1887 г., ц. 40 к.** Нѣкоторыя приложенія теоріи вѣроятностей къ метеорологіи; І. А. Клейбера.

Т. XVI, вып. 1, 1885 г., ц. 2 р.—Поѣздка по Лапландіи; Д. Н. Бухарова.—**Вып. 2, 1886 г., ц. 50 к.**—Физико-географическое описаніе юго-восточной части Олонецкой губ.; И. С. Полякова.

Т. XVII, вып. 1, 1887 г., ц. 1 р.—Сѣверно-уссурійскій край; И. П. Надарова. **Вып. 2, 1887 г., ц. 50 к.**—Засуха 1885 г.; А. И. Воейкова.—**Вып. 3, 1888 г., ц. 60 к.**—Метеорологическія сельско-хозяйственныя наблюденія въ Россіи въ 1885 и 1886 гг. А. И. Воейкова.—**Вып. 4, 1887 г., ц. 2 р.**—Древнѣйшія русла Аму-дарьи; А. В. Каульбарса. — **Вып. 5, 1888 г., ц. 75 к.** — Объ опредѣленіи географической широты по соотвѣтственнымъ высотамъ двухъ звѣздъ; М. В. Пѣвцова.

Т. XVIII, вып. 1, 1888 г., ц. 30 к.—Барометрическія наблюденія на удаленныхъ метеорологическихъ станціяхъ и во время путешествій; Р. Н. Савельева.—**Вып. 2, 1889 г., ц. 1 р.**—Снѣжный покровъ, его вліяніе на почву, климатъ погоду, и способы изслѣдованія; А. И. Воейкова (изданіе второе). — **Вып. 3, 1888 г., ц. 30 к.** — Укрѣпленіе и облѣсеніе летучихъ песковъ въ Западной Европѣ С. Ю. Раунера.—**Вып. 4, 1888 г., ц. 20 к.** Результаты сравненія нормальныхъ барометровъ нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ метеорол. учрежд. Европы; П. Броунова.

Т. XIX, 1888 г., ц. 2 р. 50 к.—Опытъ исторіи развитія флоры южной части вост. Тянь-Шаня; А. Н. Краснова.

...**р. 50 к.**—Дневникъ экспед. Чекановскаго по Нижн. ...ъ 1873—75 гг.; **вып. 2, 1890 г., ц. 1 р.**—Объ измѣ... ...оря; Н. Ф М. Филипова.—**Вып. 3, 1890 г., ц. 2 р.**— ...В. А. Обручева.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

Т. XXI, 1890 г., ц. 7 р. — Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи и Азіятскаго материка (съ атласомъ); А. А. Тилло.

Т. XXII, вып. 1*, 1892 г. — Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг.; Архимандрита Палладія.—**Вып. 2, 1893 г., ц. 1 р.**—Утай, его прошлое и настоящее; Д. Покотилова.—**Вып. 3, 1890 г., ц. 30 к.**—Наблюд. надъ снѣжнымъ покровомъ въ Россіи въ 1888—89 гг.; А. И. Воейкова.—**Вып. 4, 1892 г., ц. 60 к.** —Метеорол. сельскохоз. наблюд. въ Россіи въ 1888 и 1889 гг.; А. И. Воейкова.

Т. XXIII, вып. 1, 1891 г., ц. 1 р.—Зоогеографическій характеръ фауны полужесткокрылыхъ Туркестана; В. Ошанина.—**Вып. 2, 1891 г., ц. 2 р.**—Кульджа и Тянь-Шань; С. Алфераки. — **Вып. 3, 1891 г., ц. 2 р.** — Элементы средиземноморской области въ зап. Закавказьѣ; Н. Кузнецова.

Т. XXIV, вып. 1, 1890 г., ц. 1 р. 60 к.—Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Репсольда на Новой Землѣ и въ Архангельскѣ; А. Вилькицкаго.—**Вып. 2, 1891 г., ц. 1 р.**—Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Репсольда въ Орлѣ, Липецкѣ и Саратовѣ; А. Вилькицкаго.—**Вып. 3, 1891 г., ц. 30 к.**—Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Репсольда, произвед. на Желтухинѣ, Б. Шереметевкѣ, Погостѣ, Казани, Солонихѣ, Сергѣевкѣ и Знаменскомъ; П. К. Штернбергомъ.—**Вып. 4*, 1892 г.** — Наблюденія надъ качаніями повор. маятн. Репсольда, произвед. въ Пулковѣ, Варшавѣ и Бобруйскѣ въ 1888 г. и въ Пулковѣ, Москвѣ, Самарѣ и Оренбургѣ въ 1890 г.; А. Соколовымъ.

Т. XXV, вып. 1, 1891 г., ц. 60 к.—Матеріалы къ вопросу объ отрицательномъ движеніи берега въ Бѣломъ морѣ и на Мурманскомъ берегу; В. Фаусека. — **Вып. 2, 1893 г., ц. 1 р.** — Проектъ предохраненія С.-Петербурга отъ наводненія; Э. Тилло.—**Вып. 3, 1893 г., ц. 50 к.**—Астроном., магн. и баром. набл. въ 1886 г., въ Бухарѣ, Дарвазѣ, Каратегинѣ, Зеравшанской, Ферганской и Сыръ-Дарьинской обл.; Ф. Шварца. — **Вып. 4, 1893 г., ц. 1 р.** — Метеорол. сельскохоз. набл. въ Россіи въ 1890—91 гг.; А. Воейкова.

Т. XXVI, 1893 г., ц. 3 р.—Каталогъ землетрясеній Россійской Имперіи; И. Мушкетовъ и А. Орловъ.

Т. XXVII, 1895 г., ц. 3 р. — Очерки Астраханскаго края; Ф. Шперка.

Т. XXVIII, вып. 1, 1896 г., ц. 2 р.— Дневникъ Витимской эксped. 1865 г.; И. Лопатинъ. — **Вып. 2, 1897 г. ц. 2 р.** Дневникъ Туруханской экспедиціи 1866 г.; И. А. Лопатина.

Т. XXIX, вып. 1, 1895 г., ц. 50 к. — Изслѣд. земнаго магнет. въ вост. Сибири; Ф. Ф. Миллера.—**Вып. 2, 1896 г., ц. 50. к.**—О барометрическомъ нивеллированіи.—**Вып. 3, 1895 г., ц. 50 к.**—Метеорологич. сельскохозяйств. наблюд. въ Россіи въ 1892—93 г.г.; А. Воейкова.—**Вып. 4, 1895 г., ц. 50 к.**—О колебаніяхъ уровня почвенн. водъ въ С. П. Б.; А. Тилло.

Т. XXX, вып. 1, 1896 г., ц. 60 к.—Наблюд. надъ качан. повор. маятн. Репсольда, произвед. въ Пулковѣ, Москвѣ и Московской губ.; И Иверонова. — **вып. 2, 1896 г., ц. 60 к.**—Наблюд. надъ качан. повор. маятн. Репсольда, произвед. въ Парижѣ и въ Пулковѣ съ 1893—94 гг.; А. Соколова.

Т. XXXI, вып. 1, 1897 г., ц. 50 к. — Орограф. очеркъ сѣв. Сибири; К. Гикиша.— **Вып. 2, 1901 г., ц.** — Каталогъ высотъ Азіатской Россіи; К. Гикиша.

Т. XXXII, Вып. 1, 1897 г., ц. — Ископаемые ледники Н. Сибирск. о-въ; бар. Э. Толь. — **Вып. 2, 1899 г., ц.** — Объ опред. геогр. шир. по соотв. выс. зв.; М. В. Пѣвцова. — **Вып. 3., 1898 г., ц. 1 р.** Determinations magnétiques; Moureaux. — **Вып. 5, 1901 г., ц.** — Опредѣленіе по телегр. разн. долготъ Москва — Можайскъ и Звенигородъ; И. А. Иверонова.

Т. XXXIII, вып. 1, 1897 г. ц. 2 р. Разъясненіе вопроса о древн. теченіи Аму-Дарьи; А. М. Коншина. — **Вып. 2, 1896 г., ц. 2 р. 50 к.** — Мраморное море; І. Шпиндлера, Н. Андрусова и А. Остроумова. — **Вып. 3, 1898 г., ц. 30 к.** Барометр. дневн.; P. Lauwaert.

Т. XXXIV, вып. 1, 1900 г., ц. — Сѣв. Ледов. ок.; Н. Андреева.

Лица, непосредственно обращающіяся въ Географическое Общество (Спб. Чернышевская площадь, зданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія) за его изданіями, пользуются уступкою съ объявленной цѣны въ 20%, при требованіи менѣе 5 экземпляровъ, и въ 30%, при требованіи 5 и болѣе экземпляровъ одного сочиненія. (Постановленіе Совѣта И. Р. Г. О. отъ 7 марта 1883 г.). Кромѣ того изданія Общества находятся въ продажѣ въ С.-Петербургѣ: въ Географическомъ магазинѣ Главнаго Штаба, Географическомъ магазинѣ Ильина и магазинѣ «Новаго Времени». Въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ: въ магазинахъ «Новаго Времени» и въ Томскѣ: въ магазинѣ Макушина и Михайлова.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

